

СОДЕРЖАНИЕ

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

Роллан Н. «Люди Севера» в плейстоцене: палеолитические вехи и переходные горизонты в Северной Евразии. Часть I: Раннепалеолитические предки	2
Бьяджи П., Старини Э. Леваллуа-мустьерские комплексы Нижнего Синда (Пакистан) и их положение в среднем палеолите индийского субконтинента	18
Выборнов А.А., Мосин В.С., Епимахов А.В. Хронология уральского неолита	33

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозерской) культуре (Прииртышская лесостепь)	49
Зоткина Л.В., Техтерев А.С., Харевич В.М., Плиссон Х. Экспериментальное изучение технологий в наскальном искусстве Минусинской котловины: виды пикетажа и инструментария	55
Корневский С.Н. Феномен первобытных войн и становление власти военной (теоретический аспект проблемы по данным археологии и исторической этнологии)	66
Чаиркина Н.М. Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья	81
Федорова Н.В. Рисунки на металле: графическое искусство населения севера Западной Сибири и Предуралья	90
Баранова С.И. Московский изразец XVII века в пространстве России	100
Худяков Ю.С. Женские украшения населения хунно-сяньбийской эпохи в долине реки Эдиган в Горном Алтае (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух)	107
Трынкина Д.А. Каякеры у берегов Северной Шотландии на рубеже XVII–XVIII веков: основные версии их происхождения	115

ЭТНОГРАФИЯ

Болонев Ф.Ф., Федотова Е.Д. Село Бичура (Забайкалье): возникновение и рост населения (XVIII – конец XX века)	123
---	-----

АНТРОПОЛОГИЯ

Чикишева Т.А., Зубова А.В., Кривошапкин А.Л., Курбатов В.П., Волков П.В., Титов А.Т. Комплексное исследование трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая	130
Казарницкий А.А. О краниологических особенностях носителей ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия	142

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Международный симпозиум «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии» 29–31 октября 2013 г. (Цетлин Ю.Б.)	151
---	-----

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	158
--------------------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	159
----------------------------	-----

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ. КАМЕННЫЙ ВЕК

УДК 903

Н. Роллан

*Канадское общество по изучению доисторической антропологии
Prehistoric Anthropology Research Canada
192 Bushby Street, Victoria, B.C., Canada V8S 1B6
E-mail: prehistory@shaw.ca*

«ЛЮДИ СЕВЕРА» В ПЛЕЙСТОЦЕНЕ: ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ВЕХИ И ПЕРЕХОДНЫЕ ГОРИЗОНТЫ В СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ЧАСТЬ I: РАННЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДКИ

Заселение человеком высоких широт Северной Евразии повлекло за собой необходимость справляться с суровой био-климатической обстановкой и колебаниями в ледниковом цикле. Палеолитические свидетельства указывают на древние достижения культуры во время длительных адапционных и переходных стадий у населения Севера. Импульсом послужило распространение раннепалеолитических популяций в умеренные и континентальные природные пояса Евразии, которое полностью реализовалось в течение среднего и верхнего палеолита. Биогеографическая среда человека, в значительной степени совпадающая с мамонтовыми степными биомами, сформировалась во время среднепалеолитической формативной стадии. Публикация посвящена исследованию и обсуждению нижнепалеолитических местонахождений и эпизодов начального заселения Северной Евразии. Часть I определяет круг таких проблем, как временной перспективизм, культура, адаптация к добыванию пищи и принципы человеческой биогеографии.

Ключевые слова: адапционные стратегии, культура, временной перспективизм, мамонтовые степные биома, свидетельство раннего расселения.

Введение

Заселение севера Евразии и Берингии в палеолите периодически обращает на себя внимание исследователей [Bader, 1965; Nat, 1971; McBurney, 1976; Clermont, Smith, 1980; Derevianko, 1990; Guzlitzer, Pavlov, 1993; Cinq-Mars, Morlan, 1999; Сериков, 1999; Keys, 2000; Орлова, Кузьмин, Зольников, 2000; Pavlov, Indrelid, 2000; Rolland, 2001, 2010; Hoffecker, 2002; Мочанов, Федоссева, 2002; Pitulko et al., 2004; Роллан, 2008; Chlachula, 2011]. Оно связано с физико-климатическими, экологическими барьерами и длительной адаптацией к высоким широтам, арктическим, субарктическим, субполярным [Clermont, 1974; Clark, 1975, chap. 2; Zvelebil, 1978, p. 205–207], континентальным, гиперконтинентальным [Nat,

1971, pt 2; 1972, p. 212–218; 1974], перигляциальным ареалам [Tricart, Cailleux, 1967; West, 1968, chap. 5; Butzer, 1971, chap. 7].

Тропические африканские истоки, показывающие принцип зоогеографического расселения с юга на север, оставили гоминидам плохую экипировку для выживания с помощью сугубо физических средств. Опора в большей степени на поведение частично укоренилась в Африке в районе Сахары, при смещении плио-плейстоценовой диеты в сторону хищничества [Bourlière, 1963; Foley, 1987, chap. 10], выдвигении на первый план естественно-исторического познания [Cachel, 1994] и экологического полиморфизма [Kummer, 1971, p. 143–144], а также при развитии техноэкономических, социальных, когнитивных наборов в течение длительного времени. Заселение обширных

пространств «холодных поясов» потребовало затяжных переходных периодов «ученичества», распознаваемых посредством «временного перспективизма» [Bailey, 2007].

Исследования показывают, что пригодные для жизни ареалы, свободные ото льда, были широко распространены в Северной Евразии и Берингии и поддерживали богатство растительного и животного сообществ мамонтовых степных биомов [Guthrie, 1985, 2001; Kahlke, 1999; Ukkonen et al., 1999; Svendsen et al., 2004; Gualtieri et al., 2005; Kienast et al., 2005; Mangerud et al., 2008; Välranta et al., 2009]. Верхнепалеолитические эпизоды заселения, через меридианы, высокие субполярные широты, демонстрируют большую протяженность во времени, включая суровый последний гляциальный максимум [Павлов, 1988; Cinq-Mars, Morlan, 1999; Сериков, 1999, 2007; Pavlov, Indreliid, 2000; Pavlov, Svendsen, Indreliid, 2001; Terberger, Street, 2002; Pavlov, Roebroeks, Svendsen, 2004; Pitulko et al., 2004; Svendsen et al., 2004; Kuzmin, 2008; Павлов, 2008, 2009; Chlachula, 2010a, b]: Мамонтова Курья, 66° с.ш., 36 тыс. л.н., Пым-Ва-Шор, 67° с.ш., 13,5–11,1 тыс. л.н., на Северном Урале; Янская стоянка, 71° с.ш., 27 тыс. л.н., Берелех, >71° с.ш., 11,8–12,2 тыс. л.н., на севере Центральной Сибири; пещера Блюфиш, 67° с.ш., 23 тыс. л.н., в Восточной Берингии [Cinq-Mars, Morlan, 1999; Harington, Cinq-Mars, 2008]. Таким образом, благодаря культурным инновациям люди могли жить далеко на севере, несмотря на экстремальные сезонные температуры.

Археологи обнаруживают, что популяции, связанные с неандертальцами или архаическими людьми современного типа, длительное время существовали в высоких широтах в период позднего среднего – раннего позднего стадиялов плейстоцена или перигляциальных циклов оледенения: Линфорд, MIS-4, Котт-Сэнт-Брелад, Джерси, MIS-6 и -4, в Англии; Бьювэйс, MIS-4, Аченхейм «74», MIS-6, во Франции; Месвин IV, MIS-8, в Бельгии; Лихтенберг, MIS-4, Охтмиссен, MIS-6, Макклиберг, MIS-8, в Германии; Бисник, Томашув, Тржебка, Розумице-3, MIS-8, в Польше [Grahmann, 1955; Sainty, Thévenin, 1978; Cahen, Michel, 1986; La Cotte..., 1986; Loch et al., 1995; Veil et al., 1996; Boismier et al., 2003; Thieme, 2003; Сурек, 2010; Foltyn, Kozłowski, Waga, 2010]. Волчья пещера (Сусилуола, некоторые исследователи считают артефакты из нее неуверенными [Вишняцкий, Питулько, 2012]), Остроботния, 62° с.ш., в Финляндии; остатки человека в Хвалынске, 52,5° с.ш., MIS-5e/5d, Ельниках II, 58–59° с.ш., MIS-07/06, на Волге; Бызовая (Л.Б. Вишняцкий, В.В. Питулько относят ее к переходу от среднего к верхнему палеолиту [Там же]), 65° с.ш., MIS-3b, на Урале; человеческая таранная кость на Байгаре, 58° с.ш., MIS-3a (AMS-дата >40,3 тыс. л.н.), Арышевское-1, 56,8° с.ш., MIS-3a, в

Западной, Центральной и Северной Сибири; Мунгхарыма, 64° с.ш., MIS-3a, в Якутии, Россия [Талицкий, 1946; Гремяцкий, 1952; Bader, 1968; Гуслицер, Павлов, 1987; Широков, 1992; The Paleolithic..., 1998; Сериков, 1999, 2000, 2007, 2008; Зенин и др., 2000; Chlachula, 2001, 2010a; Мочанов, Федосеева, 2002; Schultz et al., 2002; Kuzmin, 2008; Kuzmin et al., 2009]. Наличие этих стоянок показывает, что длительное время тому назад люди жили в суровых перигляциальных, субполярных ареалах высоких широт Европы и Сибири [Nat, 1972; Auguste, 1996; Природная среда..., 2003; Sainte-Anne I..., 2007; Роллан, 2008; Chlachula, 2011, p. 497] (другая точка зрения: [Gamble, 1986; Whallon, 1989; Goebel, 2002; Hoffecker, 2002]). Дальнейшие верхнепалеолитические экспансии были обусловлены предшествующими северными направлениями расселения, в т.ч. проникновениями в Северо-Восточную Европу и Сибирь в течение среднеплейстоценового интергляциала [Bader, 1965; Arkhipov, 1999]. В части I данной публикации рассматриваются раннепалеолитические предшественники населения Северной Евразии, тогда как часть II посвящена среднему палеолиту как формативной стадии.

Адаптационные ограничения в заселении Северной Евразии

Ограничения. Заселение континентальных ареалов высоких широт означает переход к периодам, включающим повторяющиеся, требующие напряжения сил биоклиматические и ресурсные стрессы [Toggense, 1983; Rolland, 2010, table 1], спровоцированные сезонными режимами [Clermont, 1974; Whiting, Sodergren, Stigler, 1982; Irving, 1985, p. 539–540], нестабильными, непредсказуемыми условиями: короткое лето, продолжительные зимы с температурами до -40° ... -60° °C, разреженный воздух [Tomirdiario, 1996], короткий световой день в широтах от <56 до 72° . Голарктическая таежная, субарктическая лесная зоны поддерживали в теплые периоды богатую биомассу позвоночных, но зимы сильно сокращали или приостанавливали ее основное воспроизводство по причине острого дефицита пищи [Clermont, 1974; Zvelebil, 1978, p. 207]. Ледяной, толстый снежный покровы, продолжительные морозы, частые летние и зимние туманы ограничивали передвижение и доступ к проточной воде.

«Адаптационный парадокс». Обитание в этой среде подразумевало круглогодичное выживание, зимовку в опасных условиях (закон минимума Либиха). Африканские предки-приматы и ранние *Homo* были адаптированы к тропическим полуаридным или муссонным экосистемам [Wheeler, 1991, 1992], а значит, чуждые условия делали гоминидов напрямую зависящими от уровня терморегуляционной выносливости.

Это взаимодействие человека и окружающей среды требовало диеты хищников, основанной на млекопитающих, орнито- и ихтиофауне; наличия огня, одежды, сооружения убежищ с использованием ливня, мха, ветвей, коры, досок, бревен, мамонтовых костей, бивней; преодоления различных порогов в технологическом развитии в соответствии с возросшей комплексностью, разнообразием и интенсивностью работы [Clermont, 1977, p. 66–79; Perlès, 1977, 1981; Clermont, Smith, 1980, p. 222–224; Bosinski, 1982, p. 167; Morlan, Cinq-Mars, 1982, p. 354; Torrence, 1983; Irving, 1985, p. 540; Velichko, 1988, p. 194; Cinq-Mars, Morlan, 1999, p. 209; Rolland, 1999, p. 318–320; Pawlik, Thissen, 2011] (заготовка пищи на зиму, хранение ягод в жире [Cooper, 1946, p. 286], вяление и копчение мяса, хранение в ливнях вечной мерзлоты). Локальные группы не могли выживать в изоляции или хаотично перемещаясь, если хотели получить доступ к необходимым для жизни ресурсам, нерегулярно распределенным по ландшафту. Они посещали области с пищевыми ресурсами с целью обследования, извлекая пользу из информации, хранимой поколениями, передаваемой через передвигающиеся гетерогенные местные группы, через брачные связи, устные традиции, которые образовывали связующее пространство, информационные потоки и их источники [Cooper, 1946, p. 298–299; Clermont, 1977, p. 23–24; Moore, 1981, p. 195, 216–217; Morlan, Cinq-Mars, 1982, p. 380].

Концептуальные рамки и подходы

Временной перспективизм. Геоморфологические или биоклиматические изменения в палеолите происходили с различной скоростью, часто на протяжении длительного времени, близкого к геологическому [Bailey, 1987]. Другие изменения связаны со случайными историческими событиями [Braudel, 1980]. Временной перспективизм, с ключевым для археологии эвристическим и теоретическим содержанием, согласуется с выделением различных хронологических интервалов на основе археологических остатков и культурных изменений [Bailey, 1981, 2007, 2008]. Хронология устанавливает, что на формативной стадии среднего палеолита в Евразии [Rolland, 1999] образ жизни развивался синхронно со всеми циклами оледенения, включая значительные сдвиги в экосистемах на протяжении периода от 300 до 35 тыс. л.н. [Roebroeks, Conard, Kalfschoten, 1992].

Культура. Это «сфера интерпретации и значения, выводимых через реструктуризацию элементов и связей, трансформацию действительной реальности объектов, деятельности, событий в развивающейся действительности человека, для интерпретации мира» [Santangelo, 1998]. Это нейроанатомический

«жесткий диск», начало которого в ускоряющейся энцефализации ранних *Homo*. Основой для него послужила сложная, изолированная церебральная мантия нейроструктур [Washburn, 1965, p. 28–29; Santangelo, 1993; 1998, p. 7–8; Deacon, 1997, p. 343–345]. Полученное социальным путем культурное содержание «программного обеспечения» проникает в жизнь человека, играя особую, не биологическую, функцию, вызывающую ламаркианское групповое наследование [Flannery, Marcus, Reynolds, 1989, p. 213]. Благодаря развитию культуры между человечеством и природой образовался домашний ареал в окружающей среде, к которому человечество адаптировалось, что ослабило биологическую зависимость от природных условий [Leroi-Gourhan, 1964–1965; Benoist, 1965, p. 898–899; 1966, p. 6; Kummer, 1971, p. 11–14]. В известной мере культура замещает биологическое регулирование и в ходе эволюции занимает в их синтезе более высокий уровень [Lévi-Strauss, 1967, p. 4]. История культуры изучает человеческое прошлое, исходя из археологических, этнологических или исторических истоков лингвистики [Tolstoy, 1975, p. 179, 181–183]. Траектория заселения Северной Евразии показывает в большей степени ускоряющееся развитие, многообразное, с собственным специфическим набором связанных друг с другом аспектов, с присутствием ему новыми, более насыщенными, более высоко организованными элементами и платформой для их реализации. Эти элементы можно объединить в культурные уровни и сферы [Kroeber, 1963, p. 223; Semenov, 1970, fig. 1; Clark, 1980; Rolland, 1999, fig. 3], если отталкиваться от концепции «ноосферы» В. Вернадского [Tannenbaum, 1999].

Адаптация к собирательству и всеядности у ранних гоминидов и переход к зоофагии

Смещения в диете. Прямые свидетельства подтверждают, что охота и собирательство являлись самым устойчивым, надежным и успешно адаптируемым способом жизнеобеспечения [Man the Hunter, 1968, p. 3], который существовал начиная с 2,6 млн л.н. и был связан с производством каменных орудий. Этот продолжительный, эффективный, связывающий поведенческие аспекты посредством культуры путь расширялся и развивался через усовершенствование техники получения ресурсов (выборка, сохранение, обработка), стратегий использования особенностей ландшафта, техноэкономических и познавательных методов. Это «покорение окружающей среды» [Zeuner, 1963], вероятно, было связано с «классическими» *Homo* [McBurney, 1975, p. 411; 1976, p. 5; Clark, 1980] и доминировало до тех пор, пока постепенно

не было вытеснено распространяющейся неолитической экономикой в раннем голоцене. Данный процесс являлся частью «двойного наследства» [Schaller, 1973, p. 264], соединяющего в себе полученное от приматов питание растительной пищей и склонность хищников к «частичной зоофагии» [Bourlière, 1963], как, например, у социальных хищников [Schaller, Lowther, 1969; Argadi, 2006]. Такая двойственность, т.е. особая всеядность гоминидов, давала возможность получать пищу на всех уровнях трофической пирамиды [Clarke, 1976, p. 462]. *Номо* приобрели естественно-историческое познание, как у хищников, «символическое представление и абстрактное управление свойствами и ресурсами окружающей среды» [Cachel, 1994; 2006, pt 8], а также экологический полиморфизм [Kummer, 1971, p. 143–144].

Люди среднего плейстоцена постепенно оседали в арктических, субарктических, гиперконтинентальных и перигляциальных экосистемах Северной Евразии, оказываясь в большой зависимости от животных протеинов и диетических жиров, доступных круглый год [Schüle, 1991, p. 243]. Развивались техники [Harrison, 1956], связанные с социопространственной организацией и познанием, которые определили необходимые предпосылки для заселения таких, непривлекательных экосистем.

Пространственная организация, социальная морфология. Исследователи палеолита рассматривают данные прямого наблюдения за исторически известными собирателями в качестве интуитивно обоснованного, потенциально эффективного способа проникнуть в суть образа жизни в плейстоцене [Narr, 1962; Man the Hunter, 1968; Yellen, Harpending, 1972; Martin, 1974; Wobst, 1976; Meiklejohn, 1977; Stiles, 1977; Hunter-Gartherer Foraging Strategies..., 1981; Kelley, 1983; The Cambridge Encyclopedia..., 1999; Marlowe, 2005].

Проведение аналогии с данными позднего времени [Willey, 1977, p. 86] позволяет определить сходство и различия, уточнить особенности существования людей в среднем палеолите: такие инновации, как гарпуны, копья, луки и стрелы, рыболовные крючки, каноэ, охотничьи собаки, набор орудий для перетирания зерна, появились только в течение верхнего палеолита, мезолита и неолита; исторически известные собиратели, в отличие от своих палеолитических предшественников, занимавших оптимальные ареалы обитания на различных широтах, оставались главным образом в периферических зонах с меньшей продуктивностью. За небольшим исключением [Deetz, 1968; Tolstoy, 1975; The Cambridge Encyclopedia..., 1999, p. 3] прямые исторические связи с палеолитическими сообществами не сохранились.

Основу исследований первобытного общества составляет социальная жизнь древнего человека [Clark,

1963]. Обходя практические трудности (отсутствие прямых наблюдений, материальных свидетельств социальной жизни), приходится обращаться к главным ее аспектам, дающим явные свидетельства, – способу существования и каменной технологии, которые, вероятно, являются более долговечными [Tolstoy, 1975, p. 165].

Социальная морфология, развивавшаяся в рамках социальной антропологии [Durkheim, 1899; Mauss, 1904–1905, p. 39], пытается найти определение материальной основы социальной жизни. Роль археологии при этом заключается в изучении материальных остатков, свидетельствующих о хаотичном расселении в прошлом [Vermeersch, 2001] или постоянстве ареалов обитания [Bordes, 1975, p. 141; Vermeersch, 2001]. Социальная жизнь и ресурсное разнообразие связаны во времени и пространстве: длительное выживание локальных групп за счет производства потомства и самовоспроизводства ресурсов делает необходимым расширение области перемещений и межгрупповых брачных связей на территориях, выходящих за пределы домашних ареалов [Woodburn, 1968; Lee, 1972; Meiklejohn, 1977; Wobst, 1976].

Постоянные, эффективные с точки зрения адаптации аспекты социальной жизни палеолитических и исторических собирателей, вероятно, включали в себя низкую плотность населения, дисперсность, мобильность популяций и наличие социотерриториальных групп с экзогамией, ведущей к их разделению и интеграции, постоянному межгрупповому движению людей [Helm, 1968; Turnbull, 1968; Woodburn, 1968]. Передаваемые устные традиции [Cooper, 1946; Moore, 1981, p. 217; Morlan, Cinq-Mars, 1982, p. 380; Minc, 1986] распространялись через обширные пространства, обеспечивая выживание в непредсказуемой среде обитания в Северной Евразии и перигляциальной обстановке. Ареалы среднепалеолитических каменных индустрий и территории, обеспечивавшие их создателей ресурсами, могут рассказать больше, чем гены человека. Нехватка сырья могла стимулировать миграции на большие расстояния, превышающие 400 км [Fernandes, Raynal, 2007; Slimak, Giraud, 2007; Slimak, 2008]. Дисперсность в распространении стоянок демонстрирует колебавшуюся на протяжении веков границу расселения человека.

Биогеография человека. Масштабные наблюдения, основывающиеся на социальной морфологии и охватывающие территории Северо-Западной, Центральной, Северо-Восточной Европы, Северного, Центрального, Западного и Восточного Урала, Западной, Центральной и Восточной Сибири, дают представление о распространении среднепалеолитических индустрий в Северной Евразии, совпадающем с распределением плейстоценовых биомов мамонтовых степей [Kahlke, 1999; Guthrie, 2001; Rolland,

2010, fig. 1]. Обширная ойкумена включала ареалы взаимосвязанных социальных групп и этих биомов [Bosinski, 1982, p. 167; Caldwell, 1964; Nat, 1972]. Ее масштабы выходят за рамки региональных исследований [Conkey, 1987, p. 74–75; Nat, 1971, p. 91–97; Tolstoy, 1975].

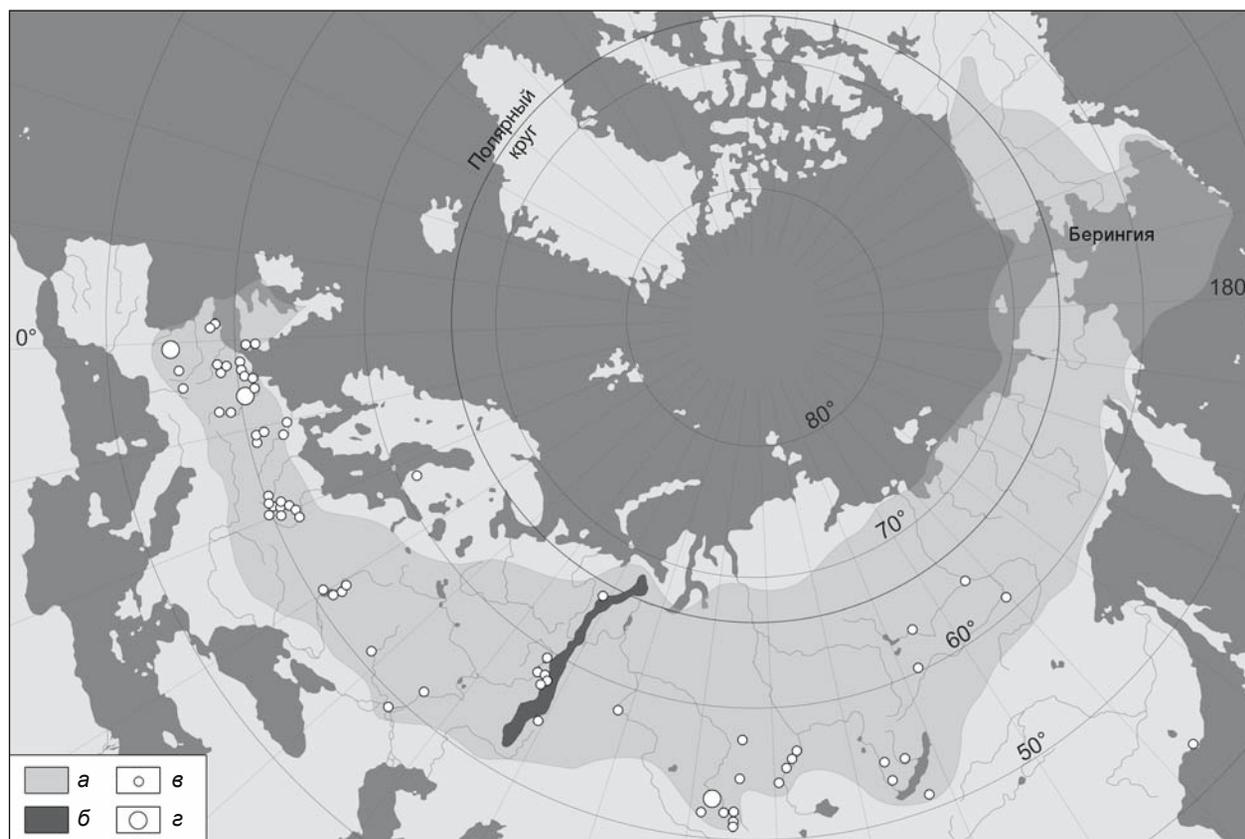
Биом мамонтовых степей

Географическое положение. Биом мамонтовых степей, сужавшийся и расширявшийся циклически, существовал в период среднего и позднего плейстоцена в Северной Евразии и Берингии. При максимальном расширении он простирался от предгорий Пиренеев до бассейна р. Маккензи на северо-западе Канады (см. рисунок). Эпизодически биом дотягивался до Швейцарского Плато, Аквитании, Бургундии, средиземноморских островов на северо-западе, Паннонии, Северных Балкан [Malez, 1979, p. 55–79], склонов гор Северного Кавказа, Приморья, Северо-Восточного Китая [Chow, 1978; Liu, Li, 1989], Хоккайдо [Minato, 1967]. Евразийский фаунистический комплекс мамонтов и шерстистых носорогов сыграл решающую роль

в локализации большего числа памятников среднего палеолита в средних и высоких широтах.

Происхождение. Неотектонические горообразовательные процессы в Центральной Азии и ухудшение климата начиная с рубежа раннего – среднего плейстоцена [Pisias, Moore, 1981; Ruddiman, Kurzbach, 1989; Velichko et al., 2009] стимулировали формирование смешанного комплекса арктических, тундровых, степных и альпийских экосистем, распространение степных формаций и эволюцию видов животных, адаптированных к сухому и холодному климату [Guthrie, 1985, 1989; Агаджанян, 2004].

«Парадокс продуктивности», биотические характеристики. Спорная концепция [Stanley, 1980] об отдельных исчезнувших плейстоценовых биомах постепенно развивается [Hibbert, 1982]. Полемика возникла в результате экстраполяции рядом исследователей ныне существующих широтных растительных формаций на плейстоценовые [Hammen, Wijmstra, Zagwijn, 1971], оставив без внимания экологическую несовместимость палинологических данных с ископаемыми млекопитающими [Colinvaux, 1980; Colinvaux, West, 1984; Laxton, Burn, Smith, 1996]. Палинология подтверждает, что

Распространение мамонтовых степных биомов в течение максимумов длительных фаз.

а – мамонтовая степь; б – Урал; в – палеолитическое местонахождение; з – скопление памятников палеолита.

во время ледникового максимума в высоких широтах перигляциальные зоны и ареалы с континентальным климатом стали редкими тундровыми ареалами или полярными пустынями, однако это опровергается всесторонним анализом ископаемых и мумифицированных остатков млекопитающих (включая содержимое желудков), пыльцы, экологии региона и датированными памятниками [Nowak et al., 1930; Bader, 1968; Верещагин, 1971; Vereshchagin, Baryshnikov, 1982; Kislev, Nazarov, 1985; Guthrie, 1985, 1989, 2001; Auguste, 1996; Laxton, Burn, Smith, 1996; Kahlke, 1999; Орлова, Кузьмин, Зольников, 2000; Orlova, Kuzmin, Dementiev, 2007; Harington, Cinq-Mars, 2008]: основные циклы плейстоцена поддерживали отдельные ареалы обитания с мозаичными комплексами флоры и фауны, имеющие несколько современных биотических аналогов [Yurtsev, 1982], так сказать, «шотландская клетка плейстоцена против полосчатого узора голоцена» [Guthrie, 1989]; биом формировал ныне не существующее биотическое зональное подразделение, охватывавшее симпатрическую амальгаму различных растительных и животных сообществ и подсообществ, на всем пространстве Северной Евразии и Берингии [Guthrie, 1985; Markova, Puzachenko, Kolfshoten, 2010]. Возросшая континентальность климата [Guthrie, 2001, fig. 1] обусловила распространение устойчивых к засухе лугов (полынь, злаковые, маревые), зимних пастбищ, большую продолжительность сезона роста, тонкий снежный покров с более ранним таянием, более теплое лето [Quaternary..., 1999; Kienast et al., 2005; Väliiranta et al., 2009]. Они поддерживали круглый год пасущихся животных-универсалов, в частности, распространенных повсеместно мамонтов и шерстистых носорогов [Nowak et al., 1930], бизонов, лошадей, составлявших доминирующую по численности биомассу. Шерстистые носороги и мамонты, обитавшие в высоких широтах, в отличие от стад, мигрировавших к югу, были меньшего размера и имели массивные жировые отложения. Более длительный растительный сезон и плодородные почвы давали преимущество для быстрого роста таких животных, как бизон, северный олень, овцебык, вапити, и других жвачных.

Образ жизни гоминидов и биом мамонтовых степей. Люди в среднем палеолите охотились на копытных животных среднего и крупного размера: мамонта, шерстистого носорога, бизона, лошадь, антилопу, дикого осла, сайгу, яка, верблюда, овцебыка, овцу, винторогую антилопу, северного оленя, горного козла, лося, благородного оленя, вапити, дзерена. Все это определяло адаптацию и специализацию в перигляциальных степных домашних ареалах [Bosinski, 1983; Turner, 1990; Auguste, 1995] на всем пространстве биома, протянувшегося от Пиренеев до Якутии и Забайкалья.

Ключевые элементы, такие как мамонт и шерстистый носорог, лошадь, бизон, существовали на протяжении всего гляциального максимума. Северные олени развивались в Атлантической Европе в течение стадиялов, мигрируя по коридорам болотистых долин. Сайга, лошадь, бизон предпочитали сухие твердые грунты. Этот мозаичный набор, не имеющий ныне параллелей, составлял отдельные, биотически насыщенные зоны плейстоцена: косуля и благородный олень, гигантский лось, сайга, мамонт и шерстистый носорог в Центральной, континентальной Восточной Европе, Уральских горах, Сибири [Velichko, 1988; Turner, 1990; Khenzykhenova, 1999; Chlachula, 2010a] в холодные фазы; неизменные для высоких широт Финляндии [Kurtén, 1988; Ukkonen et al., 1999] и Центральной Сибири [Chlachula, Drozdov, Ovodov, 2003] во время интергляциалов мамонты и северные олени. Остатки северных оленей преобладают на стоянках в пещерах и гротах Юго-Западной и Центральной Франции (Комбе-Греналь, Вергиссо IV), а мамонтов – на памятниках открытого типа (Карьер Томассо, Вергиссо II).

Добытых животных использовали в качестве пищи (жир, ливер, мясо) и технологического сырья (шкуры, мех, кости, зубы, бивни, рога для орудий, топлива, защитных средств). Холка мамонтов и носорогов содержала большое количество жира, о чем, например, свидетельствуют находки на памятнике Котт-Сэнт-Брелад [Scott, 1980]. Добыча мамонтов, на солонцах, богатых минералами [Деревянко, Зенин, Лещинский, Машенко, 2000], осуществлялась круглогодично [Laukhin et al., 1997], что обеспечивало, например, на памятнике Зальцгиттер-Лебенштедт основную долю пищи, несмотря на преобладание северных оленей [Gaudzinski, Roebroeks, 2000; Staesche, 1983].

Нижнепалеолитическое расселение в Северной Евразии

Человек начал выходить за пределы Субсахары ок. 1,2–1,6 млн л.н. в основном в направлении с юга на север. Освоение Северной Африки и Евразии осуществлялось при использовании потенциала животной биомассы евразийской эвтрофной линии [Schüle, 1991, p. 242–243; Schüle, Schuster, 1995, p. 242–245] и явилось новым экологическим фактором, сделавшим уязвимыми сначала крупных травоядных животных (слонов, носорогов), неосторожных ввиду отсутствия естественных хищников. Ниже будут приведены нижнепалеолитические памятники как вехи расселения, сквозь время отображающие гомотаксонную модель движения в северном направлении выше 40° с.ш. с точным или приблизительным указанием широты местонахождения, надежными либо предполагаемыми

ми датами заселения с ранжированием от 1,2 (калиброванная) до 0,40 млн л.н.

Западная Европа. *Северная Испания:* Атапуэрка (Гран-Долина, Сима-дель-Элефанте), 42,5° с.ш., 1,2–0,85 млн л.н.; Волл-Парадиз, выше 41° с.ш., 0,85 млн л.н.; Ла-Белла, 41° с.ш., 0,08 млн л.н. *Южная, Центральная, Северная Франция:* Лезина-ла-Себе, выше 43° с.ш., 1,57 млн л.н.; Валлоне, выше 43,5° с.ш., 0,95 млн л.н.; Фон-де-Лаве, Пон-де-ла-Юлёдери, Ла-Нуара, Терра-де-Саблонс, 47–48° с.ш., соответственно ранее 0,90 млн л.н., 0,90, 0,60 и 0,90 млн л.н.; Аббевиль, выше 50° с.ш., 0,60 млн л.н. *Южная, Восточная Англия:* Боксгроув, выше 50° с.ш., ранее 0,50 млн л.н.; Кентс-Каверн, Хай-Лодж, 52° с.ш., 0,60 млн л.н. (калиброванная); Пэйкфилд, Хэпписбург, выше 52° с.ш., 0,95–0,70 млн л.н. *Германия:* Керлих, Мизенхейм, Моер, выше 49,5–50° с.ш., 0,64–0,60 млн л.н. *Северная, Центральная Италия:* Визольяно, выше 44,5° с.ш., 0,50–0,47 млн л.н.; Монте-Поджиолло, выше 44° с.ш., ранее 0,60 млн л.н.; Изерния, Веноса (Нотарчирико, Лорето), выше 41° с.ш., 0,64–0,60 млн л.н.

Восточная Европа. *Болгария:* Козарника, выше 43,5° с.ш., ранее 1,0 млн л.н. *Украина:* Королево, 48° с.ш., ранее 0,80 млн л.н., в Закарпатье. *Европейская часть России:* Герасимовка, 46,5° с.ш., ранее 0,80 млн л.н., в Приазовье; Богатыри, Родники, 45° с.ш., 1,2–1,1 млн л.н., на п-ове Тамань; Дарвагчай, 42,5° с.ш., 0,80–0,60 млн л.н., в Дагестане. *Грузия:* Дманиси, выше 40° с.ш., 1,75 млн л.н.

Центральная, Восточная Азия. *Казахстан:* Мугоджары, 47° с.ш., Кошкурган-1, Шоктас-1, 43° с.ш., 0,55–0,27 млн л.н. *Таджикистан:* Кульдара, 40° с.ш., 0,85 млн л.н. *Монголия:* Кремневая Долина, Цаган-Агуй, 47–48° с.ш., 0,5–0,30 млн л.н. *Азиатская часть России:* Карама, 51,3° с.ш., 0,80–0,40 млн л.н., Улалинка, 55° с.ш., 0,70–0,40 млн л.н., на Алтае; Мохово I, 55° с.ш., 0,78–0,25 млн л.н., на западе Сибири; Бережеково, выше 55° с.ш., 0,54–0,13 млн л.н., в центральной части Сибири; Дириг-Юрях, 61° с.ш., 0,40–0,30 млн л.н., в Якутии. *Северный Китай:* Донгутоу, Сяочанлян, Мацзянгоу/Гоуди, 40° с.ш., ранее 1,00–0,80 млн л.н., Нихевань, Хэбэй.

Между 1,2 и 0,8 млн л.н. расселение достигло 42–51° с.ш. [Ранов и др., 1987; Gao et al., 2005; Ранний палеолит..., 2008; Древнейшие миграции..., 2009; Деревяно, 2009; Oldest human expansions..., 2010]. Около 900–600 тыс. л.н., в течение главным образом умеренных фаз, оно распространилось к северу от 52° с.ш. в Пиренеях в Центральной и Северной Франции, в Италии, Германии и Англии [Parfitt, Barendregt, Breda et al., 2005; Despriée, Gageonnet, Voinchet et al., 2006; Excursion..., 2008; Despriée, Voinchet, Gageonnet et al., 2009; Parfitt, Ashton, Lewis et al., 2010], Закарпатской Украине, Северном Приазовье (Герасимовка). Памят-

ники, датируемые в интервале 900–800 тыс. л.н., такие как Фон-де-Лаве [Despriée, Gageonnet, Voinchet et al., 2006], Хэпписбург, Норфолк [Parfitt, Ashton, Lewis et al., 2010], свидетельствуют об арктических условиях. Обитание в высоких широтах сделало необходимыми защитную одежду, обмазывание жиром, использование огня и поддержание его при минимальной мобильности [Gowlett, 2006; Rolland, 2007, p. 184–185]. Наиболее ранние эпизоды заселения, изредка связанные со стадиями среднего плейстоцена в предгорных областях (Араго, Боме-Бонне, Южная Франция), представлены на памятниках Керлих (горизонт b), Эйфел-Бэйсин в Германии [Bosinski, 1983, S. 22; Turner, 1990], MIS-12, ранее 400 тыс. л.н.

Области, расположенные между 30–40° в.д. [Nat, 1971, pt 2; 1972, p. 213], демонстрируют перемещение гоминидов из западных, находящихся под воздействием морского климата регионов к центру Северной Евразии с возрастающей континентальностью климата. Палеолитические свидетельства в Северной Европе, предшествующие остаткам, относящимся к позднему среднему плейстоцену, скудны, имеют недостаточное количество дат [Потоцкий, 1961; Bader, 1965, fig. 2; 1968], потревожены движением ледового щита, а трансгрессии Черного и Каспийского морей изолировали Русскую равнину от Кавказа [Bader, 1965, fig. 1; Болиховская, Молодьков, 2002, с. 8; Любин, Беляева, 2006, рис. 7, 10А], прогляциальные озера среднего и позднего плейстоцена и их дренажная система претерпели изменения в Северо-Восточной Европе и Северо-Западной Сибири [Mangerud, Astakhov, Svendsen, 2002; Svendsen et al., 2004].

Нижний слой памятника Ельники II (58° с.ш.) на р. Сылве в Пермском крае содержал кварцитовые рубящие орудия и отщепы *in situ* вместе с костями трогонтериевого слона [Гуслицер, Павлов, 1987, с. 6–7; Guzlitzer, Pavlov, 1993, p. 175, 178], отнесенные предположительно к лихвинскому (голштейн) межледниковью, MIS-11 [Болиховская, Молодьков, 2002, рис. 4]. На о-ве Хорошевском на Волге (52,5° с.ш.) были найдены черепная крышка хвалынского неандертальца и плечевая кость *Homo* [Bader, 1965, fig. 4; Гремяцкий, 1952], остатки трех представителей хазарского фаунистического комплекса позднего среднего плейстоцена [Громова, 1932] и набор комплекса «мамонт – сибирский носорог». Человеческие остатки могут быть датированы временем скорее микулинского (MIS-5e–d), чем черепетского (MIS-7) межледниковья.

Пещерные стоянки Кударо, Азых, Треугольная, относящиеся к среднему плейстоцену (600–300 тыс. л.н.), памятники открытого типа, содержащие ашельские орудия и мелкие изделия [Любин, 1998; Болиховская, Молодьков, 2002; Любин, Беляева, 2006], свидетельствуют о предшествующем заселении За-

Кавказя и продвижении далее на север. Центральная Азия [Davis, Ranov, 1999; Ranov, Schäfer, 2000; Вишняцкий, 1996; Vishnyatsky, 1999] служит географическим фоном для расселения в северном направлении: памятники Зайсан, Нарым, Кошкурган-1 и Шоктас-1 в Казахстане (43° с.ш.) [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов и др., 2000], ашельские серии Мугоджар (47° с.ш.), предположительно датированные 550–275 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2001, рис. 60; Chlachula, 2010b]. Ранние слои в пещере Цаган-Агуй (Гобийский Алтай) могут иметь среднеплейстоценовый возраст [Деревянко, Олсен, Цэвээндорж и др., 2000].

Первоначальное заселение юга Сибири [Chlachula, 2011; The Paleolithic..., 1998, chap. 3] в среднем плейстоцене (миграции с территорий Северо-Восточного Казахстана и Монголии [Larichev, Khol'ushkin, Laricheva, 1987, fig. 1]) отображает важный переломный момент. Сибирская земля с суровыми континентальными условиями, изменчивыми региональными климатами в недавнем прошлом [Матасова и др., 2001] (–33 °С в предгорьях Алтая, –26 °С на Байкале, –56 °С в верховьях Енисея, от –35 до –52 °С в Центральной Якутии) сохраняла устойчивый к засухе свободный ото льда экологический коридор в течение мягких фаз на севере Якутии [Arkhipov, 1999, p. 139]. Есть несколько непотревоженных, надежно датированных стоянок нижнего – начальной поры среднего палеолита, но основная масса памятников имеет переотложенный контекст или представляет собой местонахождения с поверхностным залеганием коррадированных артефактов, как, например, тарахайский и олонский комплексы [Medvedev, 1998]. Памятники (с юга на север) Карама [Derevianko et al., 2005; Деревянко, 2009; Shunkov, 2005], Улалинка [The Paleolithic..., 1998], Мохово 1 [Arkhipov, 1999; Foronova, 1999], Бережеково [Chlachula, 1999, 2001; Drozdov, Chlachula, Chekha, 1999], Дириг-Юрях [Мочанов, 1988а, б; Мочанов, Федосеева, 2002] имеют приблизительно датированный контекст.

Многослойное местонахождение Карама на Алтае, 51,3° с.ш., содержит большое число хорошо обработанных предметов (ядрищ, унифасильных и бифасильных чопперов, скребел на нуклеусах и отщепях, выемчатых и зубчатых орудий, ножей) и представляет собой важную веху в первоначальном заселении Сибири. Палиноспектры разреза Черный Ануй (20 км вверх по течению), указывающие на растительные сообщества с многочисленными экзотическими древесными породами, свидетельствуют о теплых климатических условиях в течение большей части плейстоцена. Эти данные, а также RTL-даты, геоморфология и литостратиграфия указывают на раннее заселение этой территории ок. 800 тыс. л.н. [Стоянка..., 2005].

Улалинка на окраине г. Горно-Алтайска, исследованная А.П. Окладниковым, содержит ниже слоя 11

рыхлые седименты с расколотыми кварцитовыми гальками архаичного облика и крупными объектами, которые проблематично датировать и типологически определить [Derevianko, 1990, p. 4–9; The Paleolithic..., 1998, p. 23–26]. Новые исследования [Derevianko et al., 2005; Shunkov, 2005, p. 69] подкреплены лишь несколькими идентифицируемыми артефактами (Музей Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; собственное изучение коллекции, 2003 г.), датированными палеомагнитным методом <430–300 тыс. л.н. Принадлежность Мохово I в Кузбассе к палеолиту нуждается в подтверждении [The Paleolithic..., 1998, p. 338; Kuzmin, 2000, p. 33]. Слой 8а на стоянке Бережеково, расположенной в бассейне Енисея, содержит перемешанные артефакты и фаунистические остатки. Наличие костей среднеплейстоценовой хазарской лошади подразумевает тобольскую умеренную фазу [Arkhipov, 1999; Drozdov, Chlachula, Chekha, 1999, p. 145; Kuzmin, 2000, p. 33].

Нижнепалеолитическая мастерская по обработке сырья Дириг-Юрях, 61° с.ш., 128° в.д., расположенная на самой высокой, Табагинской террасе р. Лены в Якутии, вызвала не только большой интерес научного сообщества [Derevianko, 1990, p. 9–11], но и дебаты относительно ее возраста [Arkhipov, 1999, p. 139; The Paleolithic..., 1998, p. 336–337; Kuzmin, 2000, p. 33–35; Kuzmin, Krivonogov, 1994, 1999]. Окружающая обстановка, планиграфия, стратиграфия, многочисленные артефакты, переоформленные орудия [Мочанов, 1988а, б; Мочанов, Федосеева, 2002, рис. 25–28] достаточно информативны. Дата 267 тыс. л.н., полученная посредством термлюминесцентного анализа [Waters, Forman, Pierson, 1997], является неубедительной [Kuzmin, 2000], и возраст 1,8–2,2 млн лет, определенный палеомагнитным методом, также вызывает сомнения. Наиболее правдоподобной остается дата 400–300 тыс. л.н.

Выводы

Данные, относящиеся к нижнему палеолиту или времени перехода к среднему палеолиту, демонстрируют циклически происходившее первоначальное заселение Северной Евразии. Палеолитические местонахождения в регионе распределены неравномерно, их археологический контекст не однозначен, а даты являются ненадежными. Западная Европа демонстрирует плотную концентрацию памятников, что связано с благоприятными условиями полевой работы, длительной историей исследований, большим количеством исследовательских институтов. Некоторые местонахождения совпадают с территорией распространения биомы мамонтовых степей, но хроноклиматиче-

ски коррелируют с мягкими/умеренными эпизодами и контекстами раннего или среднего плейстоцена.

Атлантические зоны с умеренным увлажнением были заселены, вероятно, раньше, чем северо-восточные районы Европейской равнины с сухим умеренно континентальным климатом и Сибирь с резко континентальным. Поиск свидетельств на северо-востоке континентальной Европы и в Сибири осложняет целый ряд факторов: короткое лето, огромные расстояния восточнее 60° в.д. (из-за отдаленности большие территории являются недоступными) [Tugăsek, 1999, p. 4], памятники разрушены вечной мерзлотой, солифлюкцией, ледовыми щитами, дефляцией, территориально рассеяны, глубоко погребены под покрывающими их мощными слоями лессов, коллювия или вечномерзлых пород.

Находки опровергают утверждение о том, что непривлекательная среда и/или ограниченный набор культурных инноваций и возможностей исключали раннее заселение Северной Евразии. Палеосреда европейских и сибирских территорий средних и высоких широт сохраняла благоприятные для заселения эпизоды. Местонахождения с поверхностным залеганием артефактов, а именно ашельских бифасов, в высоких широтах в Северо-Восточной Европе (Красный Стан, Камир, Тунгус), Сибири, Казахстане, Монголии [Bader, 1965; Middle Palaeolithic Human Activity..., 2010, p. 7–8; The Palaeolithic..., 1998; Деревянко, 2009] предположительно относятся к среднему плейстоцену.

Палинологические данные и фаунистические остатки показывают мозаичность ареалов обитания, которые не имеют ныне существующих параллелей [Болиховская, 2007; Guthrie, 2001]. Расселение в раннем палеолите совпало с влажными, умеренными, мягкими арктическими фазами среднего плейстоцена в Восточной Европе и Сибири [Arkhipov, 1999; Quaternary..., 1999; Velichko et al., 2009], однако арктические/субарктические зоны требовали наличия детерминированных культурным развитием человека адаптивных способностей, от которых зависел успех зимовки.

Список литературы

Агаджания А.К. Отряд Proboscidea: страницы истории // Экосистемные перестройки и эволюция биосферы / Палеонтологический ин-т РАН. – 2004. – Вып. 6. – Р. 97–109.

Болиховская Н.С. Пространственно-временные закономерности развития растительности и климата Северной Евразии в неоплейстоцене // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 4. – С. 2–28.

Болиховская Н.С., Молодьков А.Н. Реконструкция развития палеоклиматических событий плейстоцена по данным палинологических и электронно-парамагнитно-

резонансных исследований на территории Северной Евразии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 2. – С. 2–21.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. – Л.: Наука, 1971. – С. 123–198. – (Тр. Зоол. ин-та АН СССР; т. 69).

Вишняцкий Л.Б. Палеолит Средней Азии и Казахстана. – СПб.: Европейский дом, 1996. – 214 с.

Вишняцкий Л.Б., Питулько В.В. Сузилуола, Бызовая и вопрос о северной границе неандертальского ареала в Европе // Зап. ИИМК. – 2012. – Вып. 7. – С. 7–15.

Гремяцкий М.А. Фрагмент хвалынской черепной крышки // Учен. зап. Моск. гос. ун-та, 1952. – Вып. 158. – С. 199–206.

Громова В. Новые материалы по четвертичной фауне Поволжья и по истории млекопитающих Восточной Европы и Северной Азии вообще // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1932. – Т. 2. – С. 69–184.

Гуслицер Б.И., Павлов П.Ю. О первоначальном заселении северо-востока Европы. – Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1987. – Вып. 172. – 24 с.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 232 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Лещинский С.В., Машенко Е.Н. Особенности аккумуляции костей мамонтов в районе стоянки Шестаково в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 42–55.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цвээндорж Д., Кривошапкин А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К. Ашельские комплексы Мугоджарских гор. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – 136 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К., Исабеков З.К., Рыбалко А.Г., Отт М. Раннепалеолитические микроиндустриальные комплексы в травертинах Южного Казахстана. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – 300 с.

Древнейшие миграции человека в Евразии: мат-лы Междунар. симп. / отв. ред. А.П. Деревянко, М.В. Шуньков. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 312 с.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Феденева И.Н., Орлова Л.А., Борисов М.А. Исследование палеолитического местонахождения Арышевское // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2000 г. / под ред. А.П. Деревянко, В.И. Молодина. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 137–141.

Любин В.П. Ашельская эпоха на Кавказе. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1998. – 187, [4] с.: ил.

Любин В.П., Беляева Е.В. Ранняя преистория Кавказа. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 108 с.

Матасова Г.Г., Казанский А.Ю., Зыкина В.С., Чиркин К.С. Реконструкция древней природной среды и па-

леоклимата магнитными методами на археологических памятниках Средней и Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 2–16.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга: стратиграфия и геологический возраст памятника). – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1988а. – 41 с.

Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга (археологический возраст памятника) и проблема внетропической прародины человечества. – Якутск: Якут. фил. СО АН СССР, 1988б. – 35 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Археология, палеолит Северо-Восточной Азии, внетропическая прародина человечества и древнейшие заселения человеком Америки. – Якутск: Ин-т гуманитарных исследований Академии наук Республики Саха (Якутия), 2002. – 60 с.

Орлова Л.А., Кузьмин Я.В., Зольников И.Д. Пространственно-временные аспекты истории популяции мамонта (*Mammuthus primigenius* Blum) и древнейший человек в Сибири (по радиоуглеродным данным) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3. – С. 31–41.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1988. – 20 с.

Павлов П.Ю. Палеолит северо-востока Европы: новые данные // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1. – С. 33–45.

Павлов П.Ю. Стоянка Заозерье: памятник начальной поры верхнего палеолита на северо-востоке Евразии // РА. – 2009. – № 1. – С. 5–17.

Потоцкий С.П. Следы раннего палеолита в бассейнах рек Оки и Москвы в Московской области // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1961. – Вып. 26. – С. 157–161.

Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье) / отв. ред. Г.Ф. Уфимцев. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 207 с.

Ранний палеолит Евразии: новые открытия: мат-лы Междунар. конф. (1–6 сент. 2008 г., Краснодар – Темрюк). – Ростов-на-Дону, 2008. – 208 с.: ил.

Ранов В.А., Додонов А.Е., Ломов С.П., Пахомов М.М., Пеньков А.В. Кульдара – новый нижнепалеолитический памятник Южного Таджикистана // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. – 1987. – Вып. 56. – С. 65–75.

Роллан Н. Заселение гоминидами Северной Евразии: адаптивные «пороги» среднего палеолита // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики: мат-лы Междунар. конф. / отв. ред. А.А. Величко, С.А. Васильев. – М.: Ин-т географии РАН, 2008. – С. 48–52.

Сериков И.В. Палеолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 1999. – 103 с.

Сериков И.В. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. пед. ин-т, 2000. – 430 с.

Сериков И.В. Гаринская палеолитическая стоянка и некоторые проблемы Уральского палеолитоведения. – Нижний Тагил: Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия, 2007. – 138 с.

Сериков И.В. Новые находки раннего палеолита в Среднем Зауралье // Ранний палеолит Евразии: новые открытия: мат-лы Междунар. конф. (1–6 сент. 2008 г., Краснодар – Темрюк). – Ростов н/Д., 2008. – С. 180–182.

Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, Н.С. Болиховская, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, Н.А. Кулик, В.А. Ульянов, К.А. Чиркин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.

Талицкий М.В. Палеолитическая стоянка Пещерный Лог // КСИИМК. – 1946. – Вып. 12. – С. 9–14.

Широков В.Н. Палеолитическая стоянка Богдановка на реке Урал // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: докл. Междунар. симп. – Новосибирск, 1992. – С. 74–79.

Arcadi A.C. Species resilience in Pleistocene hominids that traveled far and ate widely: an analogy to wolf-like canids // J. of Human Evolution. – 2006. – Vol. 47. – P. 1–12.

Arkhipov S.A. Natural habitat of early man in Siberia // Quaternary of Siberia / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 133–140. – (Anthropozoikum; vol. 23).

Auguste P. De la taphocénose à la paléobiocénose: reconstitution des paléo-environnements pléistocènes de la France septentrionale à l'aide des mammifères // Geobios Memoire Speciale. – 1995. – N 18. – P. 9–16.

Auguste P. Adaptation biologique et culture des Préneandertaliens et des Néandertaliens aux modifications paléocéologiques et fauniques en France septentrionale // Nature et Culture / ed. by M. Otte. – Liège: ERAUL, 1996. – N 68. – P. 99–116.

Bader O.N. The Palaeolithic of the Urals and the peopling of the North // Arctic Anthropology. – 1965. – Vol. III, N 1. – P. 77–90.

Bader O.N. New Data on the Original Inhabitation of North-East Europe // Quartär. – 1968. – Vol. 19. – P. 181–197.

Bailey G. Concepts, timescales and explanations in economic prehistory // Economic Archaeology / eds. A. Sheridan, G. Bailey. – Oxford: BAR, 1981. – P. 97–117. – (BAR Int. Ser.; N 9).

Bailey G. Breaking the time barrier // Archaeological Review from Cambridge. – 1987. – Vol. 6, N 1. – P. 5–20.

Bailey G. Time perspectives, palimpsests and the archaeology of time // J. of Anthropological Archaeology. – 2007. – Vol. 26. – P. 198–223.

Bailey G. Time Perspectivism: Origins and Consequences // Time and Archaeology / eds. S. Holdaway, L. Wandsnider. – Salt Lake City: Utah University Press, 2008. – P. 13–30.

Benoist J. Les facteurs sociaux de l'évolution biologique de l'homme // L'Union Médicale du Canada. – 1965. – Vol. 91. – P. 898–902.

Benoist J. Du social au biologique: étude de quelques interactions // L'homme. – 1966. – Vol. 6, N 1. – P. 1–26.

Boismier W.A., Schreve D.C., White M.J., Robertson D.A., Stuart A.J., Etienne S., Andrews J.N., Coope G.R., Field M., Green F.M., Keen D.N., Lewis S.G., French C.A., Rhodes E.L., Schwenninger J.L., Tovey J.L., O'Connor S. A Middle Palaeolithic Site at Lynford Quarry, Mundford, Norfolk: Interim Statement // Proceedings of the Prehistoric Society. – 2003. – Vol. 69. – P. 315–324.

Bordes F. Sur la notion de sol d'habitat en préhistoire paléolithique // Bull. de la Société Préhistorique Française. – 1975. – Vol. 72, N 5. – P. 139–144.

- Bosinski G.** The transition Lower/Middle Palaeolithic in Northwestern Germany // *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man* / ed. by A. Ronen. – Oxford: BAR, 1982. – P. 165–175. – (BAR Int. Ser.; N 151).
- Bosinski G.** Eiszeitjäger im Neuwieder Becken. – Koblenz: Landesamt für Denkmalpflege, 1983. – 112 S. – (Archäologie an Mittelrhein und Mosel; N 1).
- Bourlière F.** Observations on the ecology of some large African mammals // *African Ecology and Human Evolution* / eds. F.C. Howell, F. Bourlière. – L.: Methuen, 1963. – P. 43–54.
- Braudel F.** *On History*. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 236 p.
- Butzer K.W.** *Environment and Archeology: An Ecological Approach to Prehistory*. – 2nd Ed. – Chicago: Aldine-Atherton, 1971. – 703 p.
- Cachel S.** The Natural History Origin of Human Intelligence: A New Perspective On the Origin of Human Intelligence // *Social Neuroscience Bull.* – 1994. – Vol. 7, N 1. – P. 25–30.
- Cachel S.** *Primate and Human Evolution*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 469 p.
- Cahen D., Michel J.** Le site paléolithique moyen ancien de Mesvin IV (Hainaut, Belgique) // *Chronostratigraphie et faciès culturels du paléolithique inférieur et moyen dans l'Europe du Nord-Ouest* / eds. A. Tuffreau, J. Sommé. – P.: Association Française pour l'étude du Quaternaire, 1986. – P. 89–102. – (Supplément au Bulletin de l'Association Française pour l'étude du Quaternaire; N 26).
- Caldwell J.R.** Interaction spheres in prehistory // *Hopewellian Studies* / eds. J.R. Caldwell, R.L. Hall. – Springfield: Illinois State Museum, 1964. – P. 135–143. – (Illinois State Museum Scientific Papers; vol. 12, N 6).
- Chlachula J.** Loess-palaeosol stratigraphy in the Yenisey basin // *Quaternary of Siberia* / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 55–70. – (Anthropozoikum; vol. 23).
- Chlachula J.** Pleistocene climate change, natural environments and palaeolithic occupation of the upper Yenisei area, south-central Siberia // *Quaternary International*. – 2001. – Vol. 80/81. – P. 101–130.
- Chlachula J.** Environmental context of Pleistocene peopling of the Central Urals // *Quaternary International*. – 2010a. – Vol. 220. – P. 47–63.
- Chlachula J.** Pleistocene climate change, natural environments and Palaeolithic occupation of East Kazakhstan // *Quaternary International*. – 2010b. – Vol. 220. – P. 64–87.
- Chlachula J.** Climate History and Early Peopling of Siberia // *Earth and Environmental Science* / eds. I.A. Dar, M.A. Dar. – 2011. – P. 495–538. – InTech, DOI: 10.5772/24588.
- Chlachula J., Drozdov N., Ovodov N.D.** Last Interglacial peopling of Siberia: the Middle Palaeolithic site Ust'Izhul', the upper Yenisei area // *Boreas*. – 2003. – Vol. 32. – P. 506–520.
- Chow B.S.** The Distribution of the Woolly Rhinoceros and Woolly Mammoth // *Vertebrata Palasiatica*. – 1978. – Vol. 16. – P. 47–59.
- Cinq-Mars J., Morlan R.E.** Bluefish Caves and Old Crow Basin: A New Rapport // *Ice Age Peoples of North America: Environments, Origins, and Adaptations of the First Americans* / eds. R. Bonnicksen, K.L. Turnmire. – Corvallis: Oregon State University Press, 1999. – P. 200–212.
- Clark J.G.D.** Review of Social Life of Early Man, S.L. Washburn, ed. // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1963. – Vol. 29. – P. 437.
- Clark J.G.D.** *The Earlier Stone Age Settlement of Scandinavia*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975. – 282 p.
- Clark J.G.D.** *The Mesolithic Prelude*. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1980. – 122 p.
- Clarke D.** *Mesolithic Europe: the economic basis* // *Problems in Economic and Social Archaeology* / eds. G. de Sieveking, I.H. Longworth, K.E. Wilson. – L.: Duckworth, 1976. – P. 449–481.
- Clermont N.** L'hiver et les Indiens nomades du Québec à la fin de la préhistoire // *Revue Géographique de Montréal*. – 1974. – Vol. 29, N 4. – P. 447–442.
- Clermont N.** *Ma femme, ma hache et mon couteau croche: Deux siècles d'histoire à Weymontachie*. – Quebec: Ministère des Affaires Culturelles, 1977. – 144 p. – (Série cultures amérindiennes).
- Clermont N., Smith P.E.L.** La conquête des latitudes nordiques par les hominidés du Quaternaire // *Géographie Physique Quaternaire*. – 1980. – Vol. 34, N 2. – P. 221–228.
- Colinvaux P.A.** Vegetation of the Bering Land Bridge revisited // *Quarterly Review of Archaeology*. – 1980. – Vol. 1. – P. 2–15.
- Colinvaux P.A., West F.H.** *The Beringian Ecology* // *Quarterly Review of Archaeology*. – 1984. – Vol. 5. – P. 10–16.
- Conkey M.** Interpretative Problems in Hunter-Gatherer Region Studies: Some Thoughts on the European Upper Paleolithic // *The Pleistocene Old World: Regional Perspectives* / ed. by O. Soffer. – N. Y.: Plenum, 1987. – P. 63–77.
- Cooper J.M.** *The Culture of the Northeastern Indian Hunters: A Reconstructive Interpretation* // *Man in Northeastern North America* / ed. by F. Johnson. – Andover: Peabody Foundation for Archaeology, 1946. – P. 272–305.
- Cyrek K.** The Biśnik Cave in Southern Poland: reconstruction of the Palaeolithic cave habitation in relation to the environmental change // *Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas* / eds. J.-M. Burdikiewicz, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnicwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – P. 69–93. – (Studia Archeologiczne; N XLI).
- Davis R.S., Ranov V.A.** Recent work on the Paleolithic of Central Asia // *Evolutionary Anthropology*. – 1999. – Vol. 8, N 5. – P. 186–193.
- Deacon T.W.** *The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and Brain*. – N. Y.: W.W. Norton, 1997. – 527 p.
- Deetz J.** *Hunters in Archeological Perspective* // *Man the Hunter* / eds. R.B. Lee, I. Devore. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 281–285.
- Derevianko A.P.** Paleolithic of North Asia and the problem of ancient migrations. – Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy SB RAS, 1990. – 123 p.
- Derevianko A.P., Postnov A.V., Rybin E.P., Kuzmin Y.V., Keates S.G.** The Pleistocene peopling of Siberia: a review of environmental and behavioural aspects // *Indo-Pacific Prehistory Association Bull.* – 2005. – Vol. 3. – P. 57–68.
- Despriée J., Gageonnet R., Voinchet P., Bahain J.-J., Falguères C., Varache F., Courcimault G., Dolo J.-M.** Une occupation humaine au Pléistocène inférieur sur la bordure nord du Massif Central // *Comptes Rendus Palévolutions*. – 2006. – Vol. 5. – P. 821–828.

- Despriée J., Voinchet P., Gageonnet R., Dépont J., Bahain J.-J., Falguères C., Tissoux H., Dolo J.-M.** Les vagues de peuplement humain au Pléistocène inférieur et moyen dans le bassin de la Loire moyenne, région Centre, France: Apports de l'étude des formations fluviales // *L'Anthropologie*. – 2009. – Vol. 113. – P. 125–167.
- Drozdov N.I., Chlachula J., Chekha V.P.** Pleistocene environments and palaeolithic occupation of the Northern Minusinsk Basin, southern Krasnoyarsk region // *Quaternary of Siberia* / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 141–155. – (*Anthropozoikum*; Vol. 23).
- Durkheim E.** Morphologie sociale // *L'Année Sociologique*. – 1899. – Vol. 2. – P. 520–521.
- Excursion** dans les sites de la vallée du Cher région Centre. – Bourges: Archea, 2008. – 30 p.
- Fernandes P., Raynal J.-P.** Péroarchéologie du silex // Sainte-Anne I: Sinzelles, Polignac, Haute-Loire: Le Paléolithique moyen de l'unité J1 / ed. by J.-P. Raynal. – Lausanne: CDERAD, 2007. – P. 59–98. – (Les dossiers de L'Archéo-Logis; N 3).
- Flannery K.V., Marcus J., Reynolds R.G.** The Flocks of the Wamani: A Study of Llama Herders on the Punas of Ayacucho, Peru. – N. Y.: Academic Press, 1989. – 239 p.
- Foley R.** Another unique species: Patterns in human evolutionary ecology. – L.: Longmans Scientific and Technical, 1987. – 313 p.
- Foltyn E., Kozłowski J.K., Waga J.M.** Geochronology and environment of the pre-Eemian Middle Palaeolithic in Southern Poland // *Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas* / eds. J.M. Kozłowski, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – P. 95–115. – (*Studia Archeologiczne*; N XLI).
- Foronova I.V.** Quaternary mammals and stratigraphy of the Kuznetsk Basin (South-Western Siberia) // *Quaternary of Siberia* / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 71–97. – (*Anthropozoikum*; vol. 23).
- Gamble C.** The Palaeolithic settlement of Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986. – 471 p.
- Gao X., Wei Q., Shen C., Keates S.** New light on the earliest hominid occupation in East Asia // *Current Anthropology*. – 2005. – Vol. 46, N 5. – P. 115–120.
- Gaudzinski S., Roebroeks W.** Adults only: Reindeer hunting in the Middle Palaeolithic site Salzgitter-Lebenstedt, Northern Germany // *J. of Human Evolution*. – 2000. – Vol. 38. – P. 497–521.
- Goebel T.** The “microblade” adaptation and recolonization of Siberia during the late Upper Pleistocene // *Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization* / eds. R.G. Elston, S.L. Kuhn. – Arlington: American Anthropological Association, 2002. – P. 117–131. – (*Archaeological Papers*; N 12).
- Gowlett J.A.J.** The early settlement of northern Europe: Fire history in the context of climate change and the social brain // *Comptes Rendus Paléovolution*. – 2006. – Vol. 5, N 1/2. – P. 299–310.
- Grahmann R.** The Lower Palaeolithic site of Markkleeberg and other comparable localities near Leipzig // *Transactions of the American Philosophical Society*. – 1955. – Vol. 45, pt. 2. – P. 509–627.
- Gualtieri L., Vartanyan S.I., Brigham-Grette J., Anderson P.M.** Evidence of an ice-free Wangal Island, northeast Siberia during the Last Glacial Maximum // *Boreas*. – 2005. – Vol. 34. – P. 264–273.
- Guthrie R.D.** Woolly Arguments Against the Mammoth Steppe – A New Look at the Palynological Data // *The Quarterly Review of Archaeology*. – 1985. – Vol. 6, N 3. – P. 34–41.
- Guthrie R.D.** Mosaics, Allelochemicals, and Nutrients: An Ecological Theory of Late Pleistocene Megafaunal Extinctions // *Quaternary Extinctions: A prehistoric revolution* / eds. P.S. Martin, R.G. Klein. – Tucson: Arizona, 1989. – P. 259–298.
- Guthrie R.D.** Origin and causes of the mammoth steppe: a story of cloud cover, woolly mammal teeth pits, buckles, and inside-out Beringia // *Quaternary Science Reviews*. – 2001. – Vol. 20. – P. 549–574.
- Guzlitzer B.I., Pavlov P.U.** Man and Nature in Northeastern Europe in the Middle and Late Pleistocene // *From Kostienki to Clovis* / eds. O. Sofer, N. Praslov. – N. Y.: Plenum, 1993. – P. 175–188.
- Hammen T., van der, Wijmstra T.A., Zagwijn W.H.** The Floral Record of the Late Cenozoic of Europe // *The Late Cenozoic Glacial Age* / ed. by K.K. Turkian. – New Haven: Yale University Press, 1971. – P. 391–423.
- Harington C.R., Cinq-Mars J.** Bluefish Caves – Fauna and Context // *Beringian Research Notes*. – 2008. – N 19. – P. 1–8.
- Harrison H.S.** Discovery, invention, and diffusion // *A History of Technology* / eds. C. Singer, E.J. Holmyard, A.R. Hall. – Oxford: Oxford University Press, 1956. – Vol. I. – P. 58–84.
- Helm J.** The Nature of Dogrib Socioterritorial Groups // *Man the Hunter* / eds. R.B. Lee, I. de Vore. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 118–125.
- Hibbert D.** History of the Steppe-Tundra Concept // *Paleoecology of Beringia* / eds. D.M. Hopkins, J.V. Matthews, C.E. Schweger, S.B. Young. – N. Y.: Academic Press, 1982. – P. 153–156.
- Hoffecker J.F.** Desolate landscapes: Ice-Age Settlement in Eastern Europe. – New Brunswick: Rutgers University Press, 2002. – 298 p.
- Hunter-Gartherer Foraging Strategies:** Ethnographic and Archaeological Analyses / eds. B. Winterhalder, E.A. Smith. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – 268 p.
- Irving W.N.** Context and chronology of early man in the Americas // *Annual Reviews of Anthropology*. – 1985. – Vol. 14. – P. 529–555.
- Kahlke D.-D.** The History of the Origin, Evolution and Dispersal of the Late Pleistocene *Mammuthus-Coelodonta* Faunal Complex in Eurasia (Large Mammals). – Rapid City: Fenske Companies, 1999. – 219 p.
- Kelley R.L.** Hunter-gatherer mobility strategies // *J. of Anthropological Research*. – 1983. – Vol. 39. – P. 277–306.
- Keys D.** Hunt on for Scotland's ‘missing’ 100,000 years of history // *Independent News*. – 2000. – P. 3.
- Khenzykhenova F.I.** Pleistocene disharmonious faunas of the Baikal region (Russia, Siberia) and their implication for palaeogeography // *Quaternary of Siberia* / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 119–124. – (*Anthropozoikum*; vol. 23).
- Kienast F., Schirrmeister L., Siegert C., Tarasov P.** Paleobotanical evidence for warm summers in the East Siberian Arctic during the last cold stage // *Quaternary Research*. – 2005. – Vol. 63, N 3. – P. 283–300.

- Kislev S.V., Nazarov V.I.** Late Pleistocene insects // Late Quaternary Environments of the Soviet Union / ed. by A.A. Velichko. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1985. – Vol. III. – P. 223–226.
- Kroeber A.L.** Cultural and natural areas of native North America. – Berkeley: University of California Press, 1963. – 240 p.
- Kummer H.** Primate Societies: Group Techniques of Ecological Adaptation. – Chicago: Aldine-Atherton, 1971. – 160 p.
- Kurtén B.** Fossil and Subfossil Mammals in Finland // Memoranda Societatis Fauna Flore Fennica. – 1988. – Vol. 64. – P. 5–39.
- Kuzmin Y.V.** Geoarchaeology of the Lower, Middle and Early Upper Palaeolithic of Siberia: A Review of Current Evidence // The Review of Archaeology. – 2000. – Vol. 21, N 1. – P. 32–40.
- Kuzmin Y.V.** Siberia at the Last Glacial Maximum: Environment and Archaeology // J. of Archaeological Research. – 2008. – Vol. 16. – P. 163–221.
- Kuzmin Y.V., Kosintsev P.A., Razhev D.I., Hodgins G.W.L.** The oldest directly-dated human remains in Siberia: AMS ¹⁴C age of talus bone from the Baigara locality, West Siberian Plain // J. of Human Evolution. – 2009. – Vol. 57. – P. 91–95.
- Kuzmin Y.V., Krivonogov S.K.** The Diring Palaeolithic Sites, Eastern Siberia: Review of Geoarchaeological Studies // Geoarchaeology. – 1994. – Vol. 9, N 4. – P. 287–300.
- Kuzmin Y., Krivonogov S.K.** More about Diring Yuriakh: Unsolved Geoarchaeological Problems at a “Lower” Palaeolithic Site in Central Siberia // Geoarchaeology. – 1999. – Vol. 14, N 3. – P. 351–359.
- La Cotte de St. Brelade 1961–1978: Excavations by C.B.M. McBurney / P. Callow, J. Cornford.** – Norwich: Geo Books, 1986. – XIX, 433 p.: ill., map 3.
- Larichev V.E., Khol’ushkin U.P., Laricheva I.P.** Lower and Middle Paleolithic of Northern Asia: Achievements, Problems, and Perspectives // J. of World Prehistory. – 1987. – Vol. 1, N 4. – P. 415–464.
- Laukhin S.A., Drozdov N.I., Chekha V.P., Akimova E.V., Ovodov N.D., Khlokhula I., Tomilova E.A., Stasyuk I.V.** A Find of the Graveyard of Ancient Mammoths on the Enisei River // Transactions of the Russian Academy of Science / Earth Science Sections. – 1997. – Vol. 352, N 1. – P. 95–99.
- Laxton N.F., Burn C.R., Smith C.A.** Productivity of Loessal Grasslands in the Kluane Lake Region, Yukon Territory, and the Beringian “Production Paradox” // Arctic. – 1996. – Vol. 49, N 2. – P. 129–140.
- Lee R.B.** Kung Spatial Organization: An Ecological and Historical Perspective // Human Ecology. – 1972. – Vol. 1. – P. 125–147.
- Leroi-Gourhan A.** Le geste et la parole. – P.: Albin Michel, 1964. – Vol. 1. – 325 p.; 1965. – Vol. 2. – 287 p.
- Lévi-Strauss C.** Les structures élémentaires de la parenté. – P.: Mouton, 1967. – 591 p.
- Liu T.S., Li X.G.** Mammoths in China // Quaternary Extinctions / eds. P.S. Martin, R.G. Klein. – Tucson: University of Arizona Press, 1989. – P. 517–527.
- Locht J.-L., Swinnen C., Antoine P., Auguste P., Patou-Mathys M., Depaep P., Falguères C., Laurent M., Bahain J.-J.** Le gisement paléolithique de Beauvais (Oise) // Bull. de la Société Préhistorique Française. – 1995. – Vol. 93, N 2. – P. 213–226.
- Malez M.** Kwartara fauna Jugoslavije. – Sarajevo: Svjetlost, 1979. – 453 p. – (Praistorija jugoslavenskih zemalja; N 1).
- Man the Hunter / eds. R.B. Lee, I. Devore.** – Chicago: Aldine, 1968. – 415 p.
- Mangerud J., Astakhov V., Svendsen J.-I.** The extent of the Barents-Kara ice sheet during the Last Glacial Maximum // Quaternary Science Reviews. – 2002. – Vol. 21. – P. 111–119.
- Mangerud J., Gosse J., Matiouchkov A., Dolvik T.** Glaciers in the Polar Urals, Russia, were not much larger during the Last Global Glacial Maximum than today // Quaternary Science Reviews. – 2008. – Vol. 27. – P. 1047–1057.
- Markova A.L., Puzachenko A.Y., Kolfshoten T., van.** The North Eurasian mammal assemblages during the end of MIS 3 (Brianskian-Late Karginian-Denemkamp Interstadial) // Quaternary International. – 2010. – N 212. – P. 149–158.
- Marlowe F.W.** Hunter-Gatherers and Human Evolution // Evolutionary Anthropology. – 2005. – Vol. 14, N 2. – P. 54–67.
- Martin M.K.** The Foraging Adaptation – Uniformity or Diversity? – Reading: Addison-Wesley Pub. Co., 1974. – (Addison-Wesley Module in Anthropology; N 56).
- Mauss M.** Essai sur les variations saisonnières des sociétés Eskimos: Étude de Morphologie Sociale // L’Année Sociologique. – 1904–1905. – Vol. 9. – P. 39–132.
- McBurney C.B.M.** Current status of the Lower and Middle Palaeolithic of the entire region from the Levant through North Africa // Problems in Prehistory: North Africa and the Levant / eds. F. Wendorf, A.E. Marks. – Dallas: Southern Methodist University, 1975. – P. 411–425.
- McBurney C.B.M.** Early Man in the Soviet Union: The implications of some recent discoveries. – Oxford: The British Academy, 1976. – 55 p.
- Medvedev G.I.** The “Makarovo” Stratum // The Paleolithic of Siberia: New discoveries and interpretations / ed. by A.P. Derevianko. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – P. 32–35.
- Meiklejohn C.** Genetic differentiation and deme structure: Considerations for an understanding of the Athapaskan/Algonkian continuum // Prehistory of the North American Sub-Arctic: The Athapaskan question: Proceedings of the Ninth Annual Conf. / The Archaeological Association. – Calgary: Chacmool, 1977. – P. 106–110.
- Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas / J.-M. Burdukiewicz, A. Wiśniewski.** – Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – 468 p. – (Studia Archeologiczne; N XLI).
- Minato M.** On the age of mammoths in Japan and Siberia // Earth Science. – 1967. – Vol. 21. – P. 13–17.
- Minc L.D.** Scarcity and Survival: The Role of Oral Traditions in Mediating Subsistence Crises // J. of Anthropological Archaeology. – 1986. – Vol. 5. – P. 39–113.
- Moore J.A.** The Effects of Information Networks in Hunter-Gatherer Societies // Hunter-Gatherer Foraging Strategies: Ethnographic and Archaeological Analyses / eds. B. Winterhalder, E.A. Smith. – Chicago: University of Chicago Press, 1981. – P. 194–217.
- Morlan R.E., Cinq-Mars J.** Ancient Beringians: Human Occupation in the Late Pleistocene of Alaska and the Yukon Territory // Paleoecology of Beringia / eds. D.M. Hopkins,

- J.V. Matthews, C.E. Schweger, S.B. Young. – N. Y.: Academic Press, 1982. – P. 353–398.
- Narr K.J.** Approaches to the Social Life of Earliest Man // *Anthropos*. – 1962. – Vol. 57. – P. 604–620.
- Nat D.** Eléments de préhistoire et d'archéologie nord-sibériennes. – P.: Ecole Pratiques des Hautes Etudes-Sorbonne, 1971. – 258 p. – (Contributions du Centre d'Études Arctiques et Finno-Scandinaves; Fasc. 1, N 9).
- Nat D.** Pour une paléanthropologie des espaces froids // *Inter-Nord*. – 1972. – N 12. – P. 210–233.
- Nat D.** Le Néolithique baïkalien // *Inter-Nord*. – 1974. – N 13/14. – P. 181–204.
- Nowak J., Panow E., Tokarski J., Szafer W.I., Stach J.** The second woolly rhinoceros (*Coelodonta antiquatatis* Blum.) from Starunia, Poland (geology, mineralogy, flora and fauna). – Cracovie: Imprimerie de l'université, 1930. – 47 p. – (Bull. international de L'Académie polonaise des sciences et des lettres. – Ser. B; suppl. numéro).
- Oldest human expansions** in Eurasia: favouring and limiting factors / ed. by M.-H. Moncel. – P.: Elsevier, 2010. – 478 p. – (Quaternary International; vol. 223/224).
- Orlova L.A., Kuzmin Y.V., Dementiev V.N.** The Siberian Mammoth ¹⁴C Database: Accumulating and Interpreting Data // *Current Research in the Pleistocene*. – 2007. – Vol. 24. – P. 205–207.
- Parfitt S.A., Ashton N.M., Lewis S.G., Abel R.L., Coop G.R., Field M.H., Gale R., Hoare P.G., Larkin N.R., Lewis M.D., Karloukovski V., Maher B.A., Peglar S.M., Preece R.C., Whittaker J.E., Stringer C.B.** Early Pleistocene human occupation at the edge of the boreal zone in northwest Europe // *Nature*. – 2010. – Vol. 466. – P. 229–235.
- Parfitt S.A., Barendregt R.W., Breda M., Candy I., Collins M.J., Coope G.R., Durbidge P., Field M.N., Lee J.R., Lister A.M., Mutch R., Penkman K.E.H., Preece R.C., Rose J., Stringer C.B., Symmons R., Whittaker J.E., Wymer J.J., Stuart A.J.** The earliest record of human activity in Northern Europe // *Nature*. – 2005. – Vol. 438. – P. 1008–1012.
- Pavlov P., Indrelić S.** Human occupation in Northeastern Europe during the period 35,000–18,000 BP // *Hunters of the Golden Age: The Mid Upper Palaeolithic of Eurasia 30,000–20,000 BP* / eds. W. Roebroeks, M. Mussi, J. Svoboda, K. Fennema. – Leiden: University of Leiden Press, 2000. – P. 165–172.
- Pavlov P., Roebroeks W., Svendsen J.-I.** The Pleistocene colonization of northeastern Europe: a report on recent research // *J. of Human Evolution*. – 2004. – Vol. 47, N 1/2. – P. 3–17.
- Pavlov P., Svendsen J.-I., Indrelić S.** Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // *Nature*. – 2001. – Vol. 413. – P. 64–67.
- Pawlik A.F., Thissen J.P.** Hafted armatures and multi-component tool design at the Micoquian site of Inden-Altendorf, Germany // *J. of Anthropological Science*. – 2011. – N 38. – P. 1699–1708.
- Perlès C.** Préhistoire du feu. – P.: Masson, 1977. – 180 p.
- Perlès C.** Hearth and home in the Old Stone Age // *Natural History*. – 1981. – Vol. 90, N 10. – P. 38–41.
- Pisias N.G., Moore T.C.** The evolution of Pleistocene climate: a time series approach // *Earth and Planetary Science Letters*. – 1981. – Vol. 52. – P. 450–458.
- Pitulko V.N., Nikolsky P.A., Girya E.Y., Basilyan A.E., Tumskey V.E., Koulakov S.A., Astakhov S.N., Pavlova E.Y., Anisimov M.A.** The Yana RHS Site: Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum // *Science*. – 2004. – N 303. – P. 52–56.
- Quaternary of Siberia** / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – 202 p. – (Anthropozoikum; vol. 23).
- Ranov V.A., Schäfer J.** The Palaeolithic of the late middle Pleistocene in central Asia, 400–100 ka ago // *Toward Modern Humans: The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago* / eds. A. Ronen, M. Weinstein-Evron. – Oxford: BAR, 2000. – P. 77–92. – (BAR Int. Ser.; N 850).
- Roebroeks W., Conard N., Kolfshoten T., van.** Dense Forests, Cold Steppes, and the Palaeolithic Settlement of Northern Europe // *Current Anthropology*. – 1992. – Vol. 33, N 5. – P. 551–586.
- Rolland N.** The Middle Palaeolithic as development stage: evidence from technology, subsistence, settlement systems, and hominid socio-ecology // *Hominid Evolution: Lifestyles and Survival Strategies* / ed. by H. Ullrich. – Schwelm: Archaea, 1999. – P. 315–334.
- Rolland N.** The Colonization and Occupation of Eurasia's Westernmost Region: The Lower and Middle Palaeolithic Stages in Adapting to the European Continent's Middle and Higher Latitudes // *On Being First: Cultural Innovation and Environmental Consequences of First Peopling* / eds. J. Gillespie, S. Tupačka, C. de Mille. – Calgary: Chacmool, 2001. – P. 307–322.
- Rolland N.** The Early Pleistocene Initial Peopling of North Africa and Eurasia: Major Issues, Palaeolithic and Fossil Human Evidence // *Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света* / под ред. Х.А. Амирханова, С.А. Васильева, Е.В. Беляевой. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2007. – С. 156–212.
- Rolland N.** The Early Human Occupation of High Latitudes, Boreal, Continental and Periglacial Habitats: Middle Palaeolithic Milestones in Northern Eurasia // *Middle Palaeolithic Human Activity and Palaeoecology: New Discoveries and Ideas* / eds. J.M. Burdukiewicz, A. Wiśniewski. – Wrocław: Wydawnicwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2010. – P. 15–45. – (Studia Archeologiczne; N XLI).
- Ruddiman W.F., Kurzbach J.E.** Forcing of Late Cenozoic northern hemisphere climate by plateau uplift in southern Asia and the American West // *J. of Geophysical Research*. – 1989. – Vol. 94, N 18. – P. 409–427.
- Sainte-Anne I.** Sinzelles, Pagnac, Haute-Loire: Le Paléolithique moyen de l'unité j1 / ed. by J.-P. Raynal. – Lausanne: CDERAD, 2007. – 265 p. – (Les dossiers de l'Archéo-Logis; N 3).
- Sainty J., Thévenin A.** Le Sol 74 // *Géomorphologie et préhistoire dans la région de Strasbourg: Recherches Géographiques à Strasbourg*. – Strasbourg: Association Géographique d'Alsace, 1978. – N 7. – P. 123–136.
- Santangelo A.** The Beginning and Meaning of Culture: The Cerebral Activity Underlying it. – Milan: La Pietra, 1993. – 111 p.
- Santangelo A.** Culture: Growing brain size and cerebral cortex surface – Genus Homo. – Milan: Sabaini, 1998. – 127 p.
- Schaller G.B.** Golden Shadows, Flying Hooves. – N. Y.: A.A. Knopf, 1973. – 287 p.
- Schaller G.B., Lowther G.R.** The relevance of carnivore behavior in the study of early Hominids // *Southwestern J. of Anthropology*. – 1969. – Vol. 25, N 4. – P. 307–341.

- Schultz H.-P., Eriksson B., Hirvas H., Huhta P., Jungner H., Purhonen P., Ukkonen P., Rankama T.** Excavations at Susiluola Cave // *Eripainos Suomen Museo*. – 2002. – Vol. 109. – P. 5–45.
- Schüle W.** Human evolution, animal behaviour, and quaternary extinctions: A paleoecology of hunting // *Homo*. – 1991. – Vol. 41, N 3. – P. 228–250.
- Schüle W., Schuster S.** Klima, Speer und Feuer: Zur ökologischen Rolle des frühen Menschen // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. – 1995. – Bd. 42. – S. 207–255.
- Scott C.** Two hunting episodes of Middle Palaeolithic age at La Cotte de Saint-Brelade, Jersey (Channel Islands) // *World Archaeology*. – 1980. – Vol. 12, N 2. – P. 125–133.
- Semenov S.A.** The forms and functions of the oldest tools // *Quartär*. – 1970. – Vol. 21. – P. 1–20.
- Shunkov M.** The characteristics of the Altai (Russia) Middle Palaeolithic in regional context // *Indo-Pacific Prehistory Association Bull.* – 2005. – Vol. 3, N 25. – P. 69–77.
- Slimak L.** Circulation de matériaux très exotiques au Paléolithique moyen, une notion de détail // *Bull. de la Société Préhistorique Française*. – 2008. – Vol. 105, N 2. – P. 267–281.
- Slimak L., Giraud Y.** Circulation sur plusieurs centaines de kilomètres Durant le Paléolithique moyen. Contributions à la connaissance des sociétés néandertaliennes // *Comptes Rendus Palevol*. – 2007. – Vol. 6. – P. 359–368.
- Staesche U.** Aspects of the life of Middle Palaeolithic hunters in the N.W. German Lowlands, based on the site Salzgitter-Lebenstedt // *Animals and Archaeology: 1. Hunters and their Prey* / eds. J. Clutton-Brock, C. Grigson. – Oxford: BAR, 1983. – P. 173–181. – (BAR Int. Ser.; N 163).
- Stanley V.** Paleoecology of the Arctic-Steppe Mammoth Biome // *Current Anthropology*. – 1980. – Vol. 21, N 5. – P. 663–666.
- Stiles D.** Ethnoarchaeology: A discussion of methods and applications // *Man*. New Ser. – 1977. – Vol. 12, N 1. – P. 87–103.
- Svendsen J.-I., Alexanderson H., Astakhov V.I., Demidov I., Dovesdwell A., Funder S., Gataulin V., Henriksen M.** Late Quaternary ice sheet history of northern Eurasia // *Quaternary Science Reviews*. – 2004. – Vol. 23. – P. 1229–1271.
- Tannenbaum J.** What Western Scientists Can Learn From the Vernadsky-Gurwitsch-Bauer School // *21st Century Science and Technology*. – 1999. – Vol. 12, N 2. – P. 19–21.
- Terberger T., Street M.** Hiatus or continuity? New results for the question of pleniglacial settlement in Central Europe // *Antiquity*. – 2002. – Vol. 76. – P. 691–698.
- The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers** / eds. R.B. Lee, R. Daly. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 511 p.
- The Paleolithic of Siberia: New Discoveries and Interpretations** / ed. by A.P. Derevianko. – Urbana: University of Illinois Press, 1998. – 406 p.
- Thieme H.** Ochtmissen, Stadt Lüneberg – ein faustkeilreicher Fundplatz des späten Acheuléen in der Ilmenau-Niederung // *Erkenntnisjäger: Kultur und Umwelt des Frühen Menschen, Festschrift für Dietrich Mania* / Red. J.M. Burdukiewicz, L. Fiedler, W.-D. Heinrich, A. Justus, E. Brühl. – Halle: Landesamt für Archäologie Sachsen-Anhalt, 2003. – S. 593–600.
- Tolstoy P.** From the Old World to the New World via Bering Strait // *North America* / ed. by S. Gorenstein. – N. Y.: St. Martin's Press, 1975. – P. 165–185.
- Tomirdiario S.V.** Palaeogeography of Beringia and Arctida // *American Beginnings: The Prehistory and Palaeoecology of Beringia* / ed. by F.H. West. – Chicago: University of Chicago Press, 1996. – P. 59–69.
- Torrence R.** Time budgeting and hunter-gatherer technology // *Hunter-Gatherer Economy in Prehistory* / ed. by G.N. Bailey. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – P. 11–22.
- Tricart J., Cailleux A.** *Traité de Géomorphologie*. – P.: Sedes, 1967. – T. II: Le modelé des régions périglaciaires. – 512 p.
- Turnbull C.M.** The Importance of Flux in Two Hunting Societies // *Man the Hunter* / eds. R.B. Lee, I. Devore. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 132–137.
- Turner E.** Middle and Late Pleistocene Macrofaunas of the Neuwied Basin Region (Rhineland-Palatinate) of West Germany // *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum Mainz*. – 1990. – N 37. – P. 135–403.
- Tyráček J.** Preface // *Quaternary of Siberia* / eds. J. Chlachula, R.A. Kemp, J. Tyráček. – Brno: Czech Geological Survey, 1999. – P. 4–5. – (Anthropozoikum; vol. 23).
- Ukkonen P., Lunkka J.P., Jungner H., Donner H.** New radiocarbon dates from Finnish mammoths indicate large ice-free areas in Fennoscandia during Middle Weichselian // *J. of Quaternary Science*. – 1999. – Vol. 14, N 7. – P. 711–714.
- Väliranta M., Birks H.H., Helmens K., Engels S., Piirainen M.** Early Weichselian interstadial (MIS 5c) summer temperatures were higher than today in northern Fennoscandia // *Quaternary Science Reviews*. – 2009. – Vol. 28. – P. 777–782.
- Veil S., Breest K., Höfle H.-C., Meyer H.H., Plisson H., Urban-Küttel B., Wagner G.A., Zöllner L.** Ein Mittelpaläolithischer Fundplatz aus der Weichsel-Kaltzeit bei Lichtenberg, Ldkr. Lüchow-Dannenberg: Zwischenbericht über die archäologischen und geowissenschaftlichen Untersuchungen 1987–1992 // *Germania*. – 1996. – Bd. 72. – S. 1–66.
- Velichko A.A.** Geoecology of the Mousterian in East Europe and the adjacent areas // *L'Homme de Néandertal*. – Liège: Université de Liège, 1988. – Pt 2: L'Environnement / ed. by M. Otte. – P. 181–206. – (ERAUI; vol. 29).
- Velichko A.A., Catto N.R., Koronov M.Yu., Morozova T.D., Novenko E.Yu., Panin P.G., Ryskov G.Ya., Semenov V.V., Timireva S.N., Titov V.V., Tesakov A.S.** Progressively cooler, drier interglacials in southern Russia through the Quaternary: Evidence from the Sea of Azov region // *Quaternary International*. – 2009. – Vol. 198. – P. 204–209.
- Vereshchagin N.K., Baryshnikov G.G.** Paleoecology of the Mammoth Fauna in the Eurasian Arctic // *Paleoecology of Beringia* / eds. D.M. Hopkins, J.V. Matthews, C.E. Schweger, S.B. Young. – N. Y.: Academic Press, 1982. – P. 267–279.
- Vermeersch P.M.** Middle Paleolithic Settlement Patterns in West European Open-Air Sites: Possibilities and Problems // *Settlement Dynamics of the Middle Paleolithic and Middle Stone Age* / ed. by N.J. Conard. – Tübingen: Kerns Verlag, 2001. – P. 395–417.
- Vishnyatsky L.B.** The Paleolithic of Central Asia // *J. of World Prehistory*. – 1999. – Vol. 13, N 1. – P. 69–122.
- Washburn S.L.** Speculations on the Interrelationship of the History of Tools and Biological Evolution // *The Evolution*

of Man's Capacity for Culture / ed. by J.N. Spuhler. – Detroit: Wayne State University Press, 1965. – P. 21–31.

Waters M.R., Forman S.L., Pierson J.M. Diring Yuriakh: A lower Paleolithic site in central Siberia // Science. – 1997. – Vol. 275. – P. 1281–1284.

West R.G. Pleistocene Geology and Biology, with special reference to the British Isles. – L.: Longmans, 1968. – 377 p.

Whallon R. Elements of Cultural Change in the Later Palaeolithic // The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans / eds. P. Mellars, C. Stringer. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 1989. – P. 433–454.

Wheeler P. The influence of bipedalism on the energy and water budgeting of early hominids // J. of Human Evolution. – 1991. – Vol. 21. – P. 107–136.

Wheeler P. The influence of the loss of body hair on the water budgeting of early hominids // J. of Human Evolution. – 1992. – Vol. 23. – P. 379–388.

Whiting J.W.M., Sodergren J.A., Stigler S.M. Winter Temperatures as a Constraint to the Migration of Preindustrial Peoples // American Anthropology. – 1982. – Vol. 84, N 2. – P. 279–298.

Wiley G.R. A consideration of Archaeology // Daedalus. – 1977. – Vol. 106, N 3. – P. 81–95.

Wobst M. Locational relationship sin Paleolithic society // J. of Human Evolution. – 1976. – Vol. 5. – P. 49–58.

Woodburn J. Stability and Flexibility in Hadza Residential Groupings // Man the Hunter / eds. R.B. Lee, I. Devore. – Chicago: Aldine, 1968. – P. 103–110.

Yellen J., Harpending H. Hunter-gatherer populations and archaeological inference // World Archaeology. – 1972. – Vol. 4, N 2. – P. 244–253.

Yurtsev B.A. Relicts of the Xerophyte Vegetation of Beringia in Northeastern Asia // Paleoecology of Beringia / eds. D.M. Hopkins, J.V. Matthews, C.E. Schweger, S.B. Young. – N. Y.: Academic Press, 1982. – P. 157–489.

Zeuner F.E. A History of Domesticated Animals. – N. Y.: Harper and Row, 1963. – 560 p.

Zvelebil M. Subsistence and settlement in the north-eastern Baltic // The Early Postglacial Settlement of Northern Europe / ed. by P.A. Mellars. – L.: Duckworth, 1978. – P. 205–235.

*Материал поступил в редколлегию 14.02.13 г.,
в окончательном варианте – 11.10.13 г.*

A b s t r a c t

Human occupation of northern Eurasia high latitudes entailed coping with severe bioclimatic circumstances and Ice Age cycle fluctuations. Resolving this “adaptability paradox” required depending on cultural, rather than biological means. Paleolithic evidence indicates culture historical developments of considerable time depth, long-term adaptive stages and thresholds in the “peopling of the North”. It began with Lower Paleolithic populations expanding into temperate and continental Eurasia, becoming fully actualized during the Middle and Upper Paleolithic. The Middle Paleolithic Formative Stage constituted a human biogeographic realm overlapping significantly with the Mammoth-Steppe-Biome faunal complex. Part I identifies issues, “time perspectivism”, culture, foraging adaptation, and human biogeography concepts. Lower Paleolithic occurrences, initial occupation episodes are surveyed and discussed.

Keywords: adaptive constraints strategies, culture, time perspectivism, Mammoth-Steppe-Biome, early dispersals evidence.

УДК 903.2

П. Бьяджи¹, Э. Старнини²

¹Отдел по изучению Азии и Северной Африки
 Университета Ка'Фоскари, Венеция, Италия
 Department of Asian and North African Studies, Ca' Foscari University
 Ca' Cappello, San Polo 2035, I-30125 Venezia, Italy
 E-mail: pavelius@unive.it

²Национальный музей преистории Бальци Росси, Генуя, Италия
 National Prehistoric Museum of Balzi Rossi, Archaeological Superintendency of Liguria
 Via Balbi 10, I-16126 Genova, Italy
 E-mail: elisabetta.starnini@beniculturali.it

ЛЕВАЛЛУА-МУСТЬЕРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ НИЖНЕГО СИНДА (ПАКИСТАН) И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ИНДИЙСКОГО СУБКОНТИНЕНТА

Результаты исследований, проводившиеся в последние годы в Индостане, Центральной Азии, Ближнем Востоке и на Аравийском п-ове, расширили представления о среднем палеолите этих регионов. Однако крайний юго-восток ареала леваллуазского мустье пока изучен плохо. Типично леваллуазские индустрии обнаружены в Иране, Афганистане и Узбекистане, однако они почти неизвестны на индийском субконтиненте (исключение представляют Нижний Синд и долина Инда). Материалы Онгара и других стоянок Нижнего Синда позволяют реконструировать возможные юго-восточные пути расселения неандертальцев, которым, вероятно, принадлежали эти индустрии.

Ключевые слова: леваллуа – мустье, средний палеолит, *Homo neanderthalensis*, Синд, долина Инда, индийский субконтинент.

Введение

Одна из самых волнующих проблем изучения периода среднего палеолита – определение самого южного ареала популяций неандертальцев, «которые заселяли обширные территории от Европы до Западной Азии и Среднего Востока» [Febre, Condemi, Degioanni, 2009, p. 1]. Однако эта проблема, несмотря на ее большую важность, оказалась вне сферы внимания широкого круга специалистов и привлекала, быть может, очень немногих ученых (см., напр.: [Bar-Yosef, 2011, fig. 11.1]). Выявленная к настоящему моменту в Азии область распространения костных остатков *Homo neanderthalensis* включает значительные пространства между горами Загроса и Тавра на западе [Trinkaus, Biglari, 2006], территории бывших советских республик Средней Азии, а

также Сибири на востоке [Viola, 2009]. Однако на обширной территории между западным и восточным регионами не отмечены следы пребывания неандертальцев.

Леваллуа-мустьерская каменная технология, использовавшаяся *H. neanderthalensis*, характерна для среднепалеолитических комплексов Евразии. Она нашла проявление на территориях от Иберийского п-ова [Giles Pacheco et al., 2000] до Центральной Азии и примыкающих к ней регионов [Krause et al., 2007; Bar-Yosef, Wang, 2012]. Считается, что в некоторых областях неандертальцы доживали до начала верхнего палеолита [Рыбин, Колобова, 2009]. Леваллуазская технология, несколько отличная от евразийской [Beuvin, 2011, p. 7], получила отражение в материалах среднего палеолита Северной и Северо-Восточной Африки, принадлежавших людям современного

антропологического типа [Hublin, 2000, p. 163]. Как предполагают многие ученые, индустрии начального этапа верхнего палеолита Леванта, развившиеся из среднепалеолитического комплекса левантийского мустье [Kuhn et al., 2009], типологически отличаются от синхронных наборов артефактов из Северо-Восточной Африки [Beyin, 2006, p. 24]. Недавно полученные данные по Центральной Азии могут служить подтверждением мнения о том, что люди современного антропологического типа привнесли в этот регион переходные ассамбляжи с леваллуазским технологическим компонентом [Krivoshapkin, Anokin, Brantingham, 2006].

Анатомические особенности *H. neanderthalensis* и его относительно ранняя дивергенция из рода *Homo*, о чем свидетельствуют результаты анализа митохондриальной ДНК, позволяют предположить, что эволюция неандертальцев началась приблизительно 600 тыс. л.н. [Kriings et al., 1997]. Классическими неандертальцами признаются только те особи, которые жили на протяжении последнего ледникового цикла на европейском континенте, примерно от 100 до 30 тыс. л.н. [Henke, Hardt, 2011, fig. 3.7], или, если брать более широкие рамки, на территории Евразии приблизительно с 200 тыс. л.н. «до своего загадочного исчезновения, произошедшего 28 тыс. л.н.» [Zilhão, 2010a].

Материальная культура *H. neanderthalensis* характеризуется различными мустьерскими комплексами. Многие из них демонстрируют вариабельность в удельном весе леваллуазских артефактов. Леваллуазская технология, корни которой пока не выявлены, развивалась на протяжении нижнего, среднего и также раннего этапов верхнего палеолита во многих регионах Европы, Азии и Африки [Foley, Lahr, 1997, p. 24].

Технологический подход, сформировавшийся после длительного господства типологического метода изучения каменных орудий, основывался на анализе операционной цепочки или последовательности как главного фактора, лежавшего в основе морфологических вариаций артефактов. Следующим этапом исследования стало выделение вариантов артефактов собственно леваллуазской технологии среди продуктов расщепления [Voëda, 1994]. Сегодня известно, что результатом использования разных методов раскалывания являются артефакты, и идентичные, и различающиеся по типам [Meignen, 1988]. Однако, по нашему мнению, споры вокруг значения технико-типологической вариабельности каменных ассамбляжей пока не выходят за рамки обсуждения хронологии, стиля, функции, ограничений, связанных с особенностями каменного сырья, использования и интенсивности его утилизации и зачастую не учитывают когнитивных способностей или культурного поведения представителей человеческих

видов, которые изготавливали эти орудия. Кроме участников дебатов по поводу перехода от мустье к ориньяку в Европе [Marks, Monigal, 2004], лишь немногие специалисты рассматривали многообразие материальной культуры как ключ для понимания ее вариабельности [Ranov, 1995]. Согласно палеоантропологическим данным, на протяжении среднего палеолита в Евразии существовали помимо *H. heidelbergensis* по меньшей мере пять человеческих видов – *H. neanderthalensis*, *H. sapiens*, *H. erectus*, *H. denisovensis* и *H. floresiensis* [Cavalli Sforza, Pievani, 2011].

Точно определить, какой именно таксон гоминидов ответственен за создание той или иной индустрии и технологий, невозможно, поэтому нельзя в полной мере понять значения технико-типологической вариабельности каменных ассамбляжей. Есть основания предполагать связь между анатомическими и когнитивными особенностями различных человеческих таксонов и спецификой их материальной культуры и технологий. Прежде всего это касается каменных комплексов, которые считаются «особенными индустриями, ассоциирующимися со специфическим таксоном гоминидов» [Foley, 1987, p. 391], хотя и не всегда правомерно, если вспомнить, что «каменная технология основывается на заученном поведении» [Conard, 2007, p. 2005].

С учетом недавних климатических реконструкций некоторые более мягкие периоды КИС-3 и КИС-5 способствовали экспансии неандертальских сообществ в сторону Русской равнины [Hublin, 2000, p. 163]. Согласно имеющимся свидетельствам, чтобы достичь индийского субконтинента и южных регионов Евразии, человеческие группы могли следовать двумя главными маршрутами. Первый проходил по коридору вдоль северного побережья Черного моря, где на протяжении КИС-3 сохранялись субтропические климатические условия [Bar-Yosef, Belfer-Cohen, Adler, 2006, p. 50], второй – по естественному мосту, который соединял Балканы с Анатолией. Чтобы добраться до индийского субконтинента с территории Малой Азии, нужно было пересечь Месопотамию, сухое в то время дно Персидского залива и Макранское побережье в Белуджистане [Armitage et al., 2011]. Эта гипотеза должна быть принята во внимание, поскольку леваллуа-мустьерские ассамбляжи найдены вблизи южного побережья Персидского залива в Саудовской Аравии [Petraglia et al., 2012], а среднепалеолитические индустрии «типичного мустье» с фасетированными и нефасетированными леваллуазскими компонентами – на побережье Йемена и Дофара в султанате Оман [Амирханов, 2006, с. 611]. Однако в эту в значительной степени упрощенную картину внесло коррективы открытие комплексов леваллуа-нубийского типа в Дофаре [Rose et al., 2011]. Кроме того, центрально-азиатский путь не может быть исключен из

рассмотрения *a priori* [Bar-Yosef, 2011], хотя Гиндукуш, вероятно, являлся серьезным препятствием для человеческих групп, двигавшихся в сторону индийского субконтинента.

Приведенные данные показывают, что распространение среднепалеолитических человеческих популяций было значительно более сложным процессом, чем предполагалось ранее. Однако на всех картах распространения рода *Homo* на индийском субконтиненте присутствует знак вопроса [Ibid., fig. 11.1; Henke, Hardt, 2011, fig. 3.8] ввиду полного отсутствия антропологических находок и малочисленности стоянок, относящихся к этому периоду (см.: [Beyin, 2006, fig. 3]).

Технологии среднего и позднего плейстоцена на индийском субконтиненте

Исследования, проводившиеся на протяжении последних десятилетий на индийском субконтиненте, в Центральной Азии, Иране и на Аравийском п-ве, несомненно расширили наши знания о среднем палеолите этих территорий и позволили ответить на несколько вопросов, касающихся происхождения среднепалеолитических комплексов [Petraglia, Alsharekh, 2003], их временной принадлежности [Petraglia et al., 2012], вариативности и культурных связей [Petraglia et al., 2007].

Индийские среднепалеолитические индустрии как основывающиеся на отщепеных и характеризующиеся «выраженным отсутствием формальных типов артефактов, присущих мустьерским индустриям Европы и других частей Западной Азии» впервые были определены Б. Олчином [Allchin B., 1992, p. 70]. Согласно его точке зрения, «в Индии ашель медленно эволюционировал в средний палеолит, при этом исчезали некоторые типы орудий и появлялись новые формы и новые техники» [Misra, 2001, p. 495]. Соответственно, в Западном Раджастане, регионе, граничащим с Синдом, «среднепалеолитическая индустрия Луни имеет свои корни в ашельской традиции» [Misra, 1977, p. 37]. Другими исследователями были предложены сходные концепции, основанные на недавно открытых на территории Индии комплексах [Pal, 2002, p. 67], отражающих «постепенное локальное развитие технологии раскалывания подготовленных специальным образом нуклеусов, которое берет свое начало в предшествующем ашеле» [James, Petraglia, 2009, p. 256]. Приведенные выше мнения контрастируют с предположением, выдвинутым в конце 1960-х гг. [Wainwright, Malik, 1968] и базирующимся на очень тщательном описании комплексов, обнаруженных *in situ* на других среднепалеолитических стоянках.

Одни исследователи, опираясь на характеристики вышеупомянутых комплексов, считают, что средний палеолит мустьерского типа не представлен на субконтиненте [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 314], другие же – относят среднепалеолитические комплексы полуостровной Индии к местной индустрии неवासана [Allchin R., Allchin B., 1997, p. 55–60]. Недавно эти комплексы были разделены согласно трем основным стадиям развития [Pal, 2002, p. 79], при этом большинство индустрий не содержало типичных леваллуазских элементов технологии расщепления. В тех местах, где артефакты залегают в хорошо стратифицированных условиях и радиометрически датированы, например, в отложениях дюнной стоянки Дидвана 16R в Великой Индийской пустыне [Misra, Rajaguru, 1989], среднепалеолитические комплексы находятся между слоями, содержащими раннепалеолитические (ашельские) и позднепалеолитические (т.н. микролитические, пользуясь терминологией 50-летней давности (см.: [Subbarao, 1956]) комплексы [James, Petraglia, 2005].

Согласно немногим абсолютным датам, среднепалеолитические комплексы в регионе представлены с ок. 150 тыс. л.н. Позднепалеолитические (верхнепалеолитические) появились, вероятно, сразу после 40 тыс. л.н. [Chakrabarti, 1999, p. 75]. Однако расселение людей современного типа, следовавших прибрежным маршрутом, предположительно имело место на 10 тыс. лет раньше [Field, Petraglia, Mirazón Lahr, 2007]. Недавно появившиеся результаты генетических исследований позволяют допустить, что это происходило между 75 и 60 тыс. л.н. [Bulbeck, 2007, p. 316], хотя археологических свидетельств, подтверждающих эту дату, очень немного [Beyin, 2011, p. 3]. Проблема определения антропологического типа создателей среднепалеолитических ассамбляжей до сих пор дискутируется [Haslam et al., 2010], главным образом по причине отсутствия каких-либо антропологических материалов, относящихся к этому времени, с территории Индостана [Stock, Mirazón Lahr, Kulatilake, 2007].

Вопрос о распространении на юг *H. neanderthalensis* и леваллуа-мустьерских индустрий – один из наиболее важных и вместе с тем наименее обсуждаемый. Типичные леваллуа-мустьерские комплексы обнаружены на иранском побережье Макрана [Vita-Finzi, Copeland, 1980], островах Ормузского пролива [Dashtizadeh, 2010], на территориях Ирана [Jaubert et al., 2009], Афганистана [Dupree, 1972] и бывших советских республик Средней Азии [Movius, 1953], однако типичные леваллуазские ассамбляжи на индийском субконтиненте почти не известны, исключение составляют несколько поверхностных комплексов и отдельные артефакты из Нижнего Синда и долины Инда [Biagi, 2006; Biagi, Starnini, 2011].

Исследования в Синде

Географические условия

Синд – самая южная провинция современного Пакистана. Его территория разделяется на две части соответственно меридиональному направлению течения Инда. Западный регион сложен известняковыми формациями Киргара, Раникота, Брагуи и Гаджа [Blandford, 1880], некоторые из которых содержат богатые выходы высококачественного кремня [Biagi, Starnini, 2008; Biagi, Nisbet, 2010]. Центральная часть провинции представлена аллювиальной равниной р. Инд, который неоднократно менял свое русло [Flam, 1999], и его дельтой, постоянно расширяющейся в сторону Аравийского моря [Giosan et al., 2006]. Восточная часть Синда покрыта песчаными дюнами пустыни Тар, или Великой Индийской пустыни, и испещрена многочисленными солончаками. Холмы Рохри в верхнем Синде расположены между Индом и западным краем дюн пустыни Тар.

Леваллуа-мустьерские комплексы Нижнего Синда

Типичные леваллуа-мустьерские индустрии известны на нескольких стоянках в Нижнем Синде, расположенных к западу от Инда (рис. 1). Наиболее важным среди них является местонахождение Онгар, более известное под названием «101-я миля» [Allchin B., 1976, p. 486]; оно находится примерно в 25 км к юго-юго-востоку от Хайдерабада. Это местонахождение было открыто У.А. Фэйрсервисом мл. в 1959 г. [Fairservis, 1975, p. 76]. Позднее Онгар посетил Б. Олчин, который частично опубликовал материалы в 1970-е гг. [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 300]. На вершине подковообразной в плане известняковой террасы Б. Олчин исследовал палеолитические комплексы и мастерскую по расщеплению камня, содержащую разновременные материалы (рис. 2). Опубликованный комплекс включал 22 артефакта: 5 скребел, 2 острья, 6 пластин, 8 отщепов двух типов и технический скол. Все предметы были отнесены к среднему палеолиту [Ibid., tab. 8.9b].

В начале 1970-х гг. Онгар посетил проф. А.Р. Кхан. В это время в месте расположения стоянки находился известняковый карьер. В ходе спасательных работ А.Р. Кханом были собраны сотни леваллуазских артефактов, в т.ч. типичные черепаховидные нуклеусы со следами центростремительных снятий

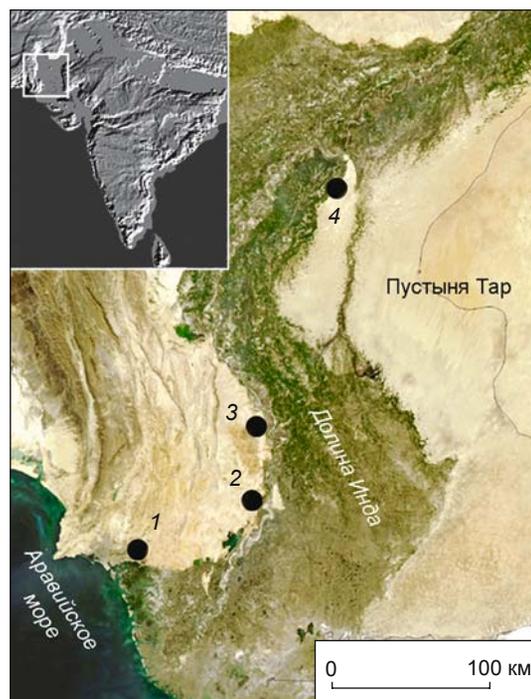

Рис. 1. Леваллуа-мустьерские комплексы в Нижнем Синде.

1 – Карачи и соседние стоянки; 2 – Онгар; 3 – Арзи; 4 – примерное расположение стоянок на холмах Рохри. Рисунок П. Бьяджи и Э. Старнини.

отщепов, ретушированные и неретушированные острья, отщепы, пластины и различные типы продольных и поперечных скребел с фасетированными площадками типа *chapeau de gendarme*, типичный мустьерский остроконечник (рис. 3, 4). А.Р. Кхан впервые сообщил о «присутствии в этом регионе леваллуазской индустрии, вне всяких сомнений» [Khan, 1979b, p. 80]. К сожалению, проф. А.Р. Кхан точно не зафиксировал место сбора леваллуазских орудий, на карте

Рис. 2. Космоснимок местонахождения Онгар. Справа – подковообразная терраса, исследовавшаяся Б. Олчином в 1970-е гг. Круглом обозначено место, на котором в 2006 г. были собраны леваллуазские артефакты.

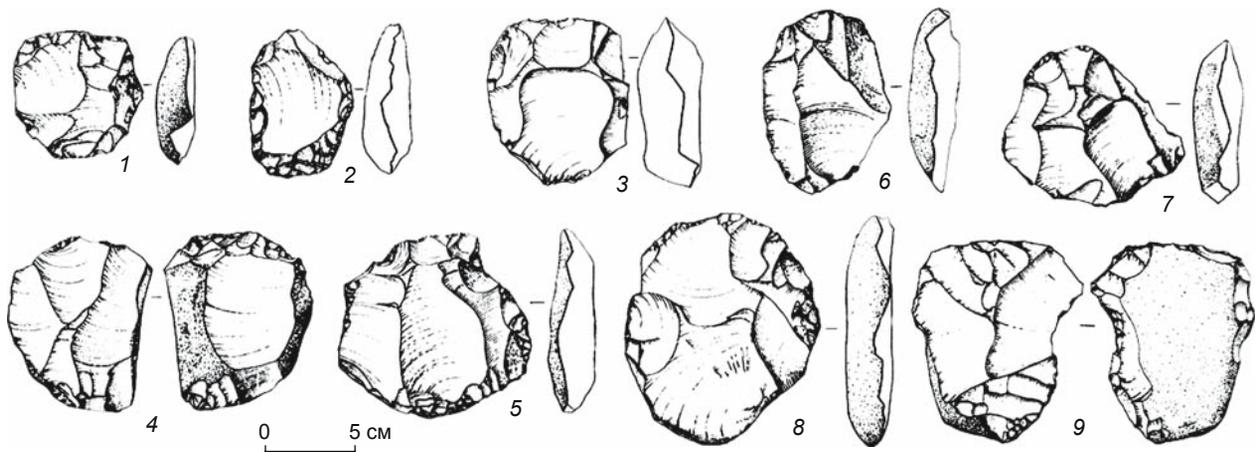

Рис. 3. Леваллуазские нуклеусы, собранные А.Р. Кханом на местонахождении Онгар в 1970-е гг. Рисунки П. Бьяджи, прорисовка тушью Г. Альмерионья.

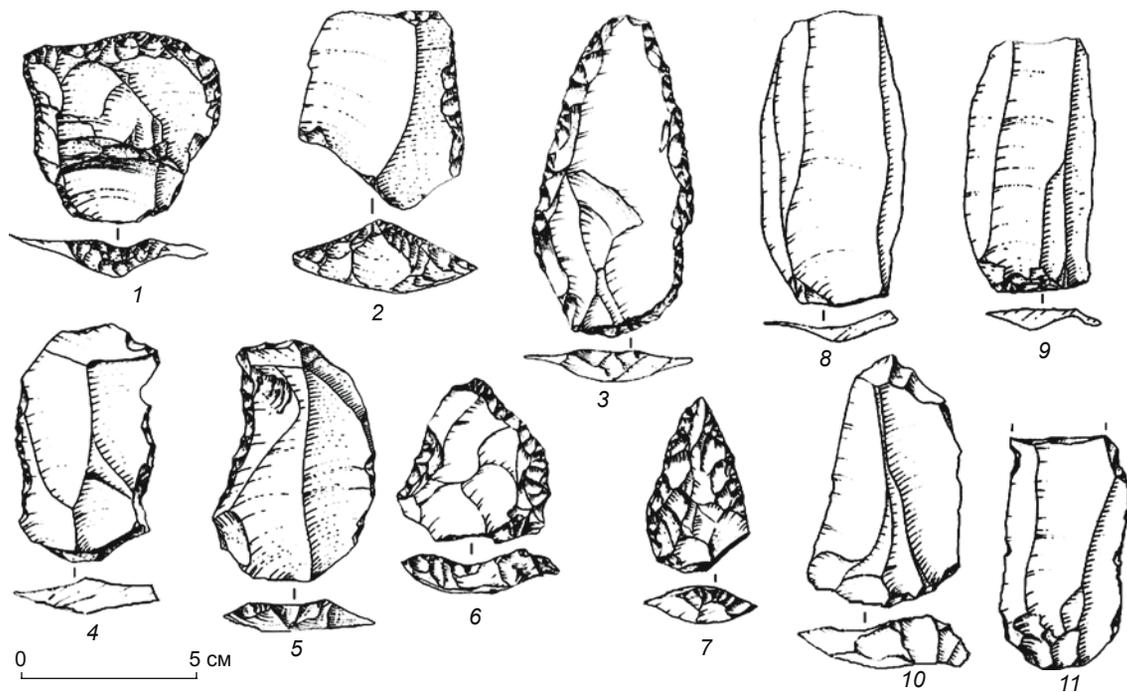

Рис. 4. Находки с местонахождения Онгар.

1–6 – леваллуа-мустьерские продольные и поперечные скребла; 7 – мустьерский остроконечник; 8, 9, 11 – неретушированные пластины и пластинчатые отщепы; 10 – неретушированный леваллуазский остроконечник. Рисунки П. Бьяджи, прорисовка тушью Г. Альмерионья.

он обозначил несколько точек – места обнаружения палеолитических артефактов. Им также не были представлены какие-либо описания спасательных работ. Согласно неопубликованной карте, все стоянки находились в южной и восточной частях упомянутого выше подковообразного холма [Ibid.].

Коллекции Онгара, собранные проф. А.Р. Кханом в 1970-е гг., в настоящее время хранятся в неразобранном виде в Музее предыстории и палеогеографии департамента географии Университета Карачи.

С 300 артефактами из этого местонахождения, некоторые из которых находились в экспозиции музея, удалось познакомиться одному из авторов данной статьи – П. Бьяджи. Все предметы покрыты светло-коричневой патиной. Среди них – 11 округлых, односторонних, радиально подготовленных, частично покрытых естественной коркой леваллуазских нуклеусов со следами центростремительных снятий (см. рис. 3); псевдопризматический (подпризматический) нуклеус с гладкой прямой ударной площадкой и негативом сня-

тия пластинчатого отщепа длиной 12 см; 4 продольных скребла со следами односторонней ударной ретуши на отщепках с фасетированной ударной площадкой (см. рис. 4, 2, 4–6); 2 продольно-поперечных скребла с признаками ударной ретуши на отщепках с ретушированными площадками (см. рис. 4, 1); ретушированный леваллуазский остроконечник с фасетированной площадкой (см. рис. 4, 10); типичный мустьерский остроконечник, обработанный билатеральной распространённой ударной ретушью, изготовленный на отщепе с фасетированной площадкой (см. рис. 4, 3). В состав неретушированных сколов входят отщепы и пластинчатые отщепы (см. рис. 4, 8, 9, 11), некоторые из них – с фасетированными площадками.

Проанализировав коллекции проф. А.Р. Кхана, П. Бьяджи в 2005–2008 гг. проводил систематические разведки на холмах Онгар, Дапхро и Бекхаин, на равнине, которая находится к западу от железнодорожной станции Метин, и на окружающих плато [Biagi, 2005]. Во время этих разведок им были обнаружены артефакты с характерной светлой патиной, комплексы, типологически сопоставимые с наборами орудий, собранными проф. А.Р. Кханом (рис. 5). Изделия были извлечены из верхней части разреза низкой аллювиальной террасы, рассеченной руслами сезонных водотоков, которые стекали в восточном направлении в сторону д. Онгар и трассы [Biagi, Nisbet, 2011] (рис. 6). Кроме того, несколько артефактов, в т.ч. леваллуазские ядрища,

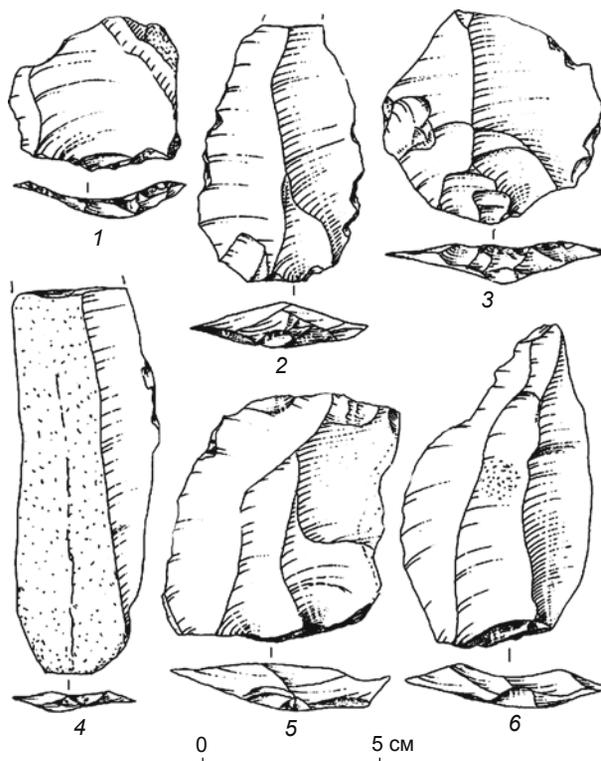

Рис. 5. Находки с местонахождения Онгар. Все предметы собраны на берегу временного водотока в 2005–2008 гг. Рисунки П. Бьяджи, прорисовка тушью Г. Альмерионья. 1–3 – леваллуа-мустьерские отщепы; 4 – пластина; 6 – острие.

Рис. 6. Место обнаружения леваллуа-мустьерских артефактов на местонахождении Онгар. Кругом обозначено место сборов в 2006 г. Фото П. Бьяджи.

были собраны на поверхности одной из невысоких эрозионных возвышенностей с плоским верхом.

Находки с первого из двух местонахождений включали только леваллуазские отщепы и пластины с фасетированной ударной площадкой *chapeau de gendarme*. Все изделия были покрыты белой патиной. На продольных краях изделий прослежены отдельные сколы вторичной отделки. Ввиду отсутствия датирующего материала определение их абсолютной хронологии затруднено, однако некоторые технологические особенности каменных комплексов, например, наличие неретушированных длинных пластин, могут указывать на принадлежность к позднему этапу верхнего палеолита.

Другие небольшие типичные леваллуа-мустьерские ассамбляжи и отдельные изделия обнаружены на иных местонахождениях и на поверхности в районе к востоку от Карачи, в т.ч. на возвышенностях Мулри, Ландхи, Дех Конкар [Khan, 1979a, p. 13] и хребте Лаки [Biagi, 2008]. Один характерный леваллуа-мустьерский отщеп с фасетированной площадкой был найден на поверхности известняковой террасы вблизи белуджийской деревни Арзи, к востоку от национальной дороги, в нескольких километрах к северу от Хайдебада [Biagi, 2010].

Среднепалеолитические комплексы на холмах Рохри (Верхний Синд) и в пустыне Тар (Раджастан)

Среднепалеолитические артефакты обнаружены на холмах Рохри в Верхнем Синде [Allchin B., 1976]. Часть их террас, обращенных к западу, стала местом в 1994–2002 гг. систематических археологических разведок, проводившихся участниками Совместного проекта по изучению холмов Рохри [Starnini, Biagi, 2011].

Холмы Рохри расположены к востоку от Инда. На их северной оконечности река делает поворот на запад и течет по ущелью Буккур, расположенном между Суккурором и холмами Рохри, где их восточный край определяется старым руслом Хакра (нынешний канал Нара). Холмы сформированы эоценовыми известняками формации Брагуи, очень богатыми выходами кремня превосходного качества, который использовался с раннего палеолита [De Terra, Paterson, 1939, p. 331]. На вершинах холмов находятся многочисленные археологические стоянки, среди которых – разновременные мастерские по раскалыванию кремня; они относятся к периоду от ашеля до развитого этапа цивилизации долины Инда [Biagi, Cremaschi, 1991]. Ландшафт холмов может быть описан как степь-полупустыня, характеризующаяся очень низким количеством осадков [Seth, 1978, fig. 2]; максимальная температура в июне до 46 °C [Ahmad, 1951].

Человек использовал различные кремневые источники на холмах Рохри вряд ли постоянно на протяжении всего палеолита, предполагает П.Р. Чаухан [Chauhan, 2009, p. 132]. Но, скорее всего, это происходило только в отдельные периоды палеолита на четко определяемых участках возвышенностей, в основном на террасах южнее Рохри, на северной границе холмов в регионе к востоку от святилища Шади Шахид и мавзолея Зиарат-пир-Шабан (рис. 7). Отдельности кремня в зависимости от источника варьируют от одноцветных и гладких до полосатых со слегка бороздчатой структурой. Выходы сырья на западе центральной части холмов (холмы Шади Шахид) эксплуатировались во время четко определяемых периодов ашеля и позднего (верхнего) палеолита, в III тыс. до н.э., во время развитой Харappy здесь находились шахты по добыче кремня [Starnini, Biagi, 2006].

Благодаря разведкам и раскопкам в 1994–1997 гг. на Шади Шахид была в основном реконструирована последовательность развития палеолита холмов Рохри. На основе технико-типологических характеристик каменных находок, данных о степени выветривания и патинизации их поверхности было выделено шесть главных серий артефактов. Серия 5 отнесена к финальному среднему палеолиту, она включала лишь несколько артефактов, которые «напоминали леваллуазские отщепы с двугранными и фасетированными ударными площадками», и два нуклеуса «со следами центростремительных снятий, очень похожие на леваллуазские образцы» [Negrino, Kazi, 1996, p. 32]. Согласно данным Ф. Негрино и М. Казы, серии 5 предшествовала серия 4, принадлежавшая позднему ашелю. Наибольшая концентрация мастерских этого периода, характеризующихся специфическим производством бифасиальных ручных рубил, изготовленных из больших отщепов, отмечена в Зиарат-пир-Шабан. Остатки мастерских находились *in situ*. Они были частично перекрыты тонким слоем отложений, относящихся предположительно к первой фазе последнего оледенения [Biagi, Kazi, Negrino, 1996]. За серией 5 следует серия 6, включающая близкие к конусовидным пластинчатые нуклеусы, пластинчатые отщепы и побочные продукты производства пластин. Все эти предметы были обнаружены *in situ* на сотнях мастерских начала позднего (верхнего) палеолита [Biagi et al., 1998–2000]. Несколько артефактов леваллуазского облика с гладкими и фасетированными ударными площадками собрано с поверхности в районе Зиарат-пир-Шабан [Negrino, Kazi, 1996, fig. 22].

Северная и южная окраины холмов окружены дюнами западной части пустыни Тар, где обнаружено много палеолитических стоянок [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978]. По данным Р. Дира и А. Сингхви, в этом регионе эоловая активность была особенно интенсивной ок. 100–150 тыс. л.н., она сменялась эпи-

зодами накопления отложений, в результате чего образовались кальцинированные горизонты. Период от 60 до 40 тыс. л.н. вновь отмечен эоловой активностью [Dhir, Singhvi, 2012]. Две вышеупомянутые аридные фазы способствовали «запечатыванию» большинства средне- и позднеплейстоценовых горизонтов. Каменные артефакты этого периода происходят как из аллювиальных отложений, так и из отложений стабилизировавшихся дюн. Озерные котловины, чьи берега иногда покрыты многочисленными палеолитическими артефактами, являются индикаторами гумидной фазы, которая реконструируется для этого региона 125–100 тыс. л.н. [Deotare et al., 2004, p. 23], в то время как красноцветные отложения датируются 58–39 тыс. л.н. [Tandon, Jain, 2001, p. 19].

Б. Олчин и А. Гоуди отмечают, что «длительная среднепалеолитическая гумидная фаза» была сопряжена с почвообразованием и выветриванием дюн [Allchin B., Goudie, 1978, p. 309–310]. Она, согласно люминесцентной хронологии долины р. Луни, датируется периодом после 70 тыс. л.н. [Jain et al., 1999]. Во время КИС-5 в котловине оз. Дидвана и в других частях пустыни [Deotare et al., 2004] господствовал влажный климат.

Среднепалеолитические ассамбляжи из этого региона включают орудия различных типов, в т.ч. леваллуазские артефакты, отражающие «подготовку ударной площадки» [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 311]. Однако автором данной статьи в ходе разведок на стоянках в пустыне Тар или в Верхнем Синде не удалось найти ни одного типичного леваллуазского нуклеуса или скола, хотя об обнаружении подобных артефактов на холмах Рохри сообщалось в работе Б. Олчина и его соавторов [Ibid., 1978, tab. 8.3]. Не известно о находках в виде леваллуазских орудий и из таких стоянок, как Навар Пенджаби (Уннар) и Чанча Балудж в юго-западной части холмов Рохри или из Хокра, Гурха и оз. Шамбар в индийской части пустыни Тар. Типологические списки артефактов из вышеперечисленных стоянок включают различающиеся в процентном отношении резцы, кливеры, рубила, чопперы и чоппинги, но в них не упоминается ни о леваллуазских, ни о мустьерских орудиях [Ibid., tab. 4.8]. Согласно обзору данных о палеолите пустыни Тар, средний палеолит данного региона «демонстрирует преемственность с предыдущим периодом» [Petraglia, Groucutt, Blinckhorn, 2013, p. 72], однако авторы публикации не предоставляют каких-либо доказательств этого.

Археологические стоянки Уннара были полностью уничтожены с появлением здесь в 1980-е гг. карьера [Biagi, 2008, fig. 13]. Во время разведки в январе 1986 г. вдоль северо-западной части холма удалось обнаружить несколько харапписких каменных мастерских, на территории последних собрано несколько ашельских ручных рубил [Biagi, Cremaschi, 1988, p. 428].

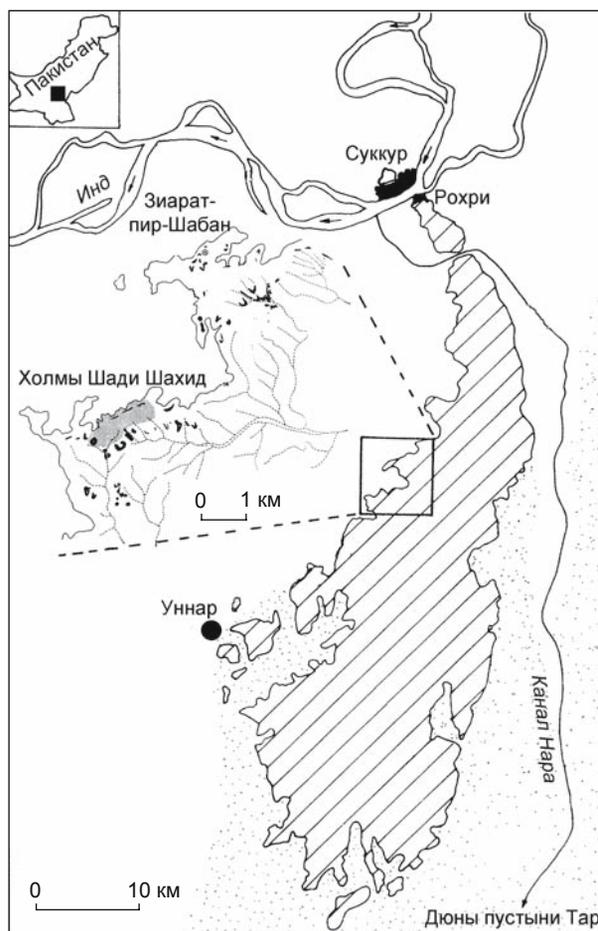

Рис. 7. Расположение наиболее важных стоянок, упомянутых в тексте, на холмах Рохри. Рисунок П. Бьяджи.

Уннар – очень важная для науки стоянка, поскольку ее исследования позволили получить одну из наиболее полных палеопедагогических последовательностей для данного региона [Biagi, Cremaschi, 1990, p. 32]. В 300 м к востоку от Уннара на возвышенности, которую называют холмом Уннар, обнаружено несколько сотен палеолитических артефактов, находившихся в экспонированном положении. Среди них определено несколько отщепов, морфологически близких к леваллуазским; они названы, скорее всего не совсем корректно, протолеваллуазскими [Biagi, Cremaschi, 1988, p. 429].

Ничего не известно о местонахождении в Чанча Балудж, поскольку урочище не представлено на официальной топографической карте Пакистана масштаба 1:50000. Это место не известно даже местным жителям. В работах некоторых исследователей Чанча Балудж ошибочно обозначен на западном берегу Инда, в Южном Пенджабе [James, Petraglia, 2005, fig. 1, n. 2; James, 2007, fig. 3, n. 2]. Однако Б. Олчин и его коллеги опубликовали описание и иллюстрации каменного ассамбляжа с этого местонахождения, рас-

положенного предположительно в 4 км от Кот Диджи [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 284]. Коллекция состоит из различных типов нуклеусов и орудий, среди которых имеются пластины и нуклеусы для пластин, кареноидные скребки, резцы, тесла, кливеры и чоппинги, которые не имеют аналогов среди находок с других стоянок на холмах Рохри. Авторы сравнивают эти изделия с артефактами из Хокра, находящегося в 5 км к северо-востоку от Будха Пушкар в Раджастане, и из других стоянок данного региона [Ibid., tab. 4.8]. Важно, что по типологии и структуре эти комплексы радикально отличаются от обнаруженных проф. А.Р. Кханом в Онгаре. Как уже упоминалось, последние представлены овальными черепаховидными леваллуазскими нуклеусами со следами центростремительных снятий отщепов, различными типами продольных и поперечных скребел на леваллуазских отщепках с фасетированной ударной площадкой *chapeau de gendarme*, типичным мустьерским остроконечником, характерными леваллуазскими отщепами и несколькими широкими пластинами. Поскольку на стоянках, о которых сообщали Б. Олчин и его соавторы [Ibid., tab. 8.9b], перечисленные артефакты отсутствовали, а находки с поверхности, в т.ч. резцы, тесла, кливеры и чоппинги [Ibid., tab. 8.7], были разнородными, атрибутировать артефакты со стоянок на холмах Рохри как среднепалеолитические вряд ли возможно. Характеристики описанных выше комплексов не позволяют сомневаться в том, что технико-типологические различия между среднепалеолитическими индустриями пустыни Тар и типичными леваллуа-мустьерскими комплексами Онгара и Карачи были разительные.

Обсуждение

Согласно исследованиям палеоантропологических остатков с территории Европы, неандерталец представляет отдельный вид – *H. neanderthalensis*, который, как считалось ранее, не участвовал в эволюционной истории современных людей [Kriings et al., 1997]. Однако, по последним данным, возможно его смешение с современными людьми, по крайней мере, в Центральной Азии [Viola, 2009, p. 215]. Хронологическая граница между средним и верхним палеолитом остается неясной, но результаты изучения технико-типологических характеристик каменного материала и его использования свидетельствуют о резкой смене традиций ориньяка традициями барадостиана и поддерживают таким образом мнение о том, что неандертальцы были вытеснены антропологически современными людьми в большей части Евразии [Jöris et al., 2011, p. 22]. С учетом присутствия переходных комплексов начального верхнего палеолита во многих регионах общая картина, без сомнения, выглядит неопределенной,

противоречивой [Zilhão, 2010b] и сложной [Glantz et al., 2008]. Предполагается, что эти комплексы были оставлены людьми современного типа, и хронологически они более ранние, чем ориньякские комплексы *sensu lato* [Bar-Yosef, Pilbeam, 2000].

Леваллуа-мустьерские комплексы из Нижнего Синда демонстрируют характерные для этого типа индустрий особенности. Например, наличие дисковидных черепаховидных нуклеусов со следами центростремительных снятий отщепов, неретушированных леваллуазских острий, продольных и поперечных скребел, леваллуазских отщепов и пластин с фасетированной площадкой *chapeau de gendarme* и мустьерского остроконечника (см. рис. 4, 5). С нашей точки зрения, эти комплексы маркируют самую южную границу ареала *H. neanderthalensis* [Biagi, 2006, 2008; Biagi, Starnini, 2011], которой он достиг на северо-западной периферии Индостана, двигаясь, вероятно, по Анатолийско-Кавказско-Месопотамскому коридору. То, что неандертальцы не смогли выйти за пределы долины Инда, с учетом реконструкции путей миграции человека современного типа [Stock et al., 2007, fig. 1] можно объяснить существованием ландшафтного или экологического барьера. Мы не знаем почти ничего о точном месте расположения и природно-климатических характеристиках дельты Инда в позднем плейстоцене, но можем утверждать, что рельеф Нижнего Синда того периода значительно отличался от современного или, например, эллинистического периода [Wilhelmy, 1968; Eggermont, 1975; Biagi, 2011].

Несколько леваллуазских отщепов с гладкой, выпуклой ударной площадкой были обнаружены на расположенных далее к востоку стоянках, например, на Баридхани и в других областях Индии [Gordon, 1958, fig. 2; Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 211]. Отщепы с леваллуазскими особенностями были собраны на поверхности нескольких стоянок на холмах Рохри, например, на Уннаре [Negrino, Kazi, 1996, p. 31]. Известно, что леваллуазские ядрища и отщепы были найдены в пещере Сангхао, расположенной в Северо-Западной Пограничной провинции [Allchin B., 1973]; они имеются также в комплексах т.н. позднего соана в Северного Пакистана [Movius, 1948; De Terra, Paterson, 1939, pl. XLII]. Содержание термина соан [Paterson, Drummond, 1962] и его подразделений было недавно пересмотрено [Chauhan, 2007], некоторые соанские индустрии демонстрируют общее сходство с позднелеваллуазскими технокомплексами Европы (наличие элементов технологии леваллуазских нуклеусов, а также типичных леваллуазских острий с фасетированными площадками [Krishnaswamy, 1947, fig. 6; Gordon, 1958, p. 10]), что дает основание некоторым исследователям предполагать присутствие на этой территории неандертальцев [Sen, 1976, p. 64].

Данные по Нижнему Синду позволяют представить юго-восточную границу распространения леваллуазской техники; она проходит примерно по течению р. Малир (Карачи) на юге и до Арзи на севере. О наличии леваллуазских артефактов в других местах долины Инда не известно, возможно, потому, что там не проводились какие-либо систематические разведки. Предположение о том, что материалы Нижнего Синда соответствуют юго-восточной границе зоны проникновения неандертальцев, может критиковаться или отвергаться, однако с учетом имеющихся свидетельств оно имеет право на существование.

Леваллуа-мустьерские ассамбляжи, которые были обнаружены на известняковых террасах, протянувшихся с севера на юг на западе аллювиальной равнины Инда, могут маркировать юго-восточную границу леваллуа-мустьерской культурной провинции. Леваллуа-мустьерские индустрии не известны на стоянках, расположенных восточнее Инда. Это согласуется с утверждением о том, что «средний палеолит Индии является немустерским», поддержанным недавно на основе свидетельств, приведенных выше [Biagi, 2005, 2006, 2008; Biagi, Starnini, 2011], рядом специалистов [Voivin et al., 2013, suppl., Material B].

Представленные здесь данные, по всей видимости, подтверждают недавно сформулированный вывод о том, что «ранний средний палеолит (или средний каменный век) Индии и Непала, вероятно, развивался независимо» [Dennell, 2009, p. 144]. Это позволяет предполагать существование четкой границы, проходившей, вероятно, вдоль течения Инда, что противоречит мнению В.А. Ранова о заселении Центральной Азии в результате «миграции, скорее всего, с Ближнего Востока» [Ranov, 2001, p. 23].

Среднепалеолитические, позднеплейстоценовые каменные ассамбляжи из Нижнего Синда представлены типичными леваллуа-мустьерскими комплексами. Само их наличие в западной части нижнего течения Инда – уникальное явление для индийского субконтинента. В данной связи можно обсудить несколько важных тем: 1. Юго-восточная граница распространения леваллуа-мустье и взаимоотношения леваллуа-мустье со средним (и поздним) палеолитом индийского субконтинента; 2. Технично-типологическая и хронологическая последовательность палеолитических комплексов Синда; 3. Самая восточная область распространения ориньяка и сопоставление ориньяка с поздним (верхним) палеолитом Индостана; 4. Видовая принадлежность гоминидов, создавших упомянутый выше комплекс артефактов; 5. Хронология событий, имевших место в описываемом регионе на протяжении среднего палеолита.

1. Типичные леваллуа-мустьерские индустрии, открытые в Нижнем Синде, не находят близких параллелей в других регионах индийского субконтинента. Их

можно сопоставить с комплексами из Ирана на западе и Центральной Азии на севере, многие из которых атрибутированы как принадлежавшие неандертальцам. Восточнее Инда средний палеолит характеризуют отщеповые комплексы, которые иногда включают небольшое количество предметов, напоминающих по морфологии леваллуазские. Как уже сообщалось, даже среднепалеолитические ассамбляжи с холмов Рохри и из пустыни Тар отличаются от комплексов со стоянок Онгар и в пров. Карачи, расположенных юго-западнее.

2. Месторождения кремня на холмах Рохри всегда рассматривались как наиболее важный источник каменных ресурсов в долине Инда. Они эксплуатировались от раннего палеолита до бронзового века [Allchin R., Allchin B., 1997, p. 69]. До 1990-х гг. эти местонахождения систематически не исследовались, было лишь несколько непродолжительных поездок в легко доступные места около Рохри и национальной дороги на Карачи в районе Кот Диджи [Allchin B., 1976]. Соответственно, практически отсутствовали информация о насыщенности региона памятниками каменного века, характеристика бесчисленных мастерских и шахт по добыче кремня, разбросанных по вершинам холмов, и хронокультурная атрибуция большинства стоянок. Многие позднеплейстоценовые кремневые мастерские холмов Рохри с учетом своеобразия технико-типологического облика коллекций, состоящих преимущественно из подконусовидных нуклеусов с негативами серийных снятий пластин и пластинчатых отщепов, и наличия концевых скребка на длинной пластине были отнесены к позднему (верхнему) палеолиту. Таким образом, определение поздне-/верхнепалеолитического возраста этих индустрий (см.: [Allchin B., Goudie, Hedge, 1978, p. 280]) было основано на данных: а) о толщине и цвете патинизированной корки артефактов, которая отличалась от поверхности раннепалеолитических (ашельских) артефактов и каменных изделий бронзового века (культура Хараппа) [Biagi, Cremaschi, 1988, p. 426]; б) о стратиграфической позиции ассамбляжей [Biagi et al., 1998–2000]; в) о находках в виде бифасиальных пиков, использовавшихся, вероятно, для извлечения кремневых желваков [Biagi, 2008, fig. 19]. В комплексах холмов Рохри заготовки для ашельских рубил, а также пластины и пластинчатые отщепы, получаемые при расщеплении субконусовидных поздне-/верхнепалеолитических нуклеусов, были отколоты методом прямого удара жесткого отбойника, применявшимся при утилизации отдельностей кремня, покрытых естественной коркой [Biagi, Kazi, Negrino, 1996]. О среднепалеолитической технике первичной эксплуатации нуклеусов ничего не известно, поскольку отсутствуют сведения о кремневых мастерских этого времени на холмах Шади Шахид. Географические границы ареалов

нескольких ашельских и более многочисленных поздне/верхнепалеолитических мастерских в данной местности не совпадают. Похожая ситуация известна на Онгаре; большинство леваллуазских комплексов происходит с нижней аллювиальной террасы [Biagi, Nisbet, 2011], в то время как ашельские, поздне/верхнепалеолитические и хараппские мастерские зафиксированы на вершинах холмов.

3. Восточная граница зоны распространения ориньяка и барадостиана совпадает с очерченной нами границей ареала леваллуа-мустьерских технокомплексов. Эти индустрии зафиксированы на территории Ирана [Otte, Kozłowski, 2007] и Центральной Азии [Otte, Derevianko, 2001; Otte, Kozłowski, 2011, fig. 8], но ни об одном подобном комплексе ничего не известно в Индостане, где начало позднего (верхнего) палеолита характеризуется совершенно иными ассамбляжами [Murty, 1979], а также индустриями с геометрическими микролитами в Южной и Центральной Индии [Clarkson et al., 2009]. Данная ситуация – повод для возобновления дискуссии о преемственности между средним и поздним (верхним) палеолитом на территории Южной Азии [Kuhn et al., 2004].

4. Отсутствие позднеплейстоценовых останков человека на территории Индостана делает общую картину еще более сложной для интерпретации. Костные остатки неандертальцев, известные на территории Ирана и Центральной Азии, ассоциируются с леваллуа-мустьерскими ассамбляжами. В большей части изученных стратиграфических последовательностей Загроса леваллуа-мустьерские комплексы сменяются ориньякскими/барадостианскими индустриями; вместе с тем в Центральной Азии ассамбляжи нижнего верхнего или раннего верхнего палеолита рассматриваются в качестве переходных к развитому верхнему палеолиту. Как леваллуа-мустьерские, так и ориньякские стоянки не известны на индийском субконтиненте; исключением являются местонахождения Нижнего Синда, а также несколько типичных леваллуазских артефактов позднего соана из Северо-Западной Пограничной провинции [De Terra, Paterson, 1939, pl. XLII] и, может быть, пещеры Сангхао в Северном Пакистане [Derevianko, Lü Zun-E, 1992, fig. 3]. Таким образом, на индийском субконтиненте в надежном стратиграфическо-культурном контексте пока не найдены антропологические остатки, поэтому невозможно связать определенный вид человека с конкретной индустрией; это проблема для большинства среднепалеолитических комплексов Восточной Европы и Центральной Азии [Marks, Monigal, 2004, p. 78].

5. Средне- и позднепалеолитическая хронологическая последовательность всего индийского субконтинента до сих пор изучена плохо и основывается лишь на нескольких радиометрических датах (см.: [Chakrabarti, 1999, p. 74]), на которые и полага-

ется большинство исследователей, по крайней мере, в том, что касается стоянок в пустыне Тар. Именно ввиду малочисленности дат не удается не только вписать стоянку Онгар и другие комплексы Нижнего Синда в общую картину индийского среднего палеолита, но и выявить последовательность смены различных культурных событий, которые имели место в позднем плейстоцене на изучаемых территориях.

В заключение следует сказать, что средний палеолит Синда является малоизученным явлением [Marks, 2012]. В отличие от леваллуа-мустьерских комплексов Нижнего Синда, каменные индустрии из пустыни Тар и с холмов Рохри могут отражать иной, возможно, независимый путь развития индийского позднего и среднего палеолита.

Благодарности

Авторы признательны проф. А.Р. Кхану (Университет Карачи) за поддержку исследований каменных коллекций стоянки Онгар, хранящихся в настоящее время на географическом факультете Университета Карачи. Разведки 2005–2008 гг. на Онгаре проводились при сотрудничестве между Университетом Ка’Фоскари, Университетом Венеции (I) и Университетом Синда в Джамшоро. Авторы признательны Мир Атта М. Талпуру и Мир Фарук А. Талпуру, а также всем друзьям в Синде, которые содействовали организации полевых исследований на Онгаре. Особая благодарность – проф. В. Хенке (Университет Майнца), Я.К. Козловскому (Краковский университет), К. Шимчаку (Варшавский университет) и двум анонимным рецензентам за их полезные комментарии и предложения, а также проф. Ч. Бонсэлли (Эдинбургский университет) за участие в подготовке англоязычного текста. Исследования на Онгаре стали возможны благодаря финансовой поддержке МИД Италии, Университета Ка’Фоскари, Университета Венеции и Университета Синда в Джамшоро. Статья была написана при поддержке Археологического исследовательского гранта Университета Ка’Фоскари.

Список литературы

- Амирханов Х.А. Каменный век Южной Аравии. – М.: Наука, 2006. – 694 с.
- Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариативность и эволюция // *Stratum plus*. – 2009. – № 1: Средний палеолит (в поисках динамики). – С. 33–78.
- Ahmad K.S. Climatic Regions of West Pakistan // *Geographical Review*. – 1951. – Vol. 4 (1). – P. 1–35.
- Allchin B. Blade and burin industries of West Pakistan and Western India // *South Asian Archaeology* / ed. N. Hammond. – L.: Duckworth, 1973. – P. 39–50.
- Allchin B. Palaeolithic Sites in the Plains of Sind and their Geographical Implications // *The Geographical J.* – 1976. – Vol. 142 (3). – P. 471–489.
- Allchin B. Middle Palaeolithic Cultures // *History of Civilizations in Central Asia*. P.: UNESCO Publishing, 1992. –

- Vol. I: The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. / eds. H.A. Dani, V.M. Masson. – P. 65–88.
- Allchin B., Goudie A.** Climatic Change in the Indian Desert and North-West India during the Late Pleistocene and Early Holocene // *The Environmental History of the Near and Middle East* / ed. W.C. Brice. – L.; N. Y.; San Francisco: Academic press, 1978. – P. 307–318.
- Allchin B., Goudie A., Hedge K.** The Prehistory and Palaeogeography of the Great Indian Desert. – L.; N. Y.; San Francisco: Academic Press, 1978. – 370 p.
- Allchin R., Allchin B.** Origins of a Civilization the Prehistory and Early Archaeology of South Asia. – New Delhi: Viking, 1997. – 287 p.
- Armitage S.J., Jasim S.A., Marks A.E., Parker A.G., Usik V.I., Uerpmann H.-P.** The southern Route “Out of Africa”: Evidence for an Early Expansion of Modern Humans into Arabia // *Science*. – 2011. – Vol. 331. – P. 453–456.
- Bar-Yosef O.** A Geographic Overview of Neanderthal-Modern Human Encounters // *Casting the Net Wide: Papers in Honor of Glynn Isaac and his approach to human origins research* / eds. J. Sept, D. Pilbeam. – Oxford; Oakville: Peabody Museum: Harvard University: Oxbow Books, 2011. – P. 193–212.
- Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A., Adler D.S.** The Implications of the Middle-Upper Paleolithic Chronological Boundary in the Caucasus to Eurasian Prehistory // *L’Anthropologie*. – 2006. – Vol. 44 [1]. – P. 49–60.
- Bar-Yosef O., Pilbeam D.** Afterword // *The Geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge, Massachusetts: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology: Harvard University, 2000. – P. 182–187. – (Peabody Museum Bull.; N 8).
- Bar-Yosef O., Wang Y.** Palaeolithic Archaeology in China // *Annual Review of Anthropology*. – 2012. – Vol. 41. – P. 319–335.
- Beyin A.** The Bab al Mandab vs the Nile-Levant: An Appraisal of the Two Dispersal Routes for Early Modern Humans out of Africa // *African Archaeological Review*. – 2006. – Vol. 26. – P. 5–30.
- Beyin A.** Upper Pleistocene Human Dispersals out of Africa: A Review of the Current State of the Debate // *International J. of Evolutionary Biology*. – 2011. – Vol. 2011. – P. 1–17.
- Biagi P.** Ongar revisited // *Sindhological Studies*. – 2005. – Vol. 21 (1/2). – P. 1–21.
- Biagi P.** The Levalloisian assemblages of Sindh (Pakistan) and their importance in the Middle Palaeolithic of the Indian subcontinent // *Archaeology of Early Northeastern Africa in Memory of Lech Krzyżaniak* / eds. K. Kroeper, M. Chłodnicki, M. Kobusiewicz. – Poznań: Archaeological Museum, 2006. – P. 1005–1017. – (Studies in African Archaeology; vol. 9.).
- Biagi P.** The Palaeolithic Settlement of Sindh: A Review // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. – 2008. – Vol. 40. – P. 1–26.
- Biagi P.** Archaeological Surveys in Lower Sindh: Preliminary Results of the 2009 Season // *J. of Asian Civilizations*. – 2010. – Vol. 33 (1). – P. 1–42.
- Biagi P.** Changing the prehistory of Sindh and Las Bela coast: twenty-five years of Italian contribution // *World Archaeology*. – 2011. – Vol. 43 (4). – P. 523–537.
- Biagi P., Cremaschi M.** The early Palaeolithic sites of the Rohri Hills (Sind, Pakistan) and their environmental significance // *World Archaeology*. – 1988. – Vol. 19 (3). – P. 421–433.
- Biagi P., Cremaschi M.** Geoarchaeological Investigations on the Rohri Hills (Sind, Pakistan) // *South Asian Archaeology 1987* / ed. M. Taddei. – 1990. – Vol. LXVI (1). – P. 31–42. – (Rome Oriental Studies).
- Biagi P., Cremaschi M.** The Harappan flint quarries of the Rohri Hills (Sind, Pakistan) // *Antiquity*. – 1991. – Vol. 65 (246). – P. 97–102.
- Biagi P., Kazi M.M., Negrino F.** An Acheulian Workshop at Ziarat Pir Shaban on the Rohri Hills, Sindh, Pakistan // *South Asian Studies*. – 1996. – Vol. 12. – P. 49–62.
- Biagi P., Kazi M.M., Madella M., Ottomano C.** Excavations at the Late (Upper) Palaeolithic site of Ziarat Pir Shaban 2 (ZPS2) in the Rohri Hills, Sindh, Pakistan // *Origini*. – 1998–2000. – Vol. 22. – P. 111–132.
- Biagi P., Nisbet R.** The prehistoric flint mines at Jhimpir in Lower Sindh (Pakistan) // *Antiquity Project Gallery*. – 2010. – Vol. 84 (325). – URL: <http://antiquity.ac.uk/projgall/nisbet325/>
- Biagi P., Nisbet R.** The Palaeolithic sites at Ongar in Sindh, Pakistan: a precious archaeological resource in danger // *Antiquity Project Gallery*. – 2011. – Vol. 85 (329). – URL: <http://antiquity.ac.uk/projgall/biagi329/>
- Biagi P., Starnini E.** The Bronze Age Indus Quarries of the Rohri Hills and Ongar in Sindh (Pakistan) // *Geoarchaeology and Archaeomineralogy* / eds. R.I. Kostov, B. Gaydarska, M. Gurova. – Sofia: St. Ivan Rilski, 2008. – P. 77–82.
- Biagi P., Starnini E.** Neanderthals at the southeasternmost edge: the spread of Levalloisian Mousterian in the Indian Subcontinent // *Papers in Honour of Viola T. Dobosi* / eds. K. Biro, M. András. – Budapest: Hungarian National Museum, 2011. – P. 5–14.
- Blandford W.T.** The Geology of Western Sind. – Calcutta, 1880. – 210 p. – (Memoirs of the Geological Survey of India; vol. 17 (1)).
- Boëda E.** Le concept Levallois: Variabilité des méthodes. – P.: CNRS éditions, 1994. – 285 p. – (Monographie du CRA; N 9).
- Boivin N., Fuller D.Q., Dennell R., Allaby R., Petraglia M.D.** Human Dispersal Across Diverse Environments of Asia during the Upper Pleistocene // *Quaternary International*. – 2013. – Vol. 300 – P. 32–47. – DOI:10.1016/j.quaint.2013.01.008.
- Bulbeck D.** A Parsimonious Model for *Homo sapiens* Colonization of the Indian Ocean Rim and Sahul // *Current Anthropology*. – 2007. – Vol. 48 (2). – P. 315–321.
- Cavalli Sforza L. L., Pievani T.** Homo Sapiens La Grande Storia della Diversa Umanità. – Torino: Codice Edizioni, 2011. – 193 p.
- Chakrabarti D.L.** India in Archaeological History. Palaeolithic Beginnings to Early Historic Foundations. – New Delhi: Oxford University Press, 1999. – 374 p.
- Chauhan P.R.** Soanian core and core-tools from Toka, northern India: Towards a technological organization // *J. of Anthropological Archaeology*. – 2007. – Vol. 26 (3). – P. 412–441.
- Chauhan P.R.** The South Asian Paleolithic Record and its Potential for Transitions Studies // *Sourcebook of Paleolithic Transitions Methods, Theories, and Interpretations* / eds. M. Camps, P.R. Chauhan. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 2009. – P. 121–139.

- Clarkson C., Petraglia M., Korisettar R., Haslam M., Boivin N., Crowther A., Ditchfield P., Fuller D., Harris C., Connell K., James H., Koshy J.** The oldest and longest enduring microlithic sequence in India: 35000 years of modern human occupation and change at the Jwalapuram Locality 9 rock shelter // *Antiquity*. – 2009. – Vol. 83. – P. 326–348.
- Conard N.** Cultural Evolution in Africa and Eurasia During the Middle and Late Pleistocene // *Handbook of Paleanthropology* / eds. W. Henke, I. Tatterstal. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 2007. – Vol. 3: Phylogeny of Hominids. – P. 2001–2037.
- Dashtizadeh A.** Preliminary Report on the Discovery of a Late Lower Palaeolithic and Middle Palaeolithic Site on the Island of Qeshm, Persian Gulf // *Iranian Archaeology*. – 2010. – Vol. 1 (1). – P. 15–20.
- Dennell R.** The Palaeolithic Settlement of Asia. – Cambridge: Cambridge World Archaeology, 2009. – 548 p.
- Deotare B.C., Kajale M.D., Rajaguru S.N., Basaviah N.** Late Quaternary geomorphology, palynology and magnetic susceptibility of playas in western margin of the Indian Thar Desert // *J. of Indian Geophysical Union*. – 2004. – Vol. 8 (1). – P. 15–25.
- Derevyanko A.P., Lü Zun-E.** Upper Palaeolithic cultures // *History of Civilizations in Central Asia* / eds. H.A. Dani, V.M. Masson. – Vol. I: The dawn of civilization: earliest times to 700 B.C. – P.: UNESCO Publishing, 1992. – P. 89–108.
- De Terra H., Paterson T.T.** The Ice Age in the Indian Subcontinent and associated Human Cultures with Special Reference to Jammu, Ladakh, Sind, Liddar and Central and Peninsular India. – Wash. D.C.: Carnegie Institute, 1939. – 354 p. + 54 pl.
- Dhir R.P., Singhvi A.K.** The Thar Desert and its Antiquity // *Current Science*. – 2012. – Vol. 102 (7). – P. 1001–1008.
- Dupree L.** Prehistoric research in Afghanistan (1959–1966) // *Transactions of the American Philosophical Society*. – 1972. – Vol. 62 (4). – P. 5–84.
- Eggermont P.H.L.** Alexander's campaigns in Sind and Balochistan and the siege of the Brahmin town of Harmatelia. – Leuven: Leuven Univ. Press, 1975. – 233 p. – (*Orientalia Lovaniensia Analecta*; vol. 3).
- Fairservis W.A. Jr.** The Roots of Ancient India. The Archaeology of Early Indian Civilization. – 2nd ed. – Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1975. – 480 p.
- Febre V., Condemni S., Degioanni A.** Genetic Evidence of Geographical Groups among Neanderthals // *PLoS ONE*. – 2009. – Vol. 4 (4). – P. 1–8.
- Field J.S., Petraglia M.D., Mirazón Lahr M.** The southern dispersal hypothesis and the South Asian archaeological record: Examination of dispersal routes through GIS analysis // *J. of Anthropological Archaeology*. – 2007. – Vol. 26. – P. 88–108.
- Flam L.** The Prehistoric Indus River System and the Indus Civilization in Sind // *Man and Environment*. – 1999. – Vol. 24 (2). – P. 35–69.
- Foley R.** Hominid species and stone-tool assemblages: how are they related? // *Antiquity*. – 1987. – Vol. 61 (233). – P. 380–392.
- Foley R., Lahr M.M.** Mode 3 Technologies and the Evolution of Modern Humans // *Cambridge Archaeological J.* – 1997. – Vol. 7 (1). – P. 3–36.
- Giles Pacheco F., Santiago Perez A., Gutierrez Lopez J.M., Mata Almonte E., Aguilera Rodriguez L.** The Transition from the Final Acheulian to the Middle Palaeolithic in the South of the Iberian Peninsula // *Neanderthals on the Edge* / eds. C.B. Stringer, R.N.E. Barton, C. Finlayson. – Oxford: Oxbow Books, 2000. – P. 41–48.
- Giosan L., Constantinescu S., Clift P.D., Tabrez A.R., Danish M., Inam A.** Recent morphodynamics of the Indus delta shore and shelf // *Continental Shelf Research*. – 2006. – Vol. 26. – P. 1668–1684.
- Glantz M.M., Viola B., Wrinn P., Chikisheva T., Derevianko A., Krivoshapkin A., Islamov U., Suleimanov R., Ritzman T.** New hominin remains from Uzbekistan // *J. of Human Evolution*. – 2008. – Vol. 55 (2). – P. 223–237.
- Gordon D.H.** The Pre-historic Background of the Indian Culture. – Bombay: Tripathi Ltd., 1958. – 199 p.
- Haslam M., Clarkson C., Petraglia M., Korisettar R., Jones S., Shipton C., Ditchfield P., Ambrose S.H.** The 74 ka Toba super-eruption and southern Indian hominins: archaeology, lithic technology and environments at Jwalapuram Locality 3 // *J. of Archaeological Science*. – 2010. – Vol. 37 (12). – P. 3370–3384.
- Henke W., Hardt T.** The Genus *Homo*: Origin, Speciation and Dispersal // *Continuity and Discontinuity in the Peopling of Europe: One Hundred Fifty Years of Neanderthal Study* / eds. S. Condemni, G.-C. Weniger. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 2011. – P. 17–45.
- Hublin J.-J.** Modern-Nonmodern Hominid Interactions: A Mediterranean Perspective // *The Geography of Neanderthals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean* / eds. O. Bar-Yosef, D. Pilbeam. – Cambridge, Massachusetts: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology: Harvard University, 2000. – P. 157–182. – (*Peabody Museum Bull.*, N 8).
- Jain M., Tandon S.K., Bhatt S.C., Singhvi A.K., Mishra S.** Alluvial and Aeolian Sequences Along the River Luni, Barner District Physical Stratigraphy and Feasibility of Luminescence Chronology Methods // *Vedic Sarasvati Evolutionary History of a Lost River* / eds. B.P. Radhakrishna, S.S. Merh. – 1999. – Vol. 42. – P. 273–295. – (*Geological Society of India Memoir*).
- James H.V.A.** The emergence of modern human behavior in South Asia: A review of the current evidence and discussion of its possible implications // *The Evolution and History of Human Populations in South Asia* / eds. M.D. Petraglia, B. Allchin. – Dordrecht: Springer, 2007. – P. 201–227.
- James H.V.A., Petraglia M.D.** Modern Human Origins and the Evolution of Behaviour in the Later Pleistocene Record of South Asia // *Current Anthropology*. – 2005. – Vol. 46, suppl. – P. S3–S27.
- James H.V.A., Petraglia M.D.** The Lower to Middle Paleolithic Transition in South Asia and its Implications for Hominin Cognition and Dispersal // *Sourcebook of Paleolithic Transitions Methods, Theories, and Interpretations* / eds. M. Camps, P.R. Chauhan. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 2009. – P. 255–264.
- Jaubert J., Biglari F., Mourre V., Bruxelles L., Bordes J.-G., Shidrang S., Naderi R., Mashkour M., Maureille B., Mallye J.-B., Quinif Y., Rendu W., Laroulandie V.** The Middle Palaeolithic Occupation of Mar-Tarik, a New Zagros Mousterian Site in Bisotun Massif (Kermanshah, Iran) // *Iran*

Palaeolithic Le Paléolithique d'Iran / eds. M. Otte, F. Biglari, J. Jaubert. – Oxford: Archaeopress, 2009. – P. 7–27. – (BAR International Ser.; 1968).

Jöris O., Street M., Terberger T., Weniger B. Radiocarbon Dating the Middle to Upper Palaeolithic Transition: The Demise of the Last Neanderthals and the First Appearance of Anatomically Modern Humans in Europe // *Continuity and Discontinuity in the Peopling of Europe: One Hundred Fifty Years of Neanderthal Study, Vertebrate Paleobiology and Paleoanthropology* / eds. S. Condeemi, B. Weniger. – 2011. – URL: DOI 10.1007/978-94-007-0492-3_22: 239-298.

Khan A.R. Ancient Settlements in Karachi Region // *Studies in the Geomorphology and Prehistory of Sind* / ed. A.R. Khan. – Jamshoro: Pakistan Studies Centre: University of Sind, 1979a. – Vol. III (2), spec. iss. – P. 1–24.

Khan A.R. Palaeolithic Sites Discovered in the Lower Sind and their Significance in the Prehistory of the Country // *Studies in the Geomorphology and Prehistory of Sind* / ed. A.R. Khan. – Jamshoro: Pakistan Studies Centre: University of Sind, 1979b. – P. 80–82. – (Grassroots; vol. III (2), spec. iss.).

Krause J., Orlando L., Serre D., Viola B., Prüfer K., Richards M.P., Hublin J.-J., Hänni C., Derevianko A.P., Pääbo S. Neanderthals in central Asia and Siberia // *Nature*. – 2007. – Vol. 449. – P. 902–904.

Krings M., Stone A. C., Schmitz R. W., Krainitzki H., Stoneking M., Pääbo S. Neanderthal DNA sequences and the origins of modern humans // *Cell*. – 1997. – Vol. 90. – P. 19–30.

Krishnaswamy V.D. Stone Age India // *Ancient India*. – 1947. – Vol. 3. – P. 11–57.

Krivoshapkin A.I., Anoinik A.A., Brantingham P.J. The lithic industry of Obi-Rakhmat grotto, Uzbekistan // *Indo-Pacific Prehistory Association Bull.* – 2006. – Vol. 26. – P. 5–19.

Kuhn S.L., Brantingham P.J., Kerry S.L. The Early Upper Paleolithic and the Origins of Modern Human Behavior // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe* / eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley; Los Angeles; L.: University of California Press, 2004. – P. 242–248.

Kuhn S. L., Stiner M. C., Güleç E., Özer I., Yılmaz H., Baykara I., Açıkkol A., Goldberg P., Martínez Molina K., Ünay E., Suata-Alpaslan F. The Early Upper Palaeolithic occupations at Üçağizli Cave (Hatay, Turkey) // *J. of Human Evolution*. – 2009. – Vol. 56. – P. 87–113.

Marks J. My ancestors, myself // *Aeon*. – 2012. – N 12, Nov. – P. 1–7.

Marks A.E., Monigal K. Origin of the European Upper Paleolithic, Seen from Crimea: Simple Myth or Complex Reality? // *The Early Upper Paleolithic beyond Western Europe* / eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 2004. – P. 64–79.

Meignen L. Le Paléolithique Moyen au Levant Sud et Central: Que Nous Apprennent les Données Récentes? // *Pré-histoire d'Anatolie. Genèse des deux mondes* / ed. M. Otte. – Liège: Univ. de Liege, 1988. – P. 685–708. – (ERAUL, vol. 85 (2)).

Misra V.N. Prehistory and Palaeoenvironment of Rajasthan // *Ecology and Archaeology of Western India* / eds. D.P. Agrawal, B.M. Pande. – Delhi: Concept Publishing Company, 1977. – P. 31–54.

Misra V.N. Prehistoric human colonization of India // *J. of Biosciences*. – 2001. – Vol. 26 (4). – P. 491–531.

Misra V.N., Rajaguru S.N. Palaeoenvironment and Prehistory of the Thar Desert, Rajasthan, India // *South Asian Archaeology 1985* / eds. K. Frifelt, P. Sørensen. – L.: Curzon Press, 1989. – P. 296–320. – (Scandinavian Institute of Asian Studies Occasional Papers; N 4).

Movius H.L. The Lower Palaeolithic Cultures of Southern and Eastern Asia // *Transactions of the American Philosophical Society*. – 1948. – Vol. 38 (4). – P. 329–420.

Movius H.L. Palaeolithic and Mesolithic sites in Soviet Central Asia // *Proceedings of the American Philosophical Society*. – 1953. – Vol. 97 (4). – P. 383–421.

Murty M.L.K. Recent Research on the Upper Palaeolithic Phase in India // *J. of Field Archaeology*. – 1979. – Vol. 6. – P. 301–320.

Negrino F., Kazi M.M. The Palaeolithic industries of the Rohri Hills (Sindh, Pakistan) // *Ancient Sindh*. – 1996. – Vol. 3. – P. 3–78.

Otte M., Derevianko A. The Aurignacian in Altai // *Antiquity*. – 2001. – Vol. 75 (287). – P. 44–48.

Otte M., Kozłowski J.K. L'Aurignacien du Zagros. – Liège: Univ. de Liège, 2007. – 203 p. – (ERAUL; vol. 118).

Otte M., Kozłowski J.K. La Transition du Moustérien à l'Aurignacien au Zagros // *The Lower and Middle Palaeolithic in the Middle East and Neighbouring Regions* / eds. J.-M. Le Tensorer, R. Jagher, M. Otte. – Liège: Univ. de Liège, 2011. – P. 183–195. – (ERAUL; vol. 126).

Pal J.N. The Middle Palaeolithic Culture of South Asia // *Indian Archaeology in Retrospect* / eds. S. Settar, R. Korisettar. – Delhi: Manohar, 2002. – Vol. I: Prehistory. – P. 67–83. – (Archaeology of South Asia, ICHR).

Paterson T.T., Drummond B.J.H. Soan the Palaeolithic of Pakistan. – Karachi: Ferozsons, 1962. – 171 p. + 59 fig. – (Memoirs of the Department of Archaeology in Pakistan; vol. 2).

Petraglia M.D., Alsharekh A. The Middle Palaeolithic of Arabia: Implications for modern human origins, behaviour and dispersal // *Antiquity*. – 2003. – Vol. 77 (298). – P. 671–684.

Petraglia M.D., Alsharekh A., Breeze P., Clarkson C., Crassard R., Drake N.A., Groucutt H.S., Jennings R., Parker A.G., Parton A., Roberts R.G., Shipton G., Matheson C., al-Omari A., Veall M.-A. Hominin Dispersal into the Nefud Desert and Middle Palaeolithic Settlement along the Jubbah Palaeolake, Northern Arabia // *PLoS ONE*. – 2012. – Vol. 7 (11). – P. 1–21. – DOI: 10.1371/journal. Pone.0049840

Petraglia M.D., Groucutt H., Blinckhorn J. Hominin Evolutionary History in the Arabian Desert and the Thar Desert // *Changing Deserts: Integrating People and their Environment* / eds. L. Mol, T. Stenberg. – Cambridge: White House Press, 2013. – P. 61–82.

Petraglia M., Korisettar R., Boivin N., Clarkson C., Ditchfield P., Jones S., Koshy J., Mirazón Lahr M., Oppenheimer C., Pyle D., Roberts R., Schwenninger J.-L., Arnold L., White K. Middle Palaeolithic Assemblages from the Indian Subcontinent Before and After the Toba Super-Eruption // *Science*. – 2007. – Vol. 317. – P. 114–116.

Ranov V.A. The Levallois paradox // *The Definition and Interpretation of Levallois Technology* / eds. H.-L. Dibble, O. Bar-Yosef. – Madison Wisconsin: Prehistory Press, 1995. – P. 69–78. – (Monographs in World Archaeology; vol. 23).

- Ranov V.A.** Loess-Palaeosoil Formation of Southern Tajikistan and the Loess Palaeolithic // *Præhistoria*. – 2001. – N 2. – P. 7–27.
- Rose J. I., Usik V. I., Marks A. E., Hilbert Y. H., Galletti C.S., Parton A., Geiling J. M., Černý V., Morley M.W., Roberts R.G.** The Nubian Complex of Dhofar, Oman: An African Middle Stone Age Industry in Southern Arabia // *PLoS ONE*. – 2011. – Vol. 6 (1). – P. 1–22. – Doi: 10.1371/Journal.pone.0028239
- Sen D.** Rethinking on the Lower Palaeolithic of the Punjab (India and Pakistan) // *Le Paléolithique Inférieur et Moyen en Inde, en Asie Centrale, en Chine et dans le Sud-Est Asiatique: Union Internationale des Sciences Préhistoriques et Protohistoriques, IXe Congrès* / ed. A.K. Ghosh. – Nice, 1976. – P. 60–64.
- Seth S.K.** The Desiccation of the Thar Desert and its Environs during Protohistorical and Historical Periods // *The Environmental History of the Near and Middle East* / ed. W.C. Brice. – L.; N. Y.; San Francisco: Academic press, 1978. – P. 279–305.
- Starnini E., Biagi P.** Excavations at the Harappan Flint Quarry 862 on the Rohri Hills (Sindh, Pakistan) // *Der Anschnitt*. – 2006. – Vol. 19. – P. 195–202.
- Starnini E., Biagi P.** The Archaeological Record of the Indus [Harappan] Lithic Production: The Excavations of RH862 Flint Mine and Flint Knapping Workshops on the Rohri Hills (Upper Sind, Pakistan) // *J. of Asian Civilizations*. – 2011. – Vol. 34 (2). – P. 1–60.
- Stock J.T., Mirazón Lahr M., Kulatilake S.** Cranial diversity in South Asia relative to modern human dispersal and global patterns of human variation // *The Evolution and History of Human Populations in South Asia* / eds. M.D. Petraglia, B. Allchin. – Berlin; Heidelberg; N. Y.: Springer, 2007. – P. 245–268.
- Subbarao B.** The Personality of India. – Baroda: Maharaja Sayajirao Univ., 1956. – 76 p. – (Maharaja Sayajirao University of Baroda, University of Archaeology Ser.; N 3).
- Tandon S.K., Jain M.** Late Quaternary Environments – Focus on the Thar and its Western Margin // *First International Symposium on Kāmpilya Project* / ed. B. Marcolongo. – Padua: CNR, 2001. – P. 17–24.
- Trinkaus E., Biglari F.** Middle Palaeolithic human remains from Bisutin Cave, Iran // *Paléorient*. – 2006. – Vol. 32. – P. 105–111.
- Viola B.T.** New Hominin Remains from Central Asia and Siberia: the Easternmost Neanderthals?: Thesis submitted for Dr. re. Nat. Degree. – Vienna, 2009. – 233 p. – (Unpublished).
- Vita-Finzi C., Copeland L.** Surface finds from Iranian Makran // *Iran*. – 1980. – Vol. 18. – P. 149–155.
- Wainwright G.J., Malik S.C.** Recent Field Research on the Problems of Archaeology and Pleistocene Chronology in Peninsular India // *Proceedings of the Prehistoric Society*. – 1968. – Vol. 33. – P. 132–146.
- Wilhelmy H.** Indusdelta und Rann of Kutch // *Erdkunde*. – 1968. – Vol. 22 (3). – P. 177–191.
- Zilhão J.** Did Neanderthals think like us? // *Scientific American*. – 2010a. – June. – P. 72–75.
- Zilhão J.** Neanderthals are us: genes and cult // *Radical Anthropology*. – 2010b. – Vol. 4. – P. 5–15.

*Материал поступил в редколлегию 14.03.13 г.,
в окончательном варианте – 02.09.13 г.*

A b s t r a c t

The research carried out in the Indian Subcontinent, Central Asia, Iran and the Arabian Peninsula has improved our knowledge of the Middle Paleolithic in the regions. However, the far southeastern distribution of the Levallois Mousterian is still poorly defined. Although typical Levallois industries are known from Iran, Afghanistan, and western Central Asia, they are almost unknown in the Indian Subcontinent, except for the Lower Sindh and Indus Valley. The evidence from Ongar and other sites in the Lower Sindh has shed some light on the possible far southeastern distribution routes of the Neanderthals that are considered the probable creators of the assemblages included in this study.

Keywords: *Levallois Mousterian, Middle Palaeolithic, Homo neanderthalensis, Sindh, Indus Valley, Indian Subcontinent.*

А.А. Выборнов¹, В.С. Мосин², А.В. Епимахов²

¹Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия
E-mail: vibornov_kin@mail.ru

²Южно-Уральский филиал Института истории и археологии УрО РАН
пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия
E-mail: mvs54@mail.ru
E-mail: eav@susu.ac.ru

ХРОНОЛОГИЯ УРАЛЬСКОГО НЕОЛИТА*

До начала 2000-х гг. хронология неолита Урала опиралась на немногочисленные радиоуглеродные даты, а также на хронологические схемы В.Н. Чернецова и О.Н. Бадера, построенные на основании типологии. Применение с 2007 г. метода датирования по органическим включениям в конкретных фрагментах керамики позволило получить значительные серии, достоверно отражающие хронологическую шкалу уральского неолита. В статье проанализировано 212 дат, относящихся к различным культурным традициям Урала. Неолитический период в регионе в целом укладывается в рамки VI–V тыс. до н.э. и условно может быть разделен на два этапа с характерными культурно-хронологическими особенностями, присущими отдельным территориям: ранний – конец VII–VI тыс. до н.э. и поздний – V тыс. до н.э.

Ключевые слова: неолит Урала, хронология, радиоуглеродные даты, керамические традиции.

Введение

Определение хронологических рамок археологического периода для региона, расположенного в глубине Евразии, без использования естественно-научных методов является трудноразрешимой задачей. Однако переход к содержательной интерпретации материалов невозможен без этого этапа исследования. Для Урала и сопредельных территорий ситуация усугубляется многочисленностью выделенных культурных групп. Их соотношение остается предметом дискуссий в течение длительного периода, что препятствует прогрессу в понимании исторических процессов. Задача настоящего исследования – наметить пути решения данной проблемы и

согласовать региональные хронологические схемы в рамках единого подхода.

Точкой отсчета в изучении хронологии уральского неолита является датирование А.В. Шмидтом Левшинской стоянки, на которой он провел первые профессиональные раскопки в 1925 г. Для установления даты были привлечены аналоги медного ножа и шила с территорий Украины, Северного Кавказа, Венгрии, Передней Азии. По сходству с ножом из ассирийского погребения в г. Ашура, датированным 2300 г. до н.э., левшинский комплекс получил «абсолютную» дату 2000 г. до н.э. [Шмидт, 1940, с. 23–26]. Последующие датировки неолитических памятников Урала, сначала серединой III тыс. до н.э., а затем концом IV–III тыс. до н.э., в той или иной степени опирались на эту дату и на исследования А.Я. Брюсовым Горбуновского торфяника близ г. Нижний Тагил. На основании анализа пыльцы из почвы и пригара с сосудов, а также стратиграфии торфяника автор отнес стоянку Стрелка к концу атлантического периода, т.е. к концу IV – первой половине III тыс. до н.э. [Брюсов, 1951]. На выводы А.Я. Брюсова и О.Н. Ба-

*Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта «Радиоуглеродная хронология евразийской лесостепи в неолите и энеолите» № 14-06-00041, проекта РГНФ № 13-11-63005а (р) и научно-исследовательской программы «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла».

дара о существовании неолитических стоянок на Урале в конце IV–III тыс. до н.э. опирался В.Н. Чернецов при датировке памятников неолита и эпохи бронзы Урало-Сибирского региона [1953, с. 31].

В 1950-х гг. для опорных в то время неолитических памятников Урала были получены первые две даты – $4\ 800 \pm 200$ и $4\ 360 \pm 200$ л.н., обе по ископаемому дереву соответственно со стоянки Стрелка на Горбуновском торфянике и из «6-ого разреза» этого торфяника [Виноградов и др., 1956]. Они были использованы В.Н. Чернецовым при создании периодизации неолита Зауралья. Отнесение к более раннему времени первой, козловской фазы основывалось на типологии кельтеминарских наконечников Зауралья и Арало-Каспия, а также дате для IV слоя пещеры Джебел – $6\ 030 \pm 240$ л.н. [Чернецов, 1968]. Чуть позднее без приведения обоснований В.Н. Чернецов датировал ранний неолит второй половиной или концом V тыс. до н.э., а средний – не позднее середины IV тыс. до н.э. [Чернецов, 1973, с. 13].

На указанные даты опирался и О.Н. Бадер при создании периодизации всего уральского неолита. Кроме этого, четвертый, энеолитический липчинский этап в Зауралье подтверждался датой могильника Козлова Перейма II – $4\ 000 \pm 130$ л.н., а первый, козловский, по мнению автора (на основе даты для пещеры Джебел), охватывал большую часть IV тыс. до н.э. Хронология неолита Предуралья строилась на типологической основе и синхронизации этапов с зауральским неолитом и памятниками днепро-донецкой культуры [Бадер, 1970; Халиков, 1969, 1973].

Приведенная выше схема использовалась до 1980–1990-х гг., пока не стали появляться новые, первоначально единичные радиоуглеродные даты для отдельных памятников Урала и Западной Сибири [Варанкин, 1982; Ковалева, Устинова, Хлобыстин, 1984; Неолитические памятники..., 1991; Матюшин, 1996, с. 62–65]. На основании этих дат ранний неолит был отнесен к V тыс. до н.э., а поздний – к IV тыс. до н.э. [Ковалева, 1989]. В начале XXI в. была проанализирована хронологическая схема неолита Предуралья (с учетом всех имевшихся на тот момент радиоуглеродных дат) и выявлены основные проблемы [Выборнов, Мамонов, 2007].

Настоящим прорывом в изучении хронологии уральского неолита стало применение с 2007 г. метода датирования по органическим включениям в конкретных фрагментах керамики в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины (г. Киев) [Выборнов, Ковалюх, Скрипкин, 2008]. Данная статья является обобщением всех имеющихся результатов радиоуглеродного датирования в Уральском регионе, относящихся к неолитическому периоду.

Результаты радиоуглеродного датирования

Анализируемая серия достаточно объемна, однако следует помнить, что 212 дат характеризуют длительный временной отрезок и обширную неоднородную в культурном отношении территорию. Все даты были объединены в десять групп в пределах трех регионов (Волго-Уралье, Прикамье и Зауралье; рис. 1) в соответствии с нашим представлением о сущности технологических и орнаментальных традиций гончарства. Объем групп существенно различается, не все серии близки порогу достоверности в 20 дат. В оценке верности выводов важна и степень внутренней неоднородности серий (отклонения от нормального распределения), также имеющей место в некоторых случаях.

Анализы выполнены в девяти лабораториях по керамике, пригару на сосудах, углю [Выборнов, 2008, 2011; Гусенцова, 1993, 2000; Лычагина, 2011; Арефьев, Рыжкова, 2010; Бунькова, 2011; Виллисов, 2012; Зах, Скочина, 2009; Зырянова, 2011; Жилин и др., 2007; Ковалева, Зырянова, 2007, 2010, 2011; Мосин, Страхов, 2011; Тимофеев и др., 2004; Шорин, Шорина, 2011а]. Особенностью выборки является резкое преобладание дат по керамике, полученных в киевской лаборатории (75 %). Проблемы использования этого материала, нередко удрежняющего часть значений, хорошо известны [Черных, Орловская, 2011; Кузнецов, 2013; и др.]. Есть случаи, когда даты по органическим включениям в керамике были явно омоложены [Андреев, Выборнов, Кулькова, 2012]. Однако для большинства памятников неолита альтернативные возможности радиоуглеродного датирования либо отсутствуют, либо связаны с использованием ускорительных технологий, мало распространенных в отечественной археологии. Так, в нашем примере их доля лишь 5 %. Возможностями сравнения результатов датирования разных материалов располагают только некоторые выборки. Судя по ним, достоверной разницы нет: даты по углю достаточно равномерно распределены среди полученных по керамике. В целом ряде случаев результаты датирования по органическим включениям в керамике и по другим органическим материалам полностью совпали [Выборнов, 2012], поэтому говорить о системной ошибке не приходится.

В отношении всех анализов проведены стандартные статистические процедуры калибровки значений и суммирования вероятностей по каждой из выделенных групп, для чего использована программа OxCal 3.10. Поскольку значительная доля конвенционных дат имеет большое квадратическое отклонение, мы вынуждены были ориентироваться на интервалы калибровки с вероятностью в одну

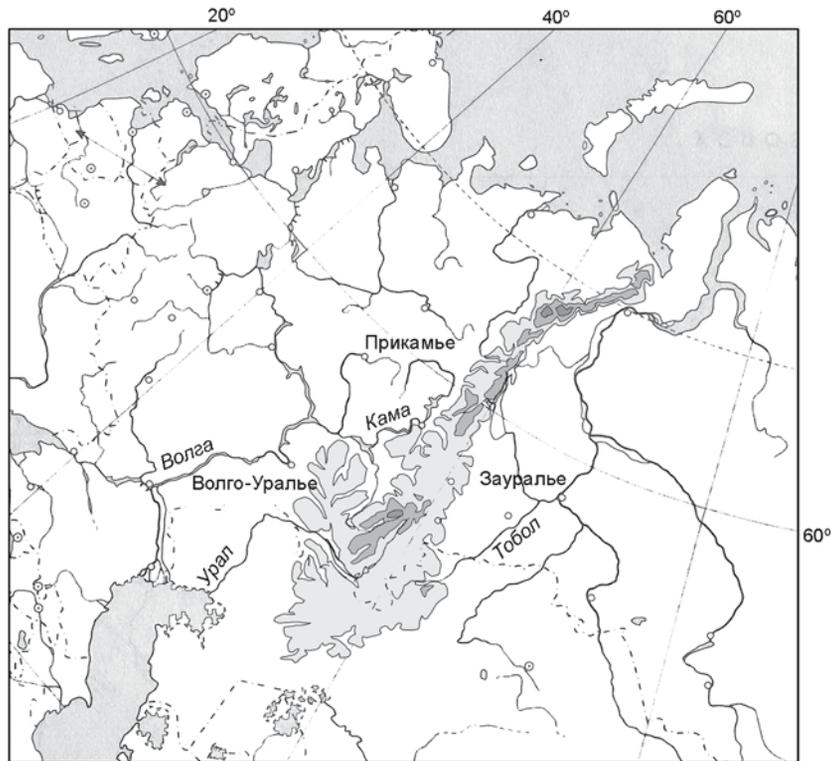

Рис. 1. Карта Уральского региона.

сигму*. В противном случае происходит практически полное наложение значений. Часть результатов датирования (менее 10 %) не была учтена при суммировании вероятностей. Это касается наиболее ранних дат в елшанской и кошкинской группах. Основанием для отказа стал «отрыв» этих значений от основного массива (до 300–400 лет для конвенционных дат). Рассмотрим выборки последовательно.

Неолит Волго-Уралья представлен тремя керамическими традициями – елшанской, накольчатой и зубчато-гребенчатой (табл. 1)**. Первые две демонстрируют синхронность в пределах 6000–4500 гг. до н.э. Правда, обе явно неоднородны – разрыв интервалов составляет 600 и 300 лет соответственно (рис. 2). Для елшанской серии это не может быть объяснено недостаточным количеством дат. Нижняя граница третьей традиции (зубчато-гребенчатой) заметно моложе, хотя данная группа имеет очень значительное наложение на две первые, в целом совпадающее с пиками их поздних значений.

*Использование этого варианта калибровки не столь уж редко, что избавляет от подробных разъяснений (см., напр.: [Черных, Орловская, 2009]).

**На предварительном этапе была использована более дробная систематика, которая в целом соответствует излагаемым выводам, но во многих случаях серии недостаточны для статистически надежных выводов.

Даты неолитического времени Зауралья распределены по четырем группам (кошкинская, козловская, басьяновско-боборыкинская и полуденско-гребенчатая) (табл. 2). Интервалы первой пары совпадают и приходятся целиком на VI тыс. до н.э. Хотя серии формально соответствуют порогу количественной достоверности, но являются неоднородными (рис. 3), причины чего еще предстоит выяснить. Интервалы второй пары внутренне более однородны и относятся к V тыс. до н.э., хотя и различаются по протяженности.

Неолитическая серия Прикамья (табл. 3), распределенная по трем традициям (неорнаментированная, накольчатая и гребенчатая), достоверно не распадается на хронологические группы, поскольку интервал бытования гребенчатого комплекса очень большой (5400–3800 гг. до н.э.). Неорнаментированная и накольчатая традиции тяготеют к ранней части этого периода (рис. 4), что подтверждается датами по углю, полученными на стоянках с накольчатой керамикой. Но достоверность данного наблюдения необходимо проверять дополнительной датировкой. Следует также обратить внимание на факт совпадения результатов датирования по органическим включениям в керамике и AMS-дат, полученных по пригару на сосудах для материалов раннего и хуторского этапов камской культуры. Важно отметить синхронность всех трех групп с аналогичными в Камско-Вятском междуречье.

Таблица 1. Неолит Волго-Уралья

Памятник	Шифр	Дата	
		¹⁴ C, л.н.	Калиброванная (68,2 %), гг. до н.э.
1	2	3	4
<i>Елшанская традиция</i>			
Большераковская II	Ki-14830	5 610 ± 90	4530–4350
»	SPb-585	5 660 ± 150	4690–4350
Нижняя Орлянка II	Ki-14123	5 720 ± 80	4690–4460
Большераковская II	Ki-14829	5 770 ± 90	4720–4500
Чекалино IV	Ki-14686	5 910 ± 90	4940–4680
Лебяжинка IV	Ki-14468	5 970 ± 80	4960–4720
Красный Яр VII	Ki-14586	6 280 ± 90	5370–5070
Большераковская II	Ki-14835	6 310 ± 90	5470–5200
Максимовская II	Ki-14411	6 420 ± 80	5480–5330
»	Ki-14412	6 470 ± 80	5510–5340
Старо-Елшанская II	Ki-14570	6 480 ± 80	5520–5360
Красный Яр VII	Ki-14580	6 540 ± 80	5620–5380
Красный Городок	Ki-14117	6 550 ± 130	5620–5370
Утюж	Ua-44377	6 568 ± 49	5555–5480
Ильинская	Ki-14145	6 680 ± 70	5680–5510
»	Ki-14464	6 680 ± 100	5660–5530
Красный Яр XIV	SPb-755	6 700 ± 70	5680–5550
Красный Городок	Ki-14078	6 730 ± 100	5730–5550
Ильинская	Ki-14111	6 740 ± 70	5720–5570
»	Ki-14619	6 760 ± 90	5740–5560
Старо-Елшанская II	Ki-14569	6 760 ± 80	5730–5570
»	Ki-14413	6 820 ± 80	5780–5630
Ивановская	SPb-589	6 820 ± 150	5780–5630
Ильинская	Ki-14096	6 940 ± 90	5970–5730
Вьюново озеро I	Poz-47870	7 160 ± 40	6060–6000
То же	AA-96017	7 222 ± 58	6210–6010
Чекалино-4	Poz-42051	7 250 ± 60	6220–6050
Ивановская	SPb-587	7 560 ± 70	6480–6270
Чекалино-4	SPb-424	7 660 ± 200	6750–6240
Большая Раковка	SPb-426	7 790 ± 200	7050–6450
Ивановская	Ki-14567	7 680 ± 90	6600–6440
»	Ki-14631	7 780 ± 90	6690–6470
»	Ki-14568	7 930 ± 90	7030–6680
<i>Накольчатая традиция</i>			
Красный Яр VII	Ki-14462	5 780 ± 100	4730–4500
Виловатовская	Ki-14086	5 840 ± 90	4800–4560
»	Ki-14085	5 840 ± 100	4800–4550
Лебяжинка IV	Ki-14120	5 880 ± 90	4850–4610
Виловатовская	Ki-14124	5 910 ± 80	4900–4690
Лебяжинка IV	Ki-14081	5 930 ± 90	4940–4710
Виловатовская	Ki-14125	6 020 ± 90	5030–4790
»	Ki-14090	6 320 ± 90	5470–5210
Ивановская	Ki-14080	6 840 ± 90	5810–5640
»	Ki-14119	6 930 ± 90	5900–5720
»	Ki-14079	6 980 ± 80	5980–5770
»	Ki-14118	7 060 ± 100	6030–5830
»	SPb-583	7 100 ± 100	6070–5840

Окончание табл. 1

1	2	3	4
<i>Зубчато-гребенчатая традиция</i>			
Лебяжинка IV	Ki-14121	5 360 ± 90	4330–4050
»	Ki-14082	5 420 ± 80	4360–4070
Ильинская	SPb-584	5 500 ± 100	4460–4250
Лебяжинка IV	Ki-14122	5 590 ± 80	4500–4350
Ильинская	Ki-14112	5 620 ± 80	4530–4360
Лебяжинка IV	Ki-14083	5 690 ± 80	4670–4450
Ильинская	Ki-14146	5 730 ± 80	4690–4490
Вилатовская	Ki-14089A	5 755 ± 80	4710–4520
»	Ki-14126	5 880 ± 90	4850–4610
»	Ki-14833	5 920 ± 90	4940–4700
»	Ki-14089	5 960 ± 90	4950–4720
»	Ki-14127	5 980 ± 100	5000–4720
Лебяжинка IV	SPb-547	6 000 ± 150	5210–4710
Вилатовская	Ki-14087	6 010 ± 80	5000–4790
Ивановское	Ki-15433	6 090 ± 80	5210–4850
»	Ki-15440	6 100 ± 90	5210–4850
Вилатовская	Ki-14088	6 160 ± 100	5210–4910

Примечание: здесь и далее данные, выделенные курсивом, при суммировании вероятностей не учитывались.

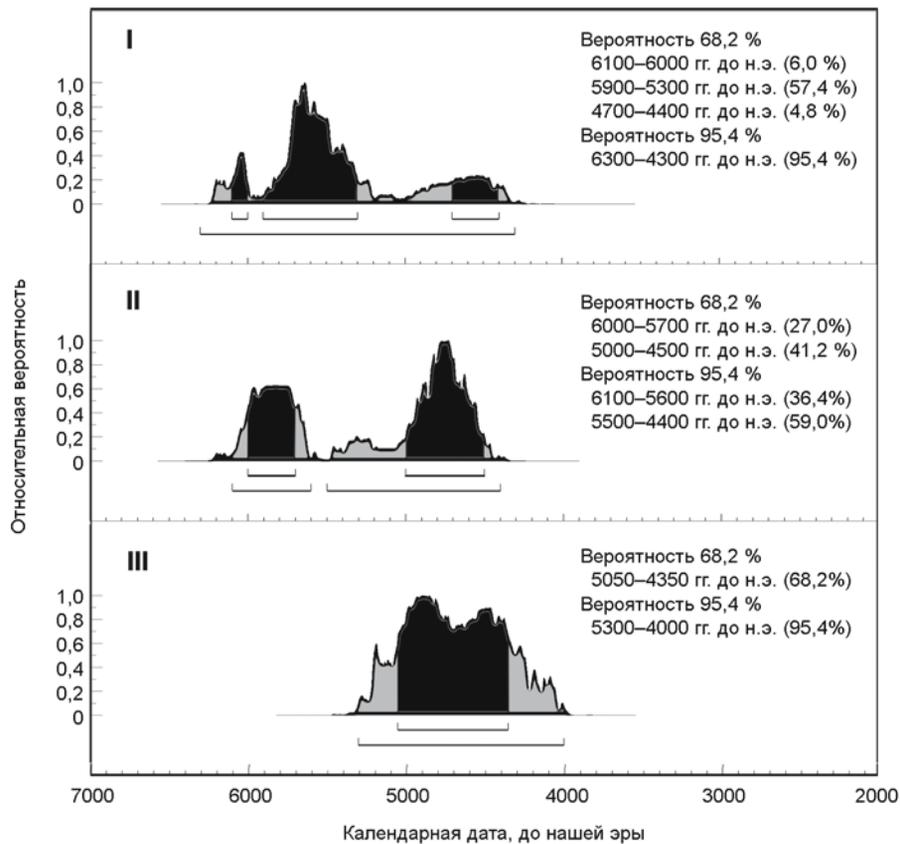

Рис. 2. Радиоуглеродная хронология неолита Волго-Уралья: графики сумм вероятностей основных традиций.

I – елшанская; II – накольчатая; III – зубчато-гребенчатая.

Таблица 2. Неолит Зауралья

Памятник	Шифр	Дата	
		¹⁴ C, л.н.	Калиброванная (68,2 %), гг. до н.э.
1	2	3	4
<i>Кошкинская традиция</i>			
Кокшаровский холм	Ki-16169	5 840 ± 90	4800–4560
То же	Ki-15643	5 850 ± 80	4830–4600
Шайдуринское-5	Ki-15642	5 910 ± 90	4940–4680
Кокшаровский холм	LE-7885	5 920 ± 60	4880–4710
То же	Ki-15535	5 960 ± 80	4950–4720
»	Ki-16389	6 020 ± 90	5030–4790
»	Ki-16390	6 290 ± 80	5370–5070
Ташково III	LE-4344	6 380 ± 120	5480–5220
Кокшаровско-Юрьинская	LE-2060	6 470 ± 80	5510–5340
Кокшаровский холм	Ki-16388	6 570 ± 90	5620–5470
Исток IV	LE-2998	6 620 ± 260	5800–5300
Кокшаровский холм	LE-8900	6 640 ± 45	5620–5535
То же	LE-8904	6 700 ± 50	5670–5560
Мергель-6	Ki-15908	6 800 ± 90	5780–5620
Кокшаровский холм	Ki-16424	6 830 ± 90	5800–5630
То же	LE-8902	6 900 ± 45	5840–5730
»	LE-7887	6 900 ± 160	5980–5660
»	LE-7879	6 920 ± 100	5970–5710
»	LE-7881	6 940 ± 150	5990–5710
»	LE-7886	6 940 ± 150	5990–5710
»	Ki-15915	7 010 ± 80	5990–5810
»	LE-7883	7 050 ± 180	6070–5730
»	LE-8901	7 150 ± 100	6210–5900
»	LE-7882	7 440 ± 200	6460–6080
»	LE-7884	7 450 ± 450	6850–5800
»	LE-7880	7 560 ± 200	6640–6220
»	Ki-16386	7 610 ± 80	6570–6390
<i>Козловская традиция</i>			
Исетское Правобережное	Ki-15873	5 370 ± 80	4330–4070
Кочегарово I	Ki-16856	5 740 ± 90	4700–4490
Шайдуринское-5	Ki-15590	5 830 ± 80	4790–4590
Исетское Правобережное	LE-3063	5 880 ± 60	4840–4680
Кокшаровский холм	Ki-15537	6 045 ± 90	5190–4800
Шайдуринское-5	LE-7089	6 050 ± 100	5200–4800
Исетское Правобережное	Ki-15918	6 050 ± 90	5200–4800
Кочегарово I	Ki-16646	6 050 ± 90	5200–4800
Чебаркуль I	Ki-16211	6 090 ± 90	5200–4800
Евстюниха	Ki-16040	6 180 ± 90	5290–5000
Кокшаровский холм	Ki-15536	6 225 ± 90	5310–5060
То же	Ki-16387	6 260 ± 90	5330–5060
Исетское Правобережное	Ki-15917	6 310 ± 90	5470–5200
Евстюниха	Ki-16039	6 320 ± 90	5470–5210
Кокшаровский холм	Ki-16385	6 420 ± 90	5480–5320
То же	Ki-16383	6 480 ± 80	5520–5360

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Кокшаровский холм	Ki-16037	6 820 ± 90	5790–5630
Варга-2	ГИН-12990	6 850 ± 60	5790–5660
Кокшаровский холм	Ki-15914	6 950 ± 80	5970–5730
Варга-2	ГИН-13849	6 970 ± 70	5980–5770
»	ГИН-13852	6 970 ± 40	5970–5780
Береговая-2	–	6 990 ± 40	5980–5810
Варга-2	ГИН-13855	7 080 ± 70	6030–5890
<i>Басьяновско-боборькинская традиция</i>			
Усть-Суерка-4	SPb-541	4 250 ± 100	3010–2660
»	Ki-17078	4 410 ± 130	3330–2900
Пикушка I	Ki-17082	4 410 ± 160	3340–2900
Ташково III	Ki-15118	5 180 ± 90	4230–3800
Усть-Вагильский Холм	Ki-15546	5 260 ± 80	4230–3980
Кочегарово I	Ki-15542	5 270 ± 80	4230–3990
Усть-Вагильский Холм	Ki-15545	5 330 ± 90	4310–4040
Геологическое XVI	LE-6995	5 440 ± 60	4350–4240
Ташково I	LE-1535	5 490 ± 60	4450–4260
Шайдурихинское-5	Ki-15121	5 590 ± 80	4500–4350
»	Ki-15077	5 640 ± 80	4550–4360
Кокшаровский холм	Ki-15589	5 670 ± 90	4610–4370
Шайдурихинское-5	Ki-15120	5 680 ± 80	4660–4400
»	Ki-15119	5 710 ± 90	4690–4450
Кокшаровский холм	Ki-15538	5 750 ± 80	4690–4500
То же	Ki-15906	5 890 ± 90	4900–4610
Кочегарово I	Ki-16647	5 920 ± 90	4940–4700
Второй поселок I	Ki-16861	5 930 ± 90	4940–4710
Кокшаровский холм	Ki-16038	5 950 ± 90	4940–4720
То же	Ki-16384	5 960 ± 80	4950–4720
Ук VI	Ki-15063	5 960 ± 80	4950–4720
»	Ki-15960	6 040 ± 80	5050–4830
Второй поселок I	Ki-16862	6 210 ± 90	5300–5050
<i>Полуденско-гребенчатая традиция</i>			
Дуванское V	LE-1368	5 295 ± 60	4230–4040
Карьер II	LE-1286	5 590 ± 195	4690–4250
Кочегарово I	Ki-16855	5 630 ± 90	4550–4360
»	Ki-15543	5 640 ± 90	4550–4350
Гилево VIII	Ki-16209	5 645 ± 90	4560–4360
Абсеямовская	Ki-15961	5 720 ± 90	4690–4460
Шайдурихинское-5	Ki-15632	5 770 ± 90	4720–4500
Ук VI	Ki-15064	5 870 ± 90	4850–4610
Гилево VIII	Ki-15965	5 930 ± 80	4930–4710
Кочегарово I	Ki-15950	5 950 ± 90	4940–4710
Кокшаровский холм	Ki-15913	5 970 ± 80	4960–4720
Полуденка	Ki-15872	5 970 ± 70	4950–4770
Краснокаменка	Ki-15626	5 980 ± 90	4990–4770
Кокшаровский холм	Ki-16170	5 980 ± 90	4990–4770
То же	Ki-15539	5 980 ± 90	4990–4770
»	Ki-15540	6 070 ± 80	5200–4840
Краснокаменка	Ki-15644	6 095 ± 80	5210–4850

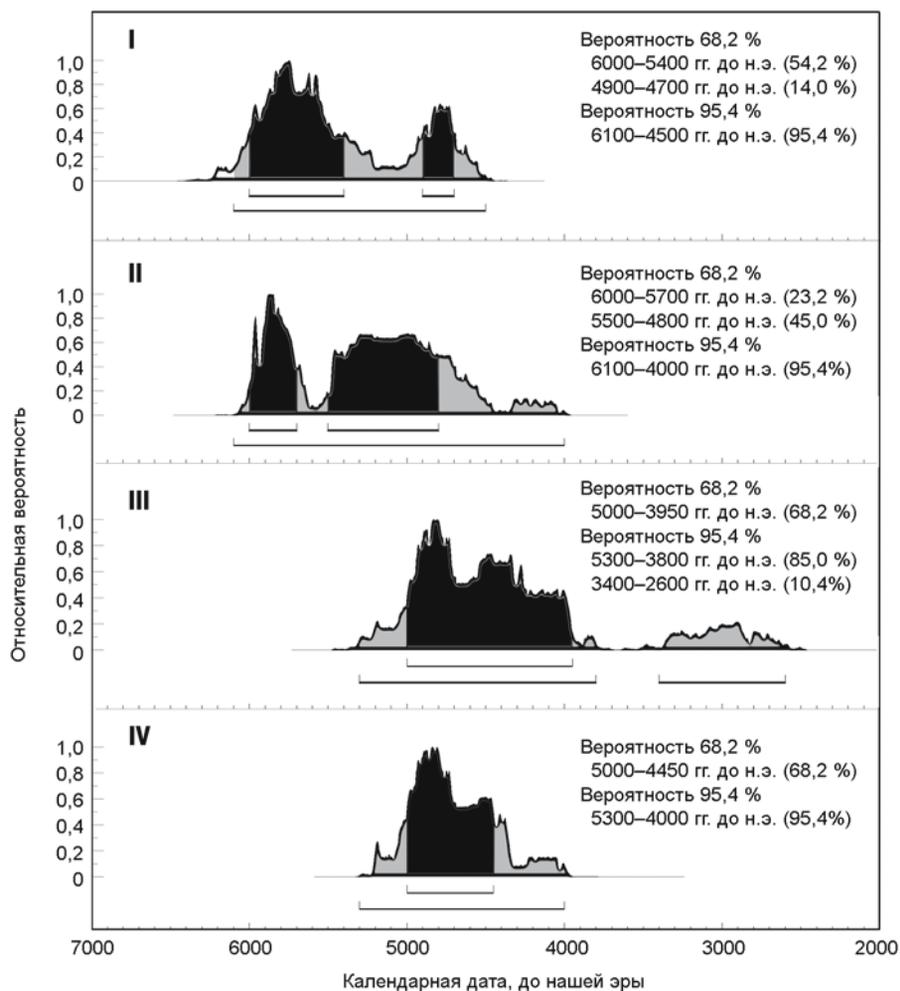

Рис. 3. Радиоуглеродная хронология неолита Зауралья: графики сумм вероятностей основных традиций.

I – кошкинская; II – козловская; III – басыяновско-боборыкинская; IV – полуденско-гребенчатая.

Таблица 3. Неолит Прикамья

Памятник	Шифр	Дата	
		¹⁴ C, л.н.	Калиброванная (68,2 %), гг. до н.э.
1	2	3	4
<i>Неорнаментированная традиция</i>			
Кошкинская	Ki-14577	6 110 ± 90	5210–4940
»	Ki-14576	6 260 ± 90	5330–5060
»	Ki-14913	6 480 ± 90	5530–5350
Левшинская	HeLa-3113	7 748 ± 51	6640–6500
<i>Накольчатая традиция</i>			
Татарско-Азибейское II	Ki-14099	4 790 ± 80	3660–3380
Чашкинское Озеро VI	Ki-14536	5 755 ± 90	4710–4500
Чашкинское Озеро VIII	Ki-14537	5 770 ± 90	4910–4700
Чашкинское Озеро IV	Ki-14539	5 920 ± 80	5210–4720
То же	ГИН-13275	6 030 ± 140	5210–4850

Окончание табл. 3

1	2	3	4
Щербетская II	Ki-14539	6 090 ± 90	5220–4950
Усть-Шижма	Ki-14436	6 130 ± 100	5220–4950
Чашкинское Озеро IV	ГИН-13449	6 160 ± 70	5220–5020
Тетюшская IV	Ki-14452	6 170 ± 90	5230–4990
Чашкинское Озеро VI	ГИН-13276	6 230 ± 160	5370–4990
Щербетская II	Ki-14531	6 270 ± 90	5340–5070
Чашкинское Озеро VIII	Ki-15095	6 310 ± 90	5470–5200
Кыйлуд II	Ki-14434	6 410 ± 80	5470–5320
Щербетская II	Ki-14098	6 530 ± 90	5610–5370
»	Ki-14131	6 620 ± 90	5630–5480
<i>Гребенчатая традиция</i>			
Хуторская	СОАН-6818	4 990 ± 110	3940–3650
»	СОАН-6817	5 040 ± 130	3970–3700
Кочуровское I	Ki-15107	5 170 ± 90	4220–3800
»	Ki-14499	5 260 ± 80	4230–3980
Кочуровское IV	Ki-14906	5 360 ± 80	4330–4060
Чернушка	ГИН-13449а	5 400 ± 70	4340–4070
Чумойтло	Hela-3114	5 544 ± 42	4345–4260
Каен-Тубинская	Ki-14141	5 620 ± 80	4530–4360
Кряжская	Ki-14416	5 620 ± 90	4540–4350
Сауз II	Ki-14581	5 620 ± 90	4540–4350
Лебединская II	Ki-14905	5 670 ± 100	4620–4360
Тархан I	Ki-15099	5 670 ± 70	4610–4370
Каен-Тубинская	Ki-14107	5 680 ± 80	4660–4400
Чашкинское Озеро IV	Ki-14538	5 695 ± 80	4670–4450
Чумойтло I	Ki-14439	5 720 ± 90	4690–4460
Хуторская, жилище 1	Ki-15093	5 750 ± 80	4690–4500
Боровое Озеро I	Ki-14415	5 760 ± 90	4710–4500
Усть-Залазнушка II	SPb-738	5 780 ± 100	4730–4500
Кыйлуд III	Ki-14438	5 820 ± 90	4780–4550
Хуторская	Ki-14419	5 840 ± 80	4800–4590
Усть-Залазнушка	Ki-14417	5 880 ± 80	4850–4610
Хуторская, жилище 2	Ki-14420	5 920 ± 90	4940–4700
Хуторская, жилище 1	Ki-14414	5 930 ± 80	4930–4710
Сауз II	Ki-14585	5 930 ± 80	4930–4710
Боровое Озеро 1	Ki-15094	5 950 ± 80	4940–4720
Чернушка	Ki-14418	5 960 ± 80	4950–4720
Среднее Шадбегово	Ki-14437	5 960 ± 90	4950–4720
Усть-Шижма	Ki-14435	6 020 ± 90	5030–4790
Зиарат	Ki-15061	6 070 ± 80	5200–4840
»	Ki-15087	6 110 ± 80	5210–4940
Муллино	Ki-15639	6 170 ± 80	5220–5000
Мокино	Hela-2990	6 219 ± 42	5300–5070
Тархан I	Ki-14433	6 280 ± 90	5370–5070
Муллино	Ki-15638	6 290 ± 80	5370–5070
Пезмог IV	SPb-590	6 300 ± 120	5360–5220
Зиарат	Hela-2991	6 323 ± 43	5360–5220
Усть-Залазнушка II	Poz-52698	6 330 ± 40	5370–5220
<i>Пезмог IV</i>	<i>ГИН-12322</i>	<i>6 730 ± 50</i>	<i>5710–5615</i>
»	<i>ГИН-12324</i>	<i>6 760 ± 50</i>	<i>5710–5630</i>
»	<i>ГИН-11915</i>	<i>6 820 ± 70</i>	<i>5760–5630</i>

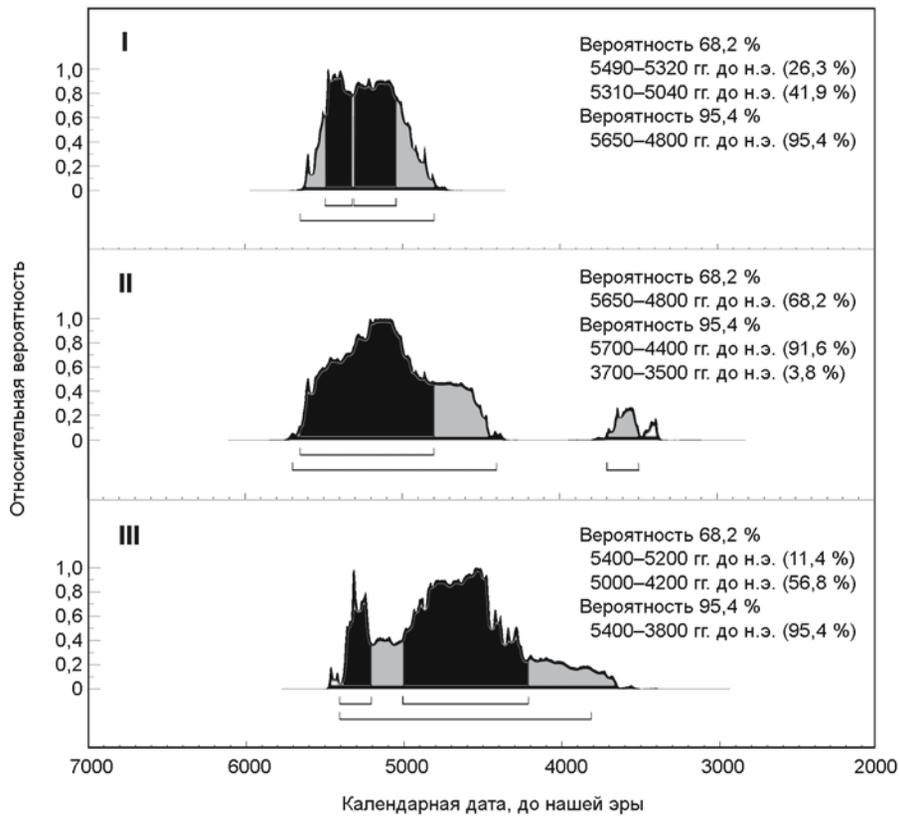

Рис. 4. Радиоуглеродная хронология неолита Прикамья: графики сумм вероятностей основных традиций.

I – неорнаментированная; II – накольчатая; III – гребенчатая.

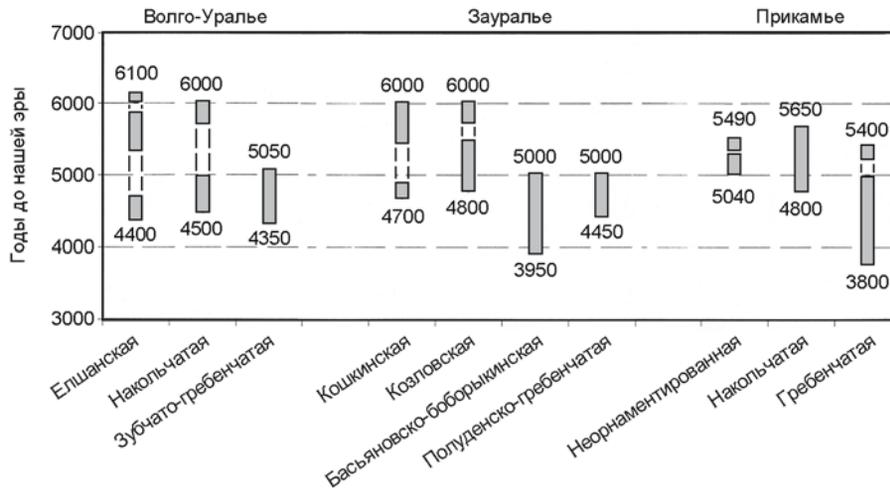

Рис. 5. Абсолютная хронология основных культурных традиций неолита Волго-Уралья, Зауралья и Прикамья.

Несмотря на обозначенные для каждого региона проблемные ситуации, не только определены рамки неолитического периода в целом, но и прослежена четкая последовательность этапов (рис. 5). Можно с большой долей уверенности говорить о разгра-

ничении раннего и позднего неолита. Для каждого хронологического отрезка (каждого региона) можно констатировать сосуществование разных культурных традиций, что нередко фиксируется и по их взаимовстречаемости на одних памятниках. Взаимодей-

ствие и одновременность подтверждается и результатами технико-технологического анализа керамики. Для детализации картины необходимо накопление достоверных дат, что позволит не только четче установить границы интервалов, но и объяснить причины неоднородности многих серий. Столь же важна проверка выводов путем использования альтернативных датировочных материалов с применением ускорительных технологий.

Процесс неолитизации

Анализ радиоуглеродных дат позволяет с определенной степенью достоверности реконструировать процесс неолитизации Уральского региона. Древнейшей является елшанская традиция изготовления керамической посуды Волго-Уралья (рис. 6, 1). Этот комплекс формировался не единовременно и имеет несколько компонентов. Наиболее ранними являются тонкостенные сосуды небольших размеров с прямой или плавной S-видной профилировкой и приостренным, шиповидным, редко округлым дном. Внешняя поверхность недекорирована либо украшена прочерченным орнаментом или отдельными наколами. Эта часть елшанской посуды изготовлена из илстых глин с добавлением органического раствора или шамота. Чуть позже появились прямостенные и профилированные неорнаментированные или с прочерченным орнаментом сосуды из илистой глины без шамота с характерной чертой – рядом ямок-«жемчужин» под венчиком. Они представлены на стоянках Чекалино IV и Старо-Елшанская, датируются 6220–6050 гг. до н.э. (здесь и далее приведены калиброванные значения). Формирование этого комплекса елшанской посуды предварительно связывается с Восточным Прикаспием и Приаральем и отражает юго-восточное направление социальных связей. Около 6070–5840 гг. до н.э. в Волго-Урале появились плоскодонные сосуды с ямочно-«жемчужным» пояском по венчику, но изготовленные из пелогенового ила, и с накольчатый орнаментом (рис. 6, 2, 3), сделанные по елшанской технологии, а также выразительный кремневый микропластинчатый комплекс с геометрическими микролитами. Эти события явились результатом миграции в регион части обитателей Нижнего Поволжья. Юго-восточное направление связей волго-уральского населения сменилось на юго-западное. Таким образом, к рубежу VII–VI тыс. до н.э. в Волго-Урале сосуществовали две традиции изготовления керамической посуды, основанные на применении трех технологических принципов. Они представлены елшанской керамикой из илстых глин с примесью шамота и без него, плоскодонными сосудами с накольчатым орнаментом, изготовленными из илов [Выборнов, 2008; Васильева,

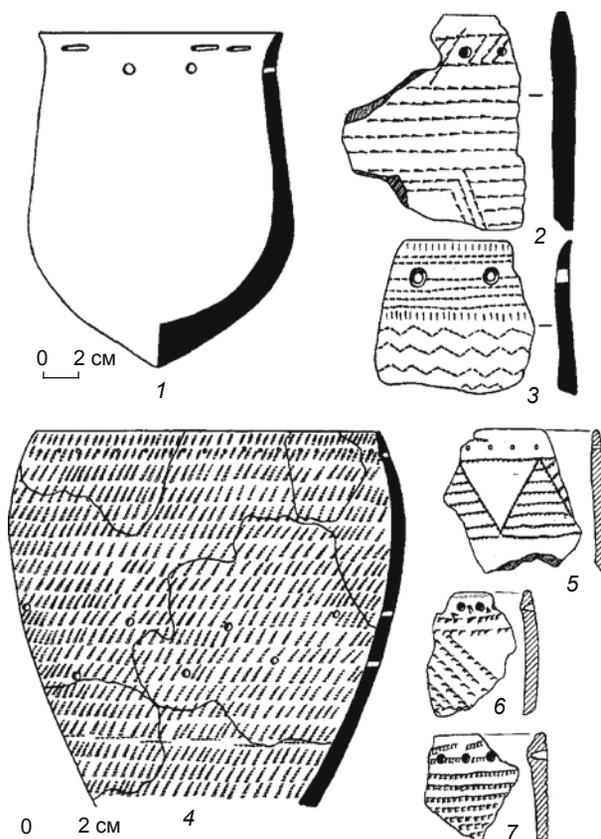

Рис. 6. Керамика раннего (1–3) и позднего (4–7) неолита Волго-Уралья.

1 – Старо-Елшанская II; 2, 3 – Ивановская; 4–7 – Виловатовская.

20116]. Необходимо заметить, что далеко не все исследователи доверяют очень ранним датам некоторых стоянок (выделены в табл. 1 курсивом), поскольку они противоречат имеющимся данным о хронологических рамках раннего неолита Европы.

Около 6210–5900 гг. до н.э. керамическое производство, представленное двумя традициями, появляется в Зауралье. Кошкинская керамика (рис. 7, 1–7, 9–12) включает в себя сосуды закрытой и открытой (прямостенные) формы, с напылом на внутренней стороне венчика, приостренными, округлыми, в меньшей степени плоскими днами. В технике орнаментации основными приемами являются отступающие наколы и прочерчивание. Часть сосудов без орнамента либо с одним пояском из волнистых или прямых горизонтальных линий по верхнему краю [Ковалева, Зырянова, 2008]. В технологии кошкинского гончарства зафиксирована разнородность традиций. Одни сосуды изготовлены из илистой глины с добавлением органического раствора, другие содержат примесь шамота [Васильева, 2011а].

Козловская традиция (рис. 7, 8, 13–16) представлена сосудами открытой или слегка закрытой (круп-

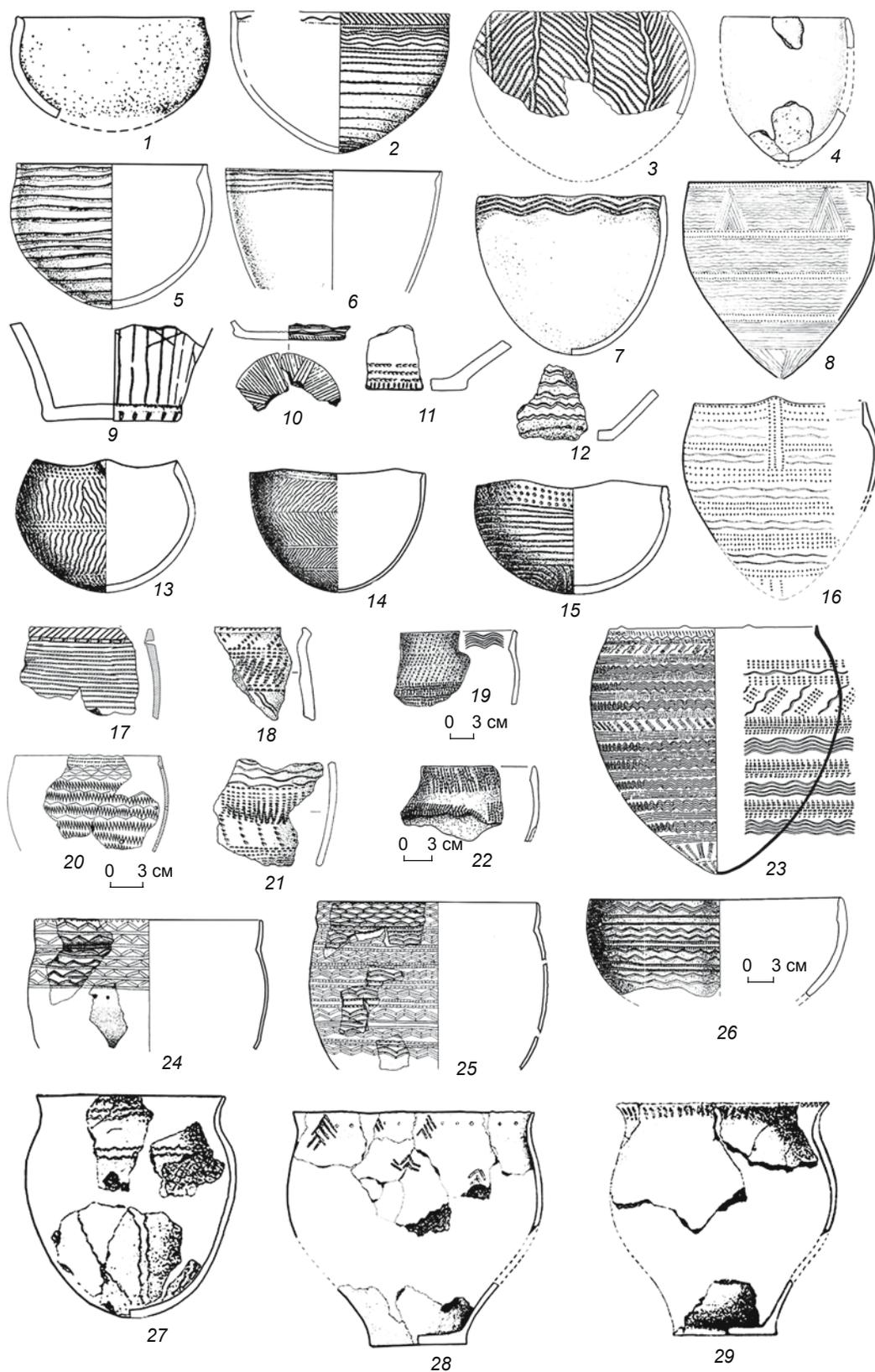

Рис. 7. Керамика раннего (1–16) и позднего (17–29) неолита Зауралья.

1, 2, 7, 9, 10 – Ташково I; 3, 11 – ЮАО XV; 4 – Черников Брод; 5, 6, 13–15, 19, 22, 26 – Кокшаровский холм; 8, 16 – Евстюниха I; 12 – ЮАО XIIa; 17, 20 – Ук VI; 18, 21 – Краснокаменка; 23 – Полуденка I; 24, 25 – Шайдурихинское V; 27–29 – Пикушка I.

ные экземпляры) формы, с наплывом на внутренней стороне венчика и округлыми, приостренными, редко уплощенными днищами. В технике орнаментации преобладают отступающие наколы, выполненные инструментом с округло-приостренным концом и двузубым штампом; ок. 15 % посуды орнаментировано сочетанием отступающего накола и оттисков зубчатого штампа. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов, преимущественно горизонтальные зоны разделялись поясками более крупных наколов или оттисками зубчатого штампа [Шорин, 2007]. Для изготовления посуды использовались в основном илестые глины с добавлением органического раствора [Васильева, 2011а].

Кошкинская и козловская традиции одновременны, представлены совместно в культурных слоях памятников, например, стоянки Варга-2 и основании Кокшаровского холма [Жилин и др., 2007; Шорин, Шорина, 2011б], имеют общую технологическую основу – использование илестых глин с органическим раствором. В ранненеолитической серии Зауралья также есть несколько радиоуглеродных дат (выделены в табл. 2 курсивом), которые выпадают из общей системы и вызывают большие сомнения у специалистов.

Ряд черт керамических комплексов раннего неолита Зауралья: сочетание остродонных и плоскодонных форм; использование илестых глин с добавлением органического раствора или шамота; присутствие неорнаментированных сосудов; преобладание в технике орнаментации прочерчивания и отступающих наколов – позволяет предполагать заимствование технологий изготовления посуды зауральским населением у западных соседей – обитателей Волго-Уралья и дальнейшую реализацию новаций на базе местных представлений об орнаментах. Вполне вероятно влияние на этот процесс и связей с населением Арало-Каспия, которые фиксируются еще с мезолита. Однако полная неисследованность территории Актыбинской обл. Казахстана пока не позволяет предметно рассматривать данное направление.

Начало неолитизации Прикамья ок. 5630–5480 гг. до н.э. можно связать с появлением (сперва в Нижнем Прикамье, затем севернее вплоть до Верхнего Прикамья и Камско-Вятского междуречья) плоскодонных сосудов баночной формы с прямой или слегка отогнутой наружу шейкой, неорнаментированных либо украшенных ямочно-«жемчужным» поясом или рядами оттисков отступающей палочки (рис. 8, 1–5) [Гусенцова, 1993; Выборнов, 2008; Лычагина, 2011]. Этот процесс отражает установление северного направления связей волго-уральского населения, непосредственное продвижение или передачу технологических традиций, что подтверждается результатами технологического анализа [Васильева, Выборнов, 2012].

Поздний неолит

Следующий этап в неолите Предуралья ознаменован появлением гребенчатой керамики (5360–5220 гг. до н.э.), причем наиболее ранний комплекс, по имеющимся к настоящему моменту датам, обнаружен в Прикамье, а не Волго-Уралье, как ожидалось. Более того, для сосуда, орнаментированного оттисками зубчатого штампа, с местонахождения Пезмог IV на Вычегде, которое находится севернее Верхнего Прикамья, получены даты (по углю и пригару), указывающие на весьма древний возраст [Карманов, 2008, с. 66]. Развернувшаяся дискуссия по данному факту не позволяет нам (до получения AMS-дат по пригару и выявления возможного присутствия резервуарного эффекта) безусловно оперировать этими данными. К ранней группе (рис. 8, 6, 7) отнесены небольшие прямостенные или чуть прикрытые круглодонные сосуды в основном с тонкими стенками, полностью орнаментированные мелким гребенчатым штампом. Количество композиций невелико, схемы узоров просты, при этом отсутствует «шагающая гребенка». В ходе изучения технологии изготовления керамики со стоянки Зиарат выявлены устойчивые культурные традиции [Васильева, Выборнов, 2012], которые были изначально свойственны населению Прикамья, орнаментировавшему посуду гребенчатым штампом.

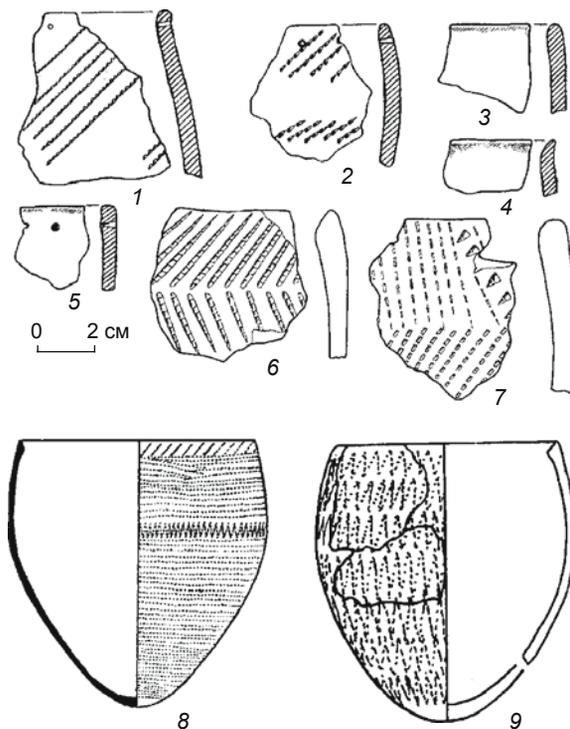

Рис. 8. Керамика раннего (1–7) и позднего (8, 9) неолита Прикамья.

1–5 – Щербетская II; 6, 7 – Зиарат; 8, 9 – Хуторская.

Чуть позже (5210–4910 гг. до н.э.) зубчато-гребенчатая керамика (см. рис. 6, 4, 5) появилась в Волго-Уралье. По мнению И.Н. Васильевой, посуда такого типа на Ивановской стоянке демонстрирует определенную технологическую преемственность с предыдущим периодом [2007, с. 38]. Сосуды закрытой формы или прямостенные, орнамент выполнен преимущественно зубчатым коротким прямым или изогнутым штампом. Последний, скорее всего, является производным от насечек, которые наносились ракушкой. Композиции представлены горизонтальными рядами, зигзагом (горизонтальным и вертикальным), «шагающей гребенкой». Часть сосудов демонстрирует сочетание зубчатого и накольчатого орнаментов. Необходимо обратить внимание на одну немаловажную деталь: наколы сочетаются в подавляющем большинстве случаев именно с короткими оттисками зубчатого штампа, но встречаются и длинные. В это время продолжал сохраняться северный вектор связей волго-уральского населения, что подтверждается обнаружением в Верхнем Прикамье сосудов, орнаментированных треугольными наколами в сочетании с отпечатками тонкого зубчатого штампа [Лычагина, 2011]. Таким образом, в Волго-Уралье сосуществовали три традиции изготовления посуды: неорнаментированной, накольчатой (см. рис. 6, 6, 7) и зубчато-гребенчатой; в Прикамье – две последние.

Около 5300–5200 гг. до н.э. сформировались две традиции, по своим технологическим составляющим связанные с предшествующим кошкинско-козловским гончарством: полуденская и басьяновско-боборыкинская [Васильева, 2011а]. Первая представлена закрытой или прямостенной посудой с приостренным либо округлым дном и преимущественно с наплывом на внутренней стороне венчика (см. рис. 7, 18, 19, 21, 23). По системам орнамента можно выделить два варианта. На «классической» полуденской керамике это чередующиеся горизонтальные зоны, выполненные в техниках прочерчивания, отступающе-накольчатых, шагающе-проташенных, шагающих и штампованных оттисков гребенчатого штампа. Гребенчатый вариант (см. рис. 7, 17, 20, 22) представлен преимущественно штампованными оттисками и «шагающей гребенкой». В целом орнаменты полуденской традиции очень разнообразны [Бадер, 1970; Ковалева, 1989]. Необходимо отметить, что гребенчатая керамика с «шагающей гребенкой» и штампованными оттисками, которую ранее типологически относили к финалу неолита, сосуществовала с полуденской «классической».

Басьяновско-боборыкинская традиция также имеет два варианта. Басьяновская керамика (см. рис. 7, 24–26) представлена округло- и плоскодонными сосудами с закраинами на плоских днищах, как с ярко

выраженной шейкой, так и баночной формы. С внутренней стороны венчика в месте перехода шейки в тулово расположен подтреугольный валик. Внешняя поверхность чаще орнаментирована в верхней половине и у дна по принципу горизонтальной зональности в технике прочерчивания либо отступающими наколами широким гладким или двузубым орнаментом. Наиболее распространенным является чередование горизонтальных зигзагов и прямых линий [Шорин, 2007]. «Классическая» боборыкинская керамика (см. рис. 7, 27–29) представлена профилированными и баночными плоско- и округлодонными сосудами. Плоские днища имеют своеобразный наплыв. Орнамент выполнен в прочерченно-накольчатой технике, часто – отдельными наколами. Узор располагается в верхней и придонной частях сосудов, а также на дне и состоит из прямых и волнистых линий, зигзагов, вертикальных отрезков, сложных геометрических фигур [Ковалева, Зырянова, 2010].

Сосуществование басьяновско-боборыкинских и полуденско-гребенчатых комплексов в Зауралье до начала энеолита не только как двух традиций, принадлежавших разным десцентным группам, но и в рамках одних социумов подтверждается технологическими и археологическими фактами [Васильева, 2011а, с. 122–123].

Около 4950–4720 гг. до н.э. появилась «классическая» гребенчатая посуда камского неолита (см. рис. 8, 8, 9). Сосуды имеют полуяйцевидную форму, приостренные, округлые и округло-конические днища. Орнаментированы преимущественно гребенчатым штампом. Основные орнаментальные композиции – наклонно и прямо поставленные ряды оттисков длинного штампа, вертикальный и горизонтальный зигзаг, заштрихованные треугольники, плетенка, сетка, «шагающая гребенка» [Бадер, 1970]. В это время устойчивые связи между Зауральем и Прикамьем подтверждаются наличием полуденской посуды на поселениях Верхнего и Среднего Прикамья. Более того, для одной группы полуденского населения зафиксирована специфическая технологическая традиция дробления в сухом состоянии сырья без талька и смешения его с шамотом [Васильева, 2011а, с. 122–123], характерная для камской керамики. Таким образом, можно предполагать, что переход к «классическому» камскому неолиту – результат как южных связей с Волго-Уральем, так и восточных – с Зауральем.

К рубежу неолита и энеолита (вторая половина V тыс. до н.э. в Волго-Уралье и Зауралье, начало IV тыс. до н.э. в Прикамье) по всему Уральскому региону была распространена керамика с гребенчатой орнаментацией. В Волго-Уралье местные энеолитические традиции представлены посудой токского, турганикского и других типов с гребенчатым, «веревочным», «гусеничным» орнаментами. В Зауралье

отступающе-накольчатая составляющая полуденской керамики эволюционировала в ложношнуровую, гребенчатая – в энеолитическую гребенчатую с простыми и геометрическими узорами. В Прикамье на основе камского неолита сформировались гаринско-борские комплексы.

Заключение

Неолитический период в Уральском регионе в целом укладывается в рамки VI–V тыс. до н.э. и условно может быть разделен на два этапа с характерными культурно-хронологическими нюансами, свойственными отдельным территориям: ранний – конец VII – VI тыс. до н.э. и поздний – V тыс. до н.э. Начало неолитизации связано с появлением в конце VII тыс. до н.э. елшанской гончарной традиции в Волго-Уралье, которая с начала VI тыс. до н.э. сосуществовала с традицией накольчатой орнаментации. В Зауралье ранний неолит (с начала VI тыс. до н.э.) представлен кошкинской и козловской керамикой, характеризующейся преимущественно накольчатой и прочерченной техникой орнаментации при очень ограниченном использовании зубчатого орнамента. Структура керамического комплекса и применявшиеся технологии позволяют предполагать передачу гончарных традиций в Зауралье соседним волго-уральским населением при вероятном влиянии связей с обитателями Арало-Каспия. Неолитизация Прикамья началась чуть позже, со второй четверти VI тыс. до н.э., и была связана с проникновением традиций изготовления посуды с накольчатым декором и неорнаментированной из волго-уральской лесостепи, а затем и появлением во второй половине этого тысячелетия в Нижнем Прикамье своеобразной гребенчатой керамики.

Переход к позднему неолиту на рубеже VI – V тыс. до н.э. в Предуралье ознаменован преимущественным бытованием традиций гребенчатой орнаментации. В Прикамье – это «классическая» керамика камского неолита, в Волго-Уралье – зубчато-гребенчатая, сосуществовавшая с поздней елшанской и накольчатой. В Зауралье поздний неолит представлен полуденско-гребенчатой и басьяновско-боборыкинской традициями. Анализ процессов перехода к энеолиту как завершающему этапу каменного века на Урале требует получения дополнительных серий достоверных дат. Предварительно можно сказать, что в Предуралье такие исследования осложнены миграцией южных носителей съезжинской и хвалынской традиций и их инкорпорацией в среду местного позднеэнеолитического населения. В Зауралье переход к энеолиту был эволюционным и начался во второй половине V тыс. до н.э. В Верхнем и Среднем Прикамье начало энеолитической эпохи датируется IV тыс. до н.э.

Список литературы

Андреев К.М., Выборнов А.А., Кулькова М.А. Некоторые итоги и перспективы радиоуглеродного датирования елшанской культуры лесостепного Поволжья // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2012. – Т. 14, № 3. – С. 193–197.

Арефьев В.А., Рыжкова О.В. Исследование VI Береговой стоянки на Горбуновском торфянике в 1989–1991 гг. // Древности Горбуновского торфяника. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – С. 76–112. – (Охранные археологические исследования на Среднем Урале; вып. 6).

Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970. – С. 157–171. – (МИА; № 166).

Брюсов А.Я. Уральская археологическая экспедиция // КСИИМК. – 1951. – Вып. XXXVII. – С. 69–77.

Бунькова А.А. Радиоуглеродные даты с поселений Евстюниха и Полуденка I // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 236.

Варанкин Н.В. Стоянка Карьер II – памятник эпохи неолита // Археологические исследования севера Евразии. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1982. – С. 13–17. – (ВАУ; вып. 16).

Васильева И.Н. О гончарной технологии населения Волго-Уралья в эпоху неолита (по материалам Ивановской стоянки) // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Изд-во Оренбург. гос. пед. ун-та, 2007. – Вып. VIII. – С. 23–38.

Васильева И.Н. О технологии изготовления керамики Кокшаровского холма // ВАУ. – 2011а. – Вып. 26. – С. 103–124.

Васильева И.Н. Раннеэнеолитическое гончарство Волго-Уралья (по материалам елшанской культуры) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011б. – № 2. – С. 70–81.

Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. Кам. археол.-этногр. экспедиции. – Пермь, 2012. – Вып. VIII. – С. 33–50.

Виллисов Е.В. Басьяновский вариант боборыкинской культуры (по материалам памятника Второй поселок I) // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. конф., г. Тюмень, 26–30 марта 2012 г. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. – Вып. 2. – С. 98–101.

Виноградов А.В., Дервиц А.Л., Добкина Э.И., Маркова Н.Г., Мартищенко Л.Г. Определение абсолютного возраста по ¹⁴C // Геохимия. – 1956. – № 8. – С. 3–9.

Выборнов А.А. Неолит Волго-Камья. – Самара: Самар. гос. пед. ун-т, 2008. – 490 с.

Выборнов А.А. Первые радиоуглеродные даты по неолитической керамике Зауралья // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 232–235.

Выборнов А.А. О радиоуглеродных датах по керамике и другим материалам // Проблемы истории, археологии, образования. – Самара: Поволж. гос. соц.-гум. академия, 2012. – С. 15–31.

Выборнов А.А., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В. К радиоуглеродной хронологии неолита Среднего Поволжья: западный регион // РА. – 2008. – № 4. – С. 64–71.

- Выборнов А.А., Мамонов А.Е.** Проблемы хронологии неолита Волго-Камья: типология и радиоуглерод // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. – С. 188–198.
- Гусенцова Т.М.** Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. – Ижевск: Изд-во Удмурт. гос. ун-та, 1993. – 240 с.
- Гусенцова Т.М.** Периодизация неолитических памятников бассейна р. Вятки // Хронология неолита Восточной Европы. – СПб.: [б.и.], 2000. – С. 21–23.
- Жилин М.Г., Антипина Т.Г., Зарецкая Н.Е., Косинская Л.Л., Косинцев П.А., Панова Н.К., Савченко С.Н., Успенская О.Н., Чаиркина Н.М.** Варга 2: Ранненеолитическая стоянка в Среднем Зауралье (опыт комплексного анализа). – Екатеринбург: [б.и.], 2007. – 100 с.
- Зах В.А., Скочина С.Н.** Ранний комплекс поселения Мергень 6 в Нижнем Приишимье (по материалам 1990, 2002 и 2004 гг.) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2009. – № 11. – С. 16–28.
- Зырянова С.Ю.** Многослойное поселение Шайдуринское V и проблемы хронологии неолита Среднего Зауралья // Тр. III Всерос. археол. съезда. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 148–149.
- Карманов В.Н.** Неолит Европейского Северо-Востока. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 2008. – 224 с.
- Ковалева В.Т.** Неолит Среднего Зауралья. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1989. – 80 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Проблема генезиса и датировки боборыкинской культуры // Формирование и взаимодействие уральских народов в изменяющейся этнокультурной среде Евразии: проблемы изучения и историография. – Уфа: Китап, 2007. – С. 137–144.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. – 2008. – Вып. 25. – С. 73–113.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. – Екатеринбург: Центр «Учебная книга», 2010. – 308 с.
- Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю.** Радиоуглеродные даты неолитических памятников Зауралья // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 240–242.
- Ковалева В.Т., Устинова Е.А., Хлобыстин Л.П.** Неолитическое поселение Сумпаня IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1984. – С. 32–44.
- Кузнецов П.Ф.** Датировка памятников у Репина хутора и хронология культурно-родственных материалов эпохи ранней бронзы степной зоны Восточной Европы // РА. – 2013. – № 1. – С. 17–21.
- Лычагина Е.Л.** О хронологии и периодизации неолита Верхнего и Среднего Прикамья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 1. – С. 28–33.
- Матюшин Г.Н.** Неолит Южного Урала: Предуралье. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1996. – 301 с.
- Мосин В.С., Страхов А.Н.** Хронология памятников нео-энеолита Южного Зауралья // ВАУ. – 2011. – Вып. 26. – С. 244–245.
- Неолитические памятники Урала.** – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1991. – 200 с.
- Тимофеев В.И., Зайцева Г.И., Долуханов П.М., Шукуров А.М.** Радиоуглеродная хронология неолита Северной Евразии. – СПб.: Теза, 2004. – 158 с.
- Халиков А.Х.** Древняя история Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1969. – 395 с.
- Халиков А.Х.** Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. – 1973. – № 172. – С. 107–121.
- Чернецов В.Н.** Древняя история Нижнего Приобья // МИА. – 1953. – № 35. – С. 7–71.
- Чернецов В.Н.** К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. – М.: Наука, 1968. – С. 41–53.
- Чернецов В.Н.** Этнокультурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита (доклад, прочитанный на сессии ОИИ в марте 1970 г.) // Проблемы археологии Урала и Сибири. – М.: Наука, 1973. – С. 10–17.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Базы данных радиоуглеродных датировок и коррективы релятивной хронологии эпохи раннего металла // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2009. – Вып. 1. – С. 26–40.
- Черных Е.Н., Орловская Л.Б.** Керамика и радиоуглеродное датирование в рамках ямной археологической общности: проблемы интерпретации // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. – М.: ИА РАН, 2011. – Вып. 2. – С. 63–78.
- Шмидт А.В.** Стоянка у станции Левшино // СА. – 1940. – Вып. V. – С. 1–31.
- Шорин А.Ф.** История и некоторые итоги изучения Кокшаровского холма // Проблемы археологии: Урал и Западная Сибирь (к 70-летию Т.М. Потемкиной). – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2007. – С. 30–42.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.** Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // ВАУ. – 2011а. – Вып. 26. – С. 249–254.
- Шорин А.Ф., Шорина А.А.** Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011б. – № 3. – С. 70–77.

Материал поступил в редколлегию 03.06.13 г.

A b s t r a c t

Until the early 2000s, the chronology of the Uralian Neolithic was based on isolated radiocarbon dates and on V.N. Chernetsov's and O.N. Bader's typological schemes. In 2007 we began directly dating ceramics tempered with organic substances. As a result, a long series of reliable dates was generated. A total of 212 estimates is analyzed, spanning various Neolithic cultures of the Urals. The entire period lasted from the late 7th to the late 5th millennia BC and can be tentatively subdivided into two stages, early (late 7th – late 6th millennia BC) and late (5th millennium BC). Cultural and territorial differences within these two stages are described.

Keywords: Neolithic Urals, chronology, radiocarbon dates, ceramic traditions.

К ВОПРОСУ О ПОЗДНЕКРОТОВСКОЙ (ЧЕРНООЗЕРСКОЙ) КУЛЬТУРЕ (ПРИИРТЫШСКАЯ ЛЕСОСТЕПЬ)*

В статье излагается концепция формирования и развития позднекротовской (черноозерской) культуры на территории Прииртышья. На рубеже III–II тыс. до н.э. в Барабинской лесостепи на базе классической кротовской культуры складывается новое образование – позднекротовское. Его представители – автохтонное население – испытывали сначала опосредованное, а затем непосредственное влияние со стороны носителей андроновской (федоровской) культуры, что нашло отражение в материальной и духовной культуре, антропологическом и палеогенетическом материале. В итоге сложился новый (черноозерский) вариант позднекротовской культуры, который представляют материалы памятников Черноозерье-1 и Тартас-1.

Ключевые слова: *позднекротовская (черноозерская) культура, эпоха развитой бронзы, прииртышская лесостепь.*

Введение

С 1993 г., после завершения 14-летнего цикла раскопок памятника Сопка-2 в Барабинской лесостепи, проводится большая работа, связанная с введением огромного материала в научный оборот. При этом не прекращается осмысление, а порой и переосмысление источников, полученных в ходе изучения объекта.

В 2001 г. вышла первая монография, посвященная анализу материалов памятника, в которой была впервые представлена культурно-хронологическая градация всех находок [Молодин, 2001, табл. 1]. Исследованные объекты предлагалось рассматривать как серию различных по времени и культурной принадлежности могильников. Весь массив захоронений

эпохи бронзы был разделен на несколько комплексов: Сопка-2/2, Сопка-2/3, Сопка-2/3А отнесены к эпохе ранней бронзы, Сопка-2/4 – к кротовской культуре, Сопка-2/5 – к позднекротовскому времени, Сопка-2/6 – к андроновской (федоровской) культуре, Сопка-2/7 – к ирменской, Сопка-2/8 – к сузгунской [Там же]. Впоследствии памятники Сопка-2/3 и Сопка-2/3А определены нами как принадлежащие особой усть-тартаской культуре [Молодин, 2005].

В 2008 г. был поставлен вопрос о выделении в Восточном Зауралье и Западной Сибири одиновской культуры [Молодин, 2008]. К этому образованию был отнесен помимо серии других памятников и особый могильник на Сопке, ранее причисленный нами к кротовскому массиву [Молодин, 2010а, с. 68]. Он получил новый индекс – Сопка-2/4А; его материалы недавно изданы монографически [Молодин, 2012]. Анализ планиграфии захоронений кротовской культуры и их радиоуглеродных определений позволил разделить выявленный материал на особые группы – Сопка-2/4Б и Сопка-2/4В [Молодин и др., 2010].

Кротовскую культуру, как уже отмечалось в специальной работе [Молодин, 2010а], предлагалось

*Работа выполнена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии».

подразделять на два этапа – собственно кротовский и позднекротовский. Анализ данных по многочисленным захоронениям на памятнике Тартас-1 и материалов, полученных ранее В.Ф. Генингом и Н.К. Стефановой (Ещенко) в Прииртышье, а также результатов антропологических [Чижишева, 2010, 2012] и палеогенетических [Molodin et al., 2010, 2012] исследований позволяет предложить новую концепцию, которая является развитием идеи об исторических судьбах аборигенного кротовского населения, сложившихся после прихода в Прииртышье мигрантов с запада.

Концепция формирования и развития позднекротовской (черноозерской) культуры

Выделение новой археологической культуры – всегда знаковое событие в науке. Закономерно, что чем больше мы исследуем новых территорий и чем значительнее по временному охвату археологические комплексы, тем выше вероятность выявить ранее не известные группы памятников, которые по целому ряду признаков могут быть рассмотрены как объекты самостоятельных археологических культур. С накоплением новых источников корректируются, а иногда и пересматриваются представления о той или иной стороне культуры. Получение новых материалов может быть основанием, чтобы признать выделение какой-то культуры ошибочным. Обычно в результате расширения корпуса источников уточняются хронология, периодизация, границы территории распространения той или иной культуры. С учетом сказанного я хотел бы призвать коллег, особенно молодых, деликатно и взвешенно подходить к вопросу о необходимости замены одного хорошо известного и устоявшегося в науке понятия новым, поскольку это часто влечет не упорядочение, а напротив, терминологическую путаницу. Любая ревизия требует серьезного обоснования и доказательств.

Это вступление понадобилось мне для того, чтобы четко обозначить содержательную сущность новой археологической культуры, блоки которой уже были введены в научный оборот. Однако обширные материалы, полученные во время работ в Барабинской лесостепи, позволили подать их более системно и более логично и обоснованно изложить новую концепцию.

На заключительной стадии бытования кротовской культуры эпохи развитой бронзы ее носители находились под влиянием пришедших с запада представителей андроновской культурно-исторической общности. По-видимому, их первые контакты, не носившие системного характера, происходили еще во время эпизодического проникновения в Восточное Прииртышье носителей петровской культуры с запада (см., напр.: [Молодин, 2010]). Последние могли со-

прикасаться с носителями традиций вишнево-керамики, которую Г.Б. Зданович справедливо отнес к памятникам кротовского типа Северного Казахстана [1973, с. 21–23].

Впоследствии это воздействие мигрантов с запада на население правобережного Прииртышья было опосредованным, его проявлением следует считать некоторые новации в керамической посуде классической кротовской культуры (например, штрихованные треугольники по венчику) [Молодин, 1977, с. 68]. Усиление влияния европеоидного населения нашло отражение в полной смене у аборигенов прежде всего оружия и украшений. На смену сейминско-турбинским кельтам и копьям приходит металл срубно-андроновского типа. При этом у носителей кротовской культуры продолжают сохраняться автохтонные каноны, прежде всего в погребальной практике: захоронения рядами, в грунтовых могильниках, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток (рис. 1, 1–5). С этого момента классическая кротовская культура по сути перестает существовать, на смену ей приходит иное образование, названное мною с учетом генетических и культурных корней позднекротовским.

Контакты аборигенов и пришельцев, вероятнее всего андроновцев (федоровцев), все более усиливались и привели к смешению населения, что нашло отражение на генетическом и антропологическом уровнях [Molodin et al., 2012; Чижишева, 2012] и проявилось, в частности, в синкретизме черт инвентаря и погребальной практики. Этот сложнейший многофакторный этнокультурный процесс впервые был прослежен на материалах Обь-Иртышья М.Ф. Косаревым [1987, с. 279–281]; им же выделен черноозерско-томский вариант андроновской культурно-исторической общности.

Составляющие данного процесса на разных территориях были различные. В Прииртышье и прилегающей Барабинской лесостепи, где местной основой являлось кротовское население, эту по сути уже синкретичную культуру можно именовать позднекротовской (черноозерской), что отражает ее и хронологическую, и территориальную принадлежность. В настоящее время границы ареала культуры следует определять пределами лесостепной части правобережного Прииртышья, расположенной примерно в 300 км к востоку от Иртыша.

К поселенческим комплексам позднекротовской (черноозерской) культуры следует отнести Черноозерское городище [Там же, с. 279]. На памятнике четко прослеживаются ров и вал, ограждающие прямоугольную площадку размерами 40×15 м у края террассы [Викторов, Борзунов, 1974]. Жилища наземные, прямоугольных очертаний, площадью ок. 60 м². Котлован конструкции слегка углублен. Имеются остатки глиняных очагов.

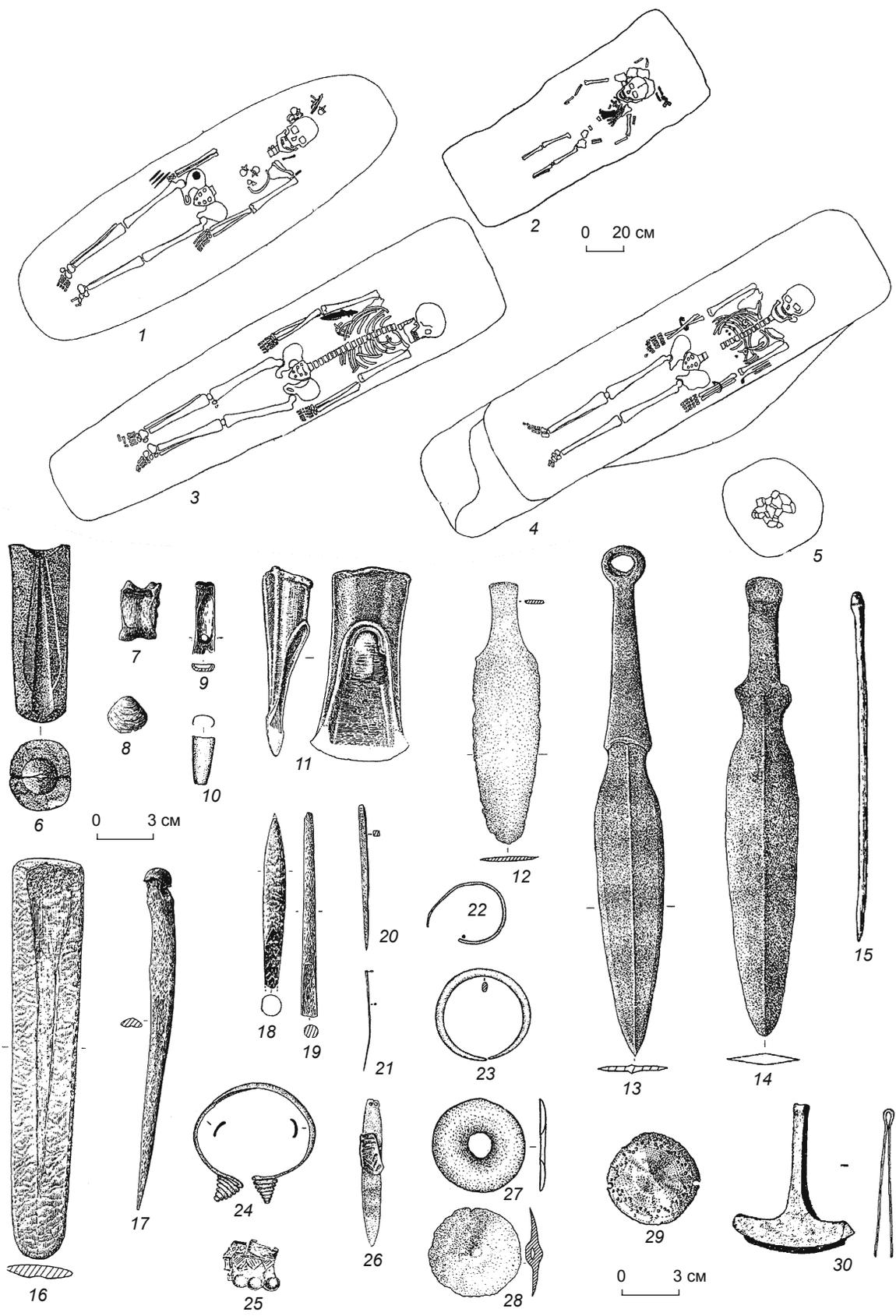

Рис. 1. Тип-лист материалов раннего этапа позднекротовской (чернозерской) культуры. Сопка-2/5.

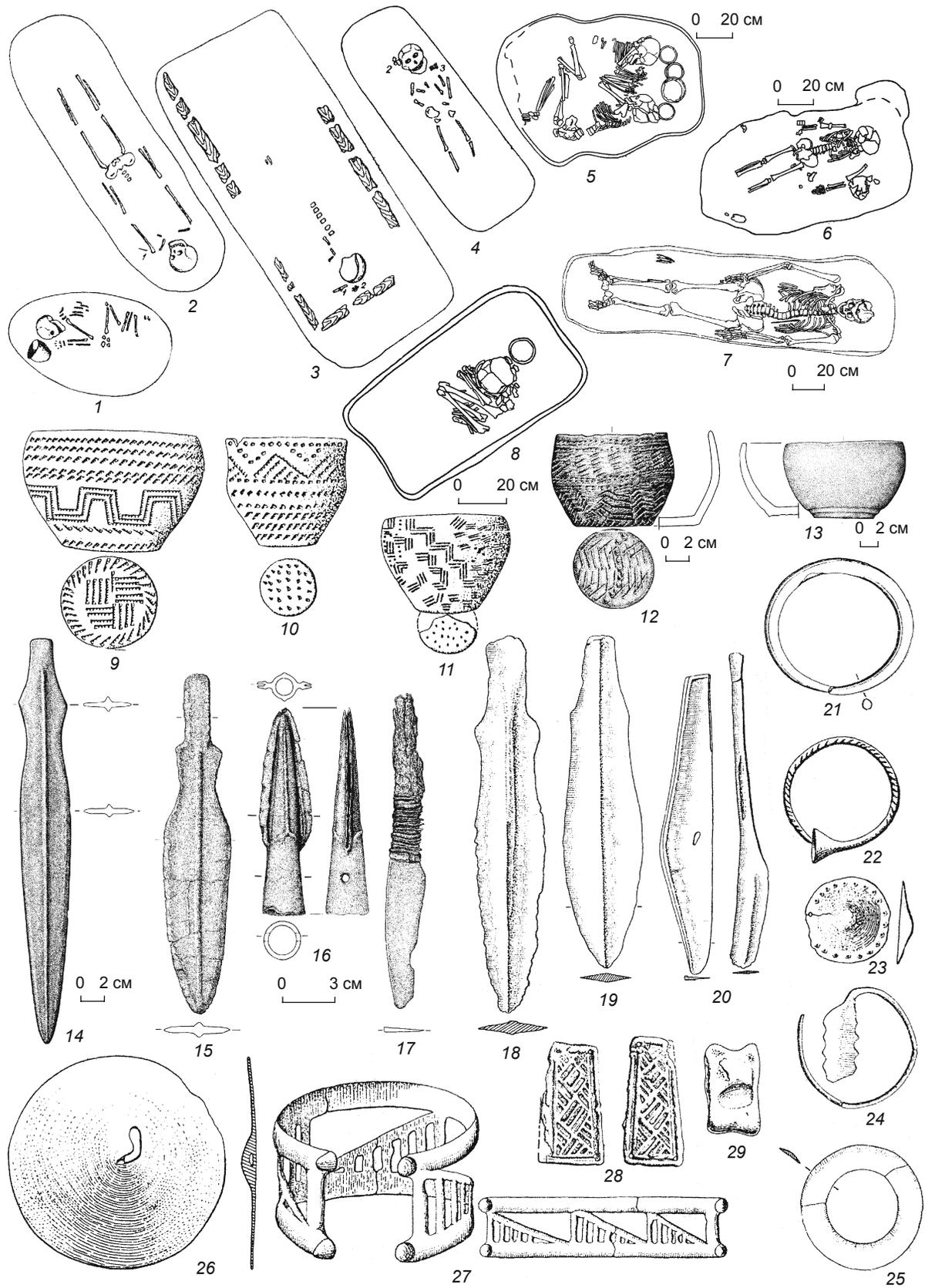

Рис. 2. Тип-лист материалов позднего этапа позднечерноземской (чернозерской) культуры.
 1-4, 9-11, 18-29 – Чернозерье-1 (по: [Генинг, Стефанова, 1994]); 5-8, 12-17 – Таргас-1.

Поселенческий инвентарь представлен керамикой горшковидной и преимущественно баночной формы. В орнаменте преобладают елочные и зигзагообразные узоры. Посуда, сопоставимая с классической андроновской (федоровской), составляет лишь 2 % от всего комплекса [Там же, с. 23]. На памятнике найдены каменные орудия, бронзовое кольцо со спиралевидными завитками, бронзовые шилья и кости домашних животных.

Погребальные памятники представлены могильниками Сопка-2/5, Черноозерье-1 и серией захоронений Тартас-1 [Молодин, 2001; 2012, рис. 7; Генинг, Ещенко, 1973; Генинг, Стефанова, 1994; Молодин, Софеев, Дейч и др., 2003; Молодин, Мыльникова, Новикова и др., 2011]. В этом ряду более древним является могильник Сопка-2/5; он отражает только опосредованное влияние андроновцев, тогда как два других объекта демонстрируют динамику и результаты взаимодействия (рис. 2). Таким образом, можно говорить о двух хронологических этапах культуры – позднекротовском и черноозерском.

Могильники грунтовые, хотя имеются и земляные сооружения. Захоронения располагаются рядами. Могильные ямы подчетыреугольной формы, их глубина небольшая на ранней стадии, со временем все более увеличивалась и достигала 100 см. В черноозерском могильнике в отдельных погребальных камерах прослежены следы деревянных обкладок. Захоронения чаще всего индивидуальные. Умершие были погребены, как правило, на спине, в вытянутом положении, головой на северо-восток, иногда с сильно разведенными руками и ногами. На поздней стадии (черноозерский этап, могильники Черноозерье-1 и Тартас-1) людей захоранивали, в частности, на боку, в скорченном положении, головой на восток и юго-восток (рис. 2, 1–7).

Погребальный инвентарь составляют бронзовое оружие и украшения. На раннем (позднекротовском) этапе керамическую посуду помещали в могилу лишь в виде исключения, на позднем (черноозерском) – сосуды в погребении оставляли чаще; их форма и орнаментация свидетельствуют о синкретизме, налицо присутствие автохтонного (кротовского) и пришлого (андроновского) компонентов (рис. 2, 9–13).

На памятнике Тартас-1 удалось проследить даже динамику процесса смешения как в погребальной практике, так и особенно в традициях гончарства [Молодин, 2011]. Погребальный инвентарь культуры – оружие и украшения – представлен преимущественно срубно-андроновскими формами: двулезвийными кинжалами (см. рис. 1, 12–14; 2, 14, 15, 18, 19), браслетами, перстнями со спиралевидными концами (см. рис. 1, 24), а также ножевидными подвесками (см. рис. 1, 26), бляхами, украшенными в пуансонной технике (см. рис. 1, 29; 2, 23) и т.д. В захоронениях

раннего позднекротовского этапа культуры обнаружены костяные предметы (проколки, наконечники стрел, характерные подвески из сверленных суставов животных (рис. 1, 9, 15–19)), а также металлические – кельт с пещеркой, щипцы, набор бронзовых колец и т.д. (рис. 1, 11, 30, 27).

В захоронениях более позднего черноозерского этапа имеются характерные глиняные сосуды с автохтонным и андроновским колоритом, вышеперечисленные предметы срубно-андроновского облика, а также такие оригинальные изделия, как бронзовые диски с петелькой (см. рис. 2, 26), однолезвийные ножи, бритвы, серьги с раструбом (см. рис. 2, 17, 20, 22), широкий ажурный пластинчатый браслет (см. рис. 2, 27), трапециевидные пластинки, украшенные орнаментом в виде взаимопроникающих треугольников (см. рис. 2, 28) [Генинг, Стефанова, 1994], наконечник копья с пазами на пере (см. рис. 2, 16).

Постепенно интеграция аборигенной и пришлой популяций привела к полной ассимиляции андроновцами местного населения, что прослеживается по материалам погребальной практики могильника Тартас-1, или к вытеснению каких-то групп аборигенов на менее населенные территории лесостепи и южной тайги.

По понятным причинам определить четкие рамки бытования позднекротовской (черноозерской) культуры не представляется возможным. С учетом новых серий калиброванных радиоуглеродных дат началом опосредованного воздействия представителей андроновского мира на население рассматриваемой территории Барабинской лесостепи можно считать рубеж III–II тыс. до н.э. Последующий этап взаимодействия двух популяций приходится на первые века II тыс. до н.э. [Molodin, 2012]. Следует понимать, что предлагаемая схема не отражает всей сложности процессов, имевших место в реальной жизни: пришлые андроновцы сосуществовали на одной территории по сути уже со смешанным позднекротовским населением. В данный период какие-то мигранты с запада вступали в контакт с этим смешанным (позднекротовско-андроновским) населением, что в конечном итоге, вероятно, привело к появлению особых этнических групп со специфическими чертами культуры. Поэтому невозможно провести четкую грань между ранним, позднекротовским, этапом культуры и более поздним, черноозерским.

Очевидно, что на означенной территории правобережного Прииртышья представители позднекротовского культурного образования какое-то время сосуществовали с андроновцами (федоровцами), постоянно контактировали с ними, пока грань между этими культурами полностью не стерлась. Это могло произойти уже в самом конце андроновской эпохи в регионе, т.е. в конце первой половины II тыс. до н.э.

Список литературы

- Викторов В.П., Борзунов В.А.** Городище эпохи бронзы у с. Черноозерье на Иртыше // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1974. – Вып. 15. – С. 19–23.
- Генинг В.Ф., Ещенко Н.К.** Могильник эпохи поздней бронзы Черноозерье-1 // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 5. – С. 53–64.
- Генинг В.С., Стефанова Н.К.** Черноозерье-1 – могильник эпохи бронзы Среднего Прииртышья. – Препр. – Екатеринбург: [б.и.], 1994. – 66 с.
- Зданович Г.Б.** Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области // Вопросы археологии Урала. – 1973. – Вып. 12. – С. 21–43.
- Косарев М.Ф.** Второй период развитого бронзового века Западной Сибири (андроновская эпоха) // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 276–288.
- Молодин В.И.** Эпоха неолита и бронзы Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 171 с.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов эпохи неолита и раннего металла. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 1. – 127 с.
- Молодин В.И.** Усть-тартасская культура // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: мат-лы XIII Зап.-Сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2005. – С. 180–184.
- Молодин В.И.** Одиновская культура в Восточном Зауралье и Западной Сибири. Проблема выделения // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2008. – С. 9–13.
- Молодин В.И.** Современные представления об эпохе бронзы Обь-Иртышской лесостепи (к постановке проблемы) // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее (к юбилею профессора Т.Н. Троицкой). – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2010а. – С. 61–76.
- Молодин В.И.** Петровская культура в Барабинской лесостепи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.
- Молодин В.И.** Миграции носителей андроновской культурно-исторической общности в Барабинскую лесостепь // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 58–69. – (Тр. Сиб. ассоц. исслед. первобытного искусства; вып. VII).
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3. – 220 с.
- Молодин В.И., Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Орлова Л.А.** Новые данные по радиоуглеродной хронологии погребальных комплексов могильника Сопка-2 эпохи ранней – развитой бронзы // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 240–246.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И.** К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.
- Молодин В.И., Софеев О.В., Дейч Б.А., Гришин А.Е., Чемякина М.А., Манштейн А.К., Балков Е.В., Шатов А.Г.** Новый памятник эпохи бронзы в Барабинской лесостепи (могильник Тартас-1) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 441–446.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита – раннего железного века: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2010. – 50 с.
- Чикишева Т.А.** Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.
- Molodin V.I.** The Ob-Irtysh Forest-Steppe in the Bronze Age // Peregrinationes archaeologicae in Asia et Europa Joanni Chochorowski dedicatae. – Krakow: Instytut Archeologii Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2012. – P. 491–499.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V.** Migrations in the South of the West Siberian Plain during the Bronze Age (4th-2nd millennium DC) Archaeological, Paleogenetic and Anthropological, Data // Migrations in Prehistory and Early History. Stable Isotopes and Population Genetics – New Answers to Old Questions? – Berlin, 2010. – 15 S.
- Molodin V.I., Pilipenko A.S., Romaschenko A.G., Zhuravlev A.A., Trapezov R.O., Chikisheva T.A., Pozdnyakov D.V.** Human migrations in the southern region of the West Siberian Plain during the Bronze Age: Archaeological, paleogenetic and anthropological data // Population Dynamics in Prehistory and Early History. New Approaches Using Stable Isotopes and Genetics. – Berlin; Boston, 2012. – P. 93–111.

Материал поступил в редколлегию 25.10.13 г.

A b s t r a c t

The origins and evolution of the Late Krotovo (Cherno-ozerye) culture in the Irtysh area is described. Around 2000 BC, the autochthonous Krotovo culture proper was succeeded by the Late Krotovo stage, marked by the influence (initially indirect and then direct) of the Andronovo (Fedorovka) culture. The transition was mirrored by archaeological, skeletal, and paleogenetic evidence. A distinct variety of the Late Krotovo is seen in the Cherno-ozerye complex, represented by sites such as Cherno-ozerye-1 and Tartas-1.

Keywords: Late Krotovo (Cherno-ozerye) culture, Middle Bronze Age, Irtysh forest-steppe.

УДК 903.27

Л.В. Зоткина¹, А.С. Техтереков², В.М. Харевич³, Х. Плиссон⁴¹Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: lidiazotkina@gmail.com²Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия
E-mail: djungar@inbox.ru³Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: kharevich@ngs.ru⁴Национальный центр первобытной истории, Франция
Centre National de la Préhistoire
rue du 26e Régiment d'Infanterie, 38, Périgueux, 24000, France
E-mail hugues.plisson@u-bordeaux1.fr

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ: ВИДЫ ПИКЕТАЖА И ИНСТРУМЕНТАРИЯ*

Технологическое изучение петроглифов предполагает экспериментальные разработки разных уровней: от общих к более конкретным. На основе предшествующих опытов были сформулированы задачи по уточнению данных о технологическом аспекте исполнения серии петроглифов в Минусинской котловине. К ним относилось выявление основных признаков морфологии и материала использовавшегося инструментария, а также особенностей технических приемов, а именно прямого или опосредованного пикетажа. На основе экспериментальных разработок на местной горной породе и трасологического анализа полученных результатов были установлены морфологические признаки следов орудий из металла и местного галечного сырья. Введен новый критерий технологического анализа получаемых следов на скальной поверхности – степень массивности орудий. Для некоторых, специфических с точки зрения технологии, изображений Шалаболинской и Малой Боярской писаниц удалось реконструировать базовые характеристики технологического процесса их создания.

Ключевые слова: петроглифы, эксперимент, трасология, технология, опосредованный и прямой пикетаж, Минусинская котловина.

Исследование древних технологий выполнения на скальных изображений подразумевает сочетание методов экспериментального моделирования и трасологического анализа. Изучаются причинно-следственные связи, обусловленные спецификой физических свойств материалов. Результаты трасологического исследования археологических артефактов и их эксперименталь-

ных моделей сопоставляются, что позволяет реконструировать древние технологии. Камень, кость, металл обладают набором характеристик, обуславливающих возможности их обработки и дальнейшего применения [Гиря, 1997]. Эксперимент и трасология позволяют выявлять следы изготовления и использования изучаемых объектов на основе технологической и функциональной необходимости [Семенов, 1957].

Технологическое изучение петроглифов предполагает выявление специфических мор-

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ 13-21-08002.

фологических характеристик выбоин, образующих наскальные изображения (т.е. следов изготовления), а также определение возможностей обработки скальной поверхности. Экспериментальные данные применялись для изучения петроглифов с конца XIX – начала XX в. [Whittaker, Koeman, Taylor, 2000]. Особое внимание технологическому аспекту создания наскальных изображений уделяли М.А. Дэвлет, С.В. Киселев, Т. Мирсаатов, Д. Кабиров, А.К. Филиппов и многие другие исследователи [Дэвлет, 1998; Киселев, 1930; Мирсаатов, Кабиров, 1974; Филиппов, 1994, 2004]. Качественно новый подход к изучению петроглифов с позиций методики А.С. Семенова был впервые применен Е.Ю. Гирей и Е.Г. Дэвлет [Гиря, Дэвлет, 2008, 2010; Дэвлет, Гиря, 2011]. В результате технолого-трасологических исследований хорошо сохранившихся выбитых наскальных изображений удалось выявить трасологические признаки следов пикетажа, дифференцирующие материал орудий (камень/металл), которыми выполнялись изучаемые петроглифы [Там же]. Эти данные позволяют косвенно датировать поздним временем некоторые изображения, выбитые металлическими инструментами, однако не дают информации о хронологической принадлежности петроглифов, выполненных каменными орудиями [Шер, 1980]. Экспериментальные разработки показали, что возможности данного метода довольно широки. Он позволяет установить разновидность пикетажа (прямой, когда ударник оставляет следы на поверхности скалы, или опосредованный, когда импульс, посылаемый ударником, проходит через посредник, зафиксированный на поверхности скалы), некоторые особенности металлов и каменного сырья орудий, которыми были выполнены изображения (например, степень износоустойчивости) и т.д. Опыт изучения технологий в наскальном искусстве свидетельствует о большом разнообразии технических возможностей и приемов создания выбитых изображений. Определенный набор характеристик технологии может указывать на существование традиций в выборе древними художниками технических приемов и инструментария, что предположительно должно фиксироваться при анализе обширных материалов. Безусловно, сюжетно-стилистическая составляющая как главное выразительное средство является основой для атрибуции петроглифов [Там же]. Тем не менее технология также является выразительной составляющей в неразрывной связи с другими элементами плана выражения в наскальном искусстве. Таким образом, изучение технологий пикетажа в дальнейшем может открыть новые возможности уточнения не только хронологической, но и культурной атрибуции петроглифов [Зоткина, 2012].

Технологические исследования в археологии включают эксперименты различных уровней, предполагающие разную методическую направленность.

Базовые разработки способствуют получению наиболее общих знаний о технологических характеристиках изучаемых материалов. На основе таких данных не может быть реконструирована технология во всей ее полноте. Тем не менее подобные разработки необходимы для правильной постановки задач, уточнения условий последующих экспериментальных ситуаций и построения моделей, позволяющих реплицировать определенные технологические процессы или явления, экстраполируемые на археологический материал. Следующий этап – поиск ответов на вопросы, которые возникают в ходе базовых экспериментов и трасологического анализа петроглифов. Технолого-трасологическое изучение приобретает более конкретную методическую направленность. Последний этап – репликация технологического процесса, при этом полученные в результате копии должны быть морфологически близки или идентичны изучаемому археологическому материалу.

В рамках полевых работ 2012 г., направленных на изучение технологий наскального искусства Минусинской котловины, были выполнены серии экспериментов различных уровней. В качестве скальной основы использовались блоки красноцветного девонского песчаника, слои которого расположены поперек обрабатываемых плоскостей. Трасологическое изучение следов экспериментальной выбивки на данной горной породе позволило выделить комплекс универсальных признаков, дифференцирующих технику прямого и опосредованного пикетажа вне зависимости от материала, из которого был изготовлен инструмент. Прежде всего к ним относится характер границ изображения. Контур образца, выполненного в опосредованной точечной технике, как правило, довольно четкий и относительно ровный вне зависимости от ширины выбитой линии. При выбивке без посредника удары менее контролируемы, на скальной поверхности чаще встречаются выходящие за пределы контура выбоины. Получение линии плотного пикетажа с достаточно четкими границами, где лунки перекрывают друг друга, также возможно в технике прямой выбивки. Полоса получается достаточно широкой, ок. 1,5–2,0 см. При прямом редком пикетаже (выбоины не перекрывают друг друга) границы изображения могут быть весьма условными, без четкого контура при большом количестве отдельно расположенных выбоин. Эта техника наиболее приемлема для заполнения фона изображения, хотя встречаются и контурные петроглифы, выполненные таким образом. Особенностью следов прямого пикетажа является большое разнообразие размеров выбоин, расположенных на одном участке. Дело в том, что при работе в этой технике траектория движения орудия и сила импульса каждого удара хуже контролируются, неизбежно чередование сильных и слабых ударов, а значит, получаемые

выбоины будут отличаться друг от друга. При мощном силовом импульсе заостренная часть инструмента глубже проникает в скальную поверхность и размер выбоины в плане, как правило, больше, чем в результате слабого удара, оставляющего на скале лишь небольшую неглубокую точку. Кроме того, форма следов прямого пикетажа менее стабильна по сравнению с лунками, получаемыми при выбивке с посредником. Это связано с различной кинематикой движений орудия при ударах, которые могут быть не только прямыми, но и проходить по касательной относительно скальной поверхности (схожая кинематика наблюдается при работе теслом), благодаря чему следы часто приобретают характерную продолговатую форму в плане и неодинаковую на всех участках лунок глубину.

Эксперименты по моделированию следов пикетажа с посредником позволяют зафиксировать набор характеристик, отличающих этот вид техники. В первую очередь, линии имеют четкие границы, практически нет выбоин, выходящих за пределы контура изображения. Данная техника более трудозатратна и требует больше времени. Художник имеет возможность контролировать удары, а значит, располагать каждую лунку пикетажа нужным образом. В силу такой специфики технического приема исполнитель волей-неволей продумывает расположение каждой выбоины на поверхности скалы. С этим связана другая, иногда встречающаяся особенность, характеризующая следы опосредованной выбивки, – упорядоченность лунок. Особое расположение следов, например, когда линия выполнена в один или два ряда плотно прилегающих друг к другу выбоин, может свидетельствовать об определенной стратегии создания изображения. В некоторых случаях это прослеживается на материале петроглифов Минусинской котловины (рис. 1, 1, 5). Ширина линий сплошного пикетажа с использованием посредника может быть очень небольшой, в пределах одной-двух лунок, в отличие от достаточно широких линий, выполненных в технике прямой выбивки. Важным показателем, характеризующим не только технический прием, но и некоторые особенности применявшегося инструментария, является глубина следов пикетажа. При использовании посредника лунки обычно больше по размеру в профиле по сравнению с полученными в результате прямой выбивки.

Методическая направленность серии экспериментов, на которых основана настоящая статья, была более конкретной и предполагала выявление определенной характеристики следов пикетажа различных типов орудиями с разными свойствами. Задачи и условия проведения серии экспериментов были определены на основе результатов предшествующих опытов [Зоткина, 2012].

Практика экспериментальных исследований показывает, что важным критерием оценки следов пикетажа является степень массивности инструмента, которым он выполнен. Немассивное металлическое орудие, например небольшой заточенный стержень даже из прочной закаленной стали, не дает глубоких выбоин при использовании его в технике прямой выбивки. Следы выглядят как мелкие, очень поверхностные точки, глубина рельефа в таком случае меньше 1 мм. Характер следов весьма специфичный, их трудно спутать с другими. Кроме того, они не часто встречаются на материале петроглифов юга Сибири. Однако использование такого же немассивного металлического инструмента в качестве посредника позволяет получить углубленные лунки при небольшом размере входного отверстия, что является одним из типичных признаков применения такого орудия для опосредованного пикетажа [Гиря, Дэвлет, 2010; Гиря и др., 2011] (рис. 2, 3–5).

С помощью тяжелого металлического инструмента с массивной рабочей частью, например чекана, в технике прямой выбивки могут быть получены выбоины средней глубины, поскольку большая масса орудия усиливает импульс удара (рис. 2, 1, 2). В данном случае важны метрические параметры. Тяжелое орудие с массивной рабочей частью в процессе пикетажа может проникать в обрабатываемую поверхность довольно глубоко. Следы в этом случае образуются более широкие, чем при работе с тонким стержнем, поскольку контактная поверхность рабочего элемента крупного инструмента обычно больше. Полученный образец выбивки обладает и набором вышеописанных универсальных признаков, характерных для следов прямого пикетажа.

Массивное металлическое орудие, используемое в качестве посредника, позволяет добиться максимальной глубины выбоин (рис. 3, 2). Примером могут служить очень глубокие отдельно расположенные выбоины на Малой Боярской писанице (рис. 3, 1). В ходе экспериментов удалось реконструировать технологический процесс их создания. Прямой пикетаж заостренными массивными инструментами (лом, чекан) не давал ни достаточной глубины, ни четких очертаний границ выбоин. Использование в качестве посредника чекана (заточенного специальным образом стального молотка печника – «кирочки»), а в качестве ударника молотка со стальным насадом позволило получить следы, по глубине и очертаниям схожие с крупными лунками на Малой Боярской писанице (рис. 3, 2, 3), хотя последние несколько уже и более вытянутые в плане. Видимо, это связано с более острым углом заточки инструмента, использовавшегося древним мастером. Однако характер растрескивания правой части края практически всех выбоин в обоих случаях идентичен и свидетельствует о направлении

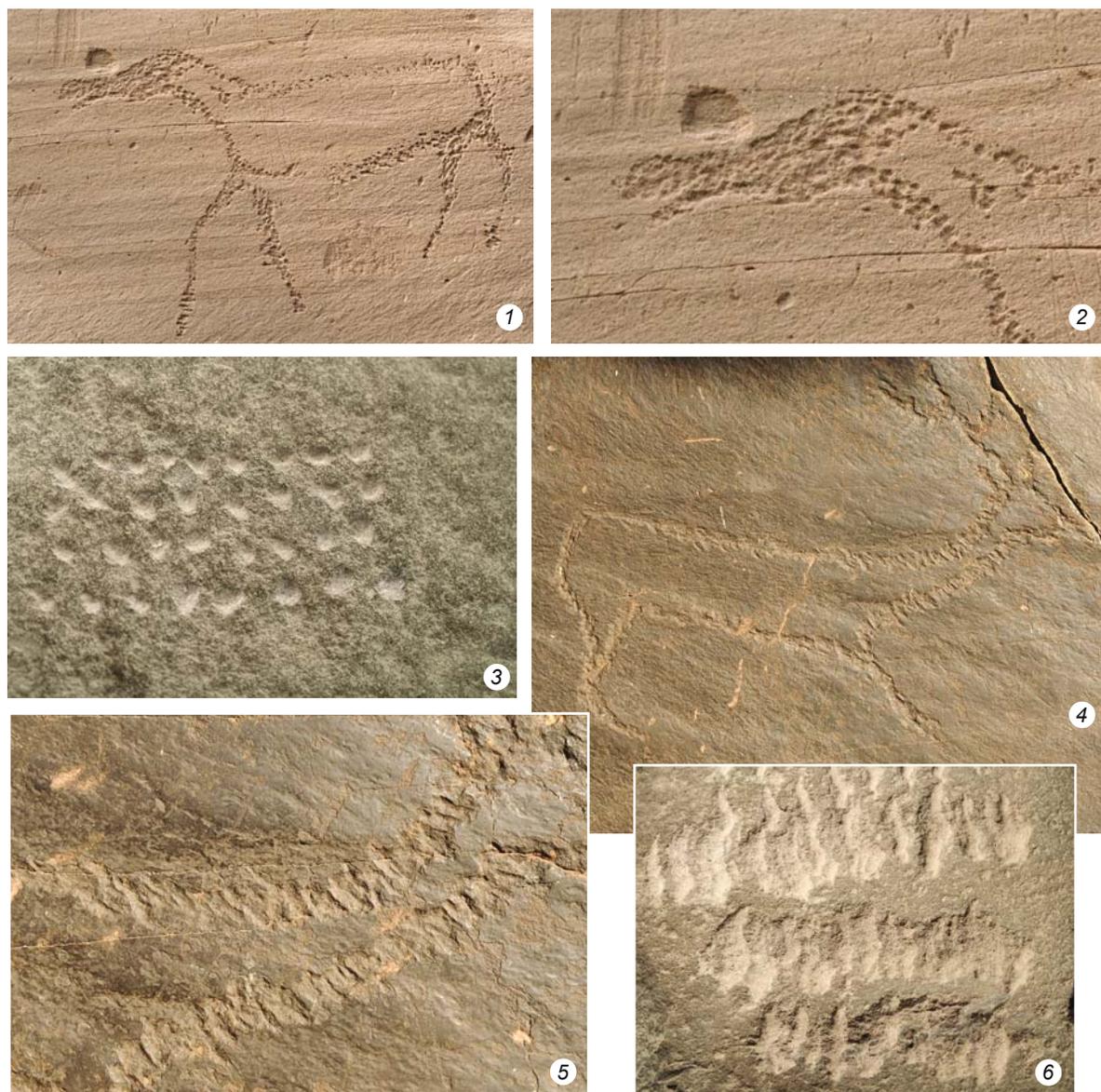

Рис. 1. Петроглифы Шалаболинской писаницы и экспериментальные следы пикетажа, сопоставимые с ними. 1 – зооморфное изображение на участке 4; 2 – детализированный фрагмент зооморфного изображения (голова и шея животного); 3 – следы пикетажа с применением немассивного металлического инструмента в качестве посредника, полученные экспериментальным путем; 4 – изображение оленя на участке 4; 5 – детализированный фрагмент изображения оленя (шея животного); 6 – экспериментально полученные следы пикетажа с применением галечного орудия в качестве посредника.

импульса ударника (рис. 3, 1–4). Кроме того, среди материалов Боярской писаницы встречаются выбоины, практически такие же по форме («полумесяц»), как и полученные экспериментальным путем (рис. 3, 4).

Одной из задач экспериментальных разработок 2012 г. было изучение следов пикетажа инструментами из различных материалов. Установлено, что для создания петроглифов на красноцветном девонском песчанике и каменные, и металлические орудия должны обладать высокой твердостью, прочностью, износоустойчивостью, а последние и определенной пластичностью, уменьшающей их хрупкость. Был изучен

характер следов, оставляемых на скальной поверхности в ходе работы каменными и металлическими инструментами. Произведена оценка эффективности и технологических возможностей орудий с различной морфологией, изготовленных из разных видов каменного сырья и различных металлов.

В предшествующих экспериментальных разработках использовались в основном такие виды каменного сырья, как кремнь и кварцитовые породы [Гирия, Дэвлет, 2008; Гирия и др., 2011; Зоткина, 2012]. Кварцит с большим содержанием кварца является более твердым и прочным, чем кремнь. Обе породы чаще всего

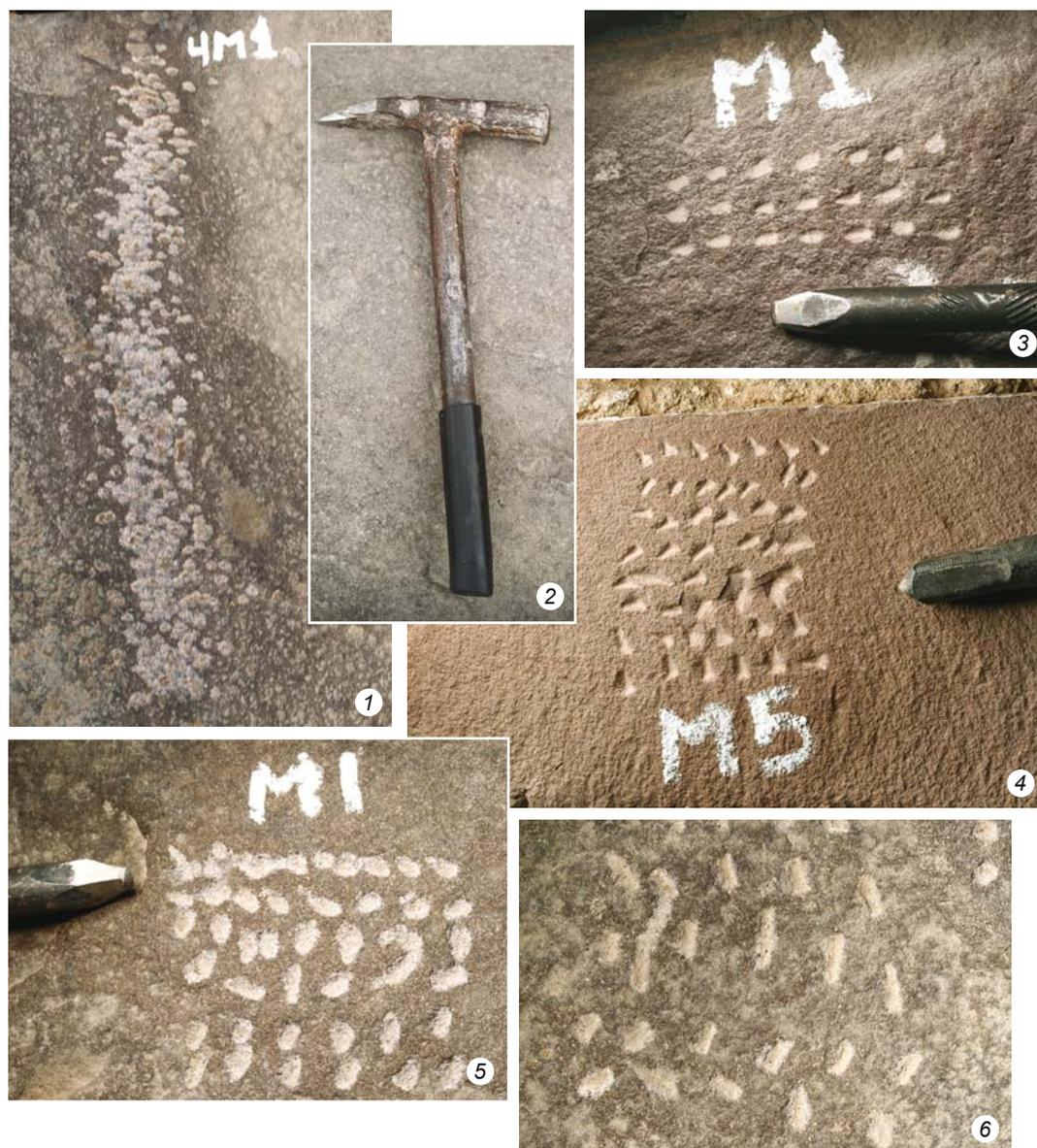

Рис. 2. Экспериментальные образцы выбивки, выполненной металлическими инструментами.

1 – следы прямого пикетажа массивным металлическим инструментом; 2 – экспериментальное массивное металлическое орудие (чекан); 3, 4 – следы пикетажа с использованием немассивных металлических посредников с различной рабочей частью и экспериментальные орудия; 5, 6 – следы пикетажа с применением немассивных металлических посредников (после продолжительной работы).

изотропны, приемлемы для расщепления и позволяют получить острия с различным углом заточки. Для экспериментов 2012 г. использовалось местное шалаболинское галечное сырье.

Шалаболинская писаница, вблизи которой проводились серии экспериментов в 2010 и 2012 гг., расположена на правом берегу р. Туба (правый приток Енисея). Местное сырье, источником которого является река, представлено русловым галечником. В его составе присутствуют обломки различных горных пород, в т.ч. осадочного и магматического происхождения. Такое каменное сырье обладает твердостью

и прочностью при гораздо меньшей изотропности и хрупкости по сравнению с кварцитом с высоким содержанием кварца и кремнем. Твердость большинства горных пород, представленных в енисейском и тубинском галечнике, варьирует в пределах 5,5–6,5 по шкале Мооса, а кремня – ок. 7, при этом он более хрупок, из-за чего лучше колется. Для эффективного расщепления шалаболинского каменного сырья часто требуется большая физическая сила, чем, например, для раскалывания кремня, что также связано с высокой степенью вязкости и твердости пород в бассейне Енисея. Однако именно эти каче-

Рис. 3. Образцы наскального искусства Малой Боярской писаницы.

1 – крупные выбоины; 2 – экспериментально полученные следы пикетажа со стальным чеканом в качестве посредника; 3 – трехмерная модель выбоин (автор Х. Плиссон); 4 – следы от ударов чекана характерной формы, перекрывающие изображение дома; 5 – фрагмент зооморфного изображения (выбоины которого специфической формы).

ства обеспечивают износоустойчивость и, как следствие, эффективность орудий из данного материала при пикетаже на местных более рыхлых песчаниках. В экспериментальных исследованиях базового уровня использовались острия из донецкого кремня и местного галечника. Для чистоты эксперимента и возможности дальнейшего сопоставления полученных результатов во всех случаях применялась только техника пикетажа с посредником, т.к. при прямой выбивке рабочая часть кремневых орудий быстро приходила в негодность.

Эксперименты продемонстрировали разницу в изменении острий из различных видов каменного

сырья в процессе пикетажа. Конфигурация рабочей части кремневого орудия довольно быстро изменяется, что определяет и морфологию получаемых следов (рис. 4, 4). Выбоины на начальной и конечной стадии создания экспериментального образца могут значительно отличаться по форме и размеру. Острие из кремня изнашивается довольно быстро, образуется т.н. долотовидное орудие [Гиря, Дэвлет, 2010]. Схожая картина наблюдается при пикетаже орудиями из кварцитовых пород, хотя они более износоустойчивы. Выбивка может продолжаться дольше, но принцип изменения рабочей части острий тот же. В обоих случаях следы на скальной поверхности видоизменяются схо-

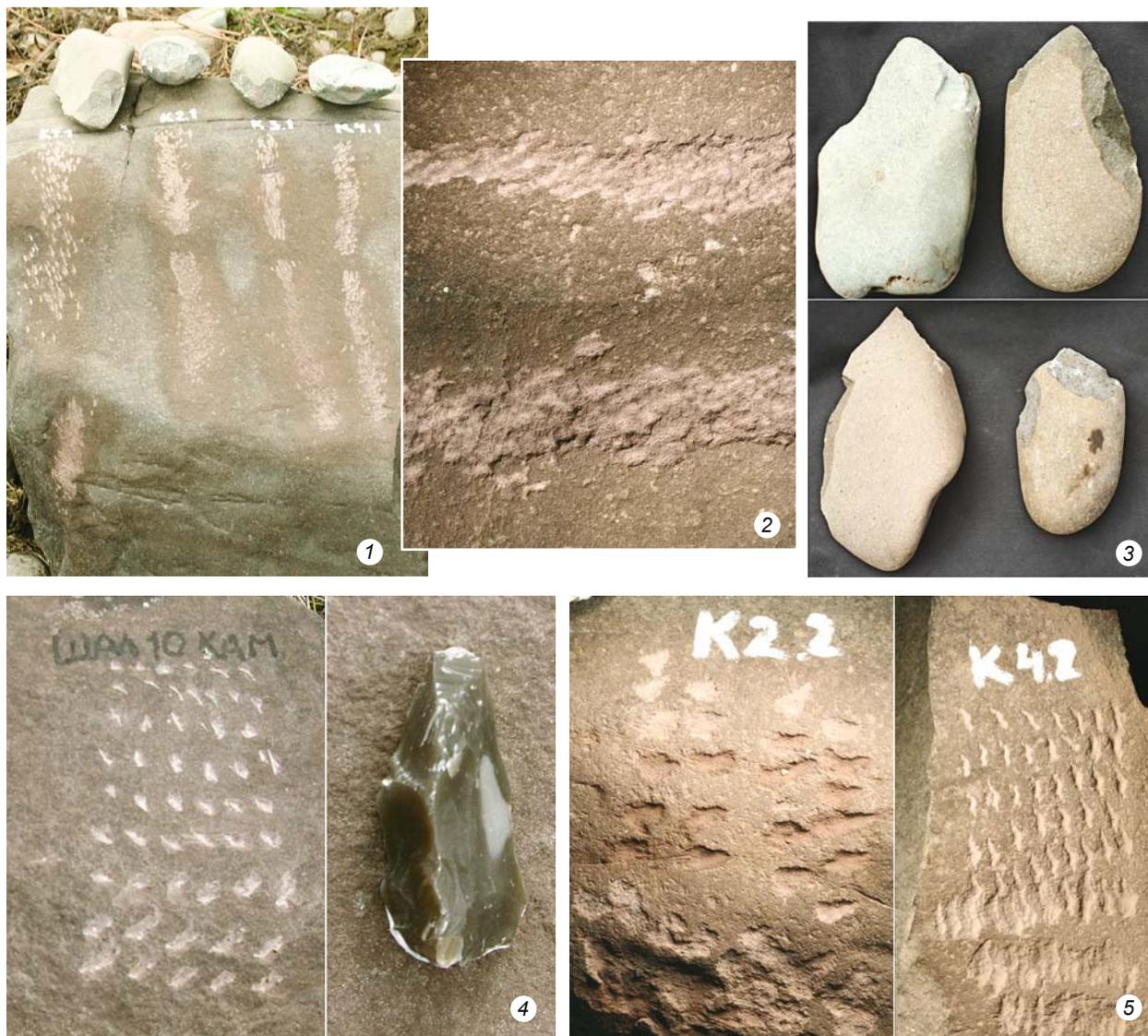

Рис. 4. Экспериментальные образцы выбивки, выполненной каменными орудиями.

1 – следы прямого пикетажа каменными орудиями из шалаболинского галечника и экспериментальные орудия; 2 – следы прямого пикетажа галечными орудиями из шалаболинского сырья (детализированные фотографии образцов и использовавшиеся орудия); 3 – острия из шалаболинского галечника; 4 – следы пикетажа с применением кремневого орудия в качестве посредника и экспериментальное орудие; 5 – следы пикетажа с применением галечных орудий из шалаболинского сырья в качестве посредников.

жим образом. Главной характеристикой выбивки каменным орудием из хрупкого сырья является именно изменяемость формы следов в пределах одного изображения [Гиря и др., 2011; Дэвлет, Гиря, 2011].

Орудия из местного более вязкого сырья изменяются иначе. На первом этапе работ в точке контакта острия со скальной поверхностью могут выкрашиваться мелкие чешуйки. Но затем рабочая часть орудия становится более стабильной, т.к. материал в контактной зоне уплотняется. Износ орудия происходит медленнее в результате сглаживания острия, а не из-за его разрушения и кардинального видоизменения. Таким образом, пикетаж орудиями, изготовленными из местного енисейского сырья, дает следы иного характера, чем при выбивке кремневыми и кварцевыми остриями, что обусловлено более стабильной морфологией рабочего элемента.

В ходе базовых экспериментов были выявлены трасологически значимые признаки следов пикетажа на скальной поверхности с использованием орудий из различных видов каменного сырья. Орудия из местного галечника продемонстрировали свою эффективность при работе по красноцветному девонскому песчанику.

Дальнейшие исследования были направлены на получение информации о технологических возможностях и характере следов прямого и опосредованного пикетажа орудиями из местного сырья. Для проведения этой серии экспериментов мы изготовили четыре орудия из галечника руслового аллювия р. Туба (отобранные породы не являются редкими или специфическими). Типологически их можно отнести к рубилам (рис. 4, 1, 3). Заостренный рабочий участок формировался путем попеременной двусторонней оббивки ударами массивного жесткого отбойника (сиенит), остальная поверхность орудия при этом сохраняла галечную корку. Орудие № 1 изготовлено из вязкой крупнозернистой породы магматического происхождения, зерна которой различны по размеру*. Петрофизические свойства данного сырья, а именно вязкость, твердость (в пределах 5,5–6,0 по шкале Мооса), позволили эффективно работать в технике пикетажа по красноцветному песчанику продолжительное время. Однако различный размер зерен породы делает материал относительно хрупким, т.к. давление на разные гранулы в момент работы различно. При этом данное сырье обладает изотропными свойствами, достаточными для формирования острия необходимой конфигурации, т.е. является пригодным для расщепления. Орудия № 2 и 3 изготовлены из похожих по петрофизическим характеристикам пород. Их твердость составляет примерно 5,5–6,0 по шкале Мооса.

* Авторы выражают благодарность Н.А. Кулик за петрографический анализ экспериментальных галечных орудий.

Обе породы неоднородны, в первом случае наблюдается большое содержание зерен кварца, что повышает твердость сырья, а во втором – вкрапления полевого шпата. Материал отличается вязкостью, скалывание отщепов даже небольших размеров требовало приложения мощного силового импульса. Характерной особенностью этого вида сырья также является различный размер зерен, что делает его относительно хрупким. Орудие № 4 изготовлено из метаморфизованного тонкозернистого песчаника со слюдистым цементом. Это твердая порода (ок. 6 по шкале Мооса). Она менее зернистая и более изотропная по сравнению с материалом рубил № 1–3. Большое содержание слюды, плотно связывающей гранулы породы, делает ее вязкой и однородной, что уменьшает ее хрупкость.

Были сделаны следующие выводы о характере следов выбивки, получаемых при прямом и опосредованном пикетаже оббитыми тубинскими гальками. Благодаря своей прочности каменные рубила могут достаточно долго находиться в работе (несколько часов), сохраняя эффективность. Износ происходил в основном в результате постепенного забивания (сглаживания) заостренной части, в ходе которого она уплотнялась. Подправка рабочего элемента путем оббивки часто затруднена и даже невозможна ввиду повышенной прочности этого участка. Получаемые в результате опосредованного пикетажа выбоины могут быть довольно глубокими, очертания их краев нерегулярными, как бы рваными, но сохраняется стабильная форма лунок (рис. 4, 5). Иногда их очертания в плане изменяются, чаще всего из-за смены положения орудия в руке или относительно скальной поверхности. Гораздо реже это может быть связано с разрушением и резким изменением конфигурации рабочей части инструмента.

Экспериментальное исследование позволило выявить характеристики следов прямого пикетажа галечными орудиями из тубинского сырья (рис. 4, 2). Практика показывает, что создание выбивки на красноцветном песчанике таким способом не только возможно, но и эффективно. Следы прямого пикетажа в данном случае довольно стабильные в плане, часто встречаются близкие к округлой форме. Кроме того, они обладают набором описанных выше универсальных признаков, характерных для этой техники. Следы прямого пикетажа тяжелым металлическим инструментом и орудием из тубинских галек имеют ряд сходных черт: нестабильность глубины и формы, в среднем большую глубину сплошной выбивки относительно скальной поверхности, а также примерно одинаковую ширину, минимально необходимую для получения плотно прилегающих друг к другу лунок при ровной линии пикетажа (см. рис. 2, 1; 4, 1, 2). Все эти показатели свидетельствуют о сходстве кине-

матики движения орудий. Однако дифференцировать применение массивного металлического инструмента и каменного орудия из вязкого износоустойчивого сырья по характеру следов на данном этапе не представляется возможным. Проведение большего количества сравнительных экспериментов может оказаться перспективным для установления критериев дифференциации.

Эксперименты по моделированию следов опосредованного пикетажа с помощью каменных рубил из тубинских галек позволили получить довольно глубокие выбоины своеобразной формы при нерегулярном характере их края (см. рис. 4, 5). Технический прием дает возможность хорошо фиксировать рабочую часть каменного посредника на скальной поверхности и контролировать процесс пикетажа. Таким образом, следы можно расположить в определенном порядке. Наблюдается морфологическое сходство выбоин, полученных экспериментальным путем, и лунок некоторых петроглифов, например одиночного изображения оленя на четвертом участке (по нумерации А.Л. Заики [2007]) Шалаболинской писаницы (см. рис. 1, 4–6).

Другим направлением исследования было изучение характеристик пикетажа металлическими инструментами. Экспериментальным путем установлено, что наиболее подходящими для выполнения наскальных изображений в этой технике являются орудия из «сыпучей» латуни и закаленной стали. Методическая направленность такого эксперимента подразумевает выявление свойств материалов, необходимых для обработки скальной поверхности. Тем не менее полученный результат не позволяет исключить возможность использования для пикетажа инструментов из других металлов с набором свойств, характерных для стали и высокопрочной латуни. В рамках эксперимента такого типа устанавливается лишь наиболее общая технологическая необходимость, возможность обработки конкретного скального материала теми или иными средствами. На основе полученных данных были сформулированы задачи для последующих этапов экспериментального исследования.

Проведение экспериментов предполагало постановку более конкретных вопросов и изучение отдельных аспектов технологии создания петроглифов посредством металлических орудий. Для первых серий были изготовлены короткие орудия, т.к. подразумевалось использование деревянных рукоятей. Но эксперименты показали, что наличие последних уменьшает силу импульса, вследствие чего эффективность посредников снижается. Эти технические особенности учтены в последующих разработках. Дальнейшие экспериментальные исследования проводились с целью реконструкции конкретного технологиче-

ского процесса, а именно создания следов выбивки на красноцветном девонском песчанике посредством техники непрямого пикетажа с применением коротких ударов небольшой силы. В качестве посредников использовались металлические стержни (керны) из закаленной стали длиной ок. 12 см с рабочей частью различной морфологии (см. рис. 2, 3–6), а в качестве отбойника – молоток с деревянной рукоятью и стальным насадом.

В работах Е.Ю. Гири и Е.Г. Дэвлет одной из важных характеристик выбивки металлическим инструментом выступает морфология отдельных выбоин в плане. Их форма чаще всего бывает подокруглой [Гиря, Дэвлет, 2010; Гиря и др., 2011] (см. рис. 1, 3). Однако результаты экспериментов и материалы различных объектов наскального искусства показывают, что следы пикетажа с комплексом характерных признаков, идентифицирующих использование металлических орудий, могут иметь не только округлую форму (см. рис. 2, 3–6; 3, 5). Исходя из опыта предшествующих разработок и предварительного трасологического анализа поверхности наскальных изображений Шалаболинской и Малой Боярской писаниц, была сформулирована задача последующих этапов экспериментального исследования. Она состояла в выявлении характеристик следов от стальных посредников с различной морфологией рабочей части на разных стадиях износа орудий.

В результате экспериментального моделирования нескольких образцов выбивки было установлено, что рабочая часть стальных кернов, вне зависимости от ее формы, изнашивается до состояния небольшой уплощенности довольно быстро. Однако, в отличие от инструментов из других металлов, более хрупких или более пластичных, это видоизменение не затрудняет дальнейшую работу: получаемые в ходе пикетажа следы в значительной мере сохраняют форму в плане, которая определяется морфологией рабочей части орудия (см. рис. 2, 3, 4).

При продолжительном использовании даже очень прочный стальной инструмент изнашивается. Существуют два способа пикетажа с применением немассивного металлического орудия в качестве посредника. Первый предполагает перпендикулярное положение инструмента относительно скальной плоскости. В таком случае его рабочая часть становится уплощенной и дальнейшая работа будет затруднена. На последней стадии износа орудия выбоины, образующиеся на скальной поверхности, имеют широкое входное отверстие. Их глубина, как правило, меньше, чем лунок, полученных хорошо заточенным инструментом. Края выбоин сохраняют регулярные, ровные очертания. При этом, несмотря на увеличение рабочей части орудия в размерах, форма последней может напоминать первоначальный вариант (см. рис. 2, 5, 6).

Второй способ позволяет дольше сохранять эффективность орудия посредством наклонного положения остря. Практика показывает, что если в ходе пикетажа ставить посредник под углом к обрабатываемой поверхности, то уплощаться от ударов будут боковые участки остря. Так рабочая часть естественным образом подправляется в процессе работы. В этом случае на скальной плоскости чаще фиксируются следы округлых очертаний в плане, наклонно расположенные в профиле, примерно одной глубины, которая может быть достаточно большой. При таком пикетаже входные отверстия выбоин остаются относительно узкими, несмотря на продолжительное использование инструмента. Именно этот вариант применения металлических посредников представляется более рациональным, что, видимо, обуславливает выбор древними художниками во многих случаях данного способа пикетажа.

Тем не менее на памятниках наскального искусства Минусинской котловины встречаются следы различной формы, от подтреугольных и подквадратных до вытянутых линейных, причем сохраняющие основные признаки пикетажа металлическим инструментом, а именно стабильность формы в плане и регулярность границ выбоин (см. рис. 3, 5). Такие трасологические характеристики могут быть связаны с выбором древними художниками первого варианта стратегии использования инструмента и непродолжительностью технологического процесса.

Одной из проблем изучения следов пикетажа в наскальном искусстве является их видоизменение в результате десквамации. Преобразованная поверхность скалы сразу после выполнения выбивки отличается от таковой, подвергшейся выветриванию в течение продолжительного периода. В свежих выбоинах может оставаться мелкодисперсная фракция, которую не всегда удается удалить даже с помощью жесткой щетки. Наблюдения показывают, что в ряде случаев достаточно нескольких месяцев для углубления лунок (см. рис. 3, 2). Перспективным представляется дополнительное изучение явления выветривания по следам, полученным в ходе опытов. Этот аспект важен для трасологического анализа петроглифов, поскольку до сих пор сопоставление аутентичных образцов и экспериментальных эталонов производилось в короткие сроки после создания последних. Для получения новых данных о характере изменения скальной поверхности, в т.ч. глубины выбоин, необходимо проведение мониторинга на основе материалов экспериментальных исследований предшествующих лет.

Важное место в изучении влияния выветривания занимает анализ характера обрабатываемой поверхности. Трасологические признаки следов выбивки во многом зависят от наличия и состояния скальной корки. Если она подверглась значительным изменениям

под воздействием природных процессов, в ходе пикетажа выбоины образуются при минимальных силовых затратах, но в таком случае сложно добиться ровных границ выбивки или даже контуров отдельных лунок. Это связано с возникновением трещин на корке от ударов. Отдельные выбоины оказываются больше по размеру в плане, чем рабочая часть орудия, а их границы получаются менее четкими. Разница между следами пикетажа с идентичными параметрами, выполненного на сильно и слабо выветренной скальной поверхности, весьма значительна. В ходе экспериментов и трасологического анализа петроглифов эта специфика скальной основы должна учитываться.

Подводя итог экспериментальным исследованиям и первичному трасологическому изучению выбитых петроглифов Минусинской котловины, можно обозначить ряд особенностей технологии их создания. Для выполнения как силуэтных, так и контурных изображений широко применялся прямой пикетаж, а опосредованный чаще использовался для создания эскиза или дополнительной проработки контуров фигур. Предпочтение отдавалось орудиям из местного вязкого галечного сырья либо из износоустойчивых металлов, таких как закаленная сталь (или близких к ней по свойствам). Важной характеристикой металлического инструментария, использовавшегося для создания выбитых изображений, является степень массивности орудий. Судя по характеру следов прямого пикетажа, встречающихся на петроглифах Минусинской котловины, можно сделать вывод о частом использовании древними мастерами массивных, но при этом хорошо заточенных металлических инструментов.

Говоря о результатах экспериментального моделирования следов пикетажа на красноцветных девонских песчаниках, следует отметить, что представленные разработки имели, скорее, общую методическую направленность. В ходе экспериментов в некоторых случаях были получены следы, обладающие рядом трасологических признаков, отмеченных на материалах Шалаболинской и Малой Боярской писаниц. Однако на данном этапе развития методики технологического трасологического изучения петроглифов первостепенной задачей является не репликация конкретных изображений, а выявление основных технологических закономерностей, определяющих возможности создания петроглифов, и критериев трасологического анализа последних. Это позволит в дальнейшем получить следы пикетажа, идентичные тем, которые образуют наскальные изображения, и экстраполировать результаты экспериментов на конкретный археологический материал. Знание технологий создания петроглифов дает возможность выйти на новый уровень атрибуции образцов наскального искусства в изучаемом регионе.

Список литературы

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: Методика микро-макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Европейский дом, 1997. – Ч. 2. – 198 с. – (Тр. ИИМК РАН; т. II).

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Трасологическое исследование петроглифов Пеггымеля // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. III. – С. 12–15.

Гиря Е.Ю., Дэвлет Е.Г. Некоторые результаты разработки методики изучения техники выполнения петроглифов пикетажем // Урал. ист. вестн. – 2010. – № 1 (26). – С. 107–118.

Гиря Е.Ю., Дроздов Н.И., Дэвлет Е.Г., Макулов В.И. О работах по трасологическому изучению петроглифов Шалаболино // Наскальное искусство в современном обществе: К 290-летию научного открытия Томской писаницы: мат-лы междунар. конф. – Кемерово: Кузбассиздат, 2011. – Т. 2. – С. 201–207. – (Тр. САИПИ; вып. VIII).

Дэвлет Е.Г., Гиря Е.Ю. «Изобразительный пласт» в наскальном искусстве и исследование техники выполнения петроглифов Северной Евразии // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассиздат, 2011. – С. 186–201. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Дэвлет М.А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.

Заика А.Л. Петроглифы из-под руин: Шалаболинская писаница // Енисейская провинция: альманах. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ин-т, 2007. – Вып. 3. – С. 24–38.

Зоткина Л.В. Петроглифы Шалаболинской писаницы: технологический аспект // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 2. – С. 59–71.

Киселев С.В. Значение техники и приемов изображения некоторых енисейских писаниц // ТСА РАНИОН. – 1930. – Т. 5. – С. 91–100.

Мирсаатов Т., Кабиров Д. Экспериментальное изучение техники нанесения петроглифов в ущелье Сармичская // История материальной культуры Узбекистана. – Ташкент: Фан, 1974. – Вып. 11. – С. 45–50.

Семенов С.А. Первобытная техника. – М., Л.: Наука, 1957. – 237 с.

Филиппов А.К. Технологический аспект наскального искусства Юго-Западной Европы // Экспериментально-трасологические исследования в археологии. – СПб.: Наука, 1994. – С. 44–61.

Филиппов А.К. Хаос и гармония в искусстве палеолита Европы. – СПб.: Сохранение природы и культурного наследия, 2004. – 224 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Whittaker J., Koeman S., Taylor R. Some experiments in petroglyph technology // 1999 International Rock Art Congress Proceeding. – 2000. – Vol. 1. – P. 155–168.

*Материал поступил в редколлегию 21.12.12 г.,
в окончательном варианте – 20.02.13 г.*

A b s t r a c t

The technological and use-wear analysis of petroglyphic art is based on experiments at various levels, from general to more specific. We formulate the objectives of future technological studies of petroglyphs in the Minusinsk Basin. We address the morphology and material of the tools, and the principal technological devices including direct and indirect piquettage. Based on experiments with local rocks and the results of use-wear analysis we establish the morphological features of traces left by metal tools and by those made on local pebbles. A new technological criterion is suggested regarding the robustness of tools with which the carvings were made. Basic technological stages in the creation of petroglyphs are reconstructed for Shalabolinskaya and Malaya Boyarskaya rock art sites.

Keywords: petroglyphs, experiment, traceological analysis, technology, direct and indirect piquettage, Minusinsk Basin.

УДК 903.531+903.2

С.Н. Корневский*Институт археологии РАН
ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия
E-mail: skorenevskiy@yandex.ru*

ФЕНОМЕН ПЕРВОБЫТНЫХ ВОЙН И СТАНОВЛЕНИЕ ВЛАСТИ ВОЕННОЙ (теоретический аспект проблемы по данным археологии и исторической этнологии)

Задача исследования – соотнести теорию исторической этнологии с археологическими источниками, которые отражают своей символикой развитие феномена военной власти, т.е. власти военных вождей. Для этой цели проанализирован престиж погребений с оружием эпох неолита – начала бронзового века по материалам Подунавья, Кавказа и юга Восточной Европы. В работе кратко излагается теория этнологии о классификации войн догосударственного периода, т.е. собственно первобытных и за добычу (настоящих). На основе этнологических исследований отмечается различное положение в обществах военных вождей и их стремительный путь к вершине власти с развитием войн за добычу и приобретенным правом на распределение военных трофеев. Экскурс в теорию этнологии непосредственно связан с анализом археологических источников, а также произведений искусства, мифологии, которые символикой оружия, сопутствующих ему вещей и сюжетов отражают рост престижа лиц, связанных с военной сферой, т.е. тех, кто осуществлял военную власть.

Ключевые слова: этнология, археология, война, добыча, власть, оружие.

Введение

В настоящей работе предпринята попытка реконструировать процесс развития феномена власти, связанного с военными действиями в догосударственных обществах. Это многогранное явление рассматривается на основе данных исторической этнологии и археологических источников времени неолита – начала бронзового века. Такое исследование имеет свои особенности. С одной стороны, они заключаются в иллюстрации теоретических положений конкретными примерами из этнографии. С другой стороны, выводы основываются только на косвенных свидетельствах по материалам археологии, т.к. для изучаемых регионов никаких этнологических сведений о времени неолита – бронзового века не имеется. Археологическими источниками по этой теме являются формы вооруже-

ния и комплексы, в которых они встречаются, включая сопровождающий оружие иной инвентарь, украшения персонального костюма, если мы сталкиваемся с данными погребальной практики, а также произведения искусства со сценами борьбы и изображениями оружия.

Естественно, в небольшой статье невозможно охватить все ситуации, связанные с заявленной темой, затронуть все модели развития первобытного общества на пути к государственности и цивилизации. Поэтому мы рассматриваем ее лишь как возможность изложить канву необходимых рассуждений, опираясь на многие фундаментальные исследования в этнологии первобытной эпохи. В качестве иллюстраций выводов, сделанных по данным археологического контекста, мы выборочно используем в основном материалы культур Европы, Кавказа и Ближнего Востока.

Этимология слова «война» и типология войн

Рассмотрение феномена войны начнем с краткого анализа самого слова в русском языке. Судя по этимологии, оно чисто индоевропейское. Близкие по звучанию слова встречаются во многих славянских и других древних европейских языках [Иванова, Чахоян, Беляева, 2010, с. 539]. В языке Авесты есть глагол «вай» (vay) – «гнать». Индоевропейское «правайана» (pravaiana) является синонимом понятия «пастушеский посох» [Преображенский, 1958, с. 90, 91]. Таким образом, этимология слова «война» уводит нас в глубокую древность, когда понятия «охота» и «война» еще существенно не различались по смыслу. Древние люди ассоциировали такое занятие с погоней, облавой, добычей пищи, пастушеством как отраслью хозяйства, сопряженной с постоянной угрозой нападения и захвата скота. Но объектом нападения в военных действиях были уже не звери.

Примечательно, что слово «война» совершенно не затрагивает этимологию славянского слова «смерть» (лат. morte). Следовательно, представления древних славян о войне и смерти в далекие времена были совсем не однозначны. Войну не вели для умерщвления противника, ее цели были иными. Войны постоянно сопровождали развитие первобытного общества и были важнейшей частью прогресса.

Многие положения настоящей статьи о войнах в первобытную эпоху содержатся в трудах выдающихся историков и этнологов [Морган, 1934; Аверкиева, 1974; Дейви, 2009; Риттер, 1968; Yadin, 1963; Махлаюк, 2009]. Из работ отечественных ученых особое внимание было уделено исследованиям И.М. Дьяконова [1983, 1990, 1997], И.И. Потехина [1951], Ю.И. Семенова [1993а, б, 1995], С.А. Созиной [1969], В.А. Шнирельмана [1986, 1988, 1994]. На основании их трудов можно кратко коснуться теории проблемы, не претендуя на оригинальность в заключениях. Война, в нашем понимании, это конфликтное состояние общества и сумма действий, нацеленных на групповое вооруженное столкновение с противником, приводящее к его физическому уничтожению или пленению. Целью войн не является добыча белковой пищи, в последнем случае используется понятие «охота». С войной сопряжено понятие «военизация». Мы не употребляем иностранное слово «милитаризация» применительно к догосударственным обществам, т.к. этот термин явно связан с современностью и сильно политизирован.

По данным исторической этнологии можно выделить несколько типов войн. Первая группа – это первобытные войны за примитивное выживание, связанные с захватом территории, необходимой для существования этноса, и не обусловленные иными

экономическими причинами. Они являются следствием миграций, вызванных голодом, изменением климата, перемещением стад промысловых животных. Население, вынужденное искать лучшую территорию, не преследовало цель захвата имущества противника или иной добычи. К данной группе можно отнести и войны из-за нарушения границ охотничьих угодий. Они были характерны для общин охотников и собирателей с глубокой древности. Вторая группа – это первобытные войны не по экономическим причинам (из-за колдовства, сглаза, порчи, приписываемых врагу, из-за женщин, кровной мести, инициации с пролитой кровью иноплеменника и т.д.). Войны обеих групп характерны для догосударственных обществ и как пережиток сохранились до средневековья. Главная их черта – игнорирование добычи как трофеев. Следует упомянуть и нередкие случаи каннибализма. Пренебрежение к военным трофеям отмечается даже у германцев во время их войн с Римом [Окшот, 2004, с. 65, 66].

Третья группа – войны за добычу. Определить границу, когда первобытные войны перешли в данную стадию, – трудная, но важная задача. По историческим примерам Ближнего Востока и Европы мы знаем, что это случалось в разные времена: в эпоху неолита (Египет), в начале (Месопотамия) или финале (Греция, микенская культура) бронзового века, в средневековье – от времени переселения народов вплоть до эпохи викингов и т.д. Полностью первобытные войны, конечно, не исчезли, просто войны за добычу начали занимать важное место, а порой и доминировать в межкультурных отношениях, иногда маскируясь под древние мотивы, как, например, Троянская война.

Историческая этнология на многих примерах показывает, что переход от первобытно-общинного строя к государственным образованиям происходил как процесс непрерывных войн и трансформации выражения основных ветвей власти. В этой связи нас будет интересовать прежде всего власть военная. Она возникла вначале как власть лидера, профессионально руководящего военными действиями [Корневский, 2011б]. В этнологии такого лидера часто называют военным вождем. Специфика войны требовала от ведущих ее руководителей особых знаний, подготовки, умения, оснащения, т.е. того комплекса навыков, который бы отражал специализацию на военном поприще. Для того чтобы судить о нем по данным археологии, рассмотрим сначала такое явление по источникам этнологии.

Профессионализм военный и его отражение в археологии

В эпоху первобытных войн в набегах и межплеменных стычках, по данным этнологии, принимало уча-

стие все мужское население. В целом военная специализация для мужчин была такой же естественной, как в охотничьем промысле, скотоводстве. Регулярное ведение войн требовало развития соответствующих навыков и снаряжения. Так возникло специальное оружие, формы которого возможно установить по археологическим находкам. Владение им также требовало особого умения.

По данным этнологии, война – прежде всего дело молодых людей в расцвете их физической формы. С развитием войн за добычу в них сначала принимал участие тот, кто хотел. Но с превращением войны в доходную область экономики ею начали заниматься люди, имеющие профессиональную подготовку. Римляне прекрасно понимали роль военной подготовки молодежи. Они учили своих воинов нанесению в рукопашной схватке именно колющего удара врагу, который был более эффективен по сравнению с рубящим [Вегедий, 1940, с. 234, 238].

Таким образом, для предгосударственного периода понятие «воин-профессионал» – это человек, который регулярно занимается военными действиями и обладает соответствующим специальным оружием. К ранним формам такого оружия можно отнести известные по археологическим материалам каменные втульчатый топор и булаву, медные и бронзовые топоры, булавы, кинжалы, мечи, наконечники копий. Для подчеркивания престижа владельца появилось элитное оружие. Оно, по данным археологии, обычно украшалось орнаментами, отделялось золотом.

Дружина

Военная власть в обществе предгосударственного периода – это власть не только одного военного вождя, но и его опоры, дружины как военно-элитной (специализирующейся на войне) прослойки общества. Существовало несколько вариантов ее формирования. Первый связан с традицией мужских союзов, а затем мужских военных домов. У ирокезов такой дом назывался в переводе «все друзья», точно так же как и у славян – дружина.

Второй вариант отражает создание военной дружины бигменом (особо значимым в обществе с престижной экономикой человеком) из зависимых от него людей, рабов, чужаков. Последние во многом были обязаны своему лидеру, поскольку положение дружинника резко повышало их общественный статус. Именно дружина из чужаков выполняла функции опоры военного лидера среди родственного ему населения, т.к. была лично ему обязана и являлась чужеродным элементом в обществе. Очень близко к этому использование дружинников-варягов в Древнерусском государстве [История..., 1988].

Третий вариант – наемничество. Обычное представление о воине-профессионале древней эпохи – это человек, который воюет за плату. До появления денег платой за участие в войне была военная добыча [Созина, 1969].

Четвертый вариант связан с зарождением военной аристократии и иерархии. Он вытекал из структуры воинской организации общества. Ее отражает организация военного дела «по полкам», в которых службу проходили мужчины от 20 до 40 лет, у зулусов вожества Шаки [Риттер, 1968]. У матабеле (юго-восток Африки, народность нгуни) все сословие воинов подразделялось на четыре разряда. Низшим были призывники, молодежь, вторым – неженатые молодые воины, не имеющие воинских заслуг, третьим – женатые воины, ветераны, гвардия, четвертым, высшим, – командующие подразделениями войск, управляющие отдельными территориями, помощники вождя [Потехин, 1951].

Пятый вариант развития военного сословия связан с кастовой системой. Ее иллюстрирует история ариев Индии. В их обществе были касты брахманов (жрецы), кшатриев (воины), вайшья (простолюдины), шудры (слуги, наемные рабочие). Суть кастовой системы ариев времен Ригведы заключалась в том, что она закрепляла высшую военную и экономическую власть в воинской стратге общества, облачив ее в религиозную форму, как естественное следствие в объяснении создания мира и человеческого общества. Высшие военные лидеры ариев выбирались только из касты кшатриев. Лишь кшатрии имели законное право на глубокое знание военного дела [Елизаренкова, 1989].

У древних народов Европейского континента эпос не сохранил отражения кастовых структур. Дружинником мог стать выходец из очень широких слоев общества. Согласно древнерусским былинам, Илья Муромец – крестьянский сын, Алеша Попович – представитель духовного сословия, только Добрыня Никитич был боярином – знатным дружинником.

Военный профессионализм и экономика

В формировании военного профессионализма, видимо, можно наметить две стадии, отражающие уровень военизации и экономическое развитие общества. Первая связана с всеобщим вооружением населения относительно дешевым и доступным всем оружием. Воины, посвятившие себя своей профессии или вставшие надолго на тропу войны, не имели специального дорогого защитного вооружения, дающего принципиальное преимущество над обычным народом. Эта стадия приходится на догосударственный период в истории военизации. Конечно, за-

щитные доспехи в то время существовали. Прежде всего, это был щит. Костяной доспех этнографически прекрасно документирован у чукчей [Нефедкин, 2003]. Доспехи из кожи были у ирокезов [Разин, 1955]. Защитное вооружение знали папуасы. Оно включало панцирь, сплетенный из темного ротанга, и небольшой деревянный щит круглой формы [Миклухо-Маклай, 2011, с. 127, 173]. Однако часто воинов-папуасов изображают без доспехов.

Вторая стадия характеризуется распространением эффективного специального вооружения для боя на средней и ближней дистанциях и появлением металлического защитного доспеха, прежде всего шлема. Его использование отражает элитное воинское снаряжение. Эта стадия связана с ранней государственностью (середина III тыс. до н.э.) [Yadin, 1963]. Судя по материалам Урского некрополя и изображениям на штандарте из Ура, воины шумерских городов-государств носили медные шлемы и нашивали металлические пластинки на плащи. Плащ, намотанный на руку, мог выполнять роль щита [Woolley, 1934].

Специальное защитное оружие военных лидеров становится очень ценным. Так, доспех Диомеда – героя ахейцев – стоил семь быков. На доспех Аякса ушло восемь бычьих шкур. Видимо, это было не так уж и дорого. Доспех Главка из бронзы, отделанный золотом (упомянут, как золотой), стоил 100 быков (Гомер. Илиада, VI, 235). Изготовление специального оружия требовало высокого умения, владения очень сложными технологиями. Оружие из меди и бронзы уже в догосударственный период стало предметом широких дарообменных операций и сакральных кладов, самые ранние из которых происходят с территории распространения культур дунайского энеолита [Vulpe, 1975]. Клады с оружием фиксируются на Кавказе с начала эпохи мышьяковых бронз (Приереванский клад). Клады с бронзовыми топорами характерны для бронзового века Европы и Кавказа (Баньябюк в Румынии, Привольненский, Костромской в Предкавказье и т.д.). В Бородинском кладе представлено оружие как воинов Сибири и Приуралья, так и кавказцев. Клад Стубло на Волыни включает оружие местных племен и привезенный за сотни километров боевой топор горцев Центрального Кавказа.

Тактика военных действий

По данным этнологии, в первобытных войнах широко были распространены военные действия в виде набега, засады, обстрела из лука, поединков на расстоянии, путем метания копий и дротиков. Руководство ими сводилось к минимуму. Вожди деревень при ритуальных войнах могли планировать военные действия, но не более. Бигмены держались в тылу, т.к. их убийство

могло привести к панике и общему поражению [Шнирельман, 1994, с. 158, 159].

На Ближнем Востоке, Кавказе, в Европе на полях сражений до III тыс. до н.э. господствовал пеший строй. Профессиональные воины отдавали предпочтение ближнему бою, т.е. рукопашной схватке. Именно она приносила наиболее быструю решающую победу обученным солдатам, умеющим колоть. Оружием для нанесения колющего удара в эпоху меди и бронзы стали бронзовые кинжал, меч и копье с бронзовым наконечником.

Появление тяжелой пехоты, вооруженной копьями с мощными наконечниками из бронзы, фиксируется по археологическим находкам, а также по произведениям искусства (стелам, штандарту из Ура) в различных местах в разное время. Так, самые ранние такие наконечники отмечены в Восточной Анатолии на городище Арслантепе в слое VIA, который относится к периоду существования поселения Джемдет-Наср близ Вавилона – концу IV тыс. до н.э. Были они и у племен майкопско-новосвободненской общности того же времени [Корневский, 2011а]. Изображения воинов, построенных в ряд, встречены на Урском штандарте и Стеле коршунов III тыс. до н.э. из Южной Месопотамии [Дьяконов, 1983, с. 193, рис. 59, 60]. Построение пехоты «плечо к плечу» – явление конвергентное. Оно было известно не только на Ближнем Востоке. Такое построение предполагается у племен лесной зоны Евразии, носителей сейминско-турбинского феномена, ок. XVI в. до н.э. [Молодин, Худяков, 1998].

Военные вожди

Власть военная воплощалась военными вождями. Как особые лидеры общества, они появились в эпоху ранней первобытной общины, и прежде всего там, где военная обстановка была наиболее напряженной [Семенов, 1993б]. Военная власть была относительно молодой ветвью в первобытном обществе. Поначалу она мало что значила, т.к. община более ценила щедрых дарителей, чем славных воинов, хотя и уважала последних. С возрастанием роли богатства высший престиж и лидерство в обществе перестали совмещаться с воинской славой. Отвага в бою у папуасов ничего не значила в соперничестве за лидирующее положение в общине, если воин был беден, не мог устроить церемониальное пиршество и быть щедрым дарителем [Там же, с. 400].

Погоня за престижем, почетным именем была далеко не праздной в эпоху постоянных межплеменных войн, накопления богатств, социальной дифференциации в эпоху престижной экономики. Они давали привилегии в доступе к общественному достоянию, прежде всего к земле, право на использование наибо-

лее удобных угодий, пастбищ в лично-семейных целях. Претензия индейца на тот или иной ранг, статус означала притязание на право владеть определенными кормовыми участками [Аверкиева, 1974].

У степных кочевников команчей военным вождем мог стать только тот, кто преуспел на воинском поприще, но выбор преемника всегда ограничивался родом предводителя племени. Для избрания воину необходимо было продемонстрировать великую щедрость, которая стоила немалых богатств. Получить их можно было, обладая большими табунами лошадей, доходами от военных набегов. Поэтому вожди, например, у кайова являлись не только военачальниками, но и самыми богатыми людьми. У команчей авторитет военного вождя зависел от военного таланта, щедрости и справедливости в дележе добычи [Там же; Морган, 1934].

В конфедерации ацтеков существовало разделение на гражданскую и военную власть, но к приходу европейцев высшим вождем был признан Монтесума. Он получил титул верховного военного вождя и звание спикера-оратора на совете конфедерации, как пишет Л.Г. Морган. Спикер открывал дебаты, первым имел слово и возможность убеждать совет, мог действовать на окружающих. Звание дворянина (термин Л.Г. Моргана) у ацтеков подразумевало благородность происхождения, т.е. принадлежность роду знатных воинов или вождей; храбрость, проявленную в нескольких сражениях; достижение определенного возраста и обладание огромным богатством для покрытия расходов, которые должен был нести человек, удостоившийся такого высокого звания [Морган, 1934, с. 121].

Военные вожди и военные лидеры, как правило, фигурируют во многих типах вождеств и ранних государств. С образом военного вождя связаны не только особое военное мастерство, но и выдающаяся отвага, смелость, способность идти на риск и не бояться погибнуть в бою. Постепенно складывается кодекс чести его ближайшего окружения. Бросить военного вождя в бою – означает позор для его воинов, потерю чести. Наряд военного вождя приобретает особые признаки, по которым его распознают в бою (как правило, это головной убор).

Для достижения престижа был только один путь – превратить войну в средство получения ценностей, которые составляют богатство. Это была совершенно новая и необычная область накопления престижных богатств, связанная с нетрадиционной средой распределения и распоряжения. Мирная власть тут была совсем не при чем. Война породила новую страту распорядителей, престиж которых не зависел от старой родовой знати.

В погоне за военной добычей и воинским престижем были заинтересованы все слои мужского населения, особенно молодежь, поскольку успех в войне,

военный приз мог решить для них главный вопрос – проблему брачного выкупа. В этой обстановке роль военного предводителя, организатора похода приобретает важное качество – он становится распорядителем трофеев. От него все ждут раздела по справедливости. Доля воина зависела от его вклада в боевую операцию, подвига на поле брани. Поэтому так тщательно индейцы разрабатывали табель о воинских подвигах. Храбрость в бою теперь имела экономическую основу. Участник Троянской войны старец Нелей вспоминает былую молодость и удачный набег, принесший большую добычу. При ее разделе он «много избрал для себя», остальное отдал народу в равный раздел – «да бы никто от него обиды не отыщет» (Гомер. Илиада, XI, 700). Но не везде было так. Например, у племен галла и амхара каждый участник набегу получал часть добычи, но львиная ее доля шла вождю [Дейви, 2009, с. 112–114].

Несправедливый раздел трофеев мог вызвать внутренний конфликт в войске. Однако общество воинов признавало право военного лидера на его особую, большую часть. Вождь тоже должен был осознавать, что нанесенная обида воинам в разделе может вызвать серьезные осложнения. Агамемнон обидел Ахиллеса, отняв добытый им приз – женщину. В ответ Ахиллес перестал принимать участие в битвах, и ахейцы стали нести большие потери (Гомер. Илиада, I, 125–250; IX, 335).

Одной из черт эпохи распространения и развития власти военных вождей являются устраиваемые ими для своих соратников легендарные пиры [Семенов, 1993б, с. 570]. Мифы скандинавов упоминают о знаменитом пиршестве Одина в Вальхалле, на который стремился попасть каждый воин-викинг. О пирах дружинников с князем повествуют саги и древнерусские былины. Высокий престиж пира еще в глубокой древности отражают погребальные обряды майкопско-новосвободненской общности Предкавказья (IV тыс. до н.э.). В ее комплексах с оружием самыми престижными вещами были бронзовые котлы размером более современного ведра, изготовленные с высоким, далеко еще не понятным, искусством без единого шва, а также посуда из золота и серебра [Корневский, 2011а].

Власть военная – путь наверх

Противостояние власти гражданской и военной колебало чашу весов в пользу верховенства той или другой в зависимости от конкретной ситуации. Для того чтобы военная власть очутилась во главе общества и у рычагов общинного распределения, нужна была моральная поддержка народа и войска. В этом отношении показателен пример ирокезов. У них высшая власть в племени была представлена двумя типами

вождей: старейшинами для мирного времени, сахемами, и военными предводителями. Сахемы ведали всеми бытовыми вопросами общества и контролировали распределение, культ, решение политических проблем, хранили мифологическую информацию. Важные для общины, рода, племени, племенной конфедерации решения принимались на советах, куда входили сахемы всех родов или племен. Высшего вождя у ирокезов не было. Простой общинник мог быть выслушан на совете, но только через оратора. Род выбирал сахема из своего состава, и эта должность передавалась по наследству в роде. Нового сахема выбирали после смерти старого. Большую роль в этом процессе играли женщины, именно они подбирали достойного кандидата. Совет вождей только соглашался или отклонял кандидатуру. Женщины не имели права выступать в совете. Они могли представлять свои соображения через оратора.

Власть сахемов практически устранила женщин от принятия важных решений, влияющих на жизнь ирокезского общества. Но многое изменилось, когда в вопросы политики вмешалась военная власть. Военные вожди мужского союза «Сосна» (практически союза воинов-профессионалов) взяли на себя обязательство представлять интересы простого народа и женщин в советах вождей. Тем самым власть военная, став противовесом власти сахемов, заручилась поддержкой самых широких кругов населения, поскольку воинство в основном состояло из не очень богатых ирокезов. Такая ситуация отмечается у степных племен кроу, которые переставали ходить в военные набеги, предпочитая заниматься разведением скота в своих огромных табунах.

Военная власть была ближе всего к интересам широкого круга мужского населения, чье благосостояние во многом зависело от успехов на поле брани и во внутренней жизни общества. В итоге у многих племен ирокезов в договорах с европейцами фигурируют главным образом военные вожди, сахемы даже не упоминаются. Чем бы закончился этот процесс, сказать трудно. Лига ирокезов перестала существовать под прессом евро-американской цивилизации [Аверкиева, 1974, с. 239–240].

Власть военная, получив возможность лидерства в обществе, еще в догосударственный период увеличивала свое экономическое могущество за счет дани, налогов, контроля над торговлей. Ее главенство усиливалось с развитием войн за добычу. Оно не вызывало антагонизма по многим причинам. Военная власть поддерживала порядок в обществе, осуществляла оборону и приносящую доход агрессию. Так, в Африке на оз. Ньяса обитало племя магараджей. Его люди жили в нескольких деревнях, в каждой был свой вождь. Мелкие вожди подчинялись главному, которого называли рондо. Все платили ему дань, или налог, состоявший

из одного бивня слона в год. За это рондо должен был защищать свой народ и помогать ему [Ливингстон Д., Ливингстон Ч., 1948, с. 87].

Ю.И. Семенов, анализируя экономические процессы в догосударственных обществах, пришел к выводу, что власть в них развивалась по двум направлениям: бигменскому и чифменскому [Семенов, 1993а, с. 59]. В первом случае лидером в обществе мог стать неродовитый, но состоятельный человек, во втором – только вождь по крови. Как экономическая власть сочеталась с военной? Этнологи на примере истории общества папуасов отмечают, что бигмен редко становился «великим воином», т.е. военным лидером [История..., 1988, с. 236]. Видимо, при чифменском варианте путь к высшей экономической и военной власти был более прямой, особенно если последняя сочеталась с собственностью вождя на землю, а также на все ресурсы и жизни сородичей.

Следы развития власти военной в эпоху палеометалла по данным археологических источников Передней Азии, Европы, Кавказа

Медный и бронзовый века практически не оставили следов в этнографии Европы и Переднего Востока. Отдельные сведения можно получить из истории доколумбовой Америки. Но все же о формах специального оружия рубящего или колющего действия на этом континенте судить непросто. Медное оружие было у атапасков, находившихся на уровне довольно примитивного энеолита. У племен Мезоамерики и инков Перу, судя по изображениям хронистов, имелись искусно выточенные из камня топоры-булавы, палицы с вкладышами из обсидиана, копья, мечи из дерева (?), лук и стрелы [Вега, 1974].

Реконструкция процесса военизации догосударственных обществ Передней Азии, Кавказа, Европы и других территорий до времени появления письменности – задача археологии. Ее решать очень сложно, т.к. археологические источники могут лишь косвенно отражать общественные отношения. Вместе с тем, исходя из общих свойств материального производства, как аксиому можно принять тезис, что возникновение тех или иных форм оружия всегда отражает конкретный социальный заказ эпохи. Как показывает практика, по археологическим данным можно уловить появление, например, специального оружия даже по случайным находкам и датировать их, используя метод аналогий. Однако это вовсе не означает, что оно тут же начинало проникать в погребальные обряды, получало широкое распространение.

Область погребальной практики древних людей – это прежде всего сфера религиозных представлений.

Отношение к оружию было различным. По одним верованиям его клали в могилу и даже могли полагать, что предки будут охранять живых с оружием в руках. Возможно, имелись иные мотивы. Оружие могло также обеспечить статус умершего и его привилегированное место в загробном мире. По другим представлениям оружие было «нечистым», оно несло смерть и ему не место в заупокойных ритуалах. Например, масаи считали, что оружие – это символ смерти, а боги не любят кровопролития, хотя сами были воинственным народом. Племена вачагга окрестностей г. Килиманджаро полагали, что сила, заключенная в металле, металлическом оружии, вообще враждебна миру [Cline, 1937, с. 115–119].

Таким образом, положенное в захоронение оружие – это область особого символизма. Она может отражать уровень военизации общества или оставаться равнодушной к нему. В археологической практике давно отмечено, что оружие нередко встречается в погребениях в сочетаниях вещей. Для того чтобы ответить на вопрос, что это за сочетания, комплексы с оружием надо анализировать с помощью методов археологической типологии и комбинаторики.

Воинское снаряжение могло занять особое место в погребальной практике в тот момент, когда область религиозных представлений начала впитывать и отражать значимость воинской прослойки в обществе. Помещение оружия в могилу было важно для живых сородичей как закрепление особого статуса воинской прослойки в идеологии или по религиозным соображениям, связанным с представлением о загробном мире как о тождественном реальному со всеми его особенностями.

Особый престиж погребенного еще в эпоху энеолита Подунавья подчеркивался золотом в виде украшений и накладок – декора ударных орудий. У народов «почти государственного состояния» золото также служило средством подчеркивания особого слоя военных людей. Так, у муисков Мезоамерики только военная аристократия могла носить золотые украшения, а загробный мир представлялся копией земного. По их верованиям, души умерших опускались к центру земли, где каждая имеет предназначенное ей место, согласно тому, что они имели на земле [Созина, 1969, с. 165].

Символизм воинского снаряжения особенно ярко проступает на поздних стадиях предгосударственного общества и в ранних государствах. Могилы военной знати в это время уже не обходятся без оружия, воинское место в загробном мире становится самым почетным. У германских племен, викингов павшие на поле брани славные воины обретают вечное наслаждение на пиру в Вальхалле. Для этого викинг должен умереть с мечом в руке или быть похоронен с оружием [Мелетинский, Гуревич, 1987; Вальхалла, 1987].

Упомянутую выше проблему о двух путях развития высшей власти в обществе – бигменском и чифменском [Семенов, 1993а, с. 59] – по данным археологии решать очень сложно, т.к. археолог не может определить, кто же был погребен с богатым инвентарем, оружием – бигмен или чифмен. При установлении социальной значимости погребенного ему приходится опираться лишь на набор вещей в комплексах, типологию инвентаря, подбирать наиболее корректные термины в интерпретации. Анализ комбинаторики артефактов из таких комплексов очень важен. На его основании можно отметить несколько устойчивых наборов (моделей) для времени конца VI–III тыс. до н.э. Эти модели характеризуют два многовековых этапа развития экономики догосударственного периода, суть которых возможно выразить через понятия исторической этнологии [Семенов, 1993б]. Один, более ранний, получил название «преполитарного». Помимо особых экономических отношений, он характеризуется большим значением для лидеров престижа труда. Другой был назван Ю.И. Семеновым «протополитарным». В это время для престижа лидера в военной сфере его занятия трудовой деятельностью особой роли не играли. Следующий период, «политарный», соотносится уже с понятиями цивилизации или государства с соответствующим уровнем организации власти, развития экономики и информатики [Там же].

Модель военная представлена погребальными комплексами только с оружием, например, топором, булавой. Ранее всего она фиксируется в Подунавье. Здесь могилы с каменными топорами связаны с лендельской культурой (например, могильник в Зенговаркони) [Dombay, 1960]. Погребения с оружием ударного действия появляются очень рано и на юге Восточной Европы. Они, например, известны на Мариупольском (рис. 1, 1) и Хвалынском могильниках (суммарно конец VI – первая половина V тыс. до н.э.). В Предкавказье эта модель существовала долго, по крайней мере, она четко фиксируется в средний период бронзового века и в докобанское время.

Модель военно-производственная представлена погребальными комплексами с оружием (втульчатый топор из камня или бронзы, клевец) и инструментами деревообработки. Ранние примеры такой модели уводят к культуре хаманджия в Дунайском бассейне (Дуранкулак, погр. 1036) (рис. 1, 2), примерно вторая четверть V тыс. до н.э. [Todorova et al., 2002, S. 42, Taf. 171]. Набор из медного топора и тесла известен в комплексе Фэлчиу [Govedarića, 2004, Tab. 8] (рис. 1, 3).

Энеолитические подкурганские погребения предкавказской и волго-донской степной зоны в основном содержат каменные тесла, но без сочетания их с каменными топорами [Кореневский, 2012]. Погребаль-

ные комплексы, включающие подобные наборы из оружия и инструментов, известны в разных культурах. Они получили широкое распространение с началом бронзового века (т.е. с распространением медно-мышьяковых сплавов), прежде всего у племен майкопско-новосвободненской общности Предкавказья в IV тыс. до н.э. Военно-производственная модель на Кавказе продолжала существовать далее у носителей алазано-беденской культуры в Грузии и у близких ей по такой символике племен Азербайджана первой половины III тыс. до н.э. [Мусейбли, Ахундова, Агаларзаде, 2011]. Она также представлена в погребениях начала среднего периода бронзового века в центральной части Северного Кавказа (комплекс куграна в Андреевской долине на окраине г. Грозного и его аналоги) [Марковин, 1994, с. 273, табл. 82, 10, 12].

Если военная модель подчеркивала воинский престиж умершего, то военно-производственная может указывать на особо высокое социальное положение погребенного, при жизни игравшего весьма значимую роль не только в военном деле, но и в экономике. Среди последних могли быть бигмены или вожди по крови. Но более конкретизировать такое деление по данным археологии затруднительно.

В комплексах обеих моделей может встречаться золото. Иногда оно присутствует в виде одной-двух височных подвесок, в других случаях в большем количестве (различные украшения, накладки на предметы). Для оценки развития иерархии в социальной сфере догосударственных обществ значение золота и серебра особо важно. С одной стороны, это были, судя по мифологии многих народов, металлы высших божеств – Солнца и Луны. С другой стороны, их использование в экономике как всеобщих эквивалентов обмена привело в Месопотамии к становлению государственности. Для начальных стадий знакомства древних земледельцев и скотоводов с золотом захоронения с ним можно рассматривать как отражение особого элитарного ранжирования: чем больше золотых предметов, тем выше статус погребенного [Корневский, 2004].

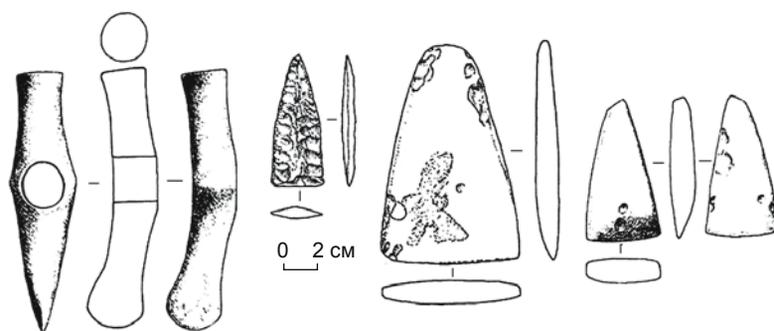
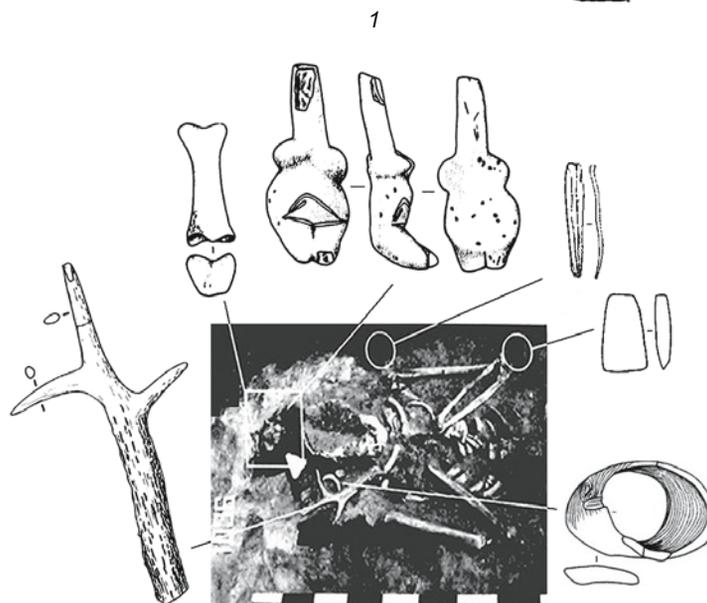
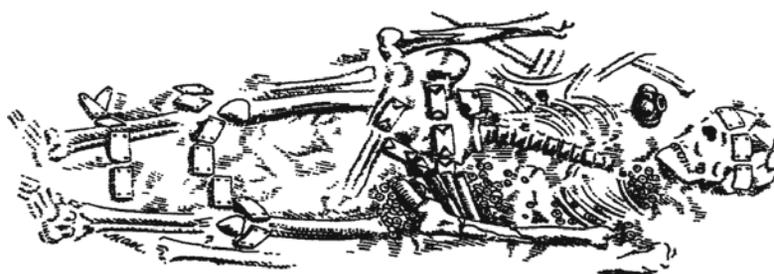

Рис. 1. Эгалитарные модели погребальных комплексов преполитарного периода юга Восточной Европы и Подунавья.

1 – погр. 8 Мариупольского могильника, конец VI тыс. до н.э. (по: [Макаренко, 1933]), – военная модель; 2 – погр. 1036 могильника Дуранкулак (культура хаманджия), вторая четверть V тыс. до н.э. (по: [Todorova et al., 2002]), – военно-производственная модель; 3 – разрушенное погребение в Фэлчиу (по: [Govedariča, 2004]) – военно-производственная модель.

Золотом более насыщены комплексы с военно-производственным набором вещей. Люди, погребенные с золотыми предметами, могут рассматриваться не только как военные лидеры, но и как носители особой сакральной власти.

Среди наиболее ранних комплексов элитарной военной модели особо интересно погр. 4 могильни-

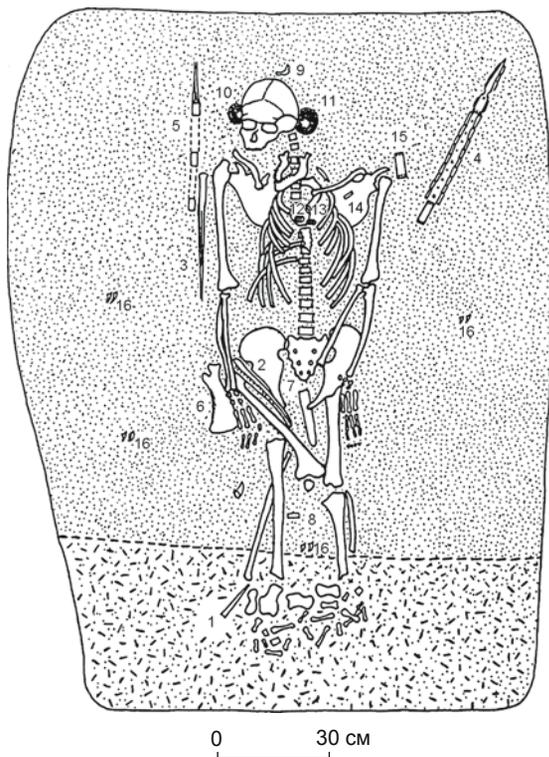

Рис. 2. Погребение военного и культового лидера с оружием и двумя золотыми спиральками (вторая половина V тыс. до н.э.) на могильнике Джурджулешти в Молдове (по: [Govedariča, 2004]) – элитарная военная модель преполюлитарного периода.

жить погр. 4 кург. 31 Павловского могильника в Воронежской обл. (рис. 6, А) [Синюк, 1996, с. 58, рис. 51, б], погр. 1 кург. 1 Утевского могильника (рис. 6, Б) [Васильев, 1980]. В Приуралье сохраняется также и эгалитарный вариант, например набор военного снаряжения и инструментов деревообработки из погр. 4 кург. 8 могильника Тамар-Уткуль (рис. 7) [Моргунова, Кравцов, 1994; Моргунова и др., 2011, с. 63, рис. 10, 8–13].

На Ближнем Востоке элитарная военно-производственная модель фиксируется на рубеже IV–III тыс. до н.э. на городище Арслантепе (слой VIВ1) в богатой гробнице T1 с бронзовым оружием и плотническими инструментами, украшениями из золота и серебра [Frangipane et al., 2001], а также в погребениях курганов III и IV могильника Си-Гирдан у оз. Урмия (бронзовые топоры, кинжал, тесла, украшения из золота) [Muscarella, 1969, 1971].

ка Джурджулешти (рис. 2), в котором встречено первобытное оружие (медный стилет, а также то ли меч, то ли рогатина) и две золотые спиральки – подвески головного убора [Govedariča, 2004, S. 97, Abb. 30]. Более сложная элитарная военно-производственная модель представлена широко известными комплексами, такими как погр. 43 Варненского могильника (рис. 3) [Ivanov, 1988]. Самые насыщенные золотом захоронения с оружием майкопско-новосвободненской общности содержали посуду из бронзы и в редких случаях из золота и серебра. В качестве примера можно указать Майкопский курган (рис. 4), погр. 5 кург. 31 с мечом в урочище «Клады» у ст. Новосвободной (рис. 5, 3), Нальчикскую (рис. 5, 2) и Кишпекскую (рис. 5, 1) гробницы с большими бронзовыми котлами [Корневский, 2004], погр. 18 кург. 1 могильника Марьинский-3 с набором оружия и инструментов (рис. 5, 4) [Канторович, Маслов, 2009; Корневский, 2004].

Под влиянием майкопско-новосвободненской общности элитарная военно-производственная модель проникла к носителям ямной культуры Дона и Волго-Приуралья. Примером может слу-

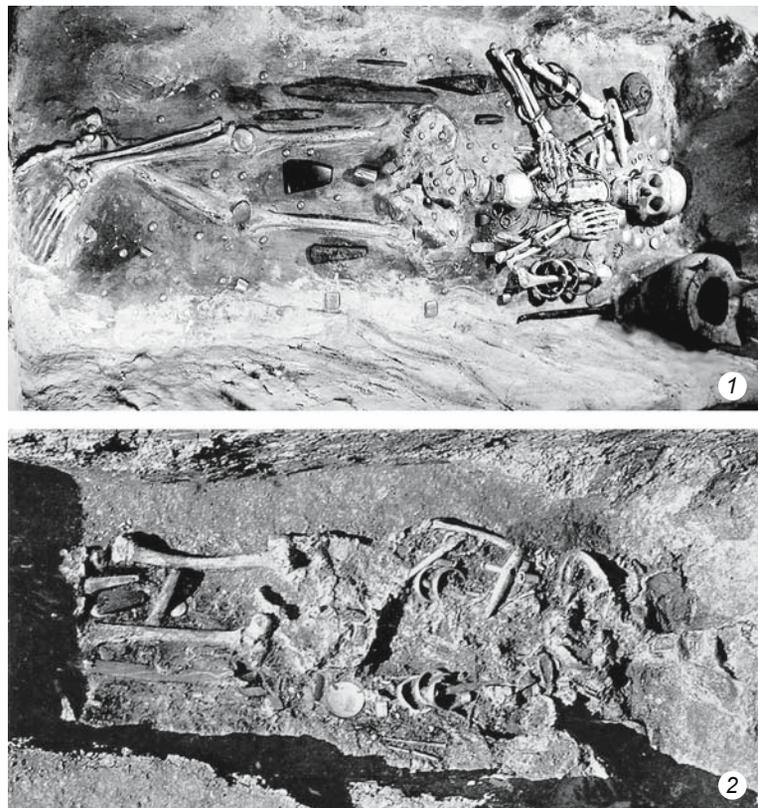

Рис. 3. Погребение 43 Варненского могильника, середина V тыс. до н.э. (музей г. Варны), – элитарная военно-производственная модель преполюлитарного периода.

1 – музейная реконструкция; 2 – ситуация при расчистке погребения.

Рис. 4. Вещевой комплекс Майкопского кургана (майкопско-новосвободненская общность, примерно середина IV тыс. до н.э.) – элитарная военно-производственная модель преполитарного периода.
 А – бронзовые (1–7) и каменное (8) орудия; Б – посуда из серебра (электр?) (1, 3), бронзы (2, 4) и золота (5); В – украшения (золото, серебро; 11 – варианты реконструкции фигурок быков).

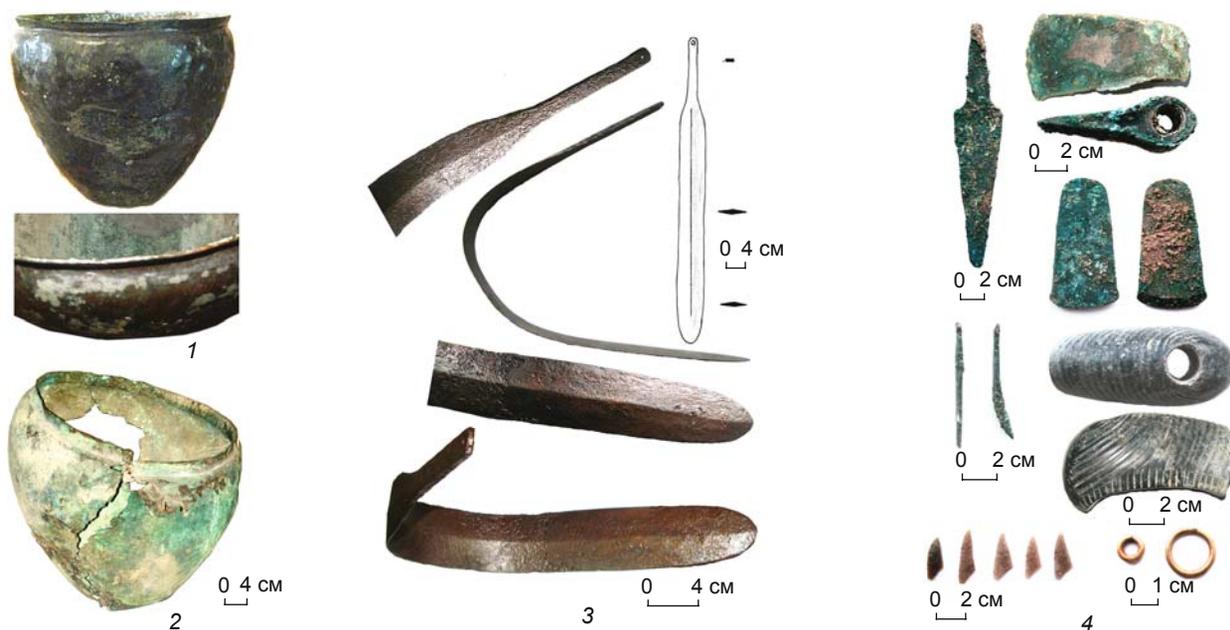

Рис. 5. Бронзовые котлы (1, 2) и меч (3), орудия и украшения (4) из комплексов элитарной военно-производственной модели преполюитарного периода.

1 – Кишпекская гробница; 2 – Нальчикская гробница (долинский вариант майкопско-новосвободненской общности (далее – МНО)), вторая половина IV тыс. до н.э.; 3 – погр. 5 кург. 31 могильника Клады (новосвободненская группа МНО, середина – вторая половина IV тыс. до н.э.); 4 – погр. 18 кург. 1 могильника Марьинский-3 (долинский вариант МНО, ок. 3350 г. до н.э.).

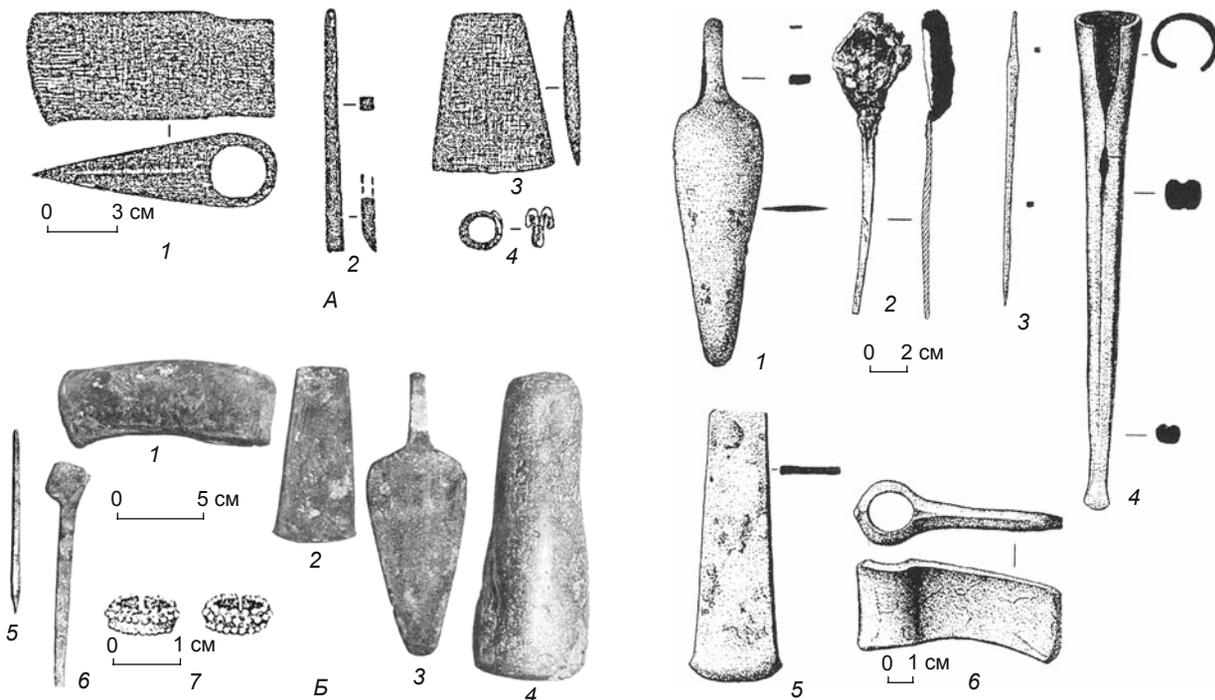

Рис. 6. Комплексы элитарной военно-производственной модели преполюитарного периода с памятников ямной культуры.

А – погр. 4 кург. 31 Павловского могильника, вторая половина IV тыс. до н.э. (по: [Синюк, 1996]): 1–3 – медь, 4 – серебро; Б – погр. 1 кург. 1 Утевского могильника, конец IV – начало III тыс. до н.э. (по: [Васильев, 1980]): 1–3, 5, 6 – медь, 4 – камень, 7 – золото.

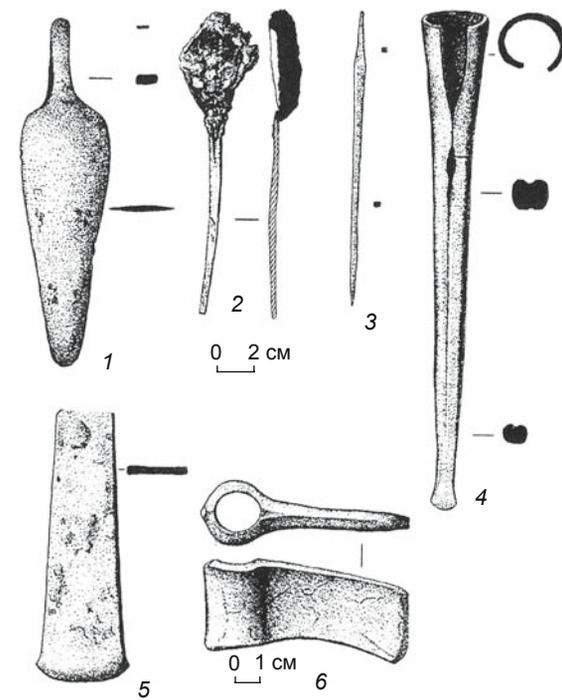

Рис. 7. Медные изделия из погр. 4 кург. 8 могильника Тамар-Уткуль VII ямной культуры Приуралья, начало III тыс. до н.э. (по: [Моргунова и др., 2011]), – элитарная военно-производственная модель преполюитарного периода.

Нередко все отмеченные выше модели и их вариации могут сосуществовать в рамках одной культуры, как, например, в варненской или у племен майкопско-новосвободненской общности.

Заключение

Таким образом, главный вывод из приведенных моделей заключается в том, что, по данным археологии энеолита и начала бронзового века Кавказа, Подунавья, Ближнего Востока, власть военная, нередко в сочетании с высокой сакральной, в V–IV тыс. до н.э. практиковала в погребальных обрядах символику оружия и орудий труда совместно с ранжированием золотом престижа умерших. Впоследствии символы труда из погребений военной знати исче-

зают, как реакция на изменение положения в обществе власти военной и основ социального расслоения, когда воинское сословие становится наиболее значимым и влиятельным. О таких переменах повествуют замечательные произведения искусства, на которых величие военных лидеров иллюстрируется более крупным их изображением, сидячей позой, треном, лирой, дорогим оружием. В их число входят серебряный кубок из Карашамба (Армения, конец III тыс. до н.э., триалетская культура) [Оганесян, 1988] (рис. 8), печати с изображениями военного и культового лидера урукского периода из Южной Месопотамии и Сузианы по имени Эн (рис. 9) [Schmandt-Besserat, 1993], а также упомянутый выше знаменитый штандарт из Ура (рис. 10) [Woolley, 1934]. Символика труда для высшего лидера сохраняется в раннегосударственный период Месопотамии. Но она существует

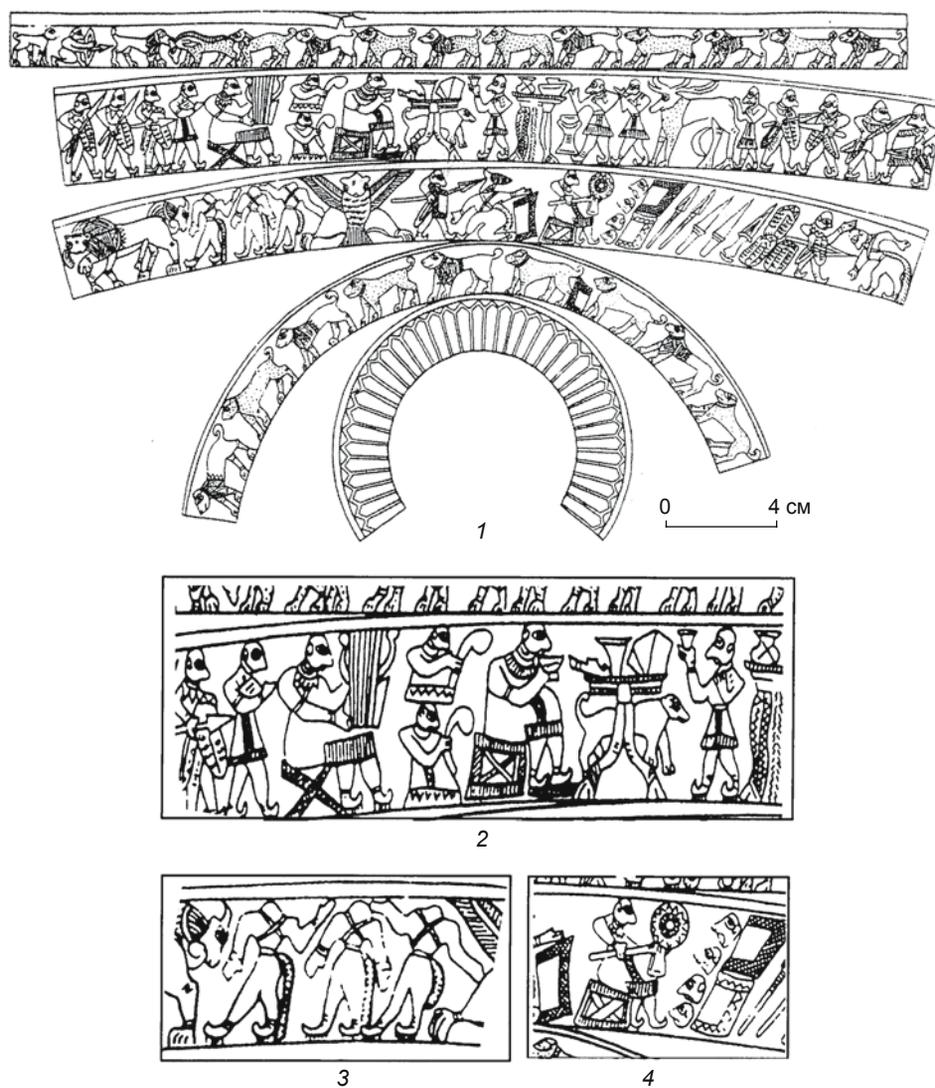

Рис. 8. Сцены на кубке из Карашамба, триалетская культура, конец III тыс. до н.э. (по: [Оганесян, 1988]). Протополитарный период.

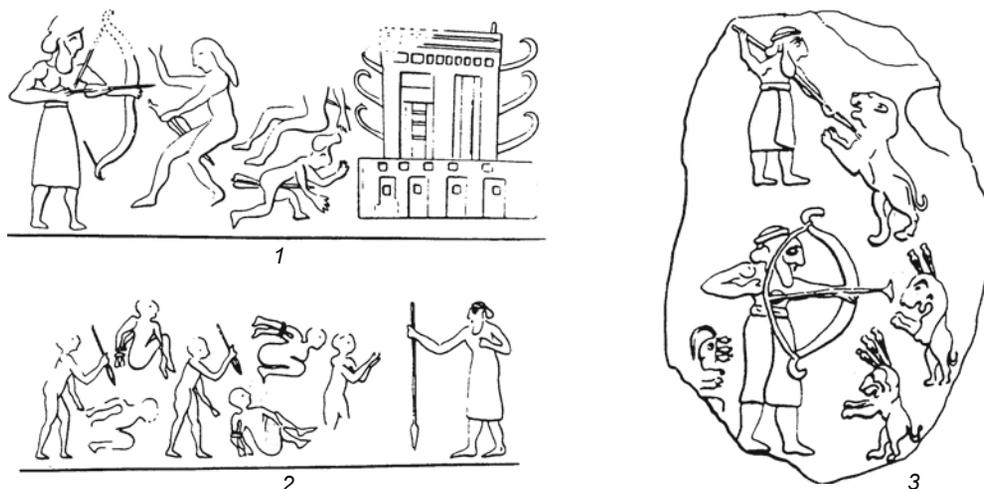

Рис. 9. Отгиски печатей с изображениями военного и культового лидера Эн урукского периода Южной Месопотамии (по: [Schmandt-Besserat, 1993]).
1, 2 – Эн – воин-вождь; 3 – Эн – великий охотник.

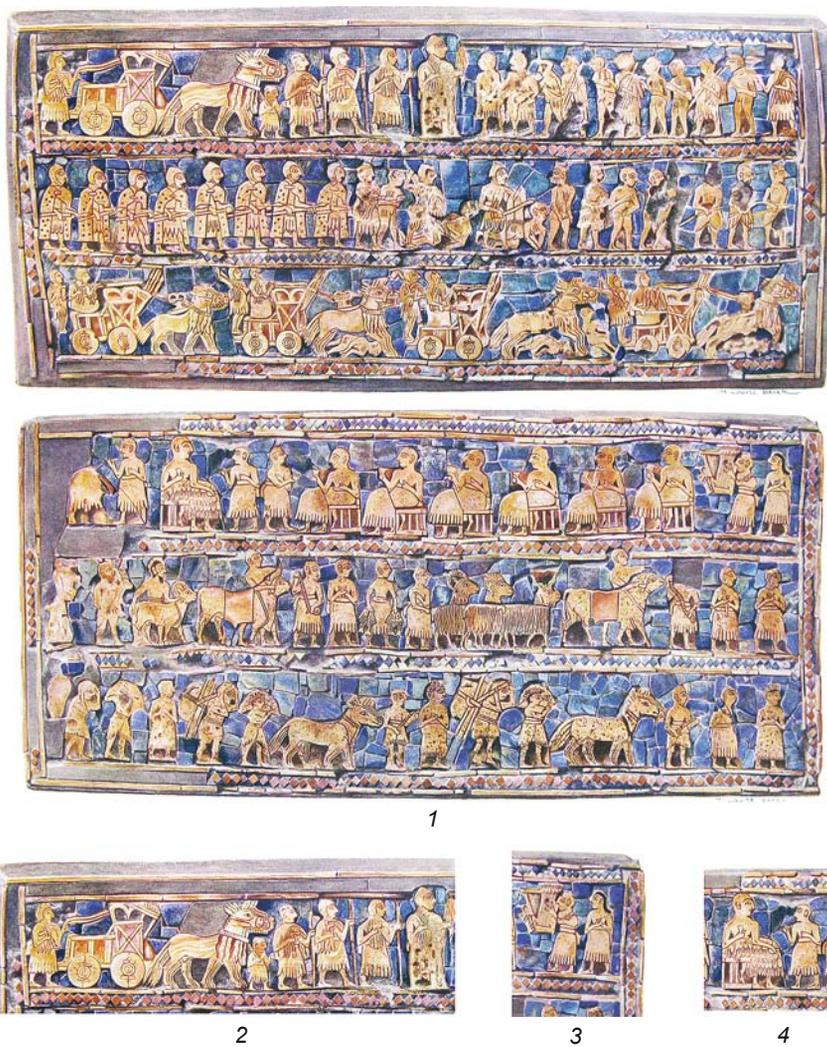

Рис. 10. Урукский штандарт: изображения военного лидера, войска и побежденного врага. Раннединастический период (по: [Woolley, 1934]).

в основном как показатель сакрального строительства [Авилова, 2011, с. 168–178].

Укрепление власти военной в обществе и ее стремление к господству и легитимности нашли отражение в многочисленных мифах о героях и их военных подвигах, сражениях вокруг Древа Жизни и его плодов. В пантеоне мифических высших богов появились военные боги, в т.ч. громовержцы как признанные лидеры и высшие властители [Афанасьева, 2007; Дьяконов, 1997; Редер, 1965].

Заканчивая наш краткий очерк о ранних этапах развития феномена власти военной, хотелось бы подчеркнуть, что археологические материалы, так же как и письменные свидетельства о народах догосударственной эпохи, могут отражать разные модели военизации. Они помогают охарактеризовать историческую трансформацию обществ под влиянием не только технического прогресса, но и военного фактора, сделать общую картину развития исторических процессов более наглядной и конкретной.

Список литературы

- Аверкиева Ю.П.** Индейцы Северной Америки. – М.: Наука, 1974. – 348 с.
- Авилова Л.И.** Металл Ближнего Востока: Модели производства в энеолите, раннем и среднем бронзовом веке. – М.: Памятники исторической мысли, 2011. – 227 с.
- Афанасьева В.К.** Орел и Змея в изобразительности и литературе Двуречья. – М.: Водолей Publishers, 2007. – 462 с.
- Вальхалла** // Мифы народов мира: энцикл. / отв. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 212.
- Васильев И.Б.** Могильник ямно-полтавкинского времени у с. Утевка в Среднем Поволжье // Археология восточноевропейской лесостепи. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1980. – С. 32–58.
- Вега Г., де ла (Инка).** История государства инков / пер. со ст.-исп. В.А. Кузьмищева; отв. ред. Ю.В. Кнорозов. – М.: Наука, 1974. – 752 с. – (Литературные памятники).
- Вегетий.** Краткое изложение военного дела // ВДИ. – 1940. – № 1. – С. 231–293.
- Гомер.** Илиада // Илиада и Одиссея. – М.: Изд-во худож. лит., 1997. – С. 1–409. – (Античный мир).
- Дейви М.** Эволюция войн / пер. с англ. Л.А. Калашниковой; ред. Л.И. Глебовская. – М.: Центрполиграф, 2009. – 384 с. – (Хроники военных сражений).
- Дьяконов И.М.** История древнего Востока: Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / ред. И.М. Дьяконова. – М.: Вост. лит., 1983. – 530 с.
- Дьяконов И.М.** Люди города Ура. – М.: Наука, 1990. – 428 с.
- Дьяконов И.М.** От начала начал: Антология шумерской поэзии. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1997. – 493 с.
- Елизаренкова Т.Я.** Ригведа – великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I–IV. – М.: Наука, 1989. – С. 426–543.
- Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М.** История английского языка: учебник. – 4-е изд. – СПб.: Авалонь; Азбука, 2010. – 560 с. – (Университетская классика).
- История** первобытного общества: Эпоха классовообразования / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – 565 с.
- Канторович А.Р., Маслов В.Е.** Раскопки погребения майкопского вождя в кургане близ станицы Марьинской (предварительная публикация) // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – Ставрополь: Наследие, 2009. – Вып. IX. – С. 83–116.
- Корневский С.Н.** Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 244 с.
- Корневский С.Н.** Древнейший металл Предкавказья. – М.: Таус, 2011а. – 324 с.
- Корневский С.Н.** Феномен власти в обществах древних земледельцев и скотоводов (теория этнологии и археологии) // КСИА. – 2011б. – Вып. 225. – С. 175–188.
- Корневский С.Н.** Рождение кургана. – М.: Таус, 2012. – 246 с.
- Ливингстон Д., Ливингстон Ч.** Путешествие по Замбези с 1858 по 1864 г. / пер. с англ. П.М. Добровицкой. – М.: Географгиз, 1948. – 343 с.
- Марковин В.И.** Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии: Ранняя и средняя бронза Кавказа. – М.: Наука, 1994. – С. 254–286. – (Археология СССР).
- Макаренко М.** Мариупольський могильник. – Київ: Вид-во Всеукр. акад. наук, 1933. – 149 с.
- Махлаюк А.В.** Римские войны: Под знаком Марса. – М.: Центрполиграф, 2009. – 445 с.
- Мелетинский Е.М., Гуревич А.Я.** Германо-скандинавская мифология // Мифы народов мира: энцикл. / отв. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. энцикл., 1987. – Т. 1. – С. 284–292.
- Миклухо-Маклай Н.Н.** Путешествия на берег Маклая. – М.: ЭКСМО, 2011. – 512 с.
- Молодин В.И., Худяков Ю.С.** Комплекс вооружения населения Западной и Восточной Сибири в развитом бронзовом веке // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: Гос. Эрмитаж; ИИМК РАН, 1998. – С. 37–40.
- Морган Л.Г.** Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. – Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1934. – 351 с.
- Моргунова Н.Л., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Скрипкин В.В.** Новые радиоуглеродные даты памятников энеолита, раннего и среднего этапов бронзового века Поволжья и Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – Оренбург: Оренб. гос. пед. ун-т, 2011. – Вып. 9. – С. 53–75.
- Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю.** Памятники древнеямной культуры на Илеке. – Екатеринбург: Наука, 1994. – 153 с.
- Мусебли Н.А., Ахундова Г.К., Агаларзаде А.М.** Погребальные памятники эпохи бронзы Акстафинского района // Археологические исследования в Азербайджане. – Баку: Ун-т Хазар, 2011. – С. 97–108.
- Нефедкин А.К.** Военное дело чукчей: Середина XVII – начало XX в. – СПб.: Филоматис, 2003. – 346 с.

- Оганесян В.Э.** Серебряный кубок из Карашамба // Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР. – 1988. – № 4. – С. 145–160.
- Окшотт Э.** Археология оружия. – М.: Центрполиграф, 2004. – 398 с.
- Потехин И.И.** Военная демократия матабеле // Родовое общество: этнографические материалы и исследования / отв. ред. С.П. Толстов. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 234–256 – (ТИЭ. Н.с.; т. XIV).
- Преображенский А.Г.** Этимологический словарь русского языка. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1284 с.
- Разин Е.А.** История военного искусства. – М.: Воениздат, 1955. – Т. 1. – 358 с.
- Редер Д.Г.** Мифы и легенды древнего Двуречья. – М.: Наука, 1965. – 120 с.
- Ритгер Э.А.** Зулус Чака. – М.: Наука, 1968. – 407 с.
- Семенов Ю.И.** Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // Этногр. обозрение. – 1993а. – № 1. – С. 52–70.
- Семенов Ю.И.** Экономическая этнология: Первобытное и раннее предклассовое общество. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1993б. – 710, XXV с.
- Семенов Ю.И.** Война и мир в земледельческих предклассовых и ранних классовых обществах // Война и мир в ранней истории человечества. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1995. – Т. 2. – С. 7–241.
- Синюк А.Т.** Бронзовый век бассейна Дона. – Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 1996. – 351 с.
- Созина С.А.** Муиски – еще одна цивилизация древней Америки. – М.: Ин-т Латинской Америки АН СССР, 1969. – 201 с.
- Шнирельман В.А.** Первобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов, собирателей // История первобытного общества: Эпоха первобытной родовой общины / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1986. – С. 236–426.
- Шнирельман В.А.** Производственные предпосылки разложения первобытного общества // История первобытного общества: Эпоха классовообразования / отв. ред. Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1988. – С. 5–139.
- Шнирельман В.А.** У истоков войны и мира. – М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1994. – 176 с. – (Война и мир в ранней истории человечества; т. 1).
- Cline W.** Mining and Metallurgie in Negro Africa. – Mena-sha: Banta, 1937. – 143 p. – (General Series in anthropology; N 5).
- Dombay J.** Die Siedlung und das Gräberfeld in Zengövár-kony: Beiträge zur kultur des Aheolithikums in Ungarn. – Budapest: Ungarischen Akademie der Wissenschaften, 1960. – 235 S.
- Frangipane M., Nocera G.M., Hauptmann A., Morbidelli P., Palmieri A., Sadori L., Schultz M., Schmidt-Schultz T.** New Symbols of New Power A Royal Tomb from 3 000 BC Arslantepe. Malatya (Turkey) // Paleorient. – 2001. – Vol. 27, N 2. – P. 105–139.
- Govedariča B.** Zepferträger – herrscher der Steppen. – Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2004. – 426 S.
- Ivanov I.** Das Gräberfeld von Varna – Katalog // Macht, Herrschaft und Gold: Das Gräberfeld von Varna (Bulgarien) und die Anfänge einer neun europäischen Zivilisation. – Saarbrücken: Moderne Galerie des Saarland-Museums, 1988. – S. 183–208.
- Muscarella O.M.** The Tumuli at Sé Girdan // Metropolitan Museum J. – 1969. – Vol. 2. – P. 5–26.
- Muscarella O.M.** The tumuli at Sé Girdan: Second Report // Metropolitan Museum J. – 1971. – Vol. 4. – P. 8–18.
- Schmandt-Besserat D.** Images of Enship // Between rivers and over the mountains. – Roma: La Sapienza, 1993. – P. 201–219.
- Todorova H., Dimov T., Bojadziev J., Vajsov I., Avramova M.** Katalog der prähistorischen Gräber von Durankulak // Todorova H. Durankulak. – B.: Deutsches archäologisches Institut, 2002. – Bd. II: Die Prähistorischen Gräberfeld. – T. I. – S. 31–135.
- Vulpe A.** Die Äxte und Beile in Romänia II // Prähistorische Bronzefunde. – 1975. – Abt. IX, Bd. 5. – S. 1–98.
- Woolley L.** Ur excavations. – L.: Philadelphia: The British Museum; Museum of the University of Pennsylvania, 1934. – Vol. II: The Royal Cemetery. – 550 p.
- Yadin Y.** The Art of Warfare in Biblical Lands. – Jerusalem: Intern. Publishing Co. LTD, 1963. – Vol. 1. – 184 p.

*Материал поступил в редколлегию 19.11.13 г.,
в окончательном варианте – 02.12.13 г.*

A b s t r a c t

The objective of this study is to correlate historical, ethnological, and archaeological sources regarding the symbolism of military power. For that purpose the status of Neolithic and Early Bronze Age burials with weapons in the Danube Basin, Caucasus, and southeastern Europe was analyzed in the context of ethnological theory. These data are discussed with reference to the typology of warfare in pre-state societies, contrasting primitive wars and later “true” wars (those involving fighting for spoils). Ethnological evidence demonstrates the dramatic rise of the status of military chiefs. Eventually, as fighting for spoils becomes more common, the chiefs rapidly rise to the height of power and acquire the right to distribute trophies. This tendency is documented by archaeological evidence, art, and mythology, indicating the developing symbolism of weaponry and military themes and testifying to the rise in the status of persons involved in warfare, specifically military leaders.

Keywords: *ethnology, archaeology, war, spoils, power, weaponry.*

УДК 903.26

Н.М. Чаиркина

*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия
E-mail: chair_n@mail.ru*

ДЕРЕВЯННАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА ЗАУРАЛЬЯ

В статье рассматриваются деревянные антропоморфные скульптуры, обнаруженные на торфяниковых памятниках Зауралья. Проанализированы их археологический контекст, датировка и стилистика изображений. Приведены данные по антропоморфным скульптурам Западной и Восточной Европы. В раскрытии семантики зауральских скульптурных изображений использован метод ретроспективного анализа мифоритуальной практики обских угров.

Ключевые слова: Зауралье, торфяниковые памятники, деревянная антропоморфная скульптура, археологический контекст, датировка, иконография, семантика.

Источники, археологический контекст и стилистика скульптур

На торфяниковых памятниках Зауралья обнаружено, вероятно, десять деревянных антропоморфных скульптур и одно изделие, отнесенное к числу антропоморфных условно: на культовой площадке VI Разреза Горбуновского торфяника (шесть), стоянке Разбойничий Остров (одна) и среди случайных находок с Шигирского торфяника (четыре)*. Есть упоминание еще об одном идоле, найденном на Горбуновском торфянике в 1932–1933 гг. при ремонте капитальной канавы, расположенной в 300 м к западу от VI Разреза. Он не сохранился, его точное местонахождение, комплекс сопровождающих находок и стилистические особенности не известны [Эдинг, 1937, с. 138].

На VI Разрезе найдены три целые и обломки трех скульптур [Эдинг, 1937, 1940б, с. 66, 102, рис. 63; Гаджиева, 2004; Чаиркина, 2004, с. 121–123]. В 1927 г. на участках 68 и 69 на глубине 250 см, на сапропеле, была обнаружена деревянная антропоморфная скульптура,

*Выражаю искреннюю признательность сотрудникам Государственного Исторического музея, Свердловского областного краеведческого музея и Нижнетагильского музея-заповедника за возможность публикации материалов музейных коллекций.

лежавшая лицом вверх. Лицо покрывал кусок бересты. Фигура размером 123 × 9 × 9 см вырублена из искривленного ствола с затесанным под кол концом. Специально выделенная голова удлиненной формы расположена на пологих плечах, намечен изгиб спины; остальные детали не проработаны, не изображены руки и ноги (рис. 1). По данным Д.Н. Эдинга, сохранность идола неудовлетворительная: на лицевой части головы с трудом просматривается только отверстие рта. Рядом с антропоморфной скульптурой, на участках 68–76, на глубине 195–210 см фиксировалось скопление остатков обработанного дерева, широкие и узкие распластанные и согнутые вдвое куски бересты; на некоторых видны следы прошивки, а на одном – орнаментация бурой краской. На этой же глубине на участках 71 и 72 наблюдалась специальная площадка размером 125 × 100 × 4 см из явно привнесенной глины голубого цвета с фрагментами бересты [Эдинг, 1927, с. 24, 25; 1929, с. 12; 1937, с. 138].

В 1927 г. на участке 53 на глубине 228 см, на границе торфа и сапропеля, была обнаружена деревянная антропоморфная голова размером 41 × 12 × 6 см, обращенная лицом вниз [Эдинг, 1927, с. 23, 24; 1929, с. 12; 1937, с. 137, 138]. Она удлиненной формы, вырезана из узкой плахи. Слегка обгоревшая затылочная сторона плоская, шея тонкая. Нос в виде прямоугольной полосы изображен в одной плоскости с высоким и заостряющимся кверху лбом. Щеки, глаза и рот

Рис. 1. Деревянная антропоморфная скульптура с VI Разреза Горбуновского торфяника. Коллекция ГИМ. Оп. А381. № 8. Фото В.А. Мочуговского.

углублены (рис. 2). Рядом с изделием найдены редко рассеянная щепка и единичные фрагменты керамики, остатки сооружений не зафиксированы.

В раскопе 1931 г. на участках 265–268 на глубине 155–200 см было обнаружено деревянное сооружение, в котором найдены обломки ковша из капа, фрагмент деревянной чашки, «копыл» и орнаментированная береста со следами пришивки, заготовка и обломок рукоятки весла. На участке 265 на глубине 185 см, рядом с настилом, находилась целая антропоморфная скульптура высотой 125 см [Эдинг, 1932а, л. 18; 1937; 1940б, с. 66, 102, рис. 63]. Ее голова немного выступала из сапропеля, в который фигура была погружена почти вертикально. Длинное цилиндрическое туловище без рук завершается тонкой шеей и тщательно проработанной головой овальной формы, на ее боковых поверхностях и затылочной стороне видны широкие срезы, выполненные желобчатым орудием. Нос не разделяет щеки, показанные одной плоскостью, а выдает-

ся между дугообразными надбровьями слегка загибающимся вверх выступом, конец которого, возможно, обломан. Глаза не обозначены, глубокий рот овальной формы. Условно изображено и туловище: подгесана верхняя часть груди и нижняя часть живота; круто срезаны плечи и стесана задняя сторона так, что плоская спина примерно с половины длины выгибается и в области таза выступает наравне с затылком. Остальная поверхность не обработана, не сглажены даже выступы от веток. Короткие ноги слегка согнуты в коленях; с внешней стороны бедер, которые специально не подчеркнуты, сохранилась естественная поверхность ствола, их внутренняя часть обработана широкими срезами. Голени выполнены в форме кольшечков с небольшими утолщениями в области икр (рис. 3, 1). Сохранившийся в паховой части след сучка, возможно, указывает на то, что это – изображение мужчины.

В описи предметов, обнаруженных на VI Разрезе Горбуновского торфяника в 1936 г., есть упоминания о четырех идолах. Один из них – кол длиной 166 см, в нижней части которого расположена антропоморфная личина, найден в трех обломках: два – на участке 412 на глубине 155–160 см, в сапропеле; один (верхняя часть) – на участке 391 в торфяно-сапропелевом слое [Эдинг, 1936; 1940а, с. 54, 55; 1940б, с. 66, 67, 102, рис. 64]. Лицо изображено в двухплоскостной манере: лоб и нос в виде узкой полосы, разделяющей углубленную плоскость щек, сливаются с поверхно-

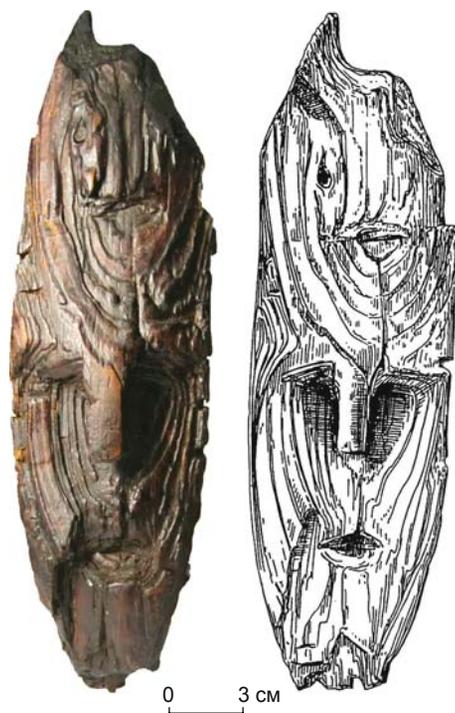

Рис. 2. Деревянная антропоморфная голова с VI Разреза Горбуновского торфяника. Коллекция ГИМ. Оп. А381. № 9.

Рис. 3. Деревянная антропоморфная скульптура с VI Разреза Горбуновского торфяника. 1 – коллекция НТМЗ. Пол. оп. № 54; 2 – коллекция ГИМ. Оп. А387. № 595. Фото В.А. Мочуговского.

стью ствола. Под выступающим нижним контуром наблюдается плохо сохранившееся перевернутое изображение другой личины, выполненной в том же стиле (рис. 3, 2). На этом же участке на глубине 100–110 см, выше антропоморфной скульптуры, было зафиксировано деревянное сооружение, рядом с которым найден ковш с рукоятью в виде головы лебедя и схематические фигурки птиц, у северо-восточного края – обломок двух деревянных изображений змей.

В 1936 г. на участке 413 под краем деревянного сооружения, на глубине 135 см был обнаружен обломок антропоморфной скульптуры длиной 74 см – фрагмент нижней части туловища и левой ноги, согнутой в колене, заостренной книзу. Упоминание о нем есть в научном отчете [Эдинг, 1936], однако его описание отсутствует в более поздних публикациях. Фигура отчасти повторяет иконографию скульптуры из раскопа 1931 г., но явно превышает ее размеры. Изделие хранится в НТМЗ (пол. оп. № 524).

В 1936 г. на участке 422 на глубине 140 см, во вторичном залегании вместе с керамикой, предметами из камня и рукоятями с изображениями голов животных, был найден фрагмент антропоморфной скульптуры. Упоминание о ней есть в научном отчете [Там же], однако отсутствует в научных публикациях. Фигура

Рис. 4. Фрагмент деревянной антропоморфной скульптуры с VI Разреза Горбуновского торфяника. Коллекция НТМЗ. Пол. оп. № 584.

представлена примерно четвертью левой части туловища до начала ноги. Длина фрагмента 77 см. Фиксируется узкое плечо, обработанная затесами спина, сужающаяся к талии, и широкие бедра (рис. 4). Фигура, вероятно, аналогична предыдущей и скульптуре из раскопа 1931 г. По этому фрагменту получена AMS-дата $5\,070 \pm 60$ л.н. (AA-86207), или 3970–3710 гг. до н.э. [Chairkina, Kuzmin, Burr, 2013].

В коллекционную опись ГИМ № А387 за 1936 г. под № 600 занесены четыре обломка идола (?), обнаруженные на участке 391 «в выкиде» [Эдинг, 1936]. Однако в тексте отчета и в более поздних публикациях упоминаний о нем нет. Возможно, за скульптурное изображение в полевых условиях ошибочно были приняты обломки ствола со следами обработки.

Таким образом, в коллекциях ГИМ и НТМЗ сейчас присутствуют шесть антропоморфных деревянных скульптур с VI Разреза Горбуновского торфяника. В неясных условиях в нижней части торфяных отложений, на контакте торфа и сапропеля и в верхней час-

ти сапропеля, возможно, найдены обломки еще двух скульптур, которые не сохранились. Их стилистические особенности не известны. На разных участках VI Разреза заболачивание и торфообразование (граница торфа и сапропеля) происходило в разное время, в конце IV – начале II тыс. до н.э., в эпоху раннего металла, что подтверждено серией радиоуглеродных дат, полученных по вмещающему слою и фрагментам деревянных сооружений [Чаиркина, 2010; Антипина, Панова, Чаиркина, 2013]. Этим периодом до проведения AMS-анализа и установления максимально точного археологического контекста (определение глубины залегания

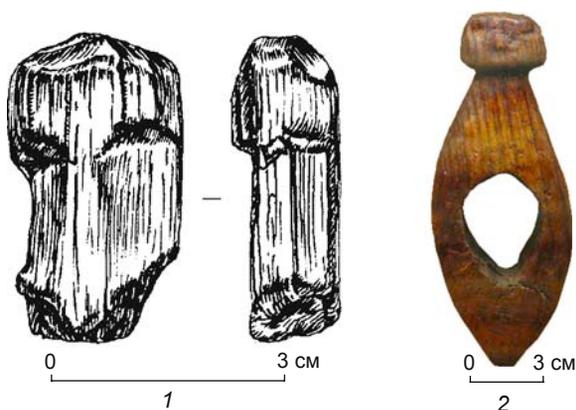

Рис. 5. Деревянная скульптура.

1 – антропоморфная голова со стоянки Разбойничий Остров. Коллекция ИИиА УрО РАН. Оп. 57. № 12; 2 – условно антропоморфное изделие из Шигирской коллекции. Коллекция СОКМ. С/м 8976 АШ-1036.

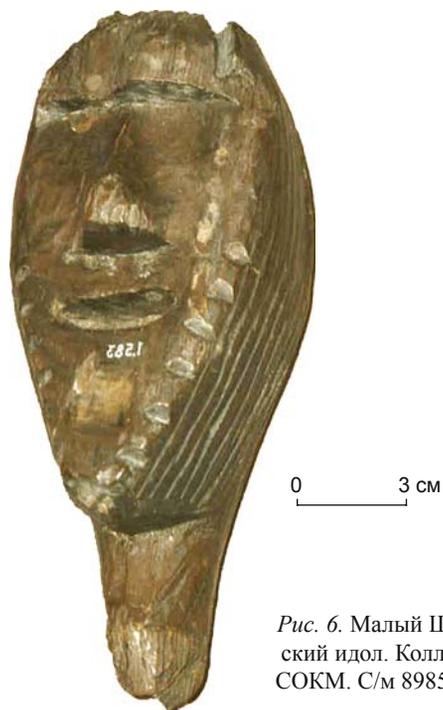

Рис. 6. Малый Шигирский идол. Коллекция СОКМ. С/м 8985 А-30.

всех типов керамики и комплекса находок, их корреляция с глубинными отметками и планиграфическим расположением деревянных сооружений и т.д.) каждого изделия, вероятно, можно датировать антропоморфные скульптуры с VI Разреза Горбуновского торфяника.

В слое эпохи раннего металла на стоянке Разбойничий Остров обнаружена деревянная антропоморфная голова размером $4,0 \times 2,5 \dots 2,0 \times 1,5$ см (рис. 5, 1). Изделие частично обожжено, но детали формы не деформированы. Лицевой отдел выпуклый. Противоположная сторона обработана одним срезом, доходящим до затылочной области, которая оформлена в виде карниза, вероятно имитировавшего волосы или головной убор. Лицо изображено в двухплоскостной манере: лоб и нос в виде узкой полосы, разделяющей щеки, показаны одной плоскостью, рот не обозначен. По обработанной древесине из культурного слоя изделие датируется $4\,960 \pm 210$ л.н. (ИЭРЖ-131).

На Шигирском торфянике в неясных условиях найдены три (?) антропоморфные скульптуры и деревянный предмет с антропоморфной личиной, отнесенный к условно антропоморфным скульптурам. Последний овальной формы со специально выделенной головкой и туловом (?), в центре которого сквозное отверстие. На головке неглубокими вдавлениями показаны глаза и рот, небольшим выступом – нос (рис. 5, 2). Такой же предмет, но без антропоморфной личины, обнаружен в 1932 г. на стоянке Стрелка Горбуновского торфяника, на участке XXII на глубине 117–135 см, вероятно, в слое эпохи раннего металла [Эдинг, 19326]. По аналогии с ним изделие из Шигирской коллекции, возможно, относится к этому же времени.

Малый Шигирский идол длиной ок. 20 см – антропоморфная голова овальной формы с шей, хорошо проработана. Слегка углубленные глаза и щеки изображены одной плоскостью, над которой возвышаются надбровья и лоб. Крупный рот показан широким овальным углублением. Голова, за исключением лица, покрыта узкими желобками, вдоль щек – зарубки (рис. 6). Волнистое обрамление лица, воспроизводящее, возможно, бороду или головной убор (капюшон?), и нос, трактованный не как продолжение плоскости лба, не типичны для зауральской антропоморфной скульптуры. Возраст изделия не известен.

Большой Шигирский идол (рис. 7) по ^{14}C датирован эпохой мезолита – $8\,680 \pm 140$ (9467/1) и $8\,750 \pm 60$ (9467/2) л.н.; $8\,620 \pm 70$ (Je-5303) л.н., или 7696–7540, 7886–7498 гг. до н.э. Стилистическим особенностям и семантике этой скульптуры посвящена специальная статья [Чаиркина, 2013].

В XIX в. небольшая коллекция предметов с Шигирского торфяника была вывезена в Париж бароном де Баем. Она хранится в Музее Человека – филиале Музея естественной истории [Савченко, Ромен, 2011]. Среди экспонатов этого собрания присутствует дере-

вянная антропоморфная скульптура высотой ок. 43 см, максимальной шириной 10 см. Длинная заостренная верхняя часть головы, надбровные дуги и вытянутый прямоугольный нос, разделяющий щеки, переданы одной плоскостью, возвышающейся над щеками и нижней частью лица. Глаза и рот не обозначены. Туловище скульптуры специально не выделено, шея и плечи не обозначены. Голова опирается на небольшие, согнутые в коленях ноги. По продольному ребру, расположенному в центре оборотной стороны, нанесены девять поперечных зарубок. Прямых аналогов этой фигуры среди деревянных антропоморфных скульптур Зауралья нет, некоторое сходство прослеживается в оформлении лица и ног, слегка согнутых в коленях. Создается впечатление, что она более поздняя, возможно, этнографического времени, о чем свидетельствуют довольно близкие аналогии в материалах обских угров [Гемуев, Сагалаев, 1986]. Не исключена и ошибочность включения скульптуры в Шигирскую коллекцию: в трудах В.Я. Толмачева, где наиболее полно отражена история исследования и основные категории находок с Шигирского торфяника, упоминаний об этом идоле нет.

Таким образом, коллекция деревянных антропоморфных изображений Зауралья сейчас представлена 11 изделиями. Эпохой мезолита датируется Большой Шигирский идол. По семантике и стилистике, при наличии отдельных элементов сходства, он существенно отличается от остальных изображений [Чаиркина, 2013]. Большая часть скульптур обнаружена на VI Разрезе Горбуновского торфяника в слоях эпохи раннего металла. Этим же временем можно датировать миниатюрную антропоморфную голову со стоянки Разбойничий Остров и, вероятно, изделие из Шигирской коллекции, отнесенное к условно антропоморфным скульптурам. Явно металлическим орудием выполнен и Малый Шигирский идол. Вряд ли на сегодняшний день возможна градация этих изделий по микропериодам и культурным типам эпохи раннего металла. Очевидна и невозможность построения прямолинейного типологического ряда от «простых» стилизованных колообразных фигур к более реалистичным скульптурам с проработанными головой, туловищем и ногами, имеющим, как показывают последние данные, довольно ранние ^{14}C -даты.

Деревянная антропоморфная скульптура эпохи раннего металла Зауралья представлена двумя колообразными фигурами, одна из которых с двумя, расположенными друг против друга личинами, другая с проработанной головой; фигурой с головой, туловищем и ногами; головами-личинами; обломками двух идолов с проработанными ногами, туловищем и бедрами. Все скульптуры, за исключением обломков двух последних, обнаруженных на VI Разрезе, не составляют устойчивых типов, специфичны и индивидуальны. Разнообразна манера оформления туловища: схематичность или детализация в изображении отдельных

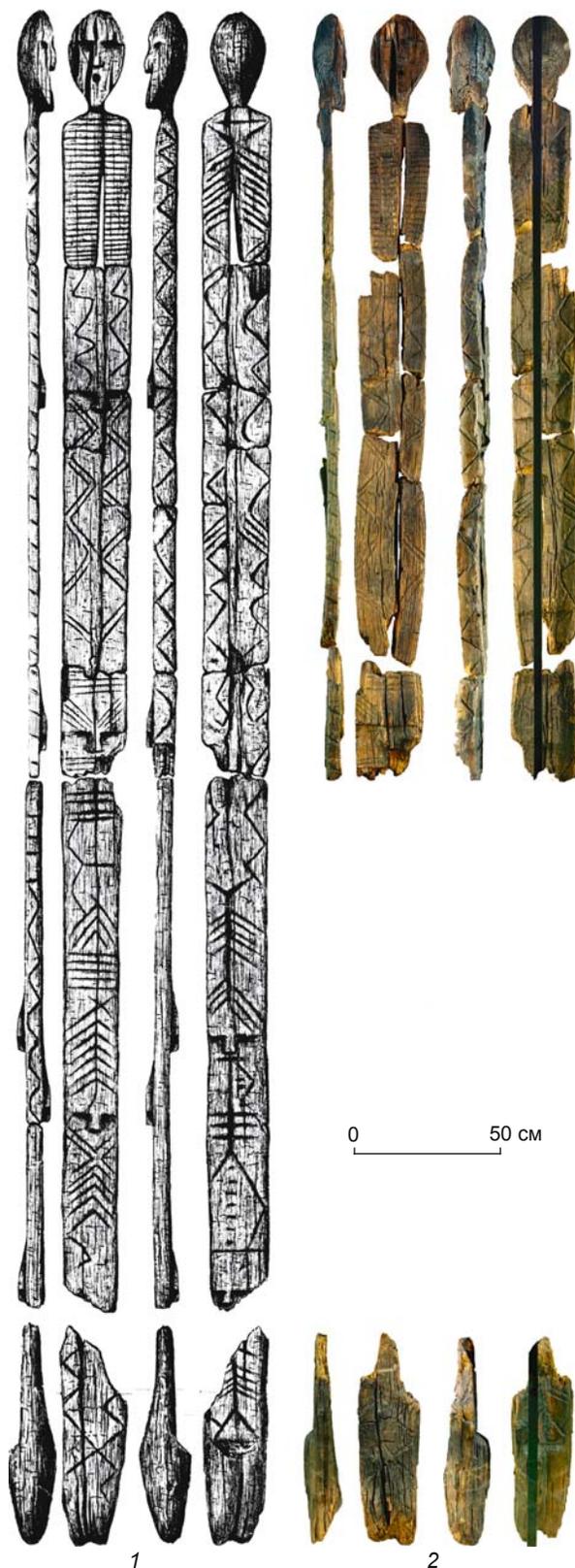

Рис. 7. Большой Шигирский идол. Коллекция СОКМ. С/м 8985 А-1.

1 – графическая реконструкция (по: [Толмачев, 1916]); 2 – фото сохранившейся части скульптуры.

элементов. В положении фигур с несколько согнутой поясницей и ногами использован тот же стилистический прием, что и в изображении некоторых персонажей Большого Шигирского идола, на ряде уральских писаниц и в графических рисунках на керамике.

Моделировка головы прослежена на всех скульптурах, за исключением колообразной фигуры с двумя личинами с VI Разреза Горбуновского торфяника. Наиболее канонична обобщенная трактовка иконографии лица – использование двухплоскостной манеры изображения глаз, щек, носа и лба. Рот отсутствует на личинах колообразной скульптуры и миниатюрной голове с Разбойничьего Острова, в остальных случаях он обозначен неглубокой овальной выемкой.

Изображение нескольких лиц, обращенных друг к другу, отмечено только на колообразной фигуре с VI Разреза. Возможно, мужскими являются фигура с ногами, обнаруженная в 1931 г. на VI Разрезе, и антропоморфная голова из Шигирской коллекции; женскими – фрагменты скульптур, найденные в 1936 г., с детализированными бедрами и ногами.

В целом для деревянной антропоморфной скульптуры Зауралья характерно многообразие общей формы, преобладание подчеркнутой моделировки головы, канонизм в оформлении лица; иногда изображения с согнутыми ногами, всегда – отсутствие рук.

Антропоморфные скульптуры Западной и Восточной Европы

На болотных массивах Западной Европы рядом с деревянными дорогами и на культовых площадках найдены многочисленные деревянные антропоморф-

ные скульптуры эпохи мезолита – железного века [Immortal Images..., 2001].

Самая древняя ($6\,400 \pm 85$ л.н.) маленькая мужская статуэтка обнаружена в Виллемстаде (Нидерланды). Тело фигуры оформлено в виде прямоугольника, волнистые очертания которого делают его похожим на рукоять предмета. Руки и ноги не обозначены, лицо выразительно: изображены большие глаза, нос, рот и нижний контур головы. Неолитические скульптуры обнаружены в Сомерсете и Дагенхэме (Англия), около Ауриха (Германия), в Похьянкуру (Финляндия) (рис. 8, 1). Фигуры из Ауриха и Сомерсета были найдены около дорог, проложенных через болото. Исследователи обращают внимание на различия в их размерах и обнаружение в различных частях сооружений. Колообразные антропоморфные фигуры с головами грушевидной и круглой формы из Ауриха, найденные рядом с дорогой, функционировавшей между 2825 и 2140 гг. до н.э., возможно, указывали на ее опасные участки, являясь «хранителями» путешественников [Ibid., p. 78–80, 82]. Маленькая скульптура в Сомерсете (3600–2200 гг. до н.э.) была «скрыта» между верхним ($4\,840 \pm 100$ и $3\,975 \pm 92$ л.н.) и более древним ($4\,570 \pm 80$; $4\,266 \pm 131$ и $4\,021 \pm 103$ л.н.) сооружениями. По мнению исследователей, она является изображением «божества» или «заместителя божества», «хранителя дороги», который оберегал ее от «злых духов» и недоброжелателей. Когда дорога приходила в негодность или надобность в ней отпадала, «хранителя» низвергали и бросали рядом. Д. и Б. Коллес предполагают, что эта бисексуальная скульптура с ясно распознаваемой головой и тремя выступами на теле, интерпретируемыми как груди и фаллос, является ритуальным жертвоприношением для обеспечения успеха новой дороги [Ibid., p. 88, 90].

Эпохой бронзы датируются несколько скульптурных изображений, археологический контекст которых чаще всего не ясен: фигуры в виде доски из Лагоре (Ирландия) и Крагелунда (Дания), высокая фигура с проработанной головой, туловищем и ногами из Ралагана (Ирландия). Значительно больше скульптур относится к последним столетиям до нашей эры и первым столетиям нашей эры [Ibid., p. 11].

В западно-европейской литературе не употребляется термин «идол», используется понятие «антропоморфная фигура», трактуемое, впрочем, довольно широко. Одни фигуры ясно опознаваемы как антропоморфные, другие лишь напоминают их, являются почти необработанными натуральными стволами, какими-то деталями похожими на антропоморфное

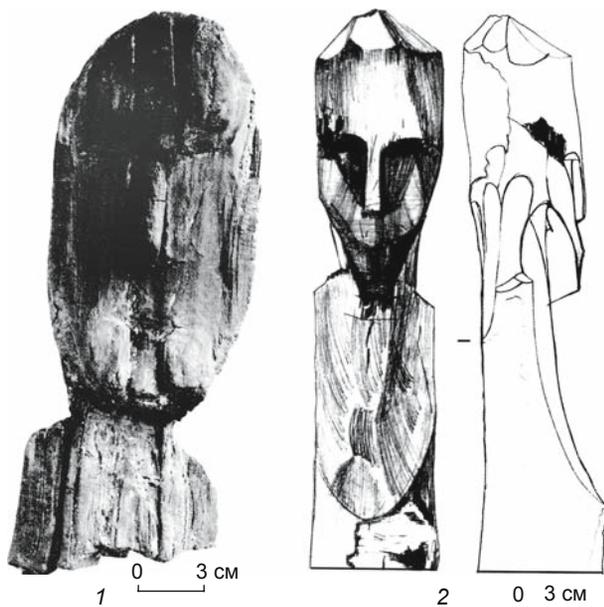

Рис. 8. Деревянная антропоморфная скульптура Западной и Восточной Европы.

1 – Похьянкуру (по: [Immortal Images..., 2001, p. 16, fig. 9]); 2 – поселение Швянтойи-28 (по: [Rimantiene, 2005, s. 103, abb. 46]).

существо. Некоторые скульптуры представляют собой изображение только головы (Похъянкуру) или туловища (Сомерсет). Наиболее явно антропоморфные – фигуры из Лагоре (3 650 ± 70 л.н.), Дагенхэма (3 800 ± 70 л.н.) и Ралагана (2 830 ± 70 л.н.). У них проработаны голова с изображением глаз, носа, рта и ушей, шея, туловище и ноги, но не у всех есть руки. Левая половина лица некоторых скульптур была, вероятно, преднамеренно повреждена в древности (Ралаган, Дагенхэм). Б. Колес, привлекая данные норвежской мифологии, ассоциирует их с богом Тором или с неким божеством, его предшественником [Ibid., p. 94–96]. У скульптуры из Лагоре есть фаллос, у фигуры из Дагенхэма имеется отверстие, в которое, возможно, его вставляли. Более абстрактна скульптура из Ауриха, у которой нет головы, но акцентированы бедра и ноги [Ibid., p. 45].

Спектр точек зрения на назначение деревянных антропоморфных фигур и на то, что или кого они олицетворяли, в западно-европейской литературе велик. Некоторые исследователи считают их изображением божеств. Однако пока ни одна скульптура не была бесспорно идентифицирована с персонажем, известным по письменным источникам. Есть мнение, что большинство фигур являлись, вероятно, изображениями «заместителей» сверхъестественных существ, функционируя как объекты культа. Возможно, некоторые изображали реальных предков [Ibid., p. 26, 86–88].

Еще меньшее количество деревянных антропоморфных скульптур эпохи неолита – раннего металла известно в Восточной Европе – четыре, и все они происходят с компактной территории Прибалтики. В жилище «А» сарнатского типа (первая половина, середина III – первая половина II тыс. до н.э.) на поселении Сарнате в Латвии найдена колообразная фигура длиной 167 см, изготовленная из лиственного дерева [Ванкина, 1970, с. 102, 103, табл. XXXVII]. Верхний конец ствола затесан с одной, нижний – с двух сторон. В верхней части, на расстоянии 46 см от конца, схематично изображено лицо. Голова и «ноги», намеченные узким концом ствола и выступом на месте колен, отделены от туловища зарубками, руки не обозначены. По мнению Л.В. Ванкиной, скульптура являлась изображением «домашнего» духа.

На поселении Швянтойи-28 в Литве найдена столбообразная фигура высотой 195 см, вырезанная из черной ольхи [Rimantiene, 2005, S. 102–105, abb. 46]. Голова длиной 32 см смоделирована в верхней части ствола (рис. 8, 2). Глазницы и щеки слегка углублены и разделены возвышающимся носом прямоугольной формы, образующим одну плоскость с надбровными дугами, лбом и поверхностью ствола. Рот отсутствует, подбородок суженный, подчеркнуты скулы. Верхняя часть головы, как и тонкая шея, проработана зарубками. Обозначены плечи и слегка намеченная среза-

ми верхняя передняя часть туловища. Остальная поверхность не обработана. Изделие, видимо, не завершено: плечи расположены на разной высоте, минимальна проработка туловища. По ¹⁴C скульптура датирована первой четвертью IV тыс. до н.э. Аналогии этому изображению прослеживаются в сарнатской скульптуре и колообразных фигурах с VI Разреза.

Третья скульптура, вероятно, эпохи неолита, происходит из района устья р. Малмута на Лубанской низине в Латвии. Колообразная фигура выполнена из лиственного дерева. Голова не выделена, в верхней части ствола изображена личина: одной плоскостью переданы глаза и щеки, а возвышающиеся над ними нос, прямые надбровные дуги и лоб сливаются с поверхностью ствола. Нижняя часть личины углублена и, возможно, обозначает рот, подбородок выпуклый [Лозе, 1987, с. 45, рис. 4, 1].

На западном побережье Балтийского моря, на поселении Хопфенбах была обнаружена стилизованная деревянная антропоморфная скульптура высотой 350 см, датированная по ¹⁴C 5 645 ± 135 л.н. Голова фигуры слегка намечена, лицо не обозначено [Rimantiene, 2005, S. 102–105].

Наличие колообразных форм, трактовка лица в двухплоскостной манере, изображения схематичных личин, отсутствие рук и рта, безусловно, сближают зауральскую скульптуру с антропоморфными фигурами Прибалтики и Финляндии (рис. 8). Менее определенны стилистические сопоставления с западно-европейскими деревянными скульптурами. Однако их (в т.ч. датируемых более поздним временем) расположение рядом с деревянными дорогами и площадками, а также на культовых местах и в виде преднамеренно помещенных в воду или болото предметов (кладов?) вызывает явные ассоциации с контекстом зауральских находок.

Семантический контекст

В анализе семантики деревянной антропоморфной скульптуры использованы материалы культовой практики обских угров – хантов и манси, что основывается на убеждении в существовании на территории Зауралья по меньшей мере в эпоху мезолита – раннего металла культур, генетически предшествовавших таежному компоненту угорской общности. Отдельные элементы мировоззренческих представлений древних уральцев явно сохранились в угорских легендах и мифах. Антропоморфные скульптуры эпохи раннего металла и деревянные, металлические идолы хантов и манси обнаруживают черты стилистического единства в иконографии лица, колообразных фигурах и фигурах с островерхими головами, скульптурах с ногами, но без рук [Гемуев, Сагалаев, 1986; Иванов, 1970].

Для обских угров характерно наличие большого количества антропоморфных изображений, оформление которых зависит от олицетворяемого персонажа и материала, используемого для изготовления идола. Они могли служить вместилищем души умершего обыкновенного члена рода или шамана, воплощением духа предков, изображать богов или духов (см.: [Соколова, 2009, с. 530–537, 608–638]). Есть мужские и женские духи, которые живут на небе, на земле, под землей, в лесах и водах. Локальные духи (домашние, личные, клана или рода), в отличие от всеобщих, изображаются в виде идолов и связаны с конкретным местом. Есть подчиненные духи – помощники или охранители духов-идолов. Как правило, они изображаются в виде доски или болванки с заостренной головой [Карьялайнен, 1994]. Изображением домашних духов, которые являются защитниками семьи, помогают на охоте и при добыче рыбы, может быть камень необычной формы, кукла из сукна, костяные фигурки, но чаще всего – деревянные и металлические идолы. Они хранятся в сундучке, мешке или вместилище из бересты на почетном месте в доме; могут стоять на открытом воздухе или помосте [Хэкель, 2001, с. 17–19, 23]. Клановые или родовые духи – это умершие герои, предки и основатели клана или рода. Их воплощением являются фигурки из камня, дерева и металла, чаще всего – более или менее тщательно обработанные антропоморфные идолы, которые стоят на священном месте, в специальном доме или постройке из столбов. Рядом может быть дом-амбар для жертв – пищи, вещей, животных. Клановые духи, как и домашние, оказывают помощь при охоте, добыче рыбы, в оленеводстве, в здоровье и деторождении, но они более сильные. Существуют определенные табу, связанные со священными местами и идолами. Почти с каждым локальным духом соотнесено какое-то животное, фигурку которого изготавливают из дерева, камня или металла. Их связь осуществляется в двух формах: дух превращается в животное или использует его как транспортное средство [Хэкель, 2001, с. 19–27].

Устойчивость мировоззренческих традиций и ритуальной практики древнего населения Зауралья проявилась в сохранении многих структурных элементов культовых площадок, обнаруженных на уральских торфяниках, в угорских культовых местах, прежде всего посвященных духу- или предку-покровителю; в труднодоступности (скрытности/«оберегаемости») священных мест, наличии специальных построек (площадок?), рядом с которыми помещены антропоморфные скульптуры и фигурки животных; принесении им жертвенных даров; в утвари (серебряные блюда – глиняные тарелки, плоские деревянные лопаточки и ложкаобразные грудные кости птиц – деревянные ложки и ковши; металлические стрелы – каменные наконечники стрел и др.). Аналогии

прослеживаются и в отношении к антропоморфным скульптурам: «запрещено видеть лицо идола, которое закутывали», «во время переодевания отгораживали священное изображение берестяной ширмой» [Гемурев, Сагалаев, 1986, с. 124, 146–148], хранение во вместилище из бересты – повсеместное нахождение кусков бересты рядом со скульптурами на VI Разрезе Горбуновского торфяника, берестой было покрыто лицо колообразной фигуры, обнаруженной в 1927 г.

Деревянная антропоморфная скульптура Зауралья, в т.ч. эпохи мезолита (Большой Шигирский идол), при всей схематичности настолько реалистична, что создается впечатление о ее соответствии вполне определенным мифическим персонажам или, с учетом значительного хронологического разрыва между археологическими и этнографическими материалами, их прототипам в обско-угорской мифологии. Голова-личина, обнаруженная на промысловой стоянке Разбойничий Остров, могла быть домашним духом – защитником семьи, помогающим на охоте и при добыче рыбы. Археологический контекст скульптур Шигирского торфяника не ясен, сложен анализ их семантических текстов. Не исключено, что скульптурное изображение антропоморфной головы было преднамеренно помещено в воду или болото жертвой или даром, а изделие, отнесенное к антропоморфным условно, – своеобразным оберегом. Большой Шигирский идол, возможно, является мифическим текстом, повествованием о мироустройстве мезолитического населения Зауралья [Чаиркина, 2013].

Не исключено, что антропоморфные скульптуры, обнаруженные на культовой площадке VI Разреза Горбуновского торфяника, по многочисленным обско-угорским аналогиям, были воплощениями предков или духов-покровителей, а фигурки животных и птиц – изображениями помощников или стихий (сфер природы), подвластных тому или иному духу, его «транспортным средством», формой его превращения. О некой соподчиненности зоо- и орнитоморфных образов антропоморфным, возможно, свидетельствуют их размеры (всегда меньше натуральной величины) и манера стилистического воплощения, преимущественно на веслах, сосудах, рукоятях предметов, используемых в культовой практике или специально изготовленных для проведения этих процедур, но остающихся, по существу, бытовыми. Антропоморфные скульптуры близки к натуральным размерам, они «самостоятельны», но выполнены схематично и грубо. Принципиальным является раннее появление у населения Зауралья мировоззренческих представлений, связанных с первопредком и/или предками (?), разнообразными духами, воплощенными в антропоморфных скульптурах, и атрибутивное, подчиненное положение изображений животных. Материалы VI Разреза свидетельствуют о существовании уже в эпоху ран-

него металла специальных деревянных сооружений («домов»?) или площадок «для идолов» и их большом количестве на одном «священном месте».

На памятниках эпохи раннего металла Зауралья известны деревянные и каменные антропоморфные, зоо- и орнитоморфные скульптуры, их графические изображения на сосудах и писаницах. Верования, связанные с ними, безусловно, не были идентичными и не ограничивались рассмотренными аспектами, каждый образ многослоен и полисемантичен.

Список литературы

Антипина Т.Г., Панова Н.К., Чаиркина Н.М. Динамика природной среды в голоцене по данным комплексного анализа VI Разреза Горбуновского торфяника // Изв. Коми науч. центра УрО РАН. – 2013. – Вып. 4 (16). – С. 1–9.

Ванкина Л.В. Торфяниковая стоянка Сарнате. – Рига: Зинатне, 1970. – 267 с.

Гаджиева Е.А. Идолы VI Разреза Горбуновского торфяника (несколько замечаний по вопросу культурно-хронологической принадлежности) // Четвертые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Аква-Пресс, 2004. – С. 91–99.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Религия народа манси: Культовые места (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1986. – 192 с.

Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.

Карьялайнен К.Ф. Религия югорских народов. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1994. – Т. I. – 152 с.

Лозе И.А. Изображения человека в искусстве каменного века Восточной Прибалтики // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 37–48. – (Первобытное искусство).

Савченко С.Н., Ромен О. Шигирская коллекция баэрона де Бая в музее Человека (Париж, Франция) // Шестые Берсовские чтения. – Екатеринбург: Квадрат, 2011. – С. 250–259.

Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. – М.: Наука, 2009. – 756 с.

Толмачев В.Я. Деревянный идол из Шигирского торфяника // Изв. Имп. Археол. комиссии. – 1916. – Вып. 60. – С. 94–99.

Хэжель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма) / пер. с нем. Н.В. Лукиной. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001. – 107 с.

Чаиркина Н.М. Тайны торфяников // Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – С. 109–143.

Чаиркина Н.М. Археологическое исследование стоянки VI Разрез Горбуновского торфяника в 2007 г. // Древности Горбуновского торфяника: Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2010. – Вып. 6. – С. 140–164.

Чаиркина Н.М. Большой Шигирский идол // Урал. ист. вестн. – 2013. – № 4 (41). – С. 100–110.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках уральской экспедиции ГИМ в 1927 г. Горбуновский торфяник // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1927. № 178. Л. 22–31.

Эдинг Д.Н. Горбуновский торфяник: Предварительный очерк археологических работ 1926–1928 гг. // Материалы по изучению Тагильского округа. – Тагил: [Гостипография], 1929. – Вып. 3, полутом 1. – С. 3–27.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках 1931 г. на Горбуновском торфянике Тагильского района Уральской области // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1932а. № 116. Л. 16–47.

Эдинг Д.Н. Раскопки стоянки у слияния старой и новой капитальных канав на Горбуновском торфянике (Урал) («у Стрелки») в 1932 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1932б. № 166. Л. 2–7 об.

Эдинг Д.Н. Отчет о раскопках уральской экспедиции Гос. Исторического музея на Горбуновском торфянике Н. Тагильского района Свердловской области в 1936 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 2/1936. № 284. Л. 1–24.

Эдинг Д.Н. Идолы Горбуновского торфяника // СА. – 1937. – № 4. – С. 133–145.

Эдинг Д.Н. Новые находки на Горбуновском торфянике // МИА. – 1940а. – № 1. – С. 41–57.

Эдинг Д.Н. Резная скульптура Урала: Из истории звериного стиля. – М.: [Тип. Упр-ния делами СНК СССР], 1940б. – 104 с. – (Тр. ГИМ; вып. 10).

Chairkina N., Kuzmin Y., Burr G. Chronology of the perishables: first AMS ¹⁴C dates of wooden artefacts from Aeneolithic – Bronze Age waterlogged sites in the Trans-Urals, Russia // Antiquity. – 2013. – Vol. 87. – P. 418–429.

Immortal Images: Ancient antropomorphic wood carvings from northern and northwest Europe / W. Sanden, van der, T. Capelle. – Silkeborg: Silkeborg Museum, 2001. – 101 p.

Rimantiene R. Die Steinzeitfischer an der Ostseelagure in Litauen. – Litauisches: Nationalmuseum, 2005. – 467 S.

*Материал поступил в редколлегию 18.10.13 г.,
в окончательном варианте – 29.10.13 г.*

A b s t r a c t

Wooden anthropomorphic sculptures found in pit-bogs east of the Ural Mountains are described. Their archaeological context, chronology, and stylistics are analyzed. The Uralian specimens are compared with those from Western and Eastern Europe. The possible meaning of these representations is reconstructed on the basis of Ob Ugrian rituals and mythology.

Keywords: *Trans-Urals, peat-bog sites, wooden anthropomorphic sculpture, archaeological context, dating, iconography, semantics.*

Н.В. Федорова

Государственное казенное учреждение ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

РИСУНКИ НА МЕТАЛЛЕ: ГРАФИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И ПРЕДУРАЛЬЯ

Статья посвящена анализу гравировок на металлических бляхах, зеркалах и импортной посуде раннего железного века – Средневековья. Рисунки рассматриваются в качестве одной из составляющих изобразительного искусства региона в указанное время. Приводится историография вопроса, очерчен ареал таких граффити. Обозначена позиция автора при исследовании этого массива изделий. Гравировки анализируются по двум параметрам: образы и их иконография, сцены и композиция. Отдельно рассматривается сюжет с рисунками на серебряных бляхах начала II тыс. н.э. Сделан вывод о том, что гравированные рисунки на металле демонстрируют иконографическую и композиционную общность, наполнение сцен одними и теми же персонажами, соответствие по этим признакам другим видам древнего и средневекового искусства региона, в частности, бронзовой художественной пластике. Гравировки рассматриваются в контексте феномена древней и современной культуры севера Западной Сибири и Северного Предуралья.

Ключевые слова: гравировки, иконография, композиция, изобразительное искусство севера Западной Сибири и Предуралья.

Введение

Гравировки, или граффити, – прочерченные рисунки, нанесенные на основу из камня, кости, металла, – в культурах различных эпох встречаются повсеместно. В археологической литературе для них нет единого названия: одни и те же проявления древней изобразительной деятельности называются «граффити», «гравировки», «врезанные рисунки», «петроглифы» и т.д. Значение этих терминов практически одинаково: «нацарапанные» или врезанные рисунки, надписи, орнаменты. В дальнейшем мы будем использовать термин «гравировка» в силу его распространенности в литературе.

На севере Западной Сибири и в Северном Предуралье в эпоху железа – от конца I тыс. до н.э. до начала XIV в. н.э. – рисунки наносили часто с помощью гравировки на металлические изделия, нередко поверх уже существовавшего декора. Такие изображения выполняли ножом или иным острым орудием на металлических (чаще всего бронзовых) бляхах и посу-

де. Известны также рисунки, сделанные на бронзовых зоо- и орнитоморфных отливках [Казанцева, Чемякин, 1999, с. 108]. Темы рисунков различны: личины, антропоморфные фигуры, сцены с участием нескольких персонажей, часто дополненные зоо- и орнитоморфными образами, а также сцены с участием зверей, иногда фантастических [Бауло, 2011, с. 234–235], единичные фигуры птиц и зверей.

История изучения

Гравировки как вид изобразительной деятельности несомненно уникальны, очевидны их представительность в комплексах, имеющих идеологический (сакральный) характер, иконографическое сходство, иногда доходящее до полного тождества, с образами другого изобразительного массива, встречающегося в том же регионе, – художественной бронзовой пластике. Однако степень их изученности крайне мала: им посвящено менее десятка работ.

Первая работа, в которой представлен анализ гравированных изображений на серебряных блюдах Средневековья, принадлежит А.А. Спицыну [1906]. Важно, что автор рассматривает вместе гравированные и литые изображения и отмечает сходство иконографических типов [Там же, с. 35]. Еще более важным представляется его замечание: «...мы прежде всего обязаны обратить внимание на изображения, нацарапанные на блюдах, именно ввиду того, что они нередко представляют целые сцены (здесь и далее курсив наш. – Н.Ф.)» [Там же, с. 31].

Вторая работа, в которой анализируются также вместе гравировки и литые изображения, – «Бронза усть-полуйского времени» В.Н. Чернецова. Изучая усть-полуйские бляхи с гравировками из раскопок В.С. Адрианова, исследователь пишет: «Эти признаки (рисунки – гравировки) связывают их (бляхи) с большой группой гравированных изображений (встречаемых на бляхах обычно большего размера, чем описанные) на бронзовых зеркалах и привозных, нередко серебряных, блюдах. В гравировках представлены антропоморфные и зооморфные фигуры, в большинстве случаев мифического характера, *всегда образующие целые композиции*» [1953, с. 136]. Далее В.Н. Чернецов совершенно справедливо отмечает: «Вопрос об этих изображениях, их возможной семантике и назначении настолько сложен, а материал так обилен, что рассмотреть его в пределах настоящей темы не представляется возможным» [Там же].

Следующая по времени выхода работа, посвященная врезанным рисункам на импортных серебряных блюдах, опубликована В.Ю. Лещенко в приложении к исследованию В.П. Даркевича «Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевики на территории европейской части СССР и Зауралья». Она носит характерное название: «Использование восточного серебра на Урале» [1976]. Автор подробно описывает рисунки на сосудах и указывает их даты, рассматривает символику и назначение изображений в рамках шаманских культов, а также приводит крайне важные сведения о соответствии мест обнаружения блюд с гравированными изображениями мест средневековых святилищ [Там же, с. 186 и др.].

Гравировки (граффити) из комплексов Европейского Северо-Востока опубликованы и проанализированы А.Л. Багиным [1998]. Все они, по данным автора, принадлежат святилищам. А.Л. Багин, оговорив трудности датирования изображений, выделяет тем не менее две хронологические группы рисунков: первая «укладывается в рамки рубежа эр и первой половины I тыс. н.э.» [Там же, с. 84], вторая относится к X–XI вв. [Там же]. Важными представляются наблюдения исследователя, касающиеся количества отдельных сюжетов (антропоморфных изображений, оленей и т.д.) и художественных приемов передачи

образов, например оленя: профильные изображения, «скелетный» стиль; трактовка всех четырех конечностей в виде тонких линий, иногда с копытами, повернутыми в фас; гипертрофированный глаз, выделяющийся над линией головы [Там же]. Интересны сопоставления иконографии, композиций и отдельных сюжетов гравировок и плакеток пермского звериного стиля. Заслуживает внимания замечание А.П. Брагина о преобладании костей северного оленя на святилище Хэйбидя-Пэдары и изображений оленя на гравировках среди находок с этого памятника [Там же, с. 85].

Гравировкам раннего железного века из Среднего и Нижнего Приобья посвящены несколько работ Ю.П. Чемякина (см. библиографию в работе: [Казанцева, Чемякин, 1999]). Им и его соавтором Т.Г. Казанцевой учтены почти все рисунки на металлических предметах: «Нам известно 147 опубликованных и неизданных вещей с рисунками, из которых около 80 датируется ранним железным веком» [Там же, с. 103]. Ю.П. Чемякин указывает, что наибольшее количество рисунков эпохи раннего железа обнаружено в Среднем и Нижнем Приобье, единичные образцы найдены в Прикамье, пещерах Северного Приуралья, а также в Айдашинской пещере [Там же]. Исследователь делает далеко не бесспорный вывод, вслед за В.Н. Чернецовым, о безусловной близости сюжетов гравировок с наскальными рисунками Урала и Западной Сибири (Томская писаница) [Там же].

Очень ценным является издание коллекции бронзовых зеркал из собрания Государственного музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск), подготовленное коллективом авторов [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002]. Опубликованные зеркала с рисунками – гравировками, передающими целые сцены с участием антропоморфных персонажей, ранее были известны по публикации В.Н. Чернецова 1953 г. как «зеркала из Ханты-Мансийского музея». В новом издании подробно рассмотрен путь этой коллекции в музей, приведены великолепные по качеству фотографии и прорисовки изображений на зеркалах. Авторы книги отмечают несколько важных моментов, в т.ч. присутствие зеркал с гравировками преимущественно на древних святилищах и сочетание в одних комплексах привозных зеркал и бронзовых дисковидных блях, очевидно, местной работы [Там же, с. 20].

В настоящее время ясными представляются период, когда были выполнены гравировки, вернее, его начало, и их ареал. Можно считать установленным, что появление гравировок относится к раннему железному веку, точнее, времени ок. II в. до н.э. Почти все рисунки выполнены на металлических вещах – зеркалах, бляхах, посуде, даже на предметах бронзовой пластики. Имеются также рисунки на кости и камне: к комплексу находок с древнего святилища Усть-Полуй относятся рог оленя с изображениями оленя и головы медведя, костя-

ной гребень с декором в стиле гравировок и каменная бляха с врезанным изображением антропоморфной личности. В материалах памятников с мерзлым культурным слоем на территории современного ЯНАО, датированных периодом после XIV в. н.э., известны рисунки на дереве и некоторые весьма специфические изображения на бересте. Не будет ошибкой предположить, что отсутствие изделий из органических материалов с гравированными рисунками является следствием их плохой сохранности в культурном слое памятников.

Ареал гравировок в раннем железном веке включает Сургутское Приобье на востоке; бассейны рек Казым, Ляпин, Северная Сосьва, Нижнее Приобье и территорию древнего святилища Усть-Полуй на севере; территорию памятников гляденовского времени в Печорском бассейне (Канинская пещера, могильник Новый бор) на западе и за Уральским хребтом на северо-западе. К югу от основного ареала таких изображений находится место обнаружения около г. Тобольска Истяцкого клада с рисунками на бляхах/зеркалах. Единичные и довольно сильно отличающиеся по стилю (иконографии) гравировки происходят из восточной части Западной Сибири (Айдашинская пещера, гора Кулайка, Ишимская коллекция).

Центр ареала, в котором зафиксировано больше всего изделий с наиболее разнообразными сценами, в раннем железном веке приходится на северо-западную часть территории Западной Сибири (Сургутское Приобье, бассейны рек Северная Сосьва, Казым, Сыня, низовья Полуя). В эпоху Средневековья этот центр вроде бы смещается к западу: основное количество известных к настоящему времени гравировок выполнено на серебряных блюдах, бляхах из серебра и белой бронзы, которые обнаружены в Пермском крае и Республике Коми. Увеличивается база данных о количестве средневековых гравировок из Зауралья. Известны гравировки по крайней мере на восьми импортных сосудах-блюдах из Ямгортского клада и Пашкиных юрт [Лещенко, 1976, с. 187], на ковше из Кодского Городка [Там же, с. 182], блюде из Березова [Сокровища Приобья..., 2003, с. 31], верхненильдинском блюде [Бауло, 2004а, с. 128], блюде с изображением царя Давида [Бауло, 2004б, с. 26–29], двух сферических бронзовых чашах из собрания Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса (далее – МВК) им. И.С. Шемановского. Средневековые гравировки имеются также на серебряных литых бляхах западно-сибирского, местного производства [Сокровища Приобья..., 2003, с. 50]. Довольно неожиданным событием было обнаружение многочисленных гравировок на серебряных привозных (вероятнее всего, из Предуралья) украшениях XIII–XIV вв. – лапчатой подвеске [Комова, Приступа, 2012, с. 63, ил. 24], створке браслета [Там же, с. 82, ил. 35] и височной подвеске с ромбическим щитком [Там же, с. 107, ил. 51]. Таким образом, вполне вероятно, что

зафиксированное «смещение» центра ареала к западу является всего лишь следствием недостаточной изученности его восточной части.

Итак, в настоящее время исследователи располагают для анализа корпусом находок, включающим более чем 150 вещей с рисунками; из них примерно одну половину составляют сцены с участием двух и более персонажей, другую – единичные изображения.

Постановка задачи

Главная цель статьи – определить место графических рисунков эпохи железа – Средневековья в общей системе изобразительного искусства народов севера Западной Сибири. Мы заранее отказываемся от постановки перед собой таких задач, как определение сюжета гравировок или реконструкция культов, в которых могли бы участвовать рисунки, и тем более от попыток связать их с конкретным этносом. Сюжет рисунков не может быть обоснованно интерпретирован современным исследователем, а широкое распространение гравированных изображений во времени и пространстве априори предполагает наличие различных этнических групп, у которых могли быть и различные локальные культы. Дробная классификация по хронологии, стандартная археологическая типология образов гравировок, на наш взгляд, снижает восприятие этого вида изобразительной деятельности как некоего целого, органически присущего древнему населению региона. Поэтому мы предпочитаем пользоваться терминами «персонаж» или «образ», «иконография», «сцена», «композиция». В работах, посвященных гравировкам, обычно употребляется термин «сюжет». По нашему мнению, термин «образ» более соответствует задаче описания рисунков, чем термин «сюжет», подразумевающий определенный уровень реконструкции/интерпретации, которая не всегда корректна: например, В.Ю. Лещенко называет одно изображение головой шамана [1976, с. 186, рис. 31]. Изображения животных иногда трудно определить до вида, поэтому далее многие обозначения зооморфных образов нами даются в кавычках: «медведь», «бобр» и т.д. Рисунки анализируются с точки зрения иконографии отдельных образов, а также сцен, в которых участвуют персонажи, и их композиции. Здесь «сцена» – некое множество фигур, связанных одним действием. Композиция, т.е. организация фигур на плоскости, дает возможность представить их возможную взаимосвязь или соподчиненность. Д.Г. Савинов, исследовавший изобразительные памятники раннескифского времени, выделяет несколько видов композиций: однорядные, многорядные, круговые, «два в одном», «загадочные картинки» [2012, с. 38]. В дальнейшем имеющиеся гравировки мы проанализируем и с этих позиций.

Описание и анализ материала

Образы и иконография. Наиболее часто изображались антропоморфные персонажи и отдельные личины. Последний термин достаточно условен: личиной называют изображение антропоморфного лица (головы), иногда с редуцированным туловищем или конечностями. Название «антропоморфные» используется почти всеми авторами для обозначения похожих на человека персонажей гравировок или бронзового литья, т.к. они именно *антропоморфны*, т.е. *человекоподобны*, и далеко не всегда натуралистично передают образ человека.

Анализ иконографии воплощенных на бронзовых или серебряных изделиях антропоморфных образов позволяет выделить два уровня изобразительных приемов. Первый, наиболее общий и характерный для всех изображений, вне зависимости от даты изготовления предмета или ареала, которому он принадлежал в момент обнаружения, использовался для передачи позы персонажей и некоторых стандартных особенностей фигуры и лица. Фигура показана почти всегда в фас к зрителю (профильные изображения головы или фигуры единичны), ноги расставлены, голова непропорционально велика для туловища, завершение головы конусообразное, в виде трех зубцов или звериной/птичьей головы/полуфигуры. Черты лица: основу рисунка образуют прочерченные практически одной линией брови, прямой нос, крупные миндалевидные глаза вплотную примыкают к носу, рот в виде сегмента, миндалевидный или прямоугольный. Часто изображается признак мужского пола или т.н. линия жизни. Детали одежды или элементы вооружения (там, где они нарисованы) соответствуют своему времени. Изобразительные приемы второго уров-

Рис. 1. Бронзовая бляха с гравировками. Древнее святилище Усть-Полуй [Мошинская, 1965, с. 35, рис. 20].

ня использовались для передачи более редких с точки зрения иконографии признаков. В раннем железном веке это ломаная линия, идущая от носа к скуле, или дугообразные линии на щеках, изображение двух-, трехголового (двух-, трехликого) образа, головы или личины с «открытым» верхом, в раннем Средневековье – изображение своеобразных трехконечных головных уборов и клинкового оружия (рис. 1–7).

Рис. 2. Бронзовая бляха с гравировками. Древнее святилище Усть-Полуй, МВК им. И.С. Шемановского, г. Салехард.

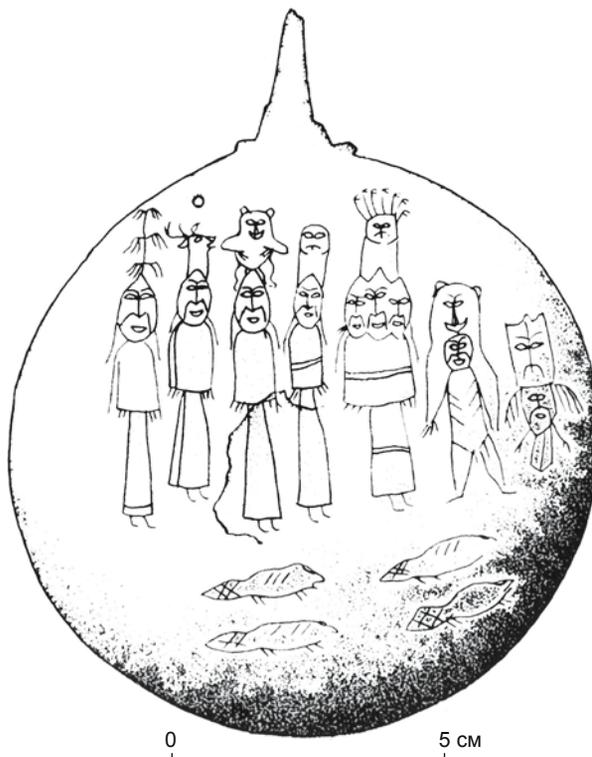

Рис. 3. Бронзовая бляха с гравировками. Государственный музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 55].

Рис. 4. Бронзовая бляха с гравировками. Государственный музей природы и человека, г. Ханты-Мансийск [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 69].

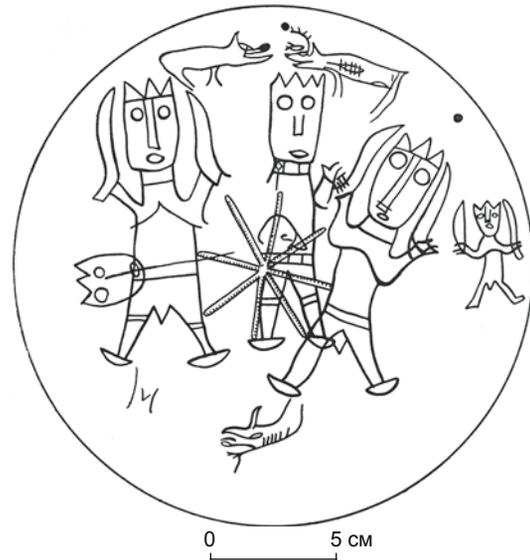

Рис. 5. Блюдо с гравировками из с. Больше-Аниковская [Лещенко, 1976, с. 181, рис. 21, а].

Рис. 6. Ковш с гравировками из Кодского Городка [Лещенко, 1976, с. 182, рис. 22, а].

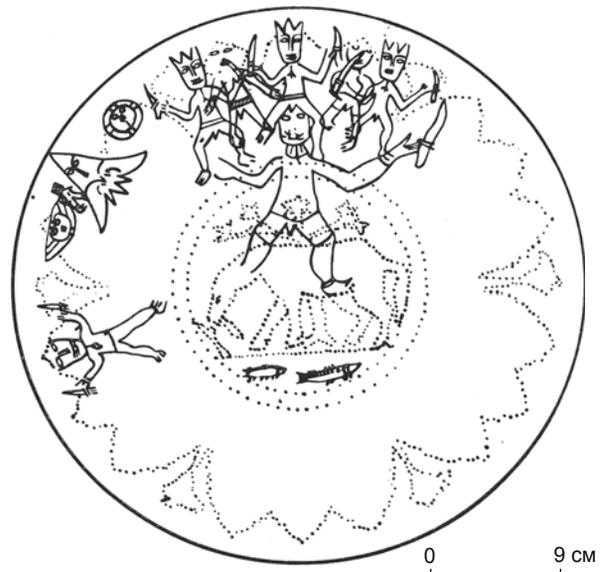

Рис. 7. Блюдо с гравировками из с. Слудка [Лещенко, 1976, с. 180, рис. 20, а].

Недавно нам стали известны гравировки на вещах из частных коллекций и различных музеев. Антропоморфные персонажи изображены на двух бронзовых иранских чашах, приобретенных МВК им. И.С. Шемановского, и на серебряном диске (медальоне) из коллекции Музея истории и культуры народов Сибири (далее – МИКНС) ИАЭТ СО РАН (рис. 8–11). Гравировки на чашах с учетом даты самих предметов были выполнены, вероятно, не ранее IX в. Хотя по некото-

рым особенностям рисунка они напоминают скорее изображения раннего железного века: все персонажи стоят в ряд; на одной чаше их два (см. рис. 9), на другой – три (см. рис. 8). Персонажи изображены в фас, с расставленными ногами. Интересно, что фигуры показаны одной линией от кистей рук до стоп ног. На чаше с тремя фигурами руки и ноги персонажей заканчиваются изображениями головок «гадов» или птиц, туловище не прорисовано, абрис головы тоже.

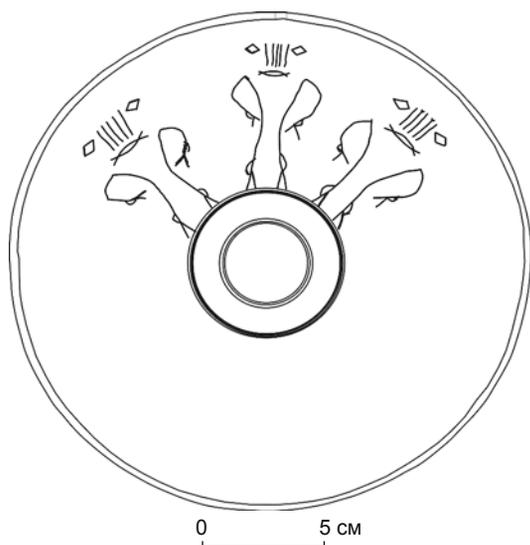

Рис. 8. Чаша с гравировками из собрания МВК им. И.С. Шемановского, г. Салехард.

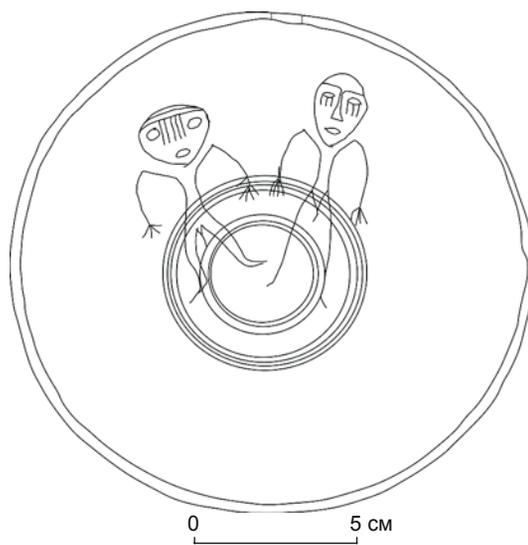

Рис. 9. Чаша с гравировками из собрания МВК им. И.С. Шемановского, г. Салехард.

Рис. 10. Диск с гравировками из собрания МИКНС ИАЭТ СО РАН [Бауло, 2011, с. 245].

Рис. 11. Диск с гравировками из собрания МИКНС ИАЭТ СО РАН [Бауло, 2011, с. 245].

Изображены ромбические глаза, носы переданы пятью вертикальными линиями, рты – в виде двух пересекающихся дуг. Такой прием использовался при создании бронзовых антропоморфных отливок, вероятно, чтобы подчеркнуть «многоликость» персонажа. На чаше с двумя фигурами туловища очерчены снизу, показаны признак мужского пола и четырехпалые руки. У левого от зрителя персонажа изображены головной убор (?), овальные глаза и рот, нос передан пятью вертикальными линиями. Вторая фигура аналогична первой, но у нее нос и брови показаны одной линией, а на нижнем крае абриса глаза нарисованы по три длинные «ресницы».

На серебряном диске-медальоне рисунки выполнены на двух сторонах: на одной – антропоморфные образы в сочетании с фигурой животного (см. рис. 10), на другой – две фигуры рыб (см. рис. 11). Иконография антропоморфных персонажей очень редкая: обе фигуры изображены в профиль, с поднятыми ногами, плечи показаны в фас, руки по сторонам фигур, левая рука правого персонажа поднята. Головы изображены в профиль, выделены крупный нос и большой треугольный глаз, сзади головы – имитация волос (кос?) [Бауло, 2011, с. 245].

Изображения зверей и птиц на гравировках также достаточно строго канонизированы. Среди живот-

ных – «медведи», «бобры», «олени», реже «рыбы» или не вполне поддающиеся идентификации «гады» или вовсе фантастические звери [Там же, с. 234, 235, 241]. Звери чаще всего изображены в профиль, только «медведь» иногда показан стоящим на задних лапах анфас (см. рис. 3, 4). Для иконографии рисунков, выполненных приемами первого уровня, характерно изображение «линии жизни», хвоста с заштрихованного ромбической сеткой у «бобров», раскрытой пасти и трех-, четырехпалых конечностей у всех зверей, включая «олений», антропоморфной личины на груди стоящего в фас к зрителю «медведя». Примерами использования изобразительных приемов второго уровня являются особый рисунок глаза – дугообразный, прилегающий к абрису головы, иногда даже выходящий за него [Там же, с. 234, 238], а также рисунки в виде мелких крестиков на крупе зверя.

На серебряном диске из собрания МИКНС ИАЭТ СО РАН имеются три изображения рыб: на одной стороне – фигура «бобра», на другой – две самостоятельные фигуры расположены одна под другой, у обеих прорисованы плавники (один верхний и три нижних), миндалевидные глаза, «линия жизни», штриховка в виде квадратов, по-видимому, имитирует чешую (см. рис. 11). Рыбы изображаются на гравировках довольно редко и, как правило, схематично – с одним верхним плавником, крупным глазом в виде миндалины (см., напр.: [Лещенко, 1976, с. 187, рис. 35]). Образы рыб наиболее характерны, пожалуй, для северо-востока Европы – территории современной Республики Коми (см., напр.: [Мурыгин, 1992, с. 19, рис. 5; с. 37, рис. 16]).

Фиксируется два иконографических типа изображений образа птицы: в профиль и в стоящей позе, анфас и с распахнутыми крыльями. Причем, в бронзовой пластике эти типы строго соответствуют «породе»

птицы, например, хищники почти всегда изображены анфас с распахнутыми крыльями, а водоплавающие – в профиль на гравировках водоплавающие птицы вообще не встречаются, известно несколько изображений боровой птицы (тетерки или куропатки?; рис. 12), а хищники могут быть показаны и в фас, и в профиль. Для гравировок раннего железного века характерно изображение не только туловища, но и головы птицы. Изображение «лица» у птицы, особенно у различных «сов», такое же, как у антропоморфных персонажей.

Сцены и композиции. На металлических изделиях может быть изображена одиночная фигура или композиция в виде одного или нескольких горизонтальных (вертикальных либо круговых) рядов фигур, которую мы назвали бы сложной, т.к. обозначить ее одним словом невозможно. Как в раннескифском искусстве, на некоторых гравировках образы показаны «два в одном», по выражению Д.Г. Савинова [2012, с. 44], т.е. одно изображение вписано в другое.

Для рисунков раннего железного века характерны сцены, в которых основная композиция – горизонтальный ряд стоящих антропоморфных фигур, их обычно бывает от двух до семи, наиболее часто встречаются семь фигур (см. рис. 4). Реже чередуются антропоморфные и зооморфные персонажи [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 55]. Встречаются композиции из нескольких горизонтальных рядов: ряд антропоморфных образов, под ними – один-два ряда зооморфных фигур (см. рис. 3, 4).

Гравированные рисунки на бляхах с древнего святилища Усть-Полуй представлены в виде либо одиночной фигуры, либо горизонтального ряда (см. рис. 1, 2). Более сложными являются композиции гравировок с Барсовой Горы [Казанцева, Чемякин, 1999, с. 107–108]. Они представлены горизонтальными рядами, фигурами, расположенными по вертикали или по кругу. Причем последнее построение, скорее всего, связано с формой изделия.

В эпоху Средневековья антропоморфные фигуры, иногда в сочетании с изображениями зверей, составляющими горизонтальный ряд, преимущественно помещали вдоль края блюда [Лещенко, 1976, с. 180, рис. 20, б; с. 183, рис. 25]. Наиболее часто встречаются сложные композиции с элементами, на первый взгляд, организованными вокруг центрального антропоморфного персонажа, который заметно крупнее всех остальных [Там же, с. 180, рис. 20, а; с. 182, рис. 22]. Обычная трактовка таких композиций как построенных «вокруг главного героя» представляется упрощенной или даже неверной – на блюде из с. Слудка один из пяти более мелких антропоморфных персонажей, изображенных в ряд над центральной наиболее крупной фигурой, «стоит» буквально на голове последней [Там же, рис. 20, а]. Встречаются и аб-

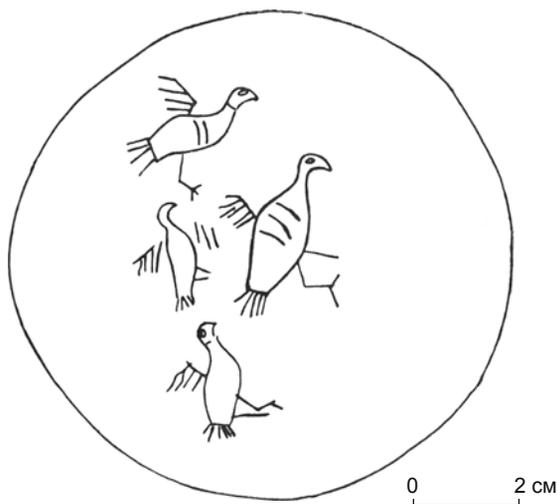

Рис. 12. Блюдце с гравировками из Ямгортских юрт [Лещенко, 1976, с. 187, рис. 36].

солютно бессистемные, на современный взгляд, композиции [Там же, с. 183, рис. 26, а; Мурыгин, 1992, с. 19, рис. 5], которые, конечно, передают какую-то идею.

Композиции, удачно названные Д.Г. Савиновым «два в одном», встречаются в трех вариантах: в виде антропоморфной личины на груди/туловище зверя или птицы [Приступа, Стародумов, Яковлев, 2002, с. 55, 71], антропоморфной фигуры, составленной из двух зооморфных образов и более [Усть-Полуй..., 2003, с. 26], и фигур, размещенных одна внутри другой [Бауло, 2011, с. 245].

Интересно, что если у предмета, на который нанесены рисунки, имеется естественная ориентировка, например ручка у металлического зеркала, то верх рисунка чаще всего соотносится с этой ручкой. Если гравировки выполнены на подвеске, то верх, как правило, соответствует отверстию или петле для подвешивания. При всей кажущейся очевидности этого наблюдения, оно представляется важным, т.к. рисунки, прочерченные тонкой линией, не всегда могли рассматриваться в качестве украшения изделия. Иными словами, для человека, наносившего гравировку почему-то важно было учитывать реальный верх-низ подвески или бляхи. Этим правилом руководствовался мастер эпохи Средневековья при создании рисунков на круглых бляхах с петлями [Багин, 1998, с. 89–90]. Если же рисунки выполнялись на блюде или чаше, верх композиции соответствовал либо верху собственного декора блюда, либо отверстию в его бортике, которое, очевидно, служило для подвешивания вещи.

Проблема наложения гравированных рисунков раннего железного века и Средневековья друг на друга, а также «дополнения» собственного декора импортных серебряных блюд неоднократно обсуждалась (см., напр.: [Лещенко, 1976, с. 177–178]). В.Ю. Лещенко пишет: «Неоднократные перекрытия одних фигур другими свидетельствует о одновременности врезанных рисунков» [Там же, с. 178]. Такая точка зрения вполне допустима, но, поскольку назначение гравировок и порядок их нанесения не известны, можно предположить, что наложение одних фигур на другие является своеобразным композиционным приемом (типа создания определенной перспективы в композиции).

Оригинальна композиция на серебряном диске из собрания МИКНС ИАЭТ СО РАН: две антропоморфные фигуры с поднятыми ногами расположены над изображением «бобра», в которое вписана фигура рыбы. По мнению А.В. Бауло, опубликовавшего находку, антропоморфные персонажи, возможно всадники, «сидят на животном» [2011, с. 245]. Можно предложить и другую интерпретацию этой композиции. Поза с поднятыми ногами для фольклорных персонажей обозначает позу полета: «Вадеси выходит на берег моря, поднимает перед собой ноги и летит»

[Головнев, 1995, с. 390]. Впрочем, обе интерпретации описанной композиции относятся к сфере гипотез и вряд ли могут иметь строгие доказательства.

Мастера серебряных блях: к проблеме возникновения протогородских центров торевтики в Предуралье. В начале II тыс. н.э. в Предуралье и на севере Западной Сибири широкое распространение получили круглые бляхи, основу которых вырезали из тонкого листа серебра или бронзы (рис. 13, 14). Вверху

Рис. 13. Бляха с гравировками из собрания МКВ им. И.С. Шемановского, г. Салехард.

Рис. 14. Бляха с гравировками из собрания МКВ им. И.С. Шемановского, г. Салехард.

у блях обязательно имелась приклепанная бронзовая петля (независимо от того, из какого материала была сделана сама бляха), а по краю – перловый орнамент. Местом изготовления этих блях были, по-видимому, протогородские центры художественного ремесла где-то в Предуралье. На некоторые бляхи наносились гравировки [Багин, 1998, с. 89–90, рис. 2/2, 3; 3/1, А, Б] или аналогичные им по технике исполнения, иконографии персонажей и расположению на бляхе изображения (см., напр.: [Бауло, 2001]). Следование мастеров древним образцам, или вернее изобразительным канонам, можно рассматривать, во-первых, как перенос традиций создания «сакральных» рисунков на металле раннего железного века – Средневековья на вполне «светские» серебряные бляхи начала II тыс. н.э.; во-вторых, как свидетельство культурной близости «мастеров блях» и их заказчиков с исполнителями гравировок на металле. Можно констатировать, что гравированные рисунки на металле демонстрируют удивительную иконографическую и композиционную общность, наполнение сцен одними и теми же персонажами, их соответствие другим видам древнего и средневекового искусства региона, в частности, бронзовой художественной пластике.

Выводы: графическое искусство как феномен древней и современной культуры севера Западной Сибири

Использование только археологического подхода к исследованию гравированных рисунков на металле породило ошибочное убеждение в том, что такие изображения были характерны лишь для определенного периода – раннего железного века и Средневековья, а потом исчезли. Действительно, гравировки на металле пока не известны в материалах ни более ранних эпох, ни периода позднего Средневековья – Нового времени (исключением является круглая серебряная бляха с изображением воина в стрелецком кафтане из мансийского святилища [Гемуев, Бауло, 1999, с. 80]). Между тем, если не брать во внимание материал, на котором выполнены рисунки, и рассматривать лишь технику нанесения, образы, иконографию и даже сцены, то очевидно, что этот, один из древнейших, видов искусства процветал на севере Западной Сибири в очень широких хронологических рамках. К сожалению, недостаточно изучены рисунки на керамических сосудах эпохи энеолита – бронзы и того же раннего железного века, практически аналогичные гравировкам на металле (см., напр.: [Чиндина, 1984, с. 224, рис. 19]). В комплексе находок с древнего святилища Усть-Полуй, кроме бронзовых блях, обнаружены изделия с гравировками из других материалов – отросток рога оленя с изображениями оленя и головы медведя,

костяной гребень с фигурой северного оленя, выполненной в технике гравировки. Гравировкам на металле аналогичен рисунок на пластине из межпозвоночного диска кита. По иконографии он «предвосхитил» средневековые гравировки на серебряных блюдах: антропоморфный персонаж в головном уборе с зубцами и двумя кинжалами в поднятых руках [Усть-Полуй..., 2003, с. 65]. Среди усть-полуйских находок известны гравировки на каменной подвеске.

Деревянные предметы с гравировками обнаружены в комплексе находок из Надымского Городка (XVII–XVIII вв.) [Кардаш, 2009, с. 278–279]. Давно известны этнографические рисунки на дереве и родовые знаки обских угров, опубликованные С.И. Ивановым [1954], но их почему-то никогда не рассматривают в контексте изучения гравировок, хотя и технически (врезанные рисунки на плоскости), и стилистически они обнаруживают поразительное сходство с рисунками на металле.

Приведенные немногочисленные данные позволяют с уверенностью констатировать, что графика в системе изобразительной деятельности населения севера Западной Сибири и Северного Предуралья занимает не менее важное место, чем художественное литье или нанесение орнаментов на керамику, дерево, бересту, мех. Она до сих пор существует в памяти и практике коренных народов Севера. В этой связи уместно вспомнить рисунки студентов Института народов Севера 1920–1930-х гг. [След..., 2011] или графические рисунки остяков и вогулов конца XIX – начала XX в. [Руденко, 1929]. Одним из наиболее выразительных проявлений современного искусства коренного населения севера Западной Сибири является графика известной художницы-хантыйки Н.М. Талигиной, отображающая быт и обычаи населения Нижнего Приобья. В последнее время Н.М. Талигина иллюстрирует эпос народа ханты. «Мне интересно иллюстрировать героический эпос моего народа», – заявляет она. Таким образом, прошлое и настоящее смыкаются и отражаются как в зеркале в графическом искусстве населения севера Западной Сибири.

Список литературы

- Багин А.Л.** Граффити из святилищ Европейского северо-востока // Северное Приуралье в эпоху камня и металла: мат-лы по археологии Европейского северо-востока. – Сыктывкар: Изд-во Коми науч. центра УрО РАН, 1998. – Вып. 15. – С. 73–91.
- Бауло А.В.** Богатырь и невеста (серебряное блюдо с р. Сыня) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 2. – С. 123–127.
- Бауло А.В.** Связь времен и культур (серебряное блюдо из Верхнего Нильдина) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004а. – № 3. – С. 127–136.

- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004б. – 160 с.
- Бауло А.В.** Древняя бронза из этнографических коллекций и случайных сборов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 260 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Святилища манси верховьев Северной Сосьвы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – 240 с.
- Головнев А.В.** Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1995. – 606 с.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 837 с.
- Казанцева Т.П., Чемякин Ю.П.** Гравировки на металлических изделиях эпохи раннего железа Приуралья и Западной Сибири // 120 лет археологии восточного склона Урала. Первые чтения памяти В.Ф. Генинга. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. – Ч. 1: Из истории уральской археологии. Духовная культура Урала. – С. 103–111.
- Кардаш О.В.** Надымский Городок в конце XVI – первой трети XVIII в. История и материальная культура. – Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2009. – 359 с.
- Комова Н.Г., Приступа О.И.** Серебро древней Югры: каталог. – Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. – 139 с.
- Мошинская В.И.** Археологические памятники севера Западной Сибири. – М.: Наука, 1965. – 87 с. – (САИ; вып. ДЗ-8).
- Мурыгин А.М.** Печорское Приуралье: эпоха средневековья. – М.: Наука, 1992. – 182 с.
- Лещенко В.Ю.** Использование восточного серебра на Урале // Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – С. 176–188.
- Приступа О.И., Стародумов Д.О., Яковлев Я.А.** Окно в бесконечность. Бронзовые зеркала раннего железного века. – Томск: ГалаПресс, 2002. – 88 с.
- Руденко С.И.** Графическое искусство остяков и вогулов // Материалы по этнографии России. – Л.: Наука, 1929. – Т. 4, вып. 2. – С. 13–40.
- Савинов Д.Г.** Изобразительные памятники раннескифского времени: искусство композиции // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012. – С. 35–55. – (Тр. Сиб. ассоц. исследователей первобыт. искусства; вып. IX).
- След метеора: альманах.** – СПб.: Palace Edition, 2011. – Вып. 298. – 131 с.
- Сокровища Приобья.** Западная Сибирь на торговых путях средневековья. – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 96 с.
- Спицын А.А.** Шаманские изображения // Зап. отд. русской и славянской археологии Русского археол. об-ва. – 1906. – Т. 8, вып. 1. – С. 29–145.
- Усть-Полуй: I в. до н.э.: каталог выставки.** – Салехард; СПб.: [б.и.], 2003. – 76 с.
- Чернецов В.Н.** Бронза усть-полуйского времени // МИА. – 1953. – № 35. – С. 121–178.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 255 с.

*Материал поступил в редколлегия 15.05.13 г.,
в окончательном варианте – 29.10.13 г.*

A b s t r a c t

Engravings on Early Iron Age and medieval metal plaques, mirrors, and imported ceramics from the northern Urals are described in the context of local art of the period. The distribution area of such drawings is determined, and new interpretations suggested. The specimens are analyzed in terms of images, iconography, scenes, and composition. Engravings on early 2nd millennium AD silver plaques are discussed in particular. All such representations display numerous iconographic and compositional similarities and the characters depicted are the same. Parallels with ancient and medieval art of northwestern Siberia and the northern Urals are revealed, especially those with bronze sculpture.

Keywords: *engravings, iconography, composition, figurative art, Western Siberia, Cis-Urals.*

УДК 903.2

С.И. Баранова

Московский государственный объединенный музей-заповедник
 пр. Андропова, 39, 115487, Москва, Россия
 E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru

МОСКОВСКИЙ ИЗРАЗЕЦ XVII ВЕКА В ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ

В статье рассматриваются способы и пути распространения форм и технологий изготовления изразцов. Их производство развивалось в Москве в конце XV – XVI в., а во второй половине XVII в. достигло массового уровня и охватило значительное число городов во всех областях Русского государства. Фиксируются разные формы распространения: покупка готовых изделий жителями других городов; трансфер технологий (передача из Москвы резных матриц для печати изображений, обучение приемам обжига и варки глазури и др.); перемещение самих мастеров-изразечников из Москвы в провинцию. Выводы основаны на сравнении обширных коллекций изразцов Москвы с продукцией новых центров производства и анализе местных изделий.

Ключевые слова: *изразец, изразцовый декор, мастер, орнамент, заказчик.*

Введение

Позднесредневековые изразцы из разных мест в границах всей России имеют явное сходство. Это характерно как для ранних стадий развития, так и особенно для периода расцвета изразцового производства во второй половине XVII столетия. В связи с обсуждением вопроса о том, что обуславливало сходство, известные исследователи изразцового искусства Н.В. Воронов и И.Г. Сахарова отмечали: «По этому поводу выдвигался ряд смелых предположений – о стандартности производства изразцов, о переездах “изразешных мастеров” из города в город, о наследовании гончарами-учениками изразцовых форм гончаров-мастеров и пользовании этими формами в дочерних мастерских, расположенных в других “местностях”, и т.п. Все же ни одно из высказанных мнений не имеет пока достаточного обоснования, и вопрос может считаться до сих пор открытым» [1955, с. 78].

«Путь» изразца

Изучение русских изразцов (как архитектурных, так и печных) позднего Средневековья выявило некото-

рое единообразие изделий на весьма обширной территории Московской Руси [Баранова, 2007]. Существовало мнение, что одни из первых керамических фасадных изделий – терракотовые плиты, которыми с конца XV до середины XVI в. украшались все столичные, а также подмосковные постройки, «строители получали из мастерских Москвы, обладавших высоким уровнем гончарного производства» [Выголов, 1975, с. 313]. Но наиболее ярко это «единообразие» проявилось во второй половине XVII в. с наступлением царства многоцветных изразцов, когда они заняли первостепенное место в наружном облике и интерьерах и рассматривались как образцы «московского вкуса». Результаты работы по выявлению и изучению всего сохранившегося круга московских изразцов позволяют уверенно сделать вывод о широком распространении столичных изделий на всей территории Русского государства.

Наиболее часто это происходило в форме поставки готовой продукции. Немногочисленные факты поставки подтверждены документально [Воронов, Сахарова, 1955]. Вопрос о происхождении изделий ввиду отсутствия об этом сведений можно решать путем сопоставления изразцов из Москвы и из других городов, например, Углича, Устюга, Ярославля, Соль-

вычегодска, Соликамска, Рязани. Происхождение некоторых изразцов представляется очевидным: они выделяются «фирменными» столочными особенностями. Среди них – варианты изразцовых панно «птицы с плодами», украсившие в 1680-х гг. колокольню церкви Космы и Дамиана в Садовниках (рис. 1)*, в 1702 г. – трапезную церкви Успения в Гончарах; такие панно (иногда с незначительными изменениями в рисунке) имеются в оформлении Иосифо-Волоцкого и Пафнутьево-Боровского монастырей, а также церкви Зосимы и Савватия в с. Фаустово под Москвой. Особое место в ряду подобных изделий занимают панно с горельефными фигурами евангелистов, которыми оформлены некоторые памятники Москвы, а также надвратная церковь Иоанна Предтечи в Солотчинском монастыре под Рязанью. Для этого же Солотчинского монастыря в Москве были закуплены изразцы с изображением херувимов (РГАДА. Ф. 1202. Оп. 1. Ед. хр. 243; рис. 2, 3).

Другим способом распространения изразцов был перенос деревянных форм (матриц) для «ценнинного дела» в местные мастерские, чему способствовала легкодоступность транспортировки. Об использовании монастырских форм свидетельствуют письменные источники, например, документ 1683 г. об их передаче в Москву: «По указу Великих Государей велено строить каменные палаты... а к тому строению для дела ценнинных образцов формы взять из Воскресенского монастыря, какие понадобятся» (цит. по: [Леонид [Кавелин], 1876, с. 105]). Установлено, что формы для изготовления фриза «павлинье око» в Воскресенском соборе Ново-Иерусалимского монастыря в Москве впоследствии были использованы для оформления Покровского собора в Измайлове, церкви Григория Неокесарийского на Большой Полянке, надвратной церкви Андреевского монастыря (подробнее см.: [Воронов, Сахарова, 1955, с. 107–110]). Пример такого способа распространения изразцов имеется в истории создания декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду: для него также использовались формы из Ново-Иерусалимского монастыря. Это подтверждается документальными данными [Розыскные дела..., 1888, стб. 855–858; Леонид [Кавелин], 1876, с. 69–70], а также результатами изучения сохранившихся изразцов, демонстрирующих поразительное сходство в рисунке и проработке рельефа с ново-иерусалимскими изделиями [Баранова, 2000].

Распространение изразцов происходило благодаря поездкам казенных мастеров из Москвы, например, для организации изразцового производства на каком-либо строительстве, для обучения местных

*Пример неожиданного использования панно (видимо, вторичного) – облицовка печи палат архиепископа в Спаском монастыре в Рязани.

Рис. 1. Изразцовое панно «птица с плодами» из декора колокольни церкви Космы и Дамиана в Садовниках в Москве. Начало 1680-х гг. Собрание Московского государственного объединенного музея-заповедника.

Рис. 2. Изразец из декора церкви Ермолая на Садовой в Москве. 1682 г. Собрание Московского государственного объединенного музея-заповедника.

мастеров, а чаще всего – для изготовления большой партии изделий. Часто московские мастера везли с собой и изразцовые формы. В столице работали киевляне и галичане, суздальцы и нижегородцы, костромичи и ярославцы [Фролов, 1991, с. 9], осваивавшие приемы московских мастеров-«ценнинников». Все это

Рис. 3. Изразцовый декор церкви Святого Духа в Солотчинском монастыре. 1695 г.

способствовало не только знакомству местных мастеров с московской технологической «кухней», но и широкому распространению столичной орнаментики. Детальное сравнение, на первый взгляд, идентичных рисунков на изразцах, найденных в разных пунктах, позволяет обнаружить малозаметные различия.

Нередкий за пределами Москвы раппорт с вазой на изразцах, например, на храме Вознесения Вяжищского монастыря под Новгородом [Выголов, 1968, с. 254], Покровской церкви в Тутаеве [Немцова, 1990, с. 344], колокольне Спасской церкви в Балахне [Там же], Спасо-Преображенской церкви в Устюге [Шильниковская, 1973, с. 222], Кузнечной башне Иосифо-Волоцкого монастыря (см.: [Воронов, Сахарова, 1955, с. 102]), а также на археологических находках из различных регионов, например, из Верхотурья (см.: [Соколова, 1998]) различаются в деталях. Видимо, при переносе рисунка на другую форму в первоначальный вариант вводились дополнительные завитки, цветы, листья и т.д. Речь идет о широком использовании полубившихся мотивов и вариантов рисунка, т.е. об одной из самых распространенных форм его «миграции» – использовании мотивов, разработанных московскими мастерами. В этой связи нельзя не отметить убранство церкви Рождества Богородицы на Молотковке в Великом Новгороде (конец XVII – начало XVIII в.). Барабан храма украшает пояс из довольно крупных стенных изразцов, которые являются уменьшенным вариантом московского панно «птица с плодами». Они изготовлены, скорее всего, местными мастерами, учитывавшими необходимые размеры, но

по московским образцам. Таким образом, памятники ряда городов представляют собой примеры и прямого копирования, и использования элементов рисунка московских изразцов.

Особенно широко и демонстративно типы изразцов, характерные для памятников Москвы, представлены в Ярославле. С этим наблюдением, сделанным еще в XIX в., впоследствии соглашались многие специалисты (подробнее см.: [Баранова, 2001, 2007, 2010]). К сожалению, никаких документальных данных о покупке московских изразцов или поездках в Ярославль столичных мастеров не найдено, а точки зрения исследователей на происхождение изразцов не совпадают. «По мнению местного археолога и глубокого знатока Ярославской старины В.И. Лествицына, изразцы в Ярославле не местные, а привозные... Представляется, что единственным источником для получения Ярославлем изразцов могла быть только Москва...» (цит. по: [Султанов, 1885, с. 62–63]). Н.Г. Первухин считал, что «несомненно, эти изразцы вышли с одного завода, конечно, местного, так как Ярославль в золотой век своего зодчества понастроил множество кирпичных заводов и гончарных мастерских, которые снабжали прекрасным материалом» [1916, с. 13].

В пользу версии о том, что изразцы были изготовлены в Москве, свидетельствуют сами ярославские изразцы. Аналоги столичных изразцов встречаются почти на всех памятниках города. Е.В. Кондратьева отмечает: «Изразцы на церкви Иоанна Предтечи в Толчкове демонстрируют очевидное сходство с мос-

ковскими изделиями» [1998, с. 412]. Многочисленными примерами сходства являются изразцы и на других ярославских памятниках. В первую очередь это крупноформатные изразцы с розетками; впервые они были использованы при оформлении Ново-Иерусалимского монастыря, затем появились в Москве и позднее – в Ярославле. Известную московскую серию повторяют ярославские изразцы с изображением птиц. Впервые такие изразцы появились в Москве на Мостовой башне в Измайлове, а затем – в убранстве колокольни церкви Николая Явленного на Арбате. Вообще изразцы с птицами буквально «разлетелись» по России; они встречаются в балахнинском, нижегородском, ростовском и борисоглебском декорах. Местные интерпретации таких изразцов известны по оформлению храмов Великого Устюга, Пскова, Коврова, Суздаля, Углича, Костромы, Соликамска, Верхотурья.

Широту распространения изразцов позволяет представить убранство Вяжицкого монастыря*. Изразцовый декор отличал церкви Иоанна Богослова и Вознесения с трапезной палатой (1694–1698) и колокольни (1708) от всех известных в новгородских землях памятников. На первый план в нем выходят известные московские изразцовые композиции, например, раппорт с изображением вазы с цветами, украшавший церковь Адриана и Натальи в Мещанской слободе и колокольню церкви Троицы в Зубове. Необычайно пышное воплощение на изразцах в Вяжицком монастыре получила тема государственного герба (подробнее см.: [Воронов, 1917; Выголов, 1968]). В убранстве собора и колокольни монастыря встречаются два вида изразцовых геральдических композиций, хорошо известных в Москве. Первый вид – четырехчастные панно в ширинчатом фризе верхнего яруса и парапета звона колокольни, построенной в 1708 г., сходные с гербовыми панно в декоре Сухаревой башни в Москве. Второй вид – раппортная композиция, такая же как на Главной аптеке в Москве, воспроизведена на Трапезной церкви Иоанна Богослова, которую возводили в Вяжицком монастыре в 1697–1698 гг. и достраивали в 1702 г. Такое насыщение изображениями государственного герба главных монастырских сооружений не могло быть случайным. По мнению В.П. Выголова, использование изразцов с гербом в постройках монастыря связано с участием Петра I в Северной войне и деятельностью митрополита Иова (1697–1716), который пользовался особым уважением и расположением самого императора и его ближайшего окружения [1968, с. 259].

Если панно с орлами представлены на колокольне полностью, то изразцовые раппорты с геральдиче-

ским орлом и с вазой – по отдельности*. Фрагменты двухрядного раппорта с орлом входят в состав однорядного фриза: они создают орнамент из чередующихся голов с крыльями и лап. Некоторые фрагменты раппорта нашли применение как вставки. Так же свободно использована композиция с вазой. Это свидетельствует о том, что изразцы были привозными, не предназначенными для конкретного сооружения, их изготовили без учета архитектурных особенностей строящихся зданий и в дальнейшем разместили на месте довольно вольно.

Итак, можно утверждать, что с появлением изразцового производства в Москве его продукция получила широкое распространение. При отсутствии документальных свидетельств о происхождении изделий типологическое сравнение является одним из важных способов выявления генезиса технологий, орнаментов и использования местных изразцовых групп в архитектуре. В этом случае поиск московских аналогов – необходимый прием. На результатах сопоставления местных и московских образцов основана гипотеза о московском происхождении изразцов Вяжицкого монастыря, памятников Углича, Ярославля, Сольвычегодска и многих других городов. При этом можно проследить местные, региональные варианты оформления изразцов и введения их в структуру декора, отличную от московской, иногда в незначительном объеме. Изучение этих региональных версий заставляет задуматься об обстоятельствах и механизмах их появления. Письменные источники, в которых упоминается о местных изразцовых производствах, крайне немногочисленны. Документальные свидетельства о многих основных центрах производства XVII в. (Ярославль, Балахна, Суздаль, Владимир) пока не известны. Однако ясно, что в таких городах, как Ярославль, Владимир, Суздаль, Балахна, Калуга, Великий Устюг, Соликамск и др., где велось крупное строительство и имелись собственные кирпичное и гончарное производства, могли возникнуть изразцовые центры.

Не вызывает сомнения широкое распространение производства красных изразцов, ведь даже небольшая мастерская могла освоить их выпуск: это не требовало больших затрат на глазурь и на оплату труда мастера, который должен был знать рецептуру глазури и справ-

*Изразцовый декор монастыря подробно проанализирован В.П. Выговым [1968].

*Использование разрозненных изразцов встречается довольно часто. Например, в Иосифо-Волоцком монастыре «некоторые раппорты собраны из разных как по рисунку, так и по раскраске изразцов, а некоторые представляют собой лишь вертикальную половину композиции» [Воронов, Сахарова, 1955, с. 106], «отдельные зеленые изразцы из этой композиции украшают фриз колокольни Александровского монастыря в Суздале... В Христорождественском Ковровском соборе разрозненно использованы все части панно» [Немцова, 1990, с. 344].

ляться с ее обжигом. В Подмосковье производство красных изразцов было налажено, например, в Троице-Сергиевом монастыре [Розенфельдт, 1968; Энгватова, Зеленцова, 2005; Щербаков, 2005]. Р.Т. Розенфельдт выделял четыре группы изразцов из Троице-Сергиевой лавры, которые он датировал 1660-ми гг. и по своеобразию сюжетов отличал от московских [1968]. Продукцией местного производства являются красные изразцы, обнаруженные во время археологических раскопок в Суздале, Владимире [Немцова, 1990, 1991а] и Рязани [Яхонтов, 1927]. Красные изразцы находят повсюду: на Новгородчине [Яковлева, Жегурова, 2006], в Казани [Ситдинов, 2006], Сибири [Черная, 2002].

Сохранились сведения о существовании в XVII в. собственного производства изразцов в Переславле-Залесском. В монастырских приходно-расходных книгах за 1687–1688 гг. имеется пять упоминаний о покупке изразцов для сооружения и ремонта печей в жилых помещениях с указанием имени гончара: «...дано за израсцы и от кладен(ь)я переславцу Андрею Корнилову...» (цит. по: [Белецкий, 2008, с. 180]).

О производстве изразцов в тех или иных городах свидетельствуют и археологические находки. Например, в Балахне были обнаружены остатки горнов для обжига изразцов [Немцова, 1991б].

Доказательством деятельности изразцового центра в определенном городе является наличие в нем памятников, оформленных большим количеством изразцов, а также находках, объединенных комплексом общих специфических характеристик [Немцова, 1991в, с. 6–7]. Этот критерий, использованный при изучении изразцового производства, вполне соотносим с масштабами изразцового убранства ряда городов.

Вероятнее всего, в XVII, а часто и в XVIII в. изразцовое дело было частью кирпичного и гончарного производства. В местных мастерских сосуществовали два территориально не разделенных производства: по изготовлению посуды или кирпича и изразцов. Чаще всего изготовление изразцов сочеталось с гончарным производством.

Не вызывает сомнения, что продукцией местного производства были муравленые изразцы середины – второй половины XVII в., изготовленные в печах корпуса монастырских келий Александровской слободы*. Их отличают не имеющая аналогов горшкообразная высокая румпа и низкорельефный ковровый орнамент.

Изучение изразцов Соловецкого монастыря показало, что стеновые изразцы прямых аналогов не имеют, в то время как «изразцы вспомогательной группы

в ряде случаев в точности совпадают с изразцами других музейных коллекций и с изразцами печей Москвы и Ярославля» [Петровская, 2006, с. 258]. Вероятно, изразцы дополнительной группы монастырь покупал на материке, стеновые же изразцы, более тяжелые и хрупкие, что затрудняло их перевозку, изготавливали на месте местные либо приглашенные мастера.

О местном производстве свидетельствуют некоторые особенности конструкции (румпа) и характера изображений изразцов Великого Устюга – одного из крупнейших торговых городов Севера. Архитектурный облик города начал складываться во второй половине XVII в., в период активного использования многоцветных изразцов в убранстве зданий. А.В. Филиппов отмечал, что оригинальность и неповторимость румпы изразцов Великого Устюга «помогли установить по этому и ряду других признаков существование на Севере одного из крупных самостоятельных центров изразцового производства, которое может быть объединено понятием Северо-Двинской школы» [1938, табл. 16]. Однако толчком к использованию изразцов в декоре архитектурных памятников Великого Устюга XVII в. явился опыт Москвы. Впервые в Великом Устюге изразцы нашли применение при возведении Вознесенской церкви, они были изготовлены в Москве*. Но уже во второй половине столетия устюжские изразцы, копируя московские образцы, обогащаются новыми элементами, которые нередко трансформируют сюжет (подробнее см.: [Лисенкова, 2010]). Особенности трактовки известных орнаментов в декоре памятников Устюга свидетельствуют об изготовлении изразцов непосредственно на месте.

Уральский и сибирский «путь» изразца обозначен памятниками с изразцовым декором – это Троицкий собор и Богоявленская церковь в Соликамске, Троицкий собор в Верхотурье и др. Известно, что богатейшее изразцовое убранство имела утраченная к настоящему времени церковь Благовещения в Тюмени (1700–1708): «наличники окон и дверей были украшены изразцами из поливной керамики зеленых и фиолетовых тонов. Майоликовые вставки с рельефными изображениями виноградных лоз завершали стены храма под угловыми колонками. Верхнюю часть повышенного объема храма – четверика – украшали также майоликовые вставки, а на глухой части северного фасада трапезной располагалось большое и красочное майоликовое панно – “травы”. Значительную роль в архитектуре храма играл подкарнизный пояс, выполненный из майоликовых плит, на которых витиеватой славянской вязью написано о времени сооружения церкви и причастных к строительству лицах» [Проскуракова, 1986, с. 114–115].

*Хранятся в собраниях Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода», Государственного Исторического музея, Московского государственного объединенного музея-заповедника.

*О московском происхождении изразцов Вознесенской церкви см.: [Маслих, 1983, с. 13; Немцова, 1991а, с. 91].

Почти столичная пышность изразцового убранства строений на периферии неудивительна. Известно, что в изготовлении изразцов участвовали московские умельцы, входившие в присланные из Москвы «отряды квалифицированных мастеров» [Там же]. В 1680-х гг. в Тобольске работал московский мастер Герасим Шарыпин, который делал «образцы муравленые и печи» [Черная, 2002, с. 65]. С именем Тимофея Марковича Гусева из московской Гончарной слободы, направленного в 1699 г. в Верхотурье для сооружения каменных построек, связывают и изразцовое убранство городского Троицкого собора [Копылова, 1979, с. 132–133]. Сюда же в 1700 г. были доставлены «черепичные станки да глина, из которой на Москве делают печные образцы и черепицу» [Каптиков, 1990, с. 166]. На территории Верхотурского кремля в 1980–1990 гг. были обнаружены следы керамической мастерской для производства поливной строительной керамики [Соколова, 1998, с. 165].

В обязанности приезжих мастеров входило и обучение «черепишному простому и муравленому и печному образцовому делу в год человек 5 или 6 ис кирпичников, ис пешников, ис горшешников, ис каменщиков» [Черная, 2002, с. 65], после чего вскоре у горнов встали местные мастера. Отсюда разнообразие отличительных черт изразцов Урала и Сибири. В одних случаях это откровенные реплики, позволяющие предположить московское или иное (например, поволжское) производство, в других – изразцы с региональными особенностями, свидетельствующими о местном производстве, но и в них зачастую отражен импульс, пришедший «с Руси».

Заключение

Позднесредневековый изразец – незаменимый источник сведений, расширяющий наши представления о столичном и провинциальном производствах, о том, как создавались региональные школы с оригинальными, присущими только местному производству особенностями. Большая часть школ сформировалась непосредственно под влиянием Москвы и лишь некоторые – самостоятельно. Все региональные версии несут отпечаток московской традиции, которая продолжала существовать в провинции до середины XVIII в., когда в Центре изразец на фасаде уже давно исчез.

Список литературы

Баранова С.И. К истории создания изразцового декора церкви Параскевы Пятницы в Охотном ряду // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – М.:

Музей истории города Москвы, 2000. – Ч. 3. – С. 205–213. – (Тр. Музея истории города Москвы).

Баранова С.И. К вопросу о московских аналогиях в изразцовом декоре ярославских церквей XVII в. // Научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль: Аверс Пресс, 2001. – Вып. V. – С. 99–109.

Баранова С.И. Миграция московских изразцов // Коломенское: Материалы и исследования. – М.: Мос. гос. объедин. музей-заповедник, 2007. – Вып. 9. – С. 64–78.

Баранова С.И. Московские изразцы: формы миграции // XIV научные чтения памяти И.П. Болотцевой. – Ярославль: Аверс Пресс, 2010. – С. 119–128.

Белецкий Д.В. Производство печной керамики в конце XVII века в Переславле-Залесском // Зубовские чтения. – М.: Гос. историко-архитект. и худож. музей-заповедник «Александровская Слобода», 2008. – Вып. 4. – С. 179–183.

Воронов В.С. Керамика Вяжицкого монастыря // Изв. Археол. комиссии. – М., 1917. – Вып. 64. – С. 32–39.

Воронов Н.В., Сахарова И.Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов // Материалы и исследования по археологии Москвы. – М.: ИА АН СССР, 1955. – Т. 3. – С. 77–115.

Выголов В.П. Монументально-декоративная керамика Новгорода конца XVII в. (Изразцы Вяжицкого монастыря) // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. – М.: Наука, 1968. – С. 237–267.

Выголов В.П. Русская архитектурная керамика конца XV – начала XVI в. // Древнерусское искусство: Зарубежные связи. – М.: Наука, 1975. – С. 282–317.

Каптиков А.Ю. Каменное зодчество Русского Севера, Вятки, Урала XVIII в. Проблемы региональных школ. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1990. – 184 с.

Кондратьева Е.В. Изразцы церкви Иоанна Предтечи в Толчкове // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1997. – М.: Наука, 1998. – С. 399–415.

Копылова С.В. Каменное строительство в Сибири: Конец XVII – XVIII в. – Новосибирск: Наука, 1979. – 255 с.

Леонид [Кавелин], архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именованного, монастыря. – М.: [Университет. тип. (Катков) на Струнном бульваре], 1876. – 770 с.

Лисенкова Ю.Ю. Фасадная керамика Великого Устюга XVII – первой половины XVIII века: (предпосылки возникновения и развития) // Вестн. Моск. гос. худож. ун-та им. С.Г. Строганова. – 2010. – № 4. – С. 94–107.

Маслих С.А. Русское изразцовое искусство. – М.: Изобраз. искусство, 1983. – 270 с.

Немцова Н.И. Новые материалы о суздальском изразцовом искусстве // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник, 1989. – М.: Наука, 1990. – С. 341–349.

Немцова Н.И. Владимиро-суздальские рамочные изразцы // Памятники русской архитектуры и монументального искусства: Пространство и пластика. – М.: Наука, 1991а. – Вып. 4. – С. 75–94.

Немцова Н.И. Балахнинские изразцы // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: мат-лы науч. конф. – Ниж. Новгород, 1991б. – С. 171–179.

Немцова Н.И. Методика исследования, реставрации и реконструкции изразцовых печей XVII–XVIII вв. на материале Владимирской области: автореф. дис. ... канд. архитектуры. – М., 1991в. – 24 с.

- Первухин Н.Г.** Церковь Богоявления в Ярославле. – Ярославль: Изд-во Ярослав. худож. об-ва, 1916. – 26, [1] с. +[13] л. ил.
- Петровская Л.А.** Поливные плиты и изразцы // Наследие Соловецкого монастыря в музеях Архангельской области: каталог / сост. Т.М. Кольцова. – М.: Сканрус, 2006. – С. 255–268.
- Проскурякова Т.С.** О традиционализме в монументальной архитектуре Сибири XVIII в. // Архитектурное наследство. – М., 1986. – Вып. 41. – С. 113–124.
- Розенфельд Р.Л.** Серия изразцов мастерской Троице-Сергиева монастыря // Славяне и Русь. – М.: Наука, 1968. – С. 463–467.
- Розыские дела** о Федоре Шакловитом и его сообщниках. – СПб.: [Изд. Археограф. комиссии], 1888. – Т. 3. – 726 с.
- Ситдииков А.Г.** Казанский Кремль: историко-археологическое исследование. – Казань: Фолиант, 2006. – 288 с.
- Соколова Н.Е.** Изразцы Верхотурского кремля // Археологические и исторические исследования Верхотурья. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбург. гос. ун-та, 1998. – С. 165–170.
- Султанов Н.В.** Изразцы в древнерусском искусстве // Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. – СПб.: [Изд. А. Прохоровым], 1885. – Т.4. – 63 с.
- Филиппов А.В.** Древнерусские изразцы XVII века. – [Б.и.]. – 1938. – Вып. II [Электронный ресурс]. – URL: www.ibm.bmstu.ru/departments/ibm4/prep/menyaev/I_site/terracota.html (дата обращения: 13.10.2013).
- Фролов М.В.** Мастера-изразчники Москвы XVII – начала XVIII века. – М.: Ин-т Спецпроектреставрация, 1991. – 70 с.
- Черная М.П.** Томский Кремль середины XVII – XVIII в. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002. – 187 с.
- Шильниковская В.П.** Великий Устюг (развитие архитектуры города до середины XIX века). – М.: Стройиздат, 1973. – 228 с.
- Щербаков В.В.** Новые находки красных изразцов XVII века в Троице-Сергиевой лавре // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 107–110.
- Энговатова А.В., Зеленцова О.В.** Исследование участка кладбища XVI–XVII веков на территории Троице-Сергиевой лавры // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. – М., 2005. – Вып. 2. – С. 78–87.
- Яковлева Л. П., Жегурова О.В.** Изразцы в собрании Новгородского музея: каталог выставки. – Великий Новгород: Моби Дик, 2006. – 136 с., илл.
- Яхонтов С.Д.** Красные изразцы в собраниях Рязанского областного музея // Рязанский государственный областной музей: Исслед. и мат-лы. – Рязань: Ряз. гос. обл. музей, 1927. – Вып. 1. – С. 5–11.

Материал поступил в редколлегию 14.11.13 г.

A b s t r a c t

Based on the comparison of large collections of 15th–18th century Russian decorative tiles from Moscow and other Russian manufacturing centers, their typology is proposed, and the technology of their manufacture is reconstructed. The production of decorative tiles began in the late 15th century, and reached its peak in the second half of the 17th century, when it spread to other towns throughout all provinces of Russia. Tiles were distributed in various ways being imported to other cities and their technologies being transferred. Carved templates used for printing were exported from Moscow, skills of firing, preparing glaze, etc. were taught, and artisans themselves traveled from Moscow to various other provinces.

Keywords: *tiles, tile pattern, artisan, ornament, customer.*

Ю.С. Худяков

Институт археологии и этнографии СО РАН
 пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
 E-mail: khudjakov@mail.ru

ЖЕНСКИЕ УКРАШЕНИЯ У НАСЕЛЕНИЯ ХУННО-СЯНЬБИЙСКОЙ ЭПОХИ В ДОЛИНЕ РЕКИ ЭДИГАН В ГОРНОМ АЛТАЕ (по материалам раскопок могильника Улуг-Чолтух)*

В статье анализируются украшения из женских погребений могильника Улуг-Чолтух, расположенного на правом берегу р. Эдиган, правого притока р. Катунь в Горном Алтае. Обнаруженные во время раскопок украшения для головы и шеи носили представительницы кочевого населения, которое оставило памятники айрыдашского типа. Некоторые женщины были погребены с набором головных украшений, включившим бронзовые и железные пластины, подвески, бляшки, бусы, бронзовые бляхи. Изучение этих находок позволило реконструировать украшения для головных накидок и кос, серьги и ожерелья и сделать предположение о принадлежности различных наборов украшений женщинам разного возраста.

Ключевые слова: женские украшения, головные уборы, прически, ожерелья, памятники хунно-сяньбийской эпохи, Эдиган, Горный Алтай.

Введение

Украшения являются важной частью женского костюма в традиционных культурах многих народов мира. Они широко представлены в предметных комплексах древних и средневековых кочевых этносов степного пояса Евразии. Эти вещи во многом определяли этнокультурный облик, социальный статус, принадлежность женщины к определенной возрастной группе. Во многих кочевнических культурах украшения несли эстетическую и знаковую нагрузку, служили амулетами-оберегами, символически охраняли женщин, в частности их репродуктивную функцию, от потенциально вредоносных внешних воздействий. Некоторые металлические, например серебряные, изделия обладали бактерицидными свойствами, поэтому в традиционных культурах древних и средневековых

этносов они находили широкое применение в качестве оберегов [Худяков, 1996, с. 27; Худяков, Борисенко, 2003, с. 103–104]. Особую группу составляют предметы, использовавшиеся для декорирования головных уборов, причесок, украшений для ушей и шеи [Михайлова, 2005, с. 75–90].

Исследователи, изучавшие украшения женских головных уборов у некоторых тюркских народов Евразии, отмечали, что на них сохранились оригинальные узоры, не встречающиеся в орнаментации других видов костюмных комплексов. Согласно сложившимся в науке представлениям, в культурах евразийских номадов головные уборы выполняли особенно важную знаковую роль во время брачных ритуалов. В традиционных культурах некоторых тюркских этносов богато украшенные, узорчатые головные уборы выступали символами брака, они были призваны способствовать воспроизводству женщинами, вступающими в брак, здорового потомства [Давлетшина, 2006, с. 37]. В периоды древности и Средневековья кочевое население Саяно-Алтая и всего Центрально-Азиатского исто-

*Работа выполнена по плану НИР X.100.2.2. «Саяно-Алтайская горная страна в эпоху палеометалла и Средневековья. Блок 2. Гуннская эпоха».

рико-культурного региона использовало различные виды украшений для оформления женских головных уборов, причесок, ожерелий.

Исследователи древних и традиционных культур Северной Азии – археологи и этнографы – неоднократно обращались к изучению женских головных уборов, остатки которых были найдены при раскопках погребальных комплексов разных народов Сибири [Окладникова, 1995, с. 171, 174, 176]. Ими были рассмотрены и проанализированы головные украшения – повязки, пластины, венцы, наконечники, серьги и височные подвески многих коренных народов Северной Азии, в т.ч. Саяно-Алтая [Михайлова, 2005, с. 64–73]. В некоторых случаях анализ этих украшений позволил ученым реконструировать женские головные уборы.

Во время раскопок позднесредневековых женских захоронений на погребальном памятнике селькупского этноса Мигалка в Среднем Приобье найдены металлические налобные пластины – очелья и крепившиеся к ним подвески. На основе их изучения был реконструирован набор украшений женского головного убора селькупов – самодийского народа, населявшего в Средние века таежные районы Среднего Приобья [Чиндина, 1995, с. 180–183].

Описание украшений

Разнообразные предметы, с помощью которых оформлялись головные уборы, прически и ожерелья, характерные для женского костюмного комплекса древнего кочевого населения Горного Алтая хунно-сяньбийской эпохи, зафиксированы во время раскопок женских погребений на могильнике Улуг-Чолтух, расположенном в долине р. Эдиган – правого притока р. Катунь, в ее среднем течении. Ранее сотрудниками Южно-сибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН на этом могильнике было раскопано несколько женских захоронений, сопроводительный инвентарь которых включал металлические и каменные украшения. Большая часть этих предметов находилась в области черепа и шейных позвонков погребенных женщин [Худяков, 2003, 2005, 2007, 2009; Борисенко, Худяков, 2008].

Умершие захоронены под пологими овальными выкладками из скальных обломков. Площадь овальных насыпей от 2×1 до 3×2 м, высота – 0,1 м. Тела умерших были помещены в прямоугольные могильные ямы глубиной 0,8–1,1 м, ориентированные длинной осью по линии запад – восток. В большей части могильных ям вдоль стен были установлены каменные плиты, которые образовали каменные ящики с несомкнутыми стенками. В некоторых из них зафиксированы остатки истлевших деревянных рам и пере-

крытий могил. На дне могильных ям находились скелеты взрослых женщин и девушек разного возраста. Как правило, умерших женщин хоронили одиночно. Редко костяк женщины находится в одной могильной яме вместе с мужчиной или детьми. Согласно расположению костных остатков, умершие были уложены на дне могильной ямы на спине, в вытянутом положении, головой чаще всего на восток и очень редко – на запад. В некоторых случаях при погребении голова была повернута лицевой частью к северу, руки согнуты в локтях, одна или обе ноги слегка согнуты в коленях. Около черепа и шейных позвонков большей части погребенных женщин обнаружены бронзовые и железные пластины, бляшки, обоймы, подвески, бусины. В некоторых случаях подвески и пряжки находились среди костей грудной клетки и таза умерших.

По особенностям надмогильных сооружений, форме могильных ям, каменных ящиков и деревянных конструкций, обряду захоронения, составу и облику сопроводительного инвентаря погребения, раскопанные на могильнике Улуг-Чолтух, можно отнести к памятникам айрыдашского типа, получившим распространение на средней Катуни во второй четверти I тыс. н.э., в пределах хунно-сяньбийского времени. Данный тип памятников был выделен А.С. Суразаковым в начале 1990-х гг. по материалам изучения могильника Айрыдаш, расположенного в окрестностях с. Куюс в долине Катуни [1992, с. 96–97]. Одни исследователи подобные памятники причисляют к кокпашскому типу, или кокпашской группе памятников [Елин, 1990; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 33–34, 42–43]. Другие археологи все памятники хунно-сяньбийской эпохи в Горном Алтае предлагают ассоциировать с булан-кобинской культурой [Тишкин, Горбунов, 2003, с. 137].

Разнообразные предметы, обнаруженные в нескольких одиночных женских захоронениях памятника Улуг-Чолтух (кург. № 15, 29, 38, 44, 46; рис. 1–3), позволяют реконструировать наборы женских головных и шейных украшений.

В кург. № 15 раскопано женское захоронение с набором украшений, предназначенных для ношения на голове и шее. Перед лобной частью черепа погребенной находилась изогнутая налобная пластина из бронзы. На обоих ее концах имеются отверстия для крепления пластины к матерчатой основе. В области затылочной части черепа и шейного отдела позвоночника обнаружены бронзовая изогнутая пластинчатая обойма с отверстиями на обоих концах и две бронзовые округлые, полусферические нашивные бляшки с отверстиями. Ниже лежали две бронзовые пронизки. На костях левой руки в месте локтевого сгиба погребенной находился каменный сферический диск с округлым отверстием в центре (рис. 4).

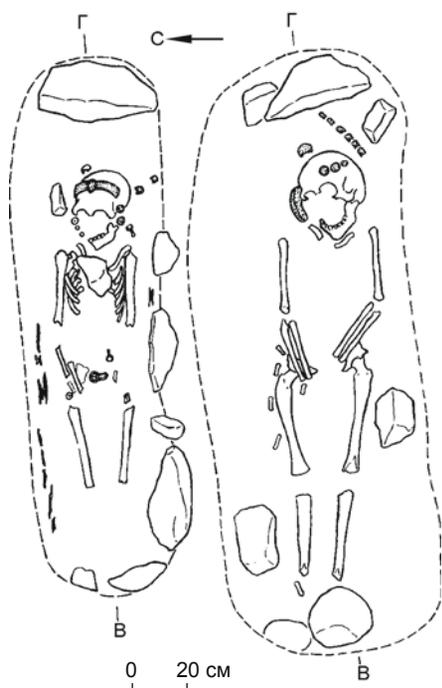

Рис. 1. Планы женских погр. № 38 и 44. Могильник Улуг-Чолтух.

Рис. 2. Погребение № 38. Могильник Улуг-Чолтух.

Рис. 3. Погребение № 44. Могильник Улуг-Чолтух.

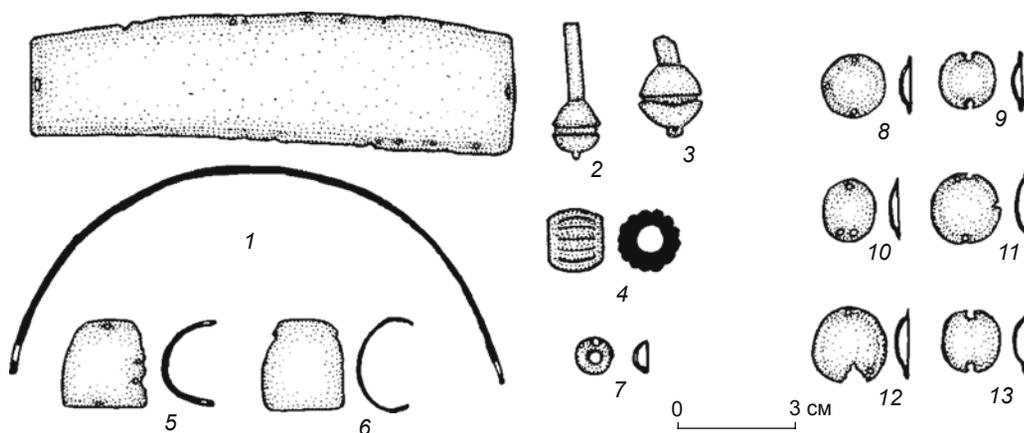

Рис. 4. Набор украшений из женского погребения в кург. № 15. Могильник Улуг-Чолтух.

В кург. № 29 раскопано женское погребение с разнообразными головными украшениями. По контуру лобной и теменной частей сильно поврежденного черепа и под ним были найдены бронзовые пластины с отверстиями на концах. На лобной кости обнаружена изогнутая прямоугольная пластина – очелье с отверстиями на обоих концах, поверхность которой украшена тремя рядами пуансонов. Под черепом лежали длинные узкие пластинки с отверстиями на обоих концах. Конец одной из них был обломан. За теменной частью черепа находились фрагменты железной изогнутой пластины с закругленными концами. В области затылочной части черепа лежали бронзовая пластинка пла-

мевидной формы с двумя отверстиями и насечкой по внешнему краю, а также каменная подвеска с отверстием, в которое продет тонкий ремешок. Перед лицевой частью черепа и под ним находились клыки кабарги с отверстиями для подвешивания, сильно поврежденный роговой гребень, поверхность которого украшена елочным орнаментом. В области черепа обнаружены железная обойма и бронзовая подвеска в виде двухчастного шарика с кожаным наполнением (рис. 5).

В кург. № 38 зафиксировано погребение молодой женщины. На черепе у нее находилась бронзовая изогнутая налобная пластина с отверстиями по всему периметру и кожаной обмоткой в центральной части.

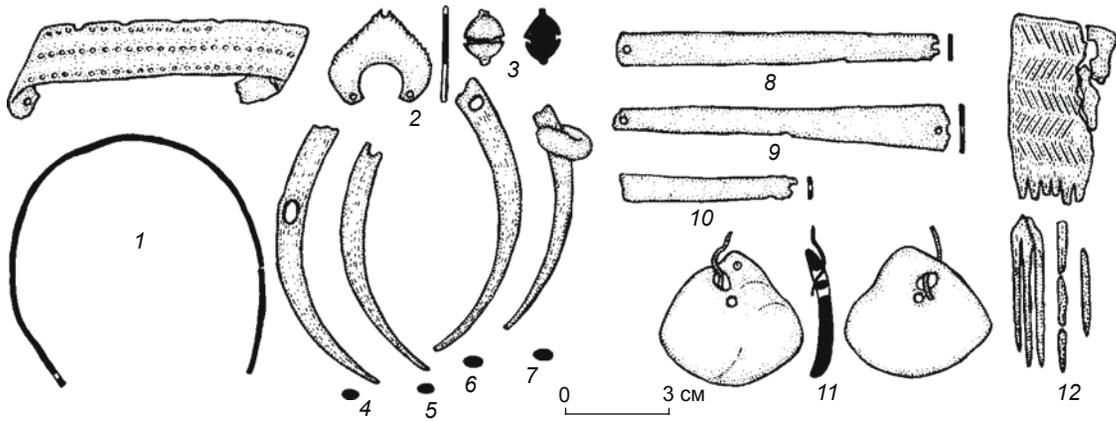

Рис. 5. Набор украшений из женского погребения в кург. № 29. Могильник Улуг-Чолтух.

Череп оконтуривали бронзовые полусферические и двойные сферические бляшки, конические бронзовые трубочки с двухчастными шариками и кожаным заполнением внутри, крупная каменная дольчатая бусина (рис. 6).

В кург. № 44 в области черепа погребенной обнаружены железная налобная пластина, бронзовые пластины и полусферические бляшки. За теменной частью черепа на одной линии располагались десять бронзовых обоем (см. рис. 1, 3).

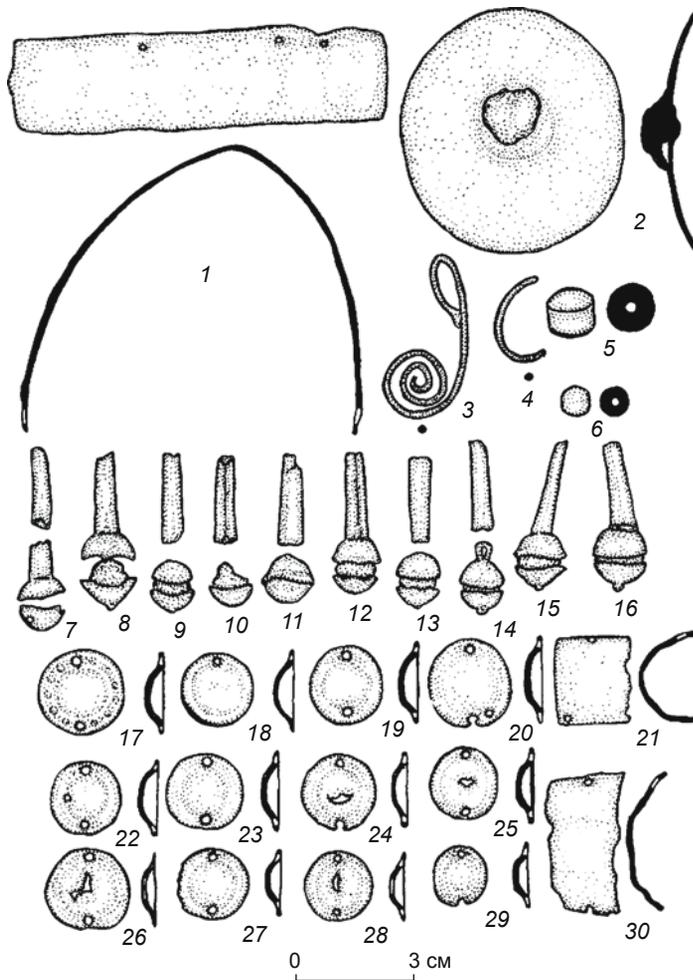

Рис. 6. Набор украшений из женского погребения в кург. № 38. Могильник Улуг-Чолтух.

Большой набор украшений зафиксирован в женском захоронении в кург. № 46. По контуру черепа погребенной лежали бронзовые предметы – обоемы с отверстиями, полусферические нашивные бляшки с отверстиями, подвески-трубочки с двухчастным шаровидным окончанием и кожаным заполнением, изогнутая пластина, проволочное кольцо со спиралевидным окончанием, а также каменные бусины. Под нижней челюстью и в области грудной клетки находились большая бронзовая бляха со сферическим выступом в центре и роговая пластина с выступами по бокам, украшенная с внешней стороны циркульным орнаментом. Отдельные подвески и бляшки оказались в области костей таза и левой ноги погребенной (рис. 7).

Еще в нескольких раскопанных одиночных женских погребениях в кург. № 39, 47, 48 обнаружены отдельные головные женские украшения, бронзовые и железные налобные пластины, бронзовые подвески, бляхи со сферическим выступом в центре, бляшки и обоемы. Эти находки демонстрируют достаточно близкое типологическое сходство с головными и шейными украшениями из всех других одиночных могил. Наборы различаются только по наполнению отдельными деталями. Весьма редки в женских захоронениях уникальные предметы. В могилах, где женщины похоронены вместе с мужчинами или детьми, украшений очень немного или они вовсе отсутствуют.

В кург. № 1 находилось парное захоронение мужчины и женщины. Скелет женщины лежал

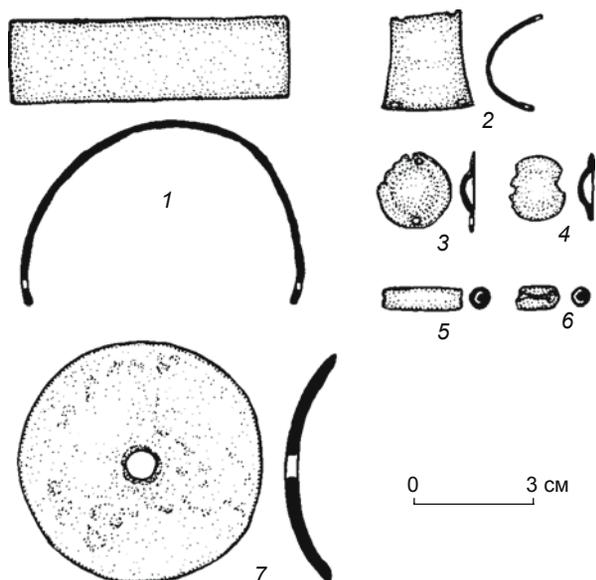

Рис. 7. Набор украшений из женского погребения в кург. № 46. Могильник Улуг-Чолтух.

вдоль южной стенки могилы, к югу от костяка мужчины. В области грудной клетки женского скелета была каменная бусина, под тазовыми костями – железное кольцо, между бедренными костями – железное шило и костяные трубки.

В кург. № 23 в центре могильной ямы находился костяк женщины без каких-либо вещей. Полный скелет ребенка располагался к северу от женского костяка, вдоль северной стенки могильной ямы. Среди костей детского скелета обнаружены украшения и поясная пряжка. Около костей левой ноги найдены кости конечностей второго ребенка.

В кург. № 37 тела трех умерших – двух мужчин и одной женщины – были захоронены в одной могиле последовательно одно поверх другого. Тело женщины было помещено в могильную яму поверх костей конечностей первого погребенного. Женщину положили на спине, со сложенными под подбородком «в молитвенной позе» кистями. Вокруг ее черепа находились бронзовые и железные бляшки и стерженьки, которые, вероятнее всего, входили в состав украшений головного убора. Выше был захоронен еще один мужчина.

Наличие похожих деталей позволяет реконструировать несколько вариантов набора головных украшений, а также изделий для декорирования прически и шеи, характерных для определенной категории женщин этнической группы древних кочевников, населявших долину Эдигана в хунно-сяньбийскую эпоху, к которой относятся памятники айрыдашского типа.

Наличие в одном захоронении памятника Улуг-Чолтух костяного гребня, а в большей части женских погребений – бронзовых несомкнутых обойм по-

зволяет предположить, что женщины длинные, расчесанные волосы заплетали в одну косу или собирали в пучок, который затем скрепляли на затылке бронзовыми, значительно реже железными, обоймами. Для сохранения прически требовалось от одной до десяти таких обойм. У погребенной в кург. № 15 волосы были скреплены одной обоймой (рис. 8, 1). У женщины из кург. № 29, помимо обоймы, нижний конец косы украшали пламевидная подвеска и бронзовый двухчастный шарик (рис. 8, 2). У женщины из кург. № 38 косу скрепляли две бронзовые обоймы (рис. 8, 3). Косу женщины, погребенной в кург. № 46, украшали шесть обойм (рис. 8, 4). Коса женщины из кург. № 44 была скреплена наибольшим количеством обойм – десятью. Во всех случаях, когда удалось это определить, металлические обоймы скрепляли одну косу или пучок волос.

Женщины, вероятно, покрывали свои расчесанные и заплетенные в косу или собранные в пучок волосы матерчатой накидкой, оформленной бронзовой или железной дуговидной налобной пластиной, которая служила для украшения и закрепления накидки на голове. В исследовании о головных украшениях сель-

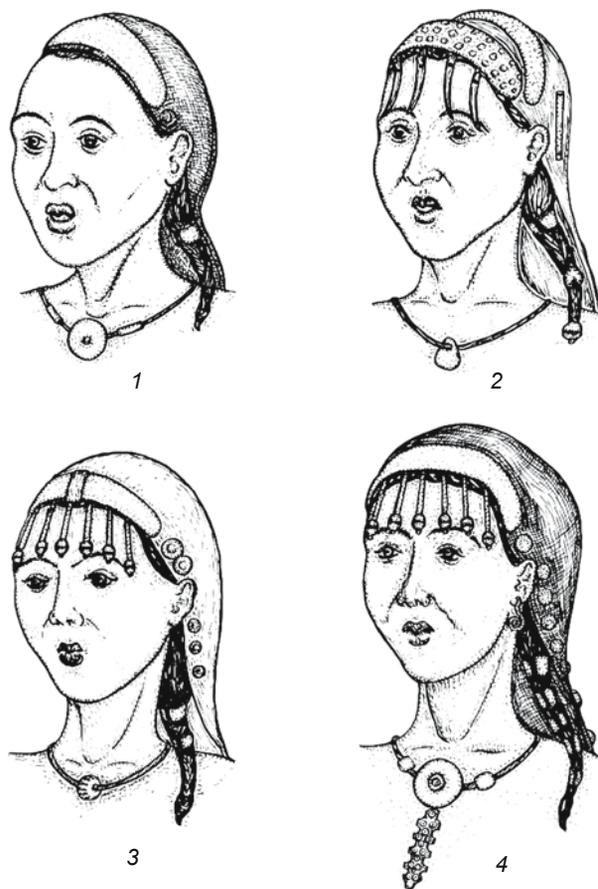

Рис. 8. Реконструкция наборов женских головных и шейных украшений из могильника Улуг-Чолтух.

1 – кург. № 15; 2 – кург. № 29; 3 – кург. № 38; 4 – кург. № 46.

купских женщин похожая пластина названа очельем [Чиндина, 1995, с. 181]. Наличие отверстий позволяет предположить, что налобную пластину крепили или пришивали к передней части накидки. В кург. № 29 было сразу две пластины – бронзовая с пуансонным орнаментом и железная. Они располагались на черепе погребенной женщины. Вероятно, пластины крепились к накидке последовательно одна за другой, а не накладывались одна на другую. В состав украшений большей части накидок входили бронзовые полусферические бляшки. Можно предположить, что такие бляшки украшали края накидки по обеим сторонам от налобной пластины. В состав украшений накидки из кург. № 29 входили три продолговатые бронзовые пластины с отверстиями на концах. Как именно они крепились к накидке – трудно представить. Возможно, их пришивали к краю матерчатого покрытия, свисающего с боков и сзади (рис. 8, 1, 3, 4).

Подобные полусферические бляшки достаточно широко известны в составе набора как нашивные украшения, крепившиеся к шелковой накидке, которой покрывали голову носительницы булан-кобинской культуры Горного Алтая в предшествующую историческую эпоху. Очень похожие золотые бляшки были обнаружены на головном уборе мумифицированной женщины в захоронении на могильнике Усть-Эдиган, расположенном в одном археологическом микрорайоне, что и памятник Улуг-Чолтух [Худяков, 1991, с. 63–64; Khudjakov, 1995, Fig. 9, 10].

Налобная часть некоторых накидок дополнительно украшалась различными подвесками. В головном уборе женщины из кург. № 29 это были клыки, вероятно, кабарги. Набор включал четыре такие подвески с овальными отверстиями для подвешивания. С учетом места расположения эти подвески крепились к накидке под налобной пластиной (рис. 8, 2). У женщин, погребенных в кург. № 38 и 46, налобная часть накидок дополнена бронзовыми подвесками в виде трубочек и двухчастных шариков, нанизанных на кожаные ремешки (рис. 8, 3, 4). В наборе головных украшений женщин, захороненных в кург. № 38, 39, 46 и 47, было от двух до десяти таких подвесок. Подвески крепились предположительно к нижнему краю налобной части пластины и свисали до бровей или даже ресниц женщины.

В большей части женских захоронений не обнаружено серег. Для женщины, погребенной в кург. № 46, в качестве ушных украшений, возможно, служили бронзовые проволочные кольца (одно обломанное, другое спиралевидное) (рис. 8, 4).

В области головы, шеи и грудной клетки погребенных женщин найдены крупные бляхи, подвески, пронизки и бусины. Они могли входить в состав шейных украшений. К числу подобных украшений женщины, захороненной в кург. № 15, могут относиться две

бронзовые пронизки и каменный сферический диск с округлым отверстием в центре (рис. 8, 1). В наборе украшений женщины, захороненной в кург. № 29, имеется каменная подвеска с двумя отверстиями, в одном из которых сохранился обрывок кожаного шнура. Вполне возможно, что эту подвеску на шнурке женщина носила на шее. У погребенной в кург. № 38 в области ключицы была обнаружена крупная каменная бусина с ребристой поверхностью – вероятнее всего, шейная подвеска (рис. 8, 3). В кург. № 46 под нижней челюстью женщины находились крупная бронзовая бляха со сферическим выступом в центре, две каменные бусины и роговая пластинка с боковыми выступами, украшенная циркульным орнаментом (рис. 8, 4). Близкая по форме бронзовая бляха со сферическим выступом и отверстием в центре имеется в составе сопроводительного инвентаря из женского захоронения в кург. № 47. В двух могилах каменный сферический диск и бронзовая бляха с отверстием в центре находились на кости левой руки (в месте локтевого сгиба) женщин.

Обсуждение результатов

Найденные в ходе раскопок женских погребений на могильнике Улуг-Чолтух предметы, входившие в состав ожерелий, украшений для головных уборов и причесок, позволяют составить представление о функционировании подобных принадлежностей женского костюмного комплекса в культуре айрыдашского кочевого населения, проживавшего в хунно-сяньбийскую эпоху в долинах Катуня и ее притоков на территории Горного Алтая. С учетом состава наборов женских украшений в большей части раскопанных могил можно предположить, что в среде древних кочевников, населявших долину Эдигана во второй четверти I тыс. н.э., придавалось большое значение декорированию головы и волос женщин и девушек. Волосы было принято расчесывать, заплетать в косу или собирать в пучок на затылке и скреплять их одной или несколькими обоями. В редких случаях на концах косы украшались подвесками. Орнаментированным гребнем, обнаруженным под черепом одной из погребенных женщин, возможно, не только расчесывали волосы, но и скрепляли прическу. Айрыдашские женщины покрывали голову матерчатыми накидками с налобными нашивными пластинами, бляшками, накладками. Переднюю часть накидки украшали не только налобной пластиной, но и бронзовыми подвесками, клыками животных. Представительницы айрыдашского кочевого населения редко использовали ушные украшения; найдены лишь изделия, напоминающие серьги из проволоки, закрученной в спираль. В набор женских шейных

украшений входили крупные округлые бронзовые и каменные бляхи, подвески, бусы, пронизки.

У номадов, оставивших памятники айрыдашского культурного типа, вероятно, именно волосы женщины ассоциировались с ее репродуктивной функцией, способностью родить здоровое потомство, продолжением рода. Реконструированные наборы украшений характерны для одиночных погребений зрелых и молодых женщин детородного возраста. Некоторые различия в наборах украшений могут быть обусловлены принадлежностью погребенных к разным возрастным группам в составе родоплеменного коллектива, которому принадлежал могильник Улуг-Чолтух. В традиционных культурах народов Южной Сибири украшения, которые должны были носить девушки и замужние женщины, различались [Михайлова, 2005, с. 101]. Наиболее «богатые» наборы украшений могли принадлежать незамужним девушкам: их способность к деторождению должна была быть передана живым соплеменницам.

Предположение о том, что выявленный в ходе исследований набор украшений было принято помещать в могилы не всем женщинам, а только молодым девушкам, находит подтверждение в этнографических материалах. Согласно данным о традиционной заупокойной обрядности некоторых народов севера Сибири, украшения, предназначенные для свадебной одежды, входили и в комплекс погребальных принадлежностей [Там же, с. 26].

Сложнее объяснить, почему в тех могилах, в которых женщины захоронены вместе с мужчинами либо с детьми, украшений немного, или их вовсе нет. Возможно, айрыдашской культурной традицией запрещалось класть украшения некоторым замужним, неоднократно рожавшим женщинам, у которых умирали дети, – чтобы прервать нездоровую наследственность. В традиционных культурах некоторых тюркских народов Южной Сибири набор украшений, которые полагалось носить пожилым женщинам, утратившим способность к рождению здорового потомства, был очень скромный. Например, у тувинцев он состоял из минимального числа украшений, характерных для малолетних детей [Там же, с. 102]. Возможно, отсутствие и малочисленность украшений свидетельствуют о зрелом возрасте женщин, погребенных на могильнике Улуг-Чолтух.

Заключение

Различия в количестве и материальной ценности украшений у многих, в т.ч. кочевых, народов Сибири и Центральной Азии являются важным признаком половозрастной, а также имущественной и социальной дифференциации. В этом отношении население

Горного Алтая хунно-сяньбийской эпохи, вероятно, не являлось исключением. Однако в отличие от древних номадов булан-кобинской культуры, населявших долину Эдигана в предшествующий период, у айрыдашского населения, оставившего могильник Улуг-Чолтух, среди женских украшений второй четверти I тыс. н.э. не представлены изделия из драгоценных металлов, которые могли служить показателем принадлежности к родоплеменной знати. На памятнике Улуг-Чолтух в отличие от могильника булан-кобинской культуры Усть-Эдиган не выявлены курганы с крупными насыпями и другими конструктивными особенностями надмогильных сооружений, а также с признаками дифференциации заупокойной обрядности, на основании которых можно было бы выделить погребальные комплексы родоплеменной знати. Поэтому есть основания предположить, что различия между наборами украшений из раскопанных женских захоронений на могильнике Улуг-Чолтух отражают не социальную и имущественную принадлежность, а разный возрастной статус погребенных.

Список литературы

- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2008 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2008 года. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 135–138.
- Давлетшина З.М.** Восточные мотивы в украшении головных уборов башкир // Восток в исторических судьбах народов России: мат-лы V Всерос. съезда востоковедов. 26–27 сент. 2006 года. – Уфа: Вилли Окслер, 2006. – Кн. 3. – С. 36–41.
- Елин В.Н.** Кок-пашский тип археологических памятников предкудыргинского времени в Горном Алтае // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т истории, языка и лит., 1990. – С. 119–136.
- Михайлова Е.А.** Съемные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири. – СПб.: МАЭ РАН, 2005. – С. 12–119. – (Сб. МАЭ; т. LI).
- Окладникова Е.А.** Головной убор аборигенов Сибири (сибирско-американские параллели) // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 171–179.
- Суразаков А.С.** Памятники Горного Алтая первой половины и середины первого тысячелетия (кудыргинская культура) // Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии): мат-лы Всерос. конференции. – Омск, 1992. – С. 92–97.
- Тишкин А.А., Горбунов В.В.** Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – 200 с.

Худяков Ю.С. Мумифицированное погребение хуннского времени из Горного Алтая // Изв. СО АН СССР. Сер.: История, филология и философия. – 1991. – Вып. 2. – С. 60–66.

Худяков Ю.С. Использование серебра в Сибири в древности и средневековье // Серебро в медицине, биологии и технике. – Новосибирск: Ин-т клинич. иммунологии РАМН, 1996. – Вып. 5. – С. 15–30.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2003 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН 2003 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – Т. IX, ч. I. – С. 504–509.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2005 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – Т. XI, ч. I. – С. 480–484.

Худяков Ю.С. Раскопки могильника Улуг-Чолтух в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 388–391.

Худяков Ю.С. Археологические исследования в долине реки Эдиган в 2009 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: мат-лы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 401–404.

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю. Украшения из серебра в традиционной культуре народов Южной Сибири // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2003. – Т. 2: Археология и этнография, вып. 3. – С. 99–105.

Чиндина Л.А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // Моя избранница наука, наука, без которой мне не жить. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1995. – С. 179–187.

Khudjakov J.S. Mummified Burial from the Ust-Edigan Burial Ground // J. of Ancient Historical Society. – 1995. – N 5. – P. 559–576.

*Материал поступил в редколлегию 09.10.2013 г.,
в окончательном варианте – 27.11.13 г.*

A b s t r a c t

Head and neck ornaments from mid-1st millennium AD nomadic (Airydash type) female burials at Ulug-Choltukh on the Edigan River (right tributary of the Katun) in Gorny Altai are described. Some women were buried with a rich set of head ornaments, which included bronze and iron plates, pendants, beads, and variously sized plaques. Based on the analysis of these artifacts the decoration of shawls, braids, earrings, and necklaces is reconstructed. Various ornament sets could have been worn by women of various ages.

Keywords: female ornaments, headgear, hairdo, necklace, Xiongnu-Xianbei period, Edigan River, Gorny Altai.

Д.А. Трынкина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
 Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, 119992, Россия
 E-mail: uwwalo@mail.ru

КАЯКЕРЫ У БЕРЕГОВ СЕВЕРНОЙ ШОТЛАНДИИ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII ВЕКОВ: ОСНОВНЫЕ ВЕРСИИ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

В конце XVII в. наблюдатели отмечали появление людей на каяках близ Оркнейских островов. Местные жители называли их финнами. Вопрос, кем были эти загадочные путешественники и каким образом они смогли добраться до берегов Северной Шотландии, неоднократно поднимался в зарубежной историографии. Существует несколько вариантов ответа: саамы, эскимосы или же сихиртя – предшественники ненцев на северном побережье России. Задача настоящего исследования – проанализировать имеющиеся источники и обозначить основные подходы к решению данной проблемы.

Ключевые слова: Шотландия, Оркнейские острова, XVII–XVIII вв., каяки, финны, саамы, эскимосы, сихиртя.

В 1693 г. вышла книга священника из Керкуолла Джеймса Уоллеса «Описание Оркнейских островов». Среди различных заметок, носящих географический и культурологический характер, выделяется следующее любопытное описание:

«Временами в здешних водах появляются люди, которых называют *финнами*. В год 1682 один из них был замечен в маленькой лодке у южной оконечности острова Эдей, и много людей собралось посмотреть на него, но когда они решили спустить лодку, чтобы попытаться его схватить, тот немедленно обратился в бегство. Также в год 1684 другой был замечен у побережья острова Уэстрей, и после этого на некоторое время улов у рыбаков был ничтожным или же вовсе отсутствовал, так что было подмечено, что *финны* уводят рыбу с тех мест, куда приплывают. Эти *финны*, кажется, относятся к тем народам, что обитают в районе пролива Дейвиса, полное описание которых можно найти в “Естественной и нравственной истории Антильских островов”, глава XVIII. Одна из их лодок была послана с Оркнейских островов в Эдинбург и демонстрируется в Королевском медицинском колледже с веслом и приспособлением, которое используется для ловли рыбы» [Wallace, 1693, p. 28].

Сын священника Джеймс Уоллес-младший во втором издании книги снабдил вышеприведенный отрывок следующим комментарием:

«Должен признаться, мне не совсем ясно, каким образом эти *финны* оказались у здешнего побережья, однако, скорее всего, их отнесло бурей от родных берегов в открытое море, и они не смогли определить, где находятся, и вернуться домой. Впрочем, у них есть преимущество: каким бы буйным не было море, их лодки из рыбьей кожи изготовлены так, что не тонут, а лишь скользят, как чайки, по волнам. Рубаха *финна* была прикреплена к лодке таким образом, чтобы вода не могла попасть внутрь и повредить ему, пока он сам не пожелал бы отстегнуть свою одежду, чего он, однако, никогда не делал за исключением тех случаев, когда он справлял нужду или сходил на берег. Еще одна их лодка находится в церкви на острове Буррей в Оркнейском архипелаге» [Wallace, 1700, p. 60–61].

Преподобный Джон Бранд, посетивший в составе делегации Шетландские, Оркнейские острова и область Кейтнесс (с 18 апреля по 24 июня 1700 г.), написал о своих впечатлениях книгу «Краткое описание Оркнейских, Шетландских островов, Пентленд-

Ферт и Кейтнесс» (1701). В ней он также уделил место странному феномену:

«У здешних берегов часто появляются *финны*. Год назад одного из них видели у острова Стронсей и другого несколько месяцев спустя у Уэстрей. Некий джентльмен с острова вместе со многими другими наблюдал его близ берега, но когда кто-то пытается схватить их (*финнов*. – Д.Т.), те немедленно обращаются в бегство. Удивительно, что этот человек, сидя в своей маленькой лодке, должно быть, в одиночку проплыл несколько сотен лиг от своего родного берега, что составляет расстояние от Финляндии до Оркнейских островов; уму непостижимо, чем живут они все это время и как способны продержаться на воде так долго. Его лодка сделана из тюленьей или некой другой кожи, на нем самом кожаная накидка, и, уместившись в центре своей лодки, с маленьким веслом в одной руке и удочкой в другой, он ловит рыбу. И если во время шторма *финн* видит надвигающуюся волну, он знает способ притопить лодку, пока волна не пройдет, иначе же его суденышко неминуемо опрокинется. Рыбаки здесь замечают, что эти *финляндия* или *финляндцы*, приплывая, уводят рыбу прочь от берега. Одна из их лодок хранится в Королевском медицинском колледже Эдинбурга и считается большой редкостью» [Brand, 1701, p. 50–51].

Вставная фраза о невозможности пленения *финна* является прямой цитатой из уже рассмотренного эпизода «Описания Оркнейских островов» Дж. Уоллеса. Не остается сомнений, что Дж. Бранд прочел эту книгу, т.к. упоминает ее в предисловии [Ibid., p. 8]. Сам он не мог наблюдать воочию те явления, о которых

сообщает, поскольку посещал Оркнейские острова год спустя. Указания на «некого джентльмена с острова» и местных рыбаков позволяют предположить, что Дж. Бранд общался с очевидцами тех событий.

Суммируя сведения двух вышеупомянутых авторов, можно выделить следующее. Дж. Уоллес сообщает о двух появлениях *финнов*, в 1682 г. у о-ва Эдей и в 1684 г. у о-ва Уэстрей (рис. 1), а также указывает, что одна из их лодок была послана в Королевский медицинский колледж Эдинбурга. Его сын добавляет, что одна лодка *финнов* находится в церкви на о-ве Буррей. Таким образом, речь идет по меньшей мере о трех разных случаях появления таинственных мореплавателей у Оркнейских островов, поскольку первая лодка, как сообщает Дж. Уоллес, скрылась от преследования. Дж. Бранд, в свою очередь, пишет о том, что *финнов* видели дважды в 1699 г. у островов Стронсей и Уэстрей (рис. 1), а также повторяет сведения о лодке, хранящейся в Королевском медицинском колледже Эдинбурга. Следовательно, можно говорить о пяти зафиксированных появлениях *финнов* у оркнейских берегов в период с 1682 по 1699 г. Вероятно, их было гораздо больше, т.к. у местных жителей не только сложилась традиция называть пришельцев *финнами*, но и ассоциировать отсутствие улова с их присутствием.

Ни один из упомянутых каяков *финнов* не сохранился до наших дней. Дж. Тюдор не нашел никаких упоминаний о лодке на о-ве Буррей [Tudor, 1883, p. 341], а Д. Мак-Ритчи упоминал, что та церковь вот уже больше столетия разрушена, а сам каяк пропал бесследно [MacRitchie, 1912a, p. 500]. Вторая лодка *финнов* после смерти хранителя коллекции Э. Бальфура в 1694 г. была продана вместе с другими раритетами Колледжу Эдинбурга. В 1695 г. она была внесена в каталог, однако по какой-то причине не была немедленно передана в музейную коллекцию Колледжа. Следующая каталогизация, произошедшая уже в 1780 г., не зафиксировала каяк, и его дальнейшая судьба остается неизвестной. Пропал ли он еще до перемещения в Колледж Эдинбурга или уже там был продан недобросовестными зрителями – неизвестно, ни один документ не подтверждает его передачу [Idiens, 1999, p. 173]. Существует также предположение, что это был один из двух каяков, переданных Университетом Эдинбурга (бывший Колледж) в Королевский шотландский музей в 1865 г. Однако оно не подкреплено никакими фактическими данными [Whitaker, 1977, p. 42].

Кем же были эти загадочные *финны*? Нужно отметить, что у оркнейцев, как и у их соседей шотландцев, существует богатый пласт фольклора о *финнах*, доставшийся им в наследство от норвежских предков. Однако непосредственной связи с рассматриваемым эпизодом в образе мифологических *финнов* не просле-

Рис. 1. Время и место появления *финнов* у Оркнейских островов по сообщениям Дж. Уоллеса и Дж. Бранда.

живается. В рамках скандинавской традиции словом *finns*, которое мы перевели буквально, принято было называть саамов [Pálsson, 1999, p. 30]. По мнению Дж. Бранда, *финны* прибыли из Финляндии (хотя указанное им расстояние заставляет предположить, что он имел в виду скорее Финмарк). Предположение, что на Оркнейские острова приплывали саамы, высказывалось Д. Мак-Ритчи [MacRitchie, 1912a, p. 505] и этнологом Й. Уитакером [Whitaker, 1954, p. 102], однако оба за недостатком данных были вынуждены ограничиться только констатацией такой возможности. Проблема состоит в том, что для идентификации *финнов* мы располагаем главным образом описанием их лодок. Судя по нему, это небольшие закрытые кожаные килевидные суда – каяки. Были ли у саамов такие лодки? Консультации, полученные у трех специалистов из музеев Северной Норвегии (Д. Сторм – Музей Университета Тромсё, Р. Перссон – Саамский музей Варангера, Х.К. Соборг – Музей Альта), показали следующее: у нас нет информации о существовании подобных кожаных лодок у саамов в историческое время, а предположения о том, что они могли быть, основаны на наскальных изображениях каменного века, найденных в Восточном Финмарке. К средним векам саамы полностью перешли на лодки из дерева, шитые оленьими сухожилиями.

Дж. Уоллес считал приплывших *финнов* выходцами из некоего народа, живущего на берегах пролива Дейвиса, при этом он ссылаясь на гл. 18 «Естественной и нравственной истории Антильских островов» (1658, англ. пер. 1666) Шарля де Рошфора. Книга посвящена описанию природы и жителей Вест-Индии, однако в указанной главе после информации о морском единороге (нарвале) мы находим рассказ о путешествии в 1656 г. капитана Николаса Тьюнса в пролив Дейвиса и встрече его с местными жителями – эскимосами. Подробно описаны их лодки, костюм и экипировка, а по детальности описания эскимосского каяка Рошфор превосходит всех своих предшественников [Rochefort, 1666, p. 110–111].

Гипотеза об эскимосском происхождении *финнов* является преобладающей в современной науке. Описанная Уоллесом-младшим одежда *финна* имеет сходство с тувиликом – эскимосской непромокаемой курткой с капюшоном, полы которой прикреплялись к краям люка каяка, где сидел гребец, что обеспечивало полную водонепроницаемость. Более того, рассказ Дж. Бранда об умении *финна* «притопить лодку» вызывает ассоциации с различными приемами гребли эскимосов: на спине, на груди, а также с «гренландским переворотом» – постановкой перевернувшегося каяка на ровный киль, использовавшейся при опрокидывании лодки во время охоты на морского зверя или же после специального затопления в шторм [Heath, 2004, p. 21–30].

Однако самым важным документальным подтверждением эскимосской гипотезы считается каяк XVII в. в музее Колледжа Маришаль (ныне Университет Абердина), имеющий достаточно долгую историю. В 1760 г. преподобный Гастрелл упомянул в своем дневнике каноэ из Королевского колледжа (Абердин) «семи ярдов в длину и двух футов в ширину, которое 32 года назад оказалось в реке Дон. На борту находился человек, он был весь покрыт волосами и говорил на языке, который никто не мог понять. Он прожил только три дня, несмотря на то, что ему была оказана всевозможная помощь» (цит. по: [Souter, 1934, p. 14]). Ф. Дуглас в книге «Общее описание восточного берега Шотландии» (1782) также поделился впечатлением об увиденном в Колледже Маришаль каноэ, покрытом «рыбьими кожами, которые натянуты на деревянные планки, прочно скрепленные вместе. Верхняя часть каноэ имеет примерно 20 дюймов в ширину и постепенно сужается к обоим концам. В самой широкой части находится округлое отверстие, достаточное для того, чтобы протиснуться внутрь, вокруг него прилажен ремень, длиной примерно в фут, к которому хозяин лодки привязывает себя в тех случаях, когда он не гребет веслом; весло же он вкладывает под несколько кусков кожи, прикрепленных к бортам каноэ так, чтобы места хватило не только веслу, но и некоторым другим удивительным инструментам, которые были там найдены. Само каноэ имеет примерно восемнадцать футов в длину» [Douglas, 1782, p. 114–115]. Ф. Дуглас приводит также бытовавшее тогда мнение, что умерший владелец каноэ плыл из Лабрадора и сбился с пути. Более никакой информации о каяке не прослеживается вплоть до записи в каталоге Музея Колледжа Маришаль за 1824 г., повторяющей датировку Ф. Дугласа и указывающей в качестве места обнаружения г. Белельви (город к северу от Абердина). Каяк имеет порядковый номер ABDUA:6013, его длина 547,7 см, ширина 45,1, расстояние от борта до киля 17,8, глубина носовой части 20,3 см (рис. 2).

Каяк был отнесен К. Биркет-Смитом к западно-гренландскому типу [Birket-Smith, 1924, p. 266]. Однако в 1976 г. маришальский музей посетил У. Леннерт, глава сообщества инуитов Каанаака (муниципалитет в Северо-Западной Гренландии), и, осмотрев каяк, вопреки ожиданиям не смог идентифицировать его как западно-гренландский. Он предположил, что каяк происходит из Восточной Гренландии [Cunningham, 2001, p. 60]. Общими характеристиками обоих типов являются малые кокпиты, острые скулы и сравнительно небольшой объем, а восточно-гренландский отличается загнутая вверх оконечность кормы, более низкое и плоское дно и округлая форма бортов. Разгадка противоречивой классификации кроется в том, что на сегодняшний день сложно выделить локальные осо-

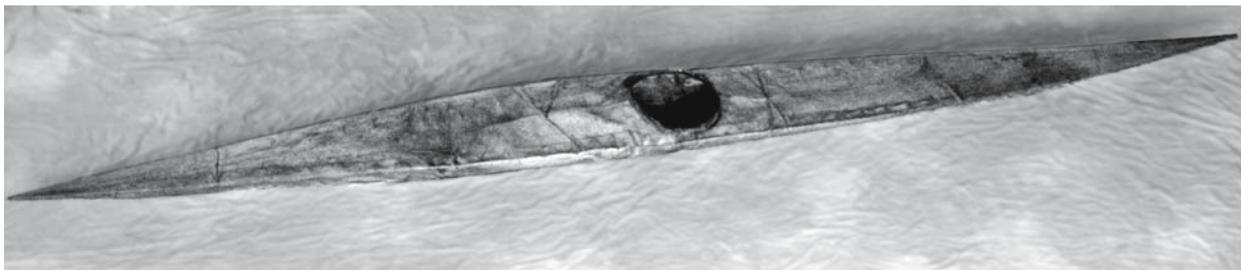

Рис. 2. Каяк ABDUA:6013 из Музея Колледжа Маришаль. Фотография предоставлена Университетом Абердина.

бенности каяков западно-гренландского типа, т.к., по утверждению С. Йенсена, из-за постоянных миграций населения в Западной Гренландии одновременно существовало множество видов таких лодок, а их облик был продиктован не столько местной традицией, сколько персональными потребностями [Jensen, 1975, р. 9–12]. Тем не менее гренландское происхождение каяка не вызывает разногласий.

На нынешний момент существуют две группы теорий относительно того, как эскимосы могли оказаться у берегов Северной Шотландии. Классической считается гипотеза о побеге эскимосов с европейских судов, команды которых захватывали их на севере Канады и в Гренландии, чтобы по возвращении продемонстрировать как заморскую диковину на ярмарках. Сведения о первых плененных эскимосах, доставленных в Европу, относятся к 1567 г. Ими были женщина и ребенок, привезенные в Зеландию из Лабрадора французскими моряками [Sturtevant, Quinn, 1999, р. 61]. М. Фробишер после своих экспедиций к Баффиновой Земле привез на родину четырех пленников, Дж. Дейвис захватил одного на западном побережье Гренландии, и за период с 1605 до 1660 г. датско-норвежские и голландские мореплаватели похитили более 30 эскимосов [Gad, 1970, р. 238]. У нас нет данных о захвате местных жителей командами судов, занимавшихся нелегальным промыслом у берегов Гренландии, и остается только предположить, что общее число пленников было гораздо больше. Торговля пленными эскимосами велась столь оживленно, что в 1720 г. Генеральные Штаты Нидерландов приняли резолюцию, запрещающую похищение и транспортировку эскимосов в Европу. В 1732 г. датское правительство последовало их примеру и издало Королевскую декларацию о запрете привозить в Данию аборигенов Гренландии вне зависимости от того, путешествовали они добровольно или нет [Fossett, 2001, р. 51].

Впервые идея о спасавшихся с европейского корабля эскимосах появилась в работах Д. Мак-Ритчи. Оценивая расстояние от Лабрадора до Шотландии в 2 000 миль, он полагал, что это путешествие не могло быть случайным, т.к. для него необходим запас прес-

ной воды по меньшей мере на месяц. Кроме того, есть, пить и справлять естественную нужду каякер мог бы только в штиль, таким образом, его зависимость от безветренной погоды была бы чрезвычайной. Также встает вопрос о сне в открытом море. Даже в штиль опасность перевернуться во сне весьма высока, поэтому эскимосы обычно отправляются в плавание вдвоем, если планируют провести в море одну-две ночи, при этом они связывают каяки вместе, чтобы удерживать баланс [MacRitchie, 1912b, р. 222–223]. Мысль о похищении и последующем побеге эскимосов Д. Мак-Ритчи почерпнул из книги Исаака ла Пейрера «Сообщение о Гренландии» (1647). В цитируемом им отрывке рассказывалось о девяти эскимосах, которые были захвачены в Гренландии и привезены в Данию. Двое из них пытались бежать, были насильно возвращены, причем один находился уже в 30–40 милях от берега. Однако во второй раз им удалось уйти от своих преследователей и уплыть в открытое море. Д. Мак-Ритчи высказал предположение, что это был не единичный случай, и некоторые эскимосы в своем пути к Гренландии могли достичь Оркнейских и Шетландских островов. Однако он не располагал никакими другими источниками, сообщающими о бегстве плененных эскимосов [Ibid., р. 232–233].

В 1934 г. было напечатано обращение президента медико-хирургического сообщества г. Абердина У.К. Сутера «История нашего каяка и некоторых других», включавшее перечень 33 эскимосских каяков, находившихся на тот момент в Великобритании (в т.ч. 18 шотландских). Относительно уже известного нам гребца маришальского каяка автор замечал: «...по моему мнению, он был привезен в Шотландию (или же в Европу) как вольный или невольный пассажир на китобойном судне, возвращавшемся домой, и совершил побег с него, когда увидел землю» [Souter, 1934, р. 17]. Той же точки зрения придерживался Э. Миккельсен, предполагая, что пленник должен был попытаться бежать, как только увидит землю, а на пути от Гренландии (от мыса Фарвель) к Шотландии Оркнейские острова – это ближайший берег, попадающий в поле зрения мореплавателей [Mikkelsen, 1954, р. 58].

В 1971 г. вышел труд голландского антрополога Г. Нотера «Старейшие каяки в Нидерландах». Автор посетил в 1968 г. Гренландию, где эскимосы ангмассалик рассказали ему, что каяк может находиться в воде больше двух суток, если он шит из свежих шкур и хорошо промаслен, однако путешествия на таких лодках обычно длятся не более 12 часов, хотя в старые времена они были гораздо продолжительнее. У Г. Нотера сложилось впечатление, что эскимосы считают большое расстояние, бурные волны и отсутствие пригодной пищи непреодолимыми трудностями для длительного путешествия. Да и конструкция их каяков, по мнению автора, не приспособлена для плавания в открытом море [Nooter, 1971, p. 8–9]. В конечном итоге, Г. Нотер соглашается с теорией Э. Миккельсена, добавляя предположение, что похищения эскимосов и их побег продолжались и после введения резолюции Генеральных Штатов Нидерландов: «...грабежи и убийства в Гренландии не прекратились в 1720 году ... я могу с легкостью представить, как однажды при виде голландского берега капитан, возвращающийся из Гренландии, пожелал бы избавиться от живого свидетельства (похищенного эскимоса), чтобы не попасть под действие резолюции Генеральных Штатов, и дело закончилось бы тем, что он приказал бы выкинуть гренландца за борт» [Ibid., p. 10–11].

Вторая группа теорий объединена общей идеей о том, что каякеры могли добраться до берегов Шотландии самостоятельно. Й. Уитакер был первым автором, кто всерьез рассматривал такую возможность. Он начинает с критики гипотезы о побегах эскимосов с европейских кораблей. Ссылаясь на материалы Д. Мак-Ритчи об уплывших из Копенгагена эскимосах, Й. Уитакер допускает, что один или двое из них могли достичь берегов Шотландии, однако вряд ли их было шесть и более [Whitaker, 1954, p. 102]. Отринув эту гипотезу, он описывает условия, при которых эскимосы могли сами достичь берегов Шотландии. Частота визитов, по мнению Й. Уитакера, подразумевала запланированные путешествия. Автор приводит данные о том, что каяк начинает пропускать воду после непрерывного нахождения в ней на протяжении 48 часов [Ibid., p. 99], поэтому плавание должно было быть с остановками, во время которых лодка просушивалась, а гребец запасался пресной водой. Й. Уитакер останавливается на следующей схеме пути: от Гренландии до северо-западного берега Исландии 180 миль, от ее юго-восточного побережья

до Фарерских островов 275, от них до Шетландских 185 или до Оркнейских 200 миль [Ibid., p. 103].

К сожалению, у нас не было возможности ознакомиться со статьей Дж. Хита, посвященной данной теме [Heath, 1987], однако ее основные выводы автор повторил в главе коллективной монографии «Каяки восточной Арктики: история, конструкция, техника» (2004). Дж. Хит указывает, что береговое течение у Западной Гренландии направлено на север, поэтому если бы каяк унесло в море, то гребец знал, как попасть обратно домой: сначала он должен был плыть на восток, пока не достигнет побережья, а затем на юг. Однако гренландец мог не знать, что у Баффиновой Земли в проливе Дейвиса течение направлено на юг. И если бы шторм продолжался несколько дней или эскимос заблудился в тумане, он мог попасть в это течение, и каяк отнесло бы далеко на юг, а при попытке плыть на восток, как подсказывал опыт гребца, попутный ветер и Северо-Атлантическое течение привели его к Оркнейским островам (рис. 3). Дж. Хит считал вполне возможным такое незапланированное путешествие: эскимос мог бы время от времени высаживаться на льдины, просушивать каяк и охотиться с помощью орудий, которые имелись у него в лодке. Кроме того, верхний слой льда обеспечивал достаточное количество питьевой воды [Heath, 2004, p. 13–14].

Любопытная теория связывает визиты эскимосов в Шотландию с наступлением минимума Маундера – продолжительного периода низкой солнечной активности (1645–1710 гг.), совпавшего с самой холодной фазой малого ледникового периода (XIV–XIX вв.). Канадская исследовательница Р. Фоссетт предполагает, что у эскимосов имелись повод, возможность, а также необходимая информация для путешествия на юго-восток. Главной причиной было чрезвычайное похолодание, которое повлияло на количество при-

Рис. 3. Течения Северной Атлантики.
а – теплое; б – холодное.

брежного льда и наступающие ледники на суше. Относительно утопичности путешествия на каяке на расстояние в 2 000 км Р. Фоссетт считает, что эта цифра преувеличена, на самом деле длина пути составляет всего 1 200 км. По ее мнению, предполагаемый маршрут должен выглядеть следующим образом: от мыса Брюстер на территории муниципалитета Аммассалик до северо-западного побережья Исландии 260 км, от ее юго-восточного берега до Фарерских островов 442, от них до Шетландских 200 или до Оркнейских 322 км. Наличие у берегов Гренландии течения в сторону Гольфстрима, влияющего на смещение пакового льда в южном направлении, способствовало предполагаемому путешествию, к тому же путь от Гренландии до Исландии (или даже до Фарерских островов) мог проходить по льду. Исследовательница также ссылается на некие эксперименты, показавшие, что хорошо промасленный каяк может оставаться в пресной воде в течение двух недель, а в море и того больше. Последнее, на чем останавливается Р. Фоссетт, – информация. Она утверждает, что у эскимосов к XVII в. имелись сведения о населенных землях на востоке и желание их исследовать. Записанные в XIX в. эскимосские сказания фиксируют память о норманнском присутствии в Гренландии, визитах М. Фробिशера на Баффинову Землю, а также о столкновениях с ирландскими, исландскими, баскскими и португальскими моряками в XV–XVI вв. Комментируя гипотезу о побегах эскимосов, Р. Фоссетт указывает на ее слабое место: несмотря на то что большинство пленников были привезены в Данию и Нидерланды, людей на каяках видели только в британских водах [Fossett, 2001, p. 67–82].

Последняя теория кажется наиболее вероятной. В период с 1675 по 1700 г. потоки холодной воды, идущие в южном направлении от полярной шапки, обусловили падение температуры в водах Северного Атлантического океана на 4–5 °С. Это в первую очередь отрицательно сказалось на улове в Норвегии, Исландии, на Фарерских, Оркнейских и Шетландских островах, т.к. произошла миграция трески на юг (рыбы, чувствующие себя комфортно при 4–7 °С, не выживали при температуре ниже 2 °С) [Lamb, 1995, p. 199–200]. Вероятно, именно этим могла объясняться устойчивая традиция, сложившаяся у оркнейских рыбаков конца XVII в., – ассоциировать отсутствие улова с появлением *финнов*. Изменившиеся климатические условия в целом пагубно повлияли на животный мир Североатлантического региона, в т.ч. на популяции тюленей и оленей-карибу, отсутствие которых могло стать ключевым фактором в миграции эскимосов на восток.

Но путешествовали ли эскимосы на каяках? Нам известно, что носители культуры туле мигрировали с Аляски в Гренландию на собачьих упряжках и

умиаках, преодолевая за сезон расстояние в несколько сотен километров [McGhee, 2001, p. 209]. Собачьи упряжки использовались эскимосами в качестве основного транспорта 10 месяцев в году, причем с октября по июль на них ездили и по морскому льду [Gilberg, 1984, p. 577–580]. У нас нет точных данных о климате в Гренландии в конце XVII в., однако исследователи отмечают быстрое распространение льда в Норвежском море в то время, вплоть до того, что в 1695 г. Исландия оказалась скованной льдами на многие мили вокруг в течение нескольких месяцев [Сун, Яскелл, 2008, с. 60]. Вероятно, небывалое понижение температуры привело к значительному увеличению толщины морского льда и почти круглогодичному его нахождению в прибрежных водах Гренландии. Маршрут эскимосов, который сторонники их самостоятельного путешествия определяют, исходя из крайних точек суши на пути, на самом деле не известен. Можно предположить, что он проходил гораздо севернее Исландии, а значит, по льду. В таком случае эскимосам не понадобилось пересекать Атлантический океан на каяках: основной путь они совершили на санях, а лодки использовали уже на последнем этапе для охоты, во время которой их и заметили оркнейцы.

Останавливаясь на других возможных вариантах происхождения *финнов*, необходимо указать, что у ближайших соседей шотландцев – валлийцев и ирландцев – также существовали традиционные кожаные лодки. Однако кораклы и куррахи, использовавшиеся вплоть до XX в., резко отличаются от описанного в источниках каяка, прежде всего тем, что на них не предусматривалось обтягивание сверху кожей и пристегивание ее к одежде. Кроме того, шотландским авторам наверняка было известно о таком типе лодок.

Д. Мак-Ритчи отмечает, что путешественниками XVI–XVII вв. кожаные лодки зафиксированы у населения севера Западной Сибири [MacRitchie, 1912b, p. 213–214]. Впервые о них упоминает С. Барроу, видевший в 1556 г. «лодки из оленьих шкур» у самоедов, живших близ о-ва Вайгач [Английские путешественники, 1937, с. 108–109]. П.М. де Ламартиньер, посетивший в 1653 г. в составе датской торговой экспедиции Новую Землю, указывает, что лодка местных жителей была «челноком – устроенным в форме гондолы, длиной от 15 до 16 футов, шириной 2 ½, – сделанным очень искусно из рыбьих костей и кожи; внутри кожа была сшита таким образом, что получался как бы мешок от одного конца челнока до другого; внутри такого челнока они были укрыты по пояс, так что вовнутрь лодки не могла попасть ни единая капля воды, и они могут таким образом выдерживать безопасно всякую непогоду» [1911, с. 95]. Ф.О. Белявский говорит об

использовании подобных лодок ненцами и хантами: «Челнок – остяцкий и самоедский – делается наподобие обыкновенных русских челноков, с тою разницей, а) что у них различия между носом и кормой не бывает, б) сверху человек обвивается выделанной кожей из китовых кишок, которая... собирается посреди челнока, наподобие дамских ридикюлей, на вздержку» [1833, с. 258–259].

Прослеживается определенное сходство в описании каяков *финнов* и самоедских челноков. И в том, и в другом случае речь идет о специфическом виде лодок, обтянутых кожей так, что лишь в центре верхней части присутствует отверстие, в которое забирается человек, причем внутрь лодки не может попасть вода. Однако в описании челноков самоедов мы не находим упоминаний о том, что те каким-либо образом пристегивались к верхней одежде гребцов.

Подобные лодки могли быть частью культуры до-ненецкого населения северной приморской тундры, представителей арктического промыслового хозяйственного комплекса – сихиртя [Головнев, 1995, с. 47]. Расстояние, которое им пришлось бы преодолеть, значительно превышает предполагаемый путь эскимосов из Гренландии, но их маршрут проходил бы вдоль побережья, что существенно облегчило бы путешествие. Однако вопрос о каяках сихиртя неоднозначен. Н.В. Федорова сомневается в возможности каботажного плавания на деревянных или кожаных лодках вдоль берегов Карского моря и Обской губы, а также замечает, что, несмотря на великолепную сохранность дерева в культурном слое раскопанных памятников на Ямале, не было найдено никаких остатков, указывающих на использование лодок обитателями этих поселений [Федорова, 2002, с. 106]. До тех пор, пока не будут обнаружены кожаные лодки сихиртя, мы вынуждены ориентироваться лишь на нарративные источники, что оставляет гипотезу о западно-сибирском происхождении *финнов* проблематичной.

Подводя итоги, заметим следующее. Закрытые кожаные килевидные лодки, описанные в источниках, резко сужают круг возможных претендентов на роль оркнейских *финнов*. Каяк начала XVIII в., обнаруженный близ Абердина, который, как считается, ведет свое происхождение из Гренландии, является основным аргументом в пользу того, что *финнами* были эскимосы. Пока не будут обнаружены кожаные лодки сихиртя, имеющие, по рассказам путешественников, схожие черты, мы не сможем оспорить это. До сих пор исследователи расходятся во мнениях, каким был путь эскимосов до берегов Северной Шотландии. Частота их появлений свидетельствует о том, что это была целенаправленная миграция. Однако только дальнейшие исследования в области палеоклиматологии позволят сделать более определенные выводы.

Список литературы

Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке / Н.Л. Рубинштейн. – Л.: ОГИЗ, 1937. – 308 с.

Белявский Ф.О. Поездка к Ледовитому морю. – М.: [Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз.], 1833. – 259 с.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. – 608 с.

Ламартиньер П.М., де. Путешествие в северные страны. – М.: Моск. археол. ин-т, 1911. – 229 с.

Сун В., Яскелл С. Минимум Маундера и переменные солнечно-земные связи. – М.: Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», Ин-т компьютер. исследований, 2008. – 336 с.

Федорова Н.В. Призраки и реальности ямальской археологии // РА. – 2002. – № 2. – С. 99–110.

Birket-Smith K. Ethnography of the Egedesminde District with Aspects of the General Culture of West Greenland. – Copenhagen: C.A. Reitzel, 1924. – 484 p.

Brand J. A Brief Description of Orkney, Zetland, Pightland-Firth, and Caithness. – Edinburgh: George Mosman, An. Dom, 1701. – 159 p.

Cunningham T.F. The Diamond's Ace: Scotland and the Native Americans. – Edinburgh: Mainstream Publishing, 2001. – 192 p.

Douglas F. A General Description of the East Coast of Scotland. – Paisley: Alexander Weir, 1782. – 310 p.

Fossett R.E. In Order to Live Untroubled: Inuit of the Central Arctic, 1550 to 1940. – Winnipeg: University of Manitoba Press, 2001. – 356 p.

Gad F. The History of Greenland. – L.: C. Hurst & Co, 1970. – Vol. I. – 363 p.

Gilberg R. Polar Eskimo // Handbook of North American Indians. – Washington: Smithsonian Institution, 1984. – Vol. 5. – P. 577–594.

Heath J.D. The Phantom Kayakers, a Scottish Mystery // Sea Kayaker. – 1987. – Vol. 4, N 1. – P. 15–18.

Heath J.D. Kayaks of Greenland // Eastern Arctic Kayaks: History, Design, Technique. – Fairbanks: University of Alaska Press, 2004. – P. 5–44.

Idiens D. Eskimos in Scotland: c. 1682-1924 // Indians and Europe: An Interdisciplinary Collection of Essays. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1999. – P.161–174.

Jensen P.S. The Greenland kayak and its accessories. – Copenhagen: Nyt Nordisk Forlag, 1975. – 35 p.

Lamb H.H. Climate, History and the Modern World. – L.: Routledge, 1995. – 464 p.

MacRitchie D. The Kayak in North-Western Europe // J. of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. – 1912a. – Vol. 42. – P. 493–510.

MacRitchie D. The Aberdeen Kayak and its Congeners // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. – Edinburgh: Neill And Company Ltd., 1912b. – Vol. 46. – P. 213–241.

McGhee R. Ancient People of the Arctic. – Vancouver: UBC Press, 2001. – 244 p.

Mikkelsen E. Kajakmanden fra Aberdeen // Grønland. – 1954. – N 2. – P. 53–58.

Nooter G. Old Kayaks in the Netherlands. – Leiden: E.J. Brill, 1971. – 76 p.

Pálsson H. The Sami People in Old Norse Literature // Nordlit: Arbeidstidsskrift i litteratur. – 1999. – N 5. – P. 29–53.

Rochefort C., de. The History of the Caribby-Islands. – L.: Dring and Starkey, 1666. – 351 p.

Souter W.C. The Story of Our Kayak and Some Others: (Presidential Address to the Aberdeen Medico-Chirurgical Society, 1933). – Aberdeen: University of Aberdeen Press, 1934. – 21 p.

Sturtevant W.C., Quinn D.B. This New Prey: Eskimos in Europe in 1567, 1576, and 1577 // Indians and Europe: An Interdisciplinary Collection of Essays. – Lincoln: University of Nebraska Press, 1999. – P. 61–140.

Tudor J.R. The Orkneys and Shetland: Their Past and Present State. – L.: Edward Stanford, 1883. – 702 p.

Wallace J. A Description of the Isles of Orkney. – Edinburgh: John Reid, 1693. – 84 p.

Wallace J. An Account of the Islands of Orkney. – L.: Jacob Tonson, 1700. – 182 p.

Whitaker I. The Scottish Kayaks and the “Finn-men” // Antiquity. – 1954. – Vol. 28, N 110. – P. 99–104.

Whitaker I. The Scottish Kayaks Reconsidered // Antiquity. – 1977. – Vol. 51, N 201. – P. 41–45.

*Материал поступил в редколлегию 20.06.13 г.,
в окончательном варианте – 01.10.13 г.*

A b s t r a c t

Late 17th century observers mentioned having seen people sailing in kayaks past the Orkney Islands. Local people called them Finns. The question as to who those people actually were and how they could possibly have reached northern Scotland has been raised more than once. The kayakers were believed to be either Sami, Eskimos or Sikhirtya – the legendary predecessors of the Nenets on the northern coast of Russia. The objective of this article is to analyze the sources available and describe possible approaches to elucidating the issue.

Keywords: Scotland, Orkney Islands, 17th–18th centuries, kayaks, Finns, Sami, Eskimos, Sikhirtya.

Ф.Ф. Болонев¹, Е.Д. Федотова²

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: Bolonev@rambler.ru

²Совместное предприятие межгосударственная
корпорация «СпецТехСтрой»
ул. Смолина, 81, Улан-Удэ, 670000, Россия
E-mail: evgenia-fedotova@yandex.ru

СЕЛО БИЧУРА (ЗАБАЙКАЛЬЕ): ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РОСТ НАСЕЛЕНИЯ (XVIII – конец XX века)

В статье на основе архивных и полевых материалов воссозданы фрагменты истории возникновения крупнейшего в Восточной Сибири села Бичура. Описаны его заселение первыми поселенцами, условия их быта, взаимоотношения с коренным местным населением. Рассматривается динамика численности населения села на протяжении почти двух с половиной столетий.

Ключевые слова: заселение, старообрядцы, численность населения, земледельческое освоение, миграция.

Бичура – крупнейшее старообрядческое село не только в Забайкалье, но и во всей Восточной Сибири. Ныне это центр Бичурского р-на Республики Бурятия. Село протяженностью ок. 20 км раскинулось по берегам речки Бичурки, впадающей в р. Хилок. Появление сел такого масштаба и стремительный рост их населения не остались без внимания известных исследователей и путешественников, не только российских, но и иностранных. В 1735 г. о Бичуре сообщал Г.Ф. Миллер, в 1772 г. – П.С. Паллас. О ней проникновенно писали публицист и этнограф М.И. Орфанов, исследователь общинного быта К. Михайлов, врач, археолог и этнограф, проф. Краковского университета Ю.Д. Талько-Грынцевич. В январе 1861 г. в Бичуре побывал писатель и этнограф С.В. Максимов. В 1871 г. там жил крупнейший славист П.А. Ровинский, в 1890-е гг. – известный врач и исследователь Н.В. Кириллов. В начале XX в. о Бичуре писал французский путешественник Поль Лаббе, который останавливался у бичурянина Михаила Климыча Петрова.

Бичуру по ряду причин не забывали и чиновники. Так, в связи с бунтом староверов-семейских против

закрытия их церкви и «укрыванием» беглого попа в село из Иркутска прискакал сам генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский. Интересные наблюдения оставил исправник В. Глуховцев и многие миссионеры, которые вели борьбу со старообрядчеством.

Несмотря на многочисленность историко-этнографических описаний, начальный этап заселения и земледельческого освоения территории Хилоцкой вотчины Забайкалья, где в первой трети XVIII в. была основана Бичура, пока слабо освещен в исторической литературе. По данному вопросу имеются труды Е.М. Залкина, В.И. Шункова, Л.В. Машановой, М.М. Шмулевича, Ф.Ф. Болоневы. Названные авторы сообщают, что заселение Забайкальского края, занимавшего особо важное место в хозяйственной жизни Восточной Сибири, происходило в XVII – начале XIX в. в значительной степени стихийно. Это был довольно беспокойный район, где пашенные крестьяне, находившиеся в окружении кочевого аборигенного населения, не чувствовали себя в полной безопасности. Некоторая стабильность в Забайкалье в целом наступила лишь после заключения в

1727 г. Буринского трактата. С того времени началась более оживленная русская земледельческая колонизация региона, стали закладываться основы для сближения пришлого и местного населения, а также взаимного ведения хозяйства. Новокрещенные буряты и ясачные осваивали новые для них приемы хлебопашества, перенимали русские обычаи, переходили к оседлому образу жизни, а крестьяне и казаки знакомились с хозяйством скотоводов-кочевников.

Важную роль в освоении территории и возникновении поселений здесь сыграл Троицко-Селенгинский монастырь. В 1704 г. он получил в свое владение самую богатую и большую вотчину по р. Хилок – Хилоцкую. Основание в ней русских поселений относится к первой четверти XVIII в. По архивным данным, в 1723 г. в д. Куналейской было 11 дворов, Буйской – 6, Еланской – 10, к 1731 г. в д. Топкинской насчитывалось 14 дворов [Машанова, 1973, с. 154; Шмулевич, 1985, с. 9]. В 1729 г. монастырь получает обширные сенные покосы между реками Чикой и Хилок. В 1720 г. его собственностью стала верхнехилоцкая д. Буй. В том же году Селенгинская земская изба издает указ, по которому пахотные земли и скотский выпас по левому берегу р. Хилок до рек Бичура и Киреть переходят во владение Троицко-Селенгинского монастыря [Шмулевич, 1982, с. 19]. Начинается более активное заселение этих богатых мест.

В материалах Г.Ф. Миллера за 1735 г. историк А.Х. Элерт обнаружил документ под названием «Русские деревни Селенгинского ведомства а именно по Хилку»*. В нем названы 12 поселений. Среди них перечислены: «Елань Троицкого монастыря Бичюрская того ж монастыря по левой стороне от берегу верстов в 5, а от Елани деревни в 15 над речкою Бичурою, которая впала в Хилок. Куналейская – тово ж монастыря на левой стороне от Бичюрской деревни верстов в 15». В документе названы д. Красная слобода, Монастырский дворец, Буйская деревня и др. Как видим, д. Бичюра (Бичура) в системе хилоцких поселений существует, по всей вероятности, с начала 1730-х гг.

Ф.Ф. Болоневым найден любопытный документ о монастырском крестьянине Стефане Васильеве, сыне Новокрещенове. «В допросе» он сказал, что «является уроженцем с онога Троицкого монастыря умершего бывшего крестьянина Василья Новокрещенова сына а от рождения мне лет с тринадцать и в нынешнем семьсот тридцать шестом году – в том же Троицком монастыре записали, чтобы быть в вотчине на Хилке в Бичурской деревне в крестьянстве и в подушном платеже вместо умершего крестьянского брата Калины Митя-

шиных и платить подушные деньги в оный монастырь на сей семьсот тридцать шестой год по окладу сполна... а буде я Стефан сказал в сей сказке что можно или утаил и зато учинил мне после императорского величества указа, чем и буду достоин» (ГАРБ. Ф. 262. Оп.1. Д.13. Л. 4 об.). Для нашего исследования в этом свидетельстве важны упоминание фамилии Новокрещеновых, т.е. ее носитель был новокрещеный из бурят, а также информация о переселении подростка из Троицкого монастыря в Бичурскую деревню и записи его в крестьянство, в подушный платеж, причем в 1736 г. Следовательно, д. Бичура существовала до 1736 г.

Согласно архивным материалам, обнаруженным Л.В. Машановой, в 1737 г. крестьяне Бичуры проживали в шести дворах, относившихся возможно, к Троицко-Селенгинскому монастырю [1973, с. 154], поскольку земли по р. Хилок были его вотчиной. Первые дворы русских крестьян на этой земле появились на месте, которое сегодня называют Старой Бичурой, за Камнем (ныне ул. Кирова). Таким образом, документально подтверждено, что в начале 1730-х гг. д. Бичура уже существовала.

Каков был состав крестьянского населения в названных монастырских деревнях по р. Хилок? К 1723 г. в них было поселено 56 пашенных крестьян из пришлых гулящих людей [Там же, с. 155], в основном выходцев из городов и уездов Поморья. Значительную долю составляли крещеные буряты и ссыльные. Так, д. Еланскую заселили новокрещеные пашенные буряты. Крещеных бурят было немало и среди жителей других сел – Малый Куналей и Бичура. Примечательно, что 17 сел по рекам Хилок и Чикой основали жители Селенгинска. Изначально указанные населенные пункты или деревни состояли, как правило, из одного – трех дворов. Позднее с притоком населения их численность постепенно стала расти, что характерно для большинства селений Забайкалья.

Троицко-Селенгинский монастырь был феодальной вотчиной. Его хозяйство держалось на труде лично зависимых людей. Для освоения земель на огромном пространстве по рекам Селенга и Хилок монастырю были нужны прежде всего пашенные крестьяне. Их монастырь старался «посадить на землю», определить в новые деревни. Вольных гулящих людей, оказавшихся в Забайкалье, по указу от 2 марта 1694 г. монастырь имел право записывать в свое хозяйство, «женить на монастырских купленных иноземных бабах и девках», наделять их землей, денежной, хлебной и скотиной ссудой. Например, в 1734 г. крестьянину Илье Кочмареву были выделены монастырская земля «по Хилку под пашню под сенные покосы и под двор в деревне Куналейской», казенная ссуда, «железный сошник, топор, коса, два серпа, да двадцать пудов ржи, да лошадь, а вместо коровы кобыла», а также даны льготы с условием, чтобы «мне

*Его ксерокопия была нам любезно предоставлена А.Х. Элертом, за что мы выражаем ему благодарность. Ныне копия документа хранится в личном архиве Ф.Ф. Болонева.

Илие Кочмареву и детям моим из означенного монастырского тягла никуда не отъезжать, но вечно пребывать в род и род», т.е. быть закрепощенными [Болонев, 2005, с. 152]. Так, в хилокских селениях формировалось крестьянское пашенное население. При водворении крестьяне наделялись землей «под двор, под пашню и под сенные покосы». Иными словами, крестьяне попадали в полную крепостную зависимость от монастыря. Село Бичура в Хилоцкой монастырской системе поселений не было исключением.

В 1768–1980-е гг. на земли Бичуры прибыло много семей старообрядцев, выведенных из Речи Посполитой и получивших название «семейские». После их поселения здесь отмечены быстрый рост населения и значительный подъем в земледельческом хозяйстве. Много позже П.А. Ровинский о времени прихода старообрядцев в Забайкалье писал следующее: «Вся область по Селенге и ее притокам в конце прошлого столетия представляла пустыню. Только в низовьях, да в местности Верхнеудинского округа население группировалось, их можно было назвать селением, остальное пространство было пустое, или занято кочевниками, и только кое-где появились займки и хутора. В это время приходят семейские в значительном числе, с их приходом тотчас Чикой становится тесен, в конце же прошлого столетия уже нашли поселения по Хилку и окрестностям... Они пришли большой массой и с самого же начала брали верх над старожилами численностью. Такого быстрого заселения такого огромного пространства мы не находим нигде в Забайкалье, да, кажется не найдем и в целой Восточной Сибири. Быстрый рост этого населения совершался путем нарождения» [1872, с. 132].

О приходе старообрядцев в Бичуру известно, что прежде всего «ими были заселены земли по Чикою и по р. Джиде, притоку Селенги. Первые были в ведении Троицкосавского Пограничного комиссара, а вторые относились к Селенгинскому ведомству. Те, которые поселились по Чикою, там и остались, а Джиде не понравилась, поэтому новые поселенцы направились на Хилок, где в то время кочевали буряты и кое-где были поселения из ясачных... Одни из них сели на Ключах, близ Сухой реки у самого южного колена Хилка. Там жил в то время богатый и знатный бурят Акинь, по имени которого и называется речка Акинька, текшая в Хилок, в настоящее время сухая, забитая песком и текущая только весной и во время сильных дождей. Другие пошли дальше, где в глубине Бичурской долины было уже 2–3 дома старожилов, а вся равнина к Хилку верст на 10 в ширину занята бурятскими казаками» (ГАИО. Ф. 293. Оп.1. Д. 511. Л. 15, 15 об.). Впервые данные о численности проживавших на р. Иро людей опубликовал С.В. Максимов. Он сообщил о 26 семьях, или о 70 душах муж. п., и привел фамилии всех семей [1871, с. 323]. «Не страшил их никакой труд и борьба с природой, – писал П.А. Ровинский, – не встретили они сопротивления в русских поселщиках, сидевших в какой-то трущобе, в самом тесном месте Бичурской долины, среди болот, почему и названа эта часть Грязнухой... Первоначально они занимали противоположную православным сторону реки» (ГАИО. Ф. 293. Оп.1. Д. 511. Л. 21 об.) (рис. 1).

От старожилов села Е.А. Петрова и Евстигния Антоновича Куприянова (1898 г. р.) Ф.Ф. Болоневым в 1969 г. записано: «...семейские ехали в Забайкалье три года... Жители Елани, Малого Куналея, Буя на 40 лет

Рис. 1. Один из первых домов в с. Бичура. Вторая половина XVIII в. Фото Ф.Ф. Болонева.

раньше семейских поселились в своих селах. А поселиться в Бичуре помог один из бурят, он указал падь, не занятую никем». «Бичура стала селиться там, где нынче улица Маскова. Граница с бурятами и монголами была по Утесу», – сообщил Филипп Иванович Авдеев (78 лет). В 1982 г. Евдоким Никитович Гнеушев (1900 г. р.) рассказывал: «Гнеушевых в Бичуре было два брата. Один черный, другой белый и до сих пор бытуют прозвища: белоусята и корнеушата, т.е. коренные, похожие на бурят. Потом из русских первыми попали сюда Савельевы. До сих пор сохранились бурятские фамилии Шойдуровы, Шараповы. Позже из ссыльных появились Чубаровы...» Житель с. Мотня Мартын Ипатович Афанасьев (75 лет) указывал: «Семейские поселились в Бичуре в 1666 г. (Эту же дату называли в Тарбагатае, старики на целое столетие удревняют свое поселение. – Авт.). Сначала семейские остановились в Хаяне, Торме, затем им сказали, что в Грязнухе большая речка, а в Торме нет воды. Начали строиться в Грязнухе, ставили избы. Что за день семейские мужики построят, монголы ночью растащут по степи». По сведениям Агафона Анкиндиновича и Екатерины Карповны Павловых (1890 и 1900 г. р.), «в Бичуру сначала пришли с Иро (река) 7–12 семей. Они поселились в Грязнухе (это остров напротив Утеса). Но там стало тесно, тогда стали заселять Большую улицу. Первыми там стали строиться Петровы. Сколько бревен (венцов) оклада за день положат. За ночь их буряты растащат. Потом один из семейских сходил в Иркутск к губернатору, с ним пришла комиссия, и дела уладили».

Первые поселения семейских в селе, по словам жителя Бичуры Е.Д. Луговского, появились на увале Ромашенька, за утесом (рис. 2). По сообщению Андрея Иммануиловича Иванова (1890 г. р.), жителя Петропавловки, в Бичуру пришли девять-десять до-

мохозяев: Ивановы, Слепневы, Афанасьевы, Ткачевы, Савельевы, Перельгины, Авдеевы, Терюхановы, Белых, Просвиренниковы.

В найденной и опубликованной Н.Н. Покровским «ведомости» генерал-майора П. Ивашева от 25 сентября 1768 г. Бичура еще не упомянута. Будущие бичуряне-старообрядцы – 72 души м. п. и 68 душ ж. п., всего 140 чел. – еще числятся в с. Покровском «в верховых от Селенгинска местах» [Покровский, 1975, с. 111–112].

В «Ведомости, учиненной по силе повеления генерал-майора Лариона Тимофеевича о живущих в Верхнеудинском округе старообрядцах-посельщиках, выведенных из Польши в разных селениях» в феврале 1795 г. указывалось «число душ при поселении» мужского пола – 70, женского пола – 66. «По 4-ой ревизии» (1781–1782 гг.) зафиксировано душ мужского пола – 129, женского – 106. «Переведены из Польши и поселены наперво по речке Иро слободой под названием Покровского села. Из них осталось при оной речке по 4-ой ревизии мужеска пола 2 и женска 2 и приписаны к Жидинскому ведомству. А потом переведены на речку Бичуру под названием Бичурской деревни... Ныне вновь рожденных муж. п. 77, жен. п. 85» (цит по: [Болонев, 2009, с. 312]). Село относилось к Ускулутскому обществу.

Ф.Ф. Болоневым в ГАИО найдены списки старообрядцев по селам за 1795 г., составленные посельщиками-крестьянами этих селений. В Бичуре числилась 31 семья и проживали 186 мужчин и 185 женщин, всего 371 чел. [Там же, с. 316]. В списке указаны главы семейств – Петр Нестеров, Семен Гладких, Трифон Просвирельников, Андрей Белой, Никифор Афанасьев, Федор Разуваев, Семен Нестеров, Сидор Киприянов, Сильвестр Пантелеев, Мамант Иванов, Епифан Тюрюханов, Логин Иванов, Андронник Гаврилов, Василей Петров, Дмитрий Савельев, Василий Пузанов, Трофим

Рис. 2. Один из первых домов в с. Бичура. Конец XVIII в. Фото Ф.Ф. Болонева.

Тимофеев, Фирс Иванов, Никита Ткачев, Иван Ткачев, Иван Голованов, Иван Родионов, Аврам Утенков, Ефим Мартынов, Сергей Перельгин, Данило Перельгин, Михайло Турчанинов, Андрей Слепнев, Никита Клычин, Федор Михеев, Тимофей Авдеев [Там же].

Е.Д. Федотовой собраны и проанализированы статистические данные, которые позволяют проследить динамику численности населения Бичуры и его этноконфессиональный состав. Среди жителей села преобладали старообрядцы – 90 %, старожильское православное население составляло 10 %. Это соотношение практически не изменялось на протяжении всей до-революционной истории Бичуры. Небольшую долю в общей численности составляли т.н. поселщики. В документах о Бичуре с 1810 г. встречаются указы о водворении поселщиков на места. Об этом населении в одном из приказов Верхнеудинского земского комиссара Измайлова сообщается следующее: «Во всех селениях усматриваю я, что присылаемые на пропитание ссыльные вместо того, чтобы они снискивали оное посильной труду работою по возможности у поселян, шатаются постыдно по миру из одного селения в другое... совершенно бродягами, чрез что иногда по испорченности нравов могут происходить дурные последствия» (ГАИО. Ф. 293. Оп.1. Д. 511. Л. 19 об.). Там же говорится о необходимости прикрепления их к определенной территории. Поселщики, как правило, селились среди православных и к ним же приписывались. Семейские жили обособленно; согласно документам, «ссыльные даже если попадали в их среду, то тут же в ней растворялись» (Там же).

Ценные данные о начальном этапе переселения старообрядцев в Бичуру и о росте их численности более чем за 50 лет собрал П.А. Ровинский, работая с материалами ряда волостных архивов, которые впоследствии не сохранились [1872]. Согласно его сведениям, в 1804 г. в Бичуре было 186 старообрядцев м. п. В 1809 г. в селе насчитывалось 220 ревизских душ, а в 1820 г. – 472. В 1825 г. в нем зафиксированы старообрядцы – 381 ревизская душа (в 150 домах), старожилы – 34, различные поселщики – 57, всего 614 мужчин и 539 женщины, из них старообрядцев 530 мужчин и 539 женщин. В 1825 г. в Бичуре насчитывалось всего 1 069 старообрядцев, которые проживали в 150 домах. В том году у семейских родилось 45 детей, умерло 23, т.е. прирост составил 22 чел. Среди старообрядцев 1 чел. умер в возрасте 55 лет, 5 чел. – от 6 до 14 лет, остальные 17 чел. – до 5 лет. Эти данные свидетельствуют о высокой детской смертности. В 1825 г. самую старшую возрастную группу составляли двое мужчин 81 года и 77 лет, группу от 72 до 75 лет – шестеро мужчин, 70 лет – три женщины. Следовательно, население в целом было молодым [Там же].

К 1835 г. численность старообрядцев в селе увеличилась – 764 мужчины и 778 женщин. В 1860 г. насе-

ление Бичуры включало старообрядцев 1 178 мужчин и 1 258 женщин, православных сибиряков 172 мужчины и 102 женщины. С 1808 по 1860 г. численность жителей села возросла в 4,5 раза. За 1830–1860 гг. численность старообрядцев увеличилась почти в 2 раза, а сибиряков-старожилов – почти в 1,5 раза [Там же]. Такого высокого прироста не было больше нигде во всей истории народов Сибири. В основе интенсивного роста численности населения села – высокая рождаемость, которая достигала максимально возможных показателей у женщин. Религиозно-этическими нормами староверов были закреплены мировоззренческие установки на высокий уровень рождаемости и укрепление семейно-брачных отношений. Однако непризнание научной медицины являлось причиной очень высокой детской смертности.

По данным Ю.Д. Талько-Грынцевича, в 1894 г. в Бичуре насчитывалось 700 домов, население составляло более 5 тыс. чел. Село протянулось на 11 верст. В конце XVIII в. в нем проживала 31 семья, в т.ч. по две семьи Нестеровых, Ткачевых, Перельгиных. В 1894 г. семейные кланы бичурян сильно разрослись: Перельгиных – 64 дома (450 чел.), Афанасьевых – 43, Савельевых – 39, Терюхановых – 88 домов (547 чел.), Белых – 20, Утенковых – 41 дом. Следовательно, население Бичуры увеличилось в 17 раз [Талько-Грынцевич, 1894].

Стремительный рост населения стал причиной нехватки земли в крестьянских хозяйствах Бичуры. Это вызвало миграцию на новые места жительства. В начале XX в. бичурянами было основано несколько новых селений: Мотня, Новосретенка, Петропавловка, Покровка. Часть бичурян откочевала на Амур и в Приморье. Численность населения в Бичуре продолжала расти и в годы Первой русской революции, Русско-японской войны, Первой мировой войны. На начало 1919 г. в селе проживало ок. 7 тыс. чел. С момента поселения в Бичуре семейских и до начала XX столетия численность жителей села выросла примерно в 50 раз.

Высокие нравственные принципы, веками пестовавшиеся старообрядческой церковью, здоровый образ жизни, трудолюбие, неприятие спиртного и табака, разрешение завязывать брачные связи внутри своей общины только через семь поколений – все это, несомненно, способствовало формированию духовно и физически здорового населения. Об этом писали декабристы, путешественники и исследователи быта старообрядцев. Как отмечал М. Геденштром, «старообрядцы в Забайкалье составляли здесь коренную, полезнейшую часть поселян. Народ рослый и красивый, в чем выгодно отличается от сибиряков, в строении домов и селений, в пище и одежде, в наречии имеют они совершенное сходство с русскими внутренних губерний, которых в чистоте и опрятности даже превос-

ходят. Увидев старообрядцев и их селения, забываем, что в глубокой Сибири, и воображаем, что перенесены в богатые села среди России. Старообрядцы твердо держатся веры своих отцов. По большей части имеют они беглого попа, главное достоинство коего, по мнению их, должно состоять в том, чтоб он не имел паспорта и привезен был из их монастырей в России, куда для сего посылают нарочных людей с большими издержками... Есть между ними и соединенцы и беспоповщина...» [1830, с. 63]. М.Е. Салтыков-Щедрин называл старообрядцев цветом русского простолюдья [1955, с. 5].

О Бичуре собирал материал М.И. Орфанов, он прожил в селе около двух месяцев на квартире «завязтого семейского почтенного старика, отца 8 сыновей, из коих каждый был бы годен в гвардейские правофлан-

Рис. 3. Бичурские женщины. Фото 1920-х гг. из Читинского областного краеведческого музея.

говые» [Мишла (Орфанов), 1883, с. 44]. Староверы из Черниговской и Могилевской губ. в Забайкалье развели такое хлебопашество, которое сделало всю эту местность «неисчерпаемой житницей всего этого края и далекого Амура». М.И. Орфанов восторженно писал о красоте семейских: «Что за красавцы! Что за богатыри!.. <...> Мало того, что красивых людей между ними много, они к тому же весьма крупный и сильный народ. Я встречал даже женщин и не особенно редко, вершков в 8–8 ½ и более росту. Старики же бывают такие красивые, сановитые, что прямо просятся на полотно. Они могли бы послужить отличными натурщиками для библейских сюжетов» [Там же, с. 41–44] (рис. 3). Семейские, по оценке М.И. Орфанова, сохранили свои бытовые черты во всей их чистоте. Они «рук не покладают, а работают, по признанию их же соперников, старожилов, за пятерых каждый и потому сравнительно со своими соседями, русскими и бурятами, являются богачами. Главное их средоточие с. Бичура, имеет в длину до 9 верст» [Там же, с. 43]. В книге М.И. Орфанова имеются очень важные сведения о заселении села староверами, их взаимоотношениях с местным населением. От «завязтого семейского» автор записал: «Заведовать ими назначен был один чиновник и назывался комиссаром. Лихой он был человек, и тяжело приходилось нашим. Братъто хоть брал и немного – можно было жить – да строг был, – непременно, чтоб его воля была исполнена. К примеру требовал, чтоб обстроиться им в одну зиму» [Там же, с. 44].

С установлением советской власти старообрядческая церковь постепенно вытеснялась из жизни семейских, существенно сокращалось ее влияние на новые поколения. Широкое распространение получил процесс обмирщения. Религиозно-этические нормы, регулирующие брачно-семейные отношения,

Рис. 4. Улица современной Бичуры. Фото Ф.Ф. Болонева.

репродуктивные установки – один из определяющих факторов высокой рождаемости – перестали быть неизбежными. Постепенно нормой стали применение средств контрацепции и аборт; население перешло к сознательному планированию семьи. Однако еще в 1950-е гг. в мировоззрении небольшой части населения сохранялась установка на высокий уровень рождаемости. В 1960–1970-е гг. показатели прироста населения в Бичуре были выше среднереспубликанских и среднесоюзных. Прирост численности населения села продолжался и в 1980-е гг., хотя его темпы снизились.

В 1995 г. в Бичуре проживало 11 783 чел. Это максимальный показатель численности населения села за весь период его существования. С 1996 г. наблюдается убыль населения. По данным на 2008 г., в Бичуре было 9 798 жителей. Убыль ее населения отчасти сдерживается притоком жителей из малых сел. Никогда в старообрядческих селах численность населения так не сокращалась, как в последние 10–15 лет. Устойчивость проявляют тенденции к снижению рождаемости, старению населения и др.; они складывались на протяжении последних 20–40 лет, а сегодняшнее экономическое состояние сельского хозяйства только способствует их развитию. Потенциальные возможности этнографической группы семейских к воспроизводству существенно ослабевают, что усиливает процесс потери этнокультурного колорита и уникальных традиций.

Сегодня с. Бичура остается самым крупным сибирским селом с самым длинным в мире сельским проспектом (ныне ул. Коммунистическая), занесенным в Книгу рекордов Гиннеса (рис. 4). Старообрядцы во все времена жили в сложных условиях. При этом историческая память, вера в себя спасла не одно поколение прародителей староверов-семейских, позволила сохранить лицо народа, его духовную крепость, традиции и культуру.

Список литературы

Болонев Ф.Ф. Новые документы из материалов Селенгинского Троицкого монастыря за 1734 год, хранящиеся в Национальном архиве Республики Бурятия // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 152–156.

Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – 340 с.

Геденштром М. Отрывки о Сибири. – СПб.: [Тип. мед. департамента МВД], 1830. – С. 60–63.

Максимов С.В. Сибирь и каторга. – СПб., 1871. – Ч. I. – 323 с.

Машанова Л.В. Хозяйство Селенгинского Троицкого монастыря в первой половине XVIII в. // Вопросы истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1973. – С. 150–165.

Мишла (Орфанов М.И.) В. Дали. (Из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни. – М., 1883. – 105 с.

Покровский Н.Н. К истории появления в Сибири забайкальских «семейских» и алтайских «поляков» // Изв. СО АН СССР. – 1975. – № 6: Сер. обществ. наук, вып. 2. – С. 109–112.

Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Изв. Сиб. отд. ИРГО. – 1872. – Т. 3, № 3. – С. 128–132.

Салтыков-Щедрин М.Е. Мелочи жизни. – М.: Гос. изд-во худ. лит., 1955. – 356 с.

Талько-Грынцевич Ю.Д. Семейские (старообрядцы) Забайкалья // Протокол Троицкосавского Кяхтинского отделения Приамурского отдела РГО. – 1894. – № 2 (28 окт.). – С. 14–15.

Шмулевич М.М. Очерки истории Западного Забайкалья XVII – середины XIX в. – Новосибирск: Наука, 1985. – 286 с.

Шмулевич М.М. Троицко-Селенгинский монастырь. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1982. – 64 с.

*Материал поступил в редколлегию 08.05.13 г.,
в окончательном варианте – 13.05.13 г.*

A b s t r a c t

Based on archival and field data, the early history of the largest eastern Siberian village, Bichura, is reconstructed. Initial colonization, the life of the pioneers, and their relations with the natives are described. The growth of the village population is traced over nearly two and a half centuries.

Keywords: *Siberia, Old Believers, population growth, agriculture, colonization, migrations.*

**Т.А. Чикишева¹, А.В. Зубова¹, А.Л. Кривошапкин²,
В.П. Курбатов², П.В. Волков¹, А.Т. Титов³**

¹Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: chikisheva@ngs.ru; zubova_al@mail.ru; volkov100@yandex.ru

²НИИ патологии кровообращения им. акад. Е.Н. Мешалкина МЗ РФ
ул. Речкуновская, 15, Новосибирск, 630055, Россия
E-mail: alkr@yandex.ru; vk73@mail.ru

³Институт геологии и минералогии СО РАН
пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: titov@igm.nsc.ru

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ТРЕПАНАЦИЙ У РАНИХ КОЧЕВНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

В работе обсуждаются результаты изучения трех случаев трепанации черепов, полученных из рядовых погребений в курганах IV–III вв. до н.э. на территории Горного Алтая. Установлены причины проведения этих операций, охарактеризована степень их успешности, реконструированы технологии выполнения. Применялись методы макроскопического исследования черепов с использованием оптики, многосрезовая компьютерная томография, рентгенофлуоресцентный и масс-спектральный анализ костной ткани. Установлено, что трепанации носили не ритуальный, а лечебный характер. Полученные данные позволяют утверждать: население Алтае-Саянского нагорья IV–III вв. до н.э. обладало медицинскими знаниями, достаточными для проведения сложных операций на черепе. Поскольку инструменты хирургов были изготовлены из оловянистой бронзы, которая в IV–III вв. до н.э. в Южной Сибири выплавлялась только на территории Минусинской котловины носителями сарагашенской культуры, вполне вероятно, что по меньшей мере две удачные трепанации в Горном Алтае могли быть выполнены целителями из Минусинской котловины.

Ключевые слова: трепанация, нейрохирургия, пазырыкская культура, сарагашенская культура, ранние кочевники, скифское время, рентгенофлуоресцентный анализ, масс-спектральный анализ, трасологический анализ.

Введение

Ранние кочевники, заселявшие территорию Горного Алтая в скифскую эпоху, приблизительно 2 500 л.н. (VI – начало II в. до н.э.), – довольно сложная в этнокультурном отношении общность. Она представлена пазырыкской, кара-кобинской культурами и чумышско-ишимской группой памятников [Кубарев, 2001; Могильников, 1983а; Суразаков, 1983]. Среди них наиболее известна первая. Благодаря формированию в погребальных камерах пазырыкских курганов линз мерзлоты и льда в них сохранились предметы, изготовленные из дерева, кожи, войлока, шерстяных и шелковых тканей, а также мумии и

скелеты людей и лошадей. Изучение этих артефактов позволило реконструировать многие черты хозяйственной деятельности и быта, экономических взаимоотношений с носителями других культур и населением существовавших уже в ряде регионов государств, социальной структуры пазырыкского общества, системы его сакральных представлений и ритуальных практик. Исследован антропологический состав и получены сведения о митохондриальном генофонде пазырыкцев. Синтез результатов археологического, антропологического и палеогенетического исследования пазырыкской культуры совокупно с этнографическими, лингвистическими и генетическими данными, относящимися к совре-

менным этническим группам Алтае-Саянского региона и сопредельных областей Сибири и Центральной Азии, позволил осуществить сложнейший этап анализа археологического феномена – реконструкцию этногенеза [Молодин, 2000]*. Другие группы ранних кочевников изучены не так детально. Тем не менее подробно проанализированы культурные параллели элементам погребального комплекса и антропологические особенности. Нужно отметить, что в их этногенезе активное участие принимали носители пазырыкской культуры.

Казалось бы, археологическая общность не может быть изучена полнее. Тем не менее в культуре ранних кочевников Алтая имеется аспект, который пока еще не привлекал должного внимания исследователей. Речь идет об уровне их медицинских знаний и возможностях целителей, о чем мы можем судить на основании скелетной патологии. Пожалуй, наиболее сильное впечатление оставляют поразительные результаты прижизненных трепанаций черепов: они выполнены настолько искусно, что прооперированные люди прожили после операций довольно долгое время. Рассмотрению этих случаев посвящена данная статья.

Материал и методы

В многочисленной (ок. 150 черепов) краниологической коллекции кочевников Горного Алтая скифского времени нами обнаружено 3 экз. с прижизненными трепанациями. Один из них (мужчины возрастом 50–60 лет) происходит из кург. 3 могильника Бике III, расположенного в одноименном урочище в долине среднего течения Катунь, на ее правом берегу, в 6 км от с. Еланда и в 17 км от с. Эдиган Чемальского р-на Республики Горный Алтай. В.Д. Кубарев, исследовавший этот могильник, отнес его к культуре ранних кочевников Алтая и датировал в пределах V–IV вв. до н.э. Он отметил этнокультурную специфичность данного памятника (наряду с другими погребальными комплексами средней Катунь) по сравнению с курганными могильниками пазырыкской культуры, выражающуюся как в чертах погребальной обрядности, так и в своеобразии керамической посуды. Исследователь обнаружил влияние со стороны более северной боль-

шереченской и западной сакской культурно-исторических общностей [Кубарев, 2001].

Два черепа с трепанациями обнаружены в курганных группах Кызыл-Джар IV (кург. 2, инвентарный номер в антропологической коллекции Томского государственного университета 2009, захоронена женщина в возрасте ок. 30 лет) и V (кург. 3, номер в той же коллекции 2012, захоронен мужчина в возрасте 40–45 лет), расположенных в высокогорной долине одноименного урочища, в 7–8 км от с. Бельтир Кош-Агачского р-на Республики Горный Алтай. Раскопаны В.А. Могильниковым. В первой группе все захоронения совершены в каменных ящиках, во второй – в каменных ящиках, могиле с подбоем и в срубе. Исследователь датировал памятники IV–III вв. до н.э., констатировал относительное разнообразие погребального ритуала, обусловленное, по его мнению, смешением различных этнических групп – местных пазырыкских и пришлых с территории Восточного Казахстана [Могильников, 1983б].

Судя по характеру погребений, количеству и составу сопроводительного инвентаря, все три прооперированных индивида являлись рядовыми членами в своих этноплеменных группах. Сочетание основных расово-диагностических черт на черепках погребенных позволяет отнести их к одному антропологическому типу, характеризующемуся крупными размерами мозговой капсулы и лицевого отдела, мезоморфностью их пропорций, оцениваемых по соотношениям поперечных и продольных диаметров, ортогнатным вертикальным и уплощенным горизонтальным профилем лица, средневысоким углом выступления носовых костей и высоким переносьем. Мы предполагаем, что данный антропологический тип автохтонен для ранних кочевников Горного Алтая. Его можно отнести к южной евразийской антропологической формации*.

*Она представляет собой крупную систематическую единицу антропологической классификации, предложенную одним из авторов статьи по результатам краниологического изучения представителей широкого культурно-хронологического спектра Южной Сибири и Центральной Азии [Чикишева, 2012]. Краниологические варианты этой формации отличаются монголоидно-европеоидной промежуточностью расово-диагностического комплекса черт, не зависимой от метисационных процессов, а восходящей к древнему недифференцированному антропологическому пласту надрасового уровня. Ареал данного морфологического комплекса связан с центральными горно-степными районами Евразии: он включает долины Горного Алтая, Саян, Джунгарского Алатау и Тянь-Шаня. По имеющимся на сегодняшний день палеоантропологическим материалам установлена длительность «функционирования» этого ареала – со второй половины IV тыс. до н.э. до рубежа эр.

*Мы не ставим своей задачей представить в данной статье историографический обзор, хотим только подчеркнуть, что общемировая известность пазырыкской культуры обусловлена трудом многих исследователей. Укажем на несколько монографических публикаций, в которых с наибольшей полнотой отражено содержание и анализ этого археологического феномена: [Руденко, 1953, 1960; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 1994, 2001; Феномен..., 2000; Население..., 2003].

Настоящая статья носит обобщающий характер и в методологическом отношении основана на контекстуальном синтезе полученных нами результатов и опубликованных материалов других исследователей. Под контекстом мы понимаем совокупность зафиксированных данными археологии и письменными источниками исторических факторов и обстоятельств, в окружении которых существовал феномен хирургического целительства у ранних кочевников Горного Алтая.

Методически случаи трепанации были исследованы в нескольких аспектах. Практикующий нейрохирург и радиолог оценили адекватность проведенных операций с позиций современной медицины. Ими применялись методы макроскопического исследования черепов при помощи хирургической оптики и многосрезовой компьютерной томографии (МСКТ). Трасолог и специалист по масс-спектральному анализу разрабатывали проблему использованных в ходе операций инструментов*. Антропологи обобщили комплекс полученных результатов, рассматривая достижения древних хирургов как высокоинформативный исторический источник по контактам носителей археологических культур на территории Евразии. Гипотеза подобного плана была уже высказана по отношению к реконструкции системы контактов сообществ и популяций Нового и Старого Света [Brothwell, 1994]. В результате этих исследований мы получили достаточно полное представление об особенностях проведения данной хирургической операции – сложной для исполнения и сопряженной с рисками осложнений и смерти даже в высокотехнологичной хирургии сегодняшнего дня – ранними кочевниками 2 500 л.н.

Мы исключили из рассмотрения сакральный аспект манипуляций с головой человека, к которому относятся посмертные трепанации, являющиеся «технологическим» этапом бальзамирования трупов или ритуалом освобождения души из тела покойника, и сконцентрировали внимание на исцеляющем значении этой процедуры. Надеемся, что полученная нами информация добавляет новые краски в картину совокупных достижений самобытного мира кочевых народов древности.

Результаты и обсуждение

Трепанация на черепе мужчины из кург. 3 могильника Бике III локализована на левой теменной кости в 15 мм от венечного шва и 50 мм от сагиттального

(рис. 1). Имеются выраженные признаки новообразования кости, подтвержденные данными МСКТ (рис. 2), что свидетельствует о долгой жизни индивида после операции. Трепанационное отверстие полуовальной формы. Его наружные размеры 45 × 52 мм, внутренние – 22 × 34 мм.

У черепа наблюдается врожденная деформация в виде уплощения правой половины затылочной кости за счет неравномерного закрытия затылочных швов – лямбдовидная плагиоцефалия (*lambdoid plagiocephaly*), что в данном возрасте не имеет клинического значения и не требует лечения по современным понятиям. Признаки травмы черепа отсутствуют, компьютерная томография не выявляет изменений, характерных для поражения менингиомой, и мотивы проведения операции остаются неясными. Вполне возможно, что мы наблюдаем случай лечения травмы головы, не оставившей следов на черепе. Нельзя исключить паразитарное поражение мозга, потребовавшее вмешательства хирурга. В современной Сибири нередко встречаются случаи поражения мозга цистицеркозом и эхинококкозом, требующие хирургического лечения. Скотоводы Алтая в скифское время разводили крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей и свиней, о чем свидетельствует анализ фауны из слоя 8 Денисовой пещеры [Деревянко, Молодин, 1994, с. 14; Васильев, Гребнев, 1994], что позволяет допускать возможность аналогичных заражений.

На мужском черепе из кург. 3 курганной группы Кызыл-Джара V трепанационное отверстие округлой формы выполнено в левой теменной кости на расстоянии 12 мм от сагиттального шва (рис. 3). Его наружные размеры 63 × 64 мм, внутренние – 40 × 41 мм. Край дефекта скошен за счет вынесения части наружной пластинки.

Причина проведения операции в данном случае определяется однозначно как лечение травмы черепа, о чем свидетельствуют следы линейного перелома в левой височной и теменной костях. Он возник с большой вероятностью в результате нанесения удара праворуким противником в левую теменно-височную область. Визуально определяются признаки новообразования кости как по краю дефекта, так и по линии перелома. Известно, что заживление такого перелома растягивается на многие годы [Практическая нейрохирургия, 2002]. МСКТ продемонстрировала хорошую регенерацию и заживление кости (рис. 4). По характеру перелома, идущего на сагиттальный шов, под которым располагается сагиттальный синус, можно с большой вероятностью подозревать развитие эпидуральной гематомы вследствие травматического разрыва края синуса. Целью проведенной пазырыкским хирургом успешной трепанации было интракраниальное содержимое. Отверстие очень удобно для эвакуации внутричерепной гематомы: оно имеет достаточные

*Детальное изложение использованных ими методов исследования с описанием нюансов методик готовится к публикации.

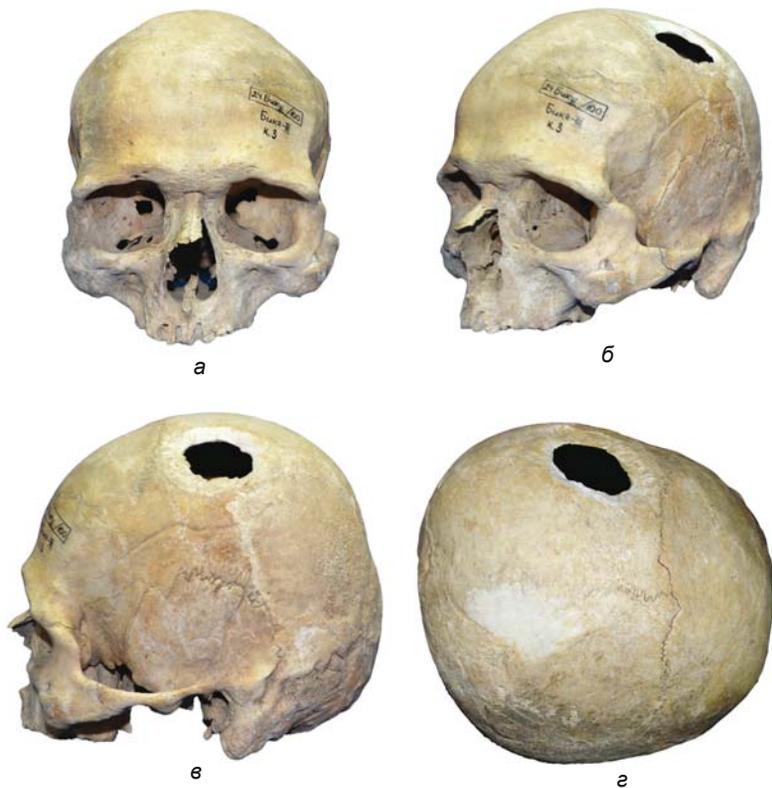
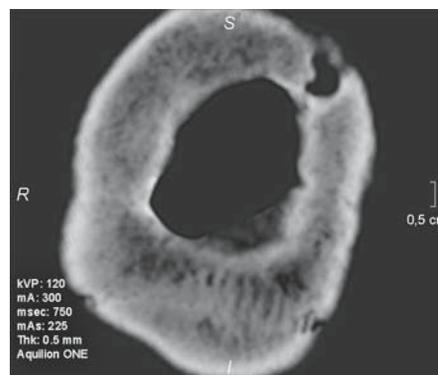

Рис. 1. Череп мужчины из кург. 3 могильника Бике III.
а – фронтальная проекция; б – проекция поворота вправо на $\frac{3}{4}$; в – латеральная проекция; г – вертикальная проекция.

а

б

Рис. 2. Трепанационный дефект на черепе мужчины из кург. 3 могильника Бике III.
а – снимок, выполненный фотоаппаратурой; б – результат обследования МСКТ – срез через трепанационный дефект в горизонтальной проекции.

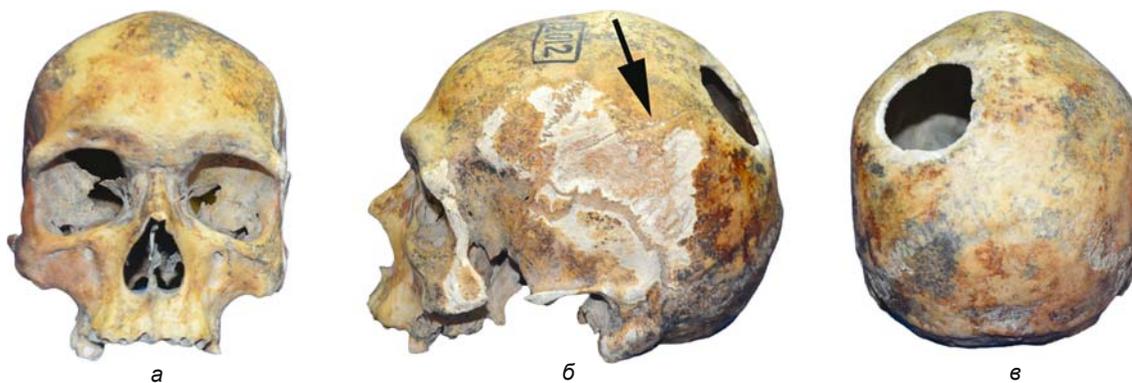
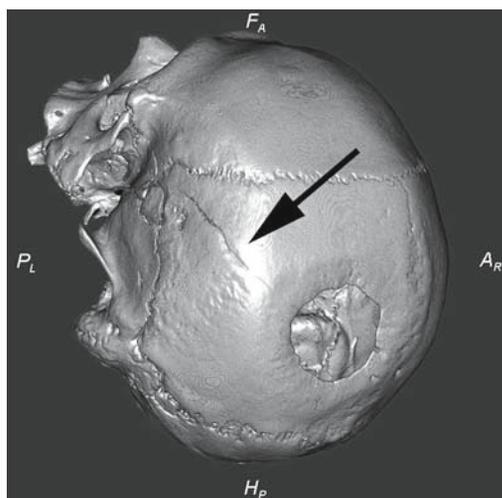

Рис. 3. Череп мужчины из кург. 3 курганной группы Кызыл-Джар V.
а – фронтальная проекция; б – латеральная проекция (стрелка указывает на линейный перелом); в – затылочная проекция.

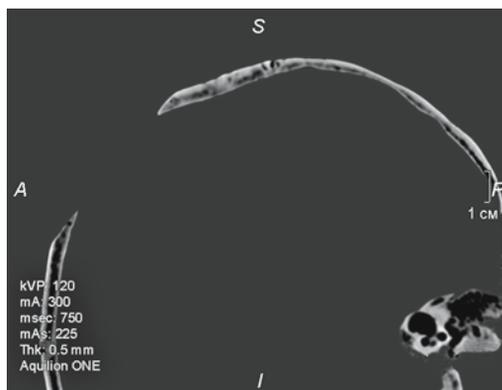
размеры, центрировано на линию перелома, удалены все слои теменной кости.

На черепе молодой женщины из кург. 2 курганной группы Кызыл-Джар IV округлое трепанационное отверстие (рис. 5) с наружным диаметром 39×36 мм и внутренним 23×16 мм выполнено в задней половине теменного отдела. Его центр проходит строго по са-

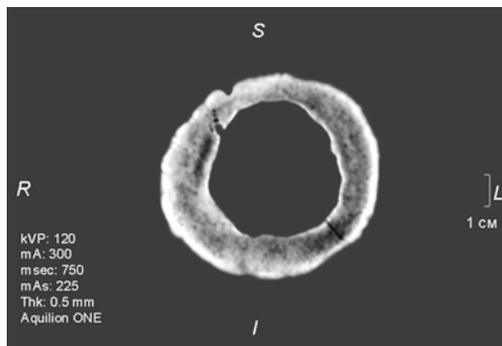
гиттальному шву. Отверстие имеет сквозной характер: удалены все слои кости – компактные пластинки (наружная и внутренняя) и губчатое вещество. Признаки новообразования костной ткани отсутствуют, этот вывод подтвержден МСКТ (рис. 6), не обнаружившей реорганизации костных балок. Осмотр черепа и данные МСКТ свидетельствуют о том, что женщина

а

б

в

Рис. 4. Результат обследования черепа мужчины из кург. 3 курганной группы Кызыл-Джар V методом МСКТ. а – объемная модель черепа (стрелка указывает на линейный перелом); б – срез через трепанационный дефект в боковой проекции; в – горизонтальный срез через поверхность трепанационного дефекта.

получила тяжелую травму в виде перелома правой височной кости и основания средней черепной ямки. Судя по характеру повреждения, это результат падения с высоты. Полученные данные свидетельствуют о том, что пострадавшая погибла либо во время опера-

а

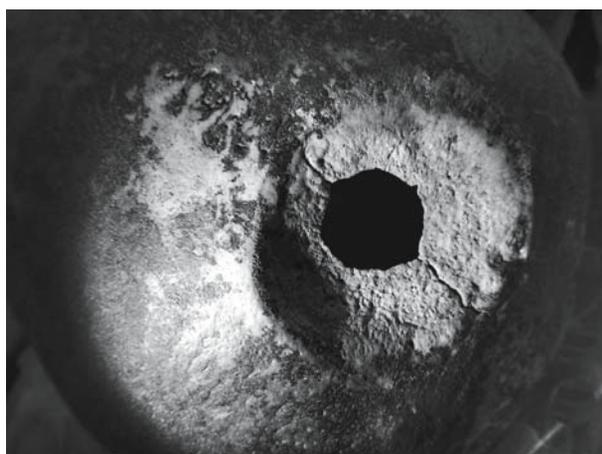
б

в

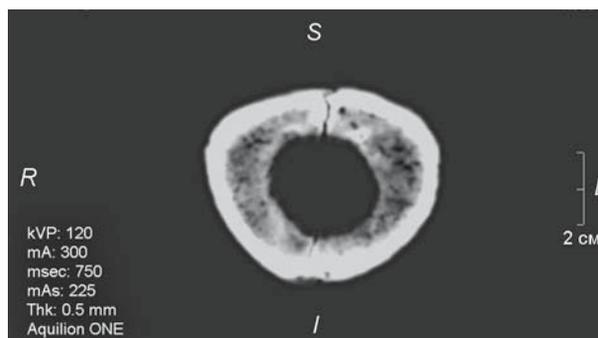
Рис. 5. Череп женщины из кург. 2 курганной группы Кызыл-Джар IV. а – латеральная проекция; б – фронтальная проекция; в – вертикальная проекция.

ции, либо вскоре после ее завершения или трепанация проводилась посмертно. Как показал трасологический анализ операционного поля, методика ее выполнения отличалась от двух операций с благополучным для пациентов исходом.

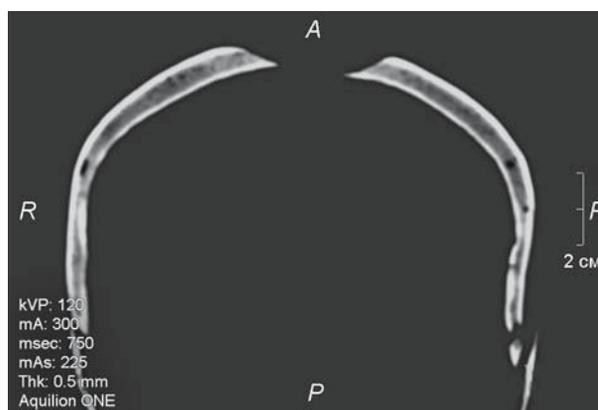

а

Рис. 6. Трепанационный дефект на черепе женщины из кург. 2 курганной группы Кызыл-Джар IV. а – снимок, выполненный фотоаппаратурой; б, в – результат обследования методом МСКТ: б – горизонтальный срез через поверхность трепанационного дефекта; в – срез через трепанационный дефект в вертикальной проекции.

б

в

Переходя к обсуждению полученных результатов, мы акцентируем внимание на успешности двух из трех проведенных ранними кочевниками операций. Прежде всего она обусловлена адекватными размерами отверстий и расположением их в безопасных местах, чтобы избежать массивного кровотечения. Такие операции требуют медицинских знаний. Возможно ли было возникновение их системы в культуре ранних кочевников Евразии или отдельные ее элементы, в частности нейрохирургические знания, были привнесены в мир степных скотоводческих обществ из окружающих его социумов державного типа, где были созданы условия для развития науки?

Объективные письменные источники, в которых современники повествовали бы о разных сторонах жизни сако-сибирских племен, отсутствуют. При этом широкой известностью пользуются обобщенные Геродотом труды античных авторов, хорошо знакомых только со страной причерноморских скифов (Геродотовой Скифией) и в основном со слов скифов, получавших представления, зачастую весьма искаженные, об их близких и далеких соседях [Геродот, 1999]. Все племена, населявшие неисследованные окраины ойкумены к северу и востоку от освоенной греками Скифии, упоминаются в контексте, близком мифологическому. Дикими народами для античных авторов были и сами скифы. Археологические открытия XX–

XXI вв. явили миру богатейшее сакральное содержание и художественный колорит культур ранних кочевников Евразии, предоставив материал для реконструкций сложных мировоззренческих и мифологических представлений этнокультурных групп.

При рассмотрении фактов целительского мастерства на первый план выходит утилитарный аспект, связанный с необходимостью применения определенных физических действий к живому человеческому телу, что предполагает постижение принципов его строения и физиологии. Сложные хирургические процедуры требуют особого таланта и длительного индивидуального обучения врача наставниками. Соответственно, техника выполнения операций каждого конкретного хирурга должна основываться на базовых приемах, принятых в той «школе», где он обучался. С целью выявления возможного источника медицинских знаний у пазырыкского населения нами были проанализированы основные древние трактаты, в которых системно излагались способы хирургического лечения болезней и травм в древнейших государствах Старого Света. В их число вошли египетские папирусы Эберса (XVI в. до н.э.) [The papyrus Ebers, 1930] и Смита (XVII в. до н.э.) [Wilkins, 1964], индийская Сушрута-Самхита (IV в. н.э.) [An english translation of the Sushruta Samhita..., 1907] и «Гиппократов сборник» (лат. «Corpus Hippocraticum») – первый свод

трудов древнегреческих врачей, составленный в III в. до н.э. [Гиппократ, 1936]*.

Общим для всех трактатов является то, что показаниями как к неинвазивным лечебным процедурам, так и к инвазивным вмешательствам в костную ткань черепа являются травмы. Каких-либо сведений о лечении патологий опухолевого, сосудистого, инфекционного или паразитарного характера не приведено. Единственным источником, в котором подробно обсуждается концепция лечения травм головы методом трепанации, является работа Гиппократа «О ранах головы». В других трудах предлагаются исключительно неинвазивные способы врачевания, не подразумевающие специальных хирургических манипуляций с костной тканью. Нужно, однако, отметить, что эти сведения не вполне соответствуют состоянию палеоантропологических источников. Трепанации зафиксированы практически во всех культурных центрах Старого Света. Археологами обнаружены трепанированные черепа в двух больших сериях мумий и скелетов из некрополей Египта, датируемых, правда, в очень широких пределах: Западные Фивы (Thebes West) – 1500–500 лет до н.э., Куббет-эль-Хава (Qubbet-el-Hava) – 3000–500 лет до н.э. [Nerlich et al., 2003], но включающих синхронный эпохе ранних кочевников Евразии интервал – поздний период истории Древнего Египта. Из 1482 обследованных индивидов у десяти были обнаружены следы трепанаций (овальной или округлой формы), выполненных методами резания и выскабливания, причем у девяти – прижизненные с хорошим прогнозом выживания после операции. В обоих некрополях захоронены представители высшего и среднего социального слоя египетского общества. В дифференциальных прогнозах этих популяций имеются такие заболевания,

как злокачественные метастазирующие опухоли. На прооперированных черепах обнаружены доброкачественные опухоли, но их локализация не совпадает с участками трепанаций, которые выполнялись в основном для удаления сломанных фрагментов из открытой раны. Трудно судить о том, почему трепанации как метод лечения не упомянуты в папирусах Эберса и Смита, возможно, они вошли в практику египетских врачей в более позднее время.

Успешно выполненные с терапевтической целью трепанации обнаружены в палеоантропологических материалах, происходящих с территории Китая: шесть черепов из пяти местонахождений возрастом 2 000–5 000 лет, относящихся к эпохе неолита, бронзы и раннего железа [Han Kangxin, Chhen Xingcan, 2007]. Операции в основном проводились для излечения травм разной этиологии, захватывающих большие участки черепов. Некоторые раны имеют следы инфицирования и пунктирования места воспаления с лечебной целью. Таким образом, материалы из Китая свидетельствуют о длительном и последовательном применении хирургических операций в медицинской практике носителей разных культур на этой территории. Мы не располагаем научно проанализированной в парадигме западной медицины информацией из медицинских трактатов древнего Китая, но общепризнано, что в его государствах существовала собственная мощная традиция врачевания, не потерявшая своей актуальности и в современную эпоху.

В Индии известен пока только один трепанированный череп. Он происходит из погребения на стоянке Бурзахом (Burzahom) в Кашмире, датированного 4 300–4 000 л.н. На черепе молодой женщины обнаружено 11 последовательно высверленных в течение очень короткого времени отверстий различного диаметра. Эту трепанацию исследователи рассматривают как неудачную попытку лечения некоего ментального заболевания, последствия которого пациентка не пережила [Sankhyan, Weber, 2001]. Таким образом, для предположения о формировании в медицинской практике древней Индии нейрохирургического направления нет оснований. Хотя ритуальный аспект манипуляций с тканями головы здесь, безусловно, присутствовал: данная трепанация могла быть частью разработанной медико-ритуальной церемонии, от которой до нас дошел только трепанированный череп [Ibid.].

Во всех культурах раннего железного века Северной и Северо-Западной Евразии известны случаи трепанаций. Для некоторых ареалов прослеживается существование данной манипуляции вплоть до 12 000–10 000 л.н. Так, на территории Западной Сибири в раннеэнеолитическом погребении могильника Сопка-2, имеющего дату $8\ 005 \pm 100$ лет до н.э. [Молодин, 2001], обнаружен череп со следами тре-

*«Гиппократов сборник» составлен много лет спустя после смерти Гиппократа (460–377 г. до н.э.). Вопрос о том, какие труды оставил после себя сам Гиппократ, до сих пор окончательно не решен. Согласно традициям того времени врачи не подписывали свои сочинения, и все они со временем оказались анонимными. «Corpus Hippocraticum» был составлен в знаменитом александрийском хранилище рукописей, основанном Птолемеем I – Сотером, первым правителем (323–282 гг. до н.э.) эллинистического Египта. Как известно, по его велению в Александрию со всего света свозились рукописи ученых, систематизировались в каталоги, изучались, переводились и переписывались. Среди них были и 72 медицинских сочинения, написанные по-гречески, на ионийском диалекте. Таким образом, александрийские ученые сохранили для потомков труды греческих врачей, живших в V–III вв. до н.э. Большинство исследователей считает, что Гиппократу принадлежат самые выдающиеся работы сборника: «Афоризмы», «Прогностика», «Эпидемии», «О воздухах, водах, местностях», «О переломах», «О ранах головы», «О древней медицине» [Сорокина, 2009].

панации [Полосьмак, Чикишева, Балужева, 1989; Krivoshapkin, Zelman, 2012].

Наиболее полная картина географического и культурно-хронологического распределения трепанаций представлена в работах М.Б. Медниковой [2001, 2003, 2004], которая обобщила практически весь корпус опубликованных источников, что избавляет нас от необходимости углубляться в этот аспект исследования медико-ритуальной практики и позволяет извлечь факты для решения вопроса о происхождении трепанаций у ранних кочевников Горного Алтая в V–III вв. до н.э. В этих работах показано, что у носителей археологических культур Старого Света были широко распространены символические, неполные трепанации, при которых удалялся участок наружной компактной костной пластины или каким-либо способом нарушалась ее целостность у определенных групп людей, проходивших обряд инициации. Также повсеместно зафиксировано ритуальное посмертное выполнение полных трепанаций с удалением костного фрагмента для извлечения мозговой ткани при подготовке умершего к погребению. Это предполагает определенное знакомство с механическими свойствами костей черепа, анатомией самой мозговой капсулы и заполняющих ее тканей, а также существование специально разработанных инструментов, что является важной предпосылкой для следующего шага – перехода к инвазивному вмешательству в ткани головы с терапевтической целью. Такое умозаключение подтверждается данными палеоантропологии – свидетельства ритуальных и лечебных трепанаций часто встречаются на одном некрополе. В некоторых случаях при отсутствии палеопатологического обоснования для операции и следов реакции костной ткани, окружающей трепанированный участок, исследователи затрудняются дифференцировать прижизненный и посмертный характер трепанации.

Один из важнейших обрядов у ранних кочевников евразийских степей – сохранение телесной оболочки умерших соплеменников. Способы мумифицирования были разными: бальзамирование (пропитывание тканей трупа природными веществами, препятствующими их разложению), освобождение тела от внутренних органов и иногда мышц, черепа от мозга, заполнение освободившихся полостей специальными составами трав, обладающих антисептическими свойствами. Причины для проведения подобных сложных процедур имели не только сакральный, но и утилитарный смысл. Так, прощание родственников и друзей с покойным занимало длительное время, поскольку требовалось объехать многие кочевья, рассредоточенные по пространствам степи. Номадам Центральной Азии и Южной Сибири приходилось сохранять умерших несколько зимних месяцев, в которые невозможно было осуществить захороне-

ние. Препарирование тел умерших способствовало формированию в их среде анатомических знаний, возможно более полных и объективных, чем у населения теплых климатических зон, не имевшего проблем с погребением в течение всего года и проживавшего в многолюдных поселениях и протогородах. Это могло быть еще одной предпосылкой для развития хирургических методов в целительской практике кочевников Центральной Азии и Сибири.

Таким образом, основываясь на выявленных предпосылках, можно предполагать развитие хирургических методов лечения заболеваний головы (травматических безусловно, иной этиологии не достоверно) в автохтонной среде скифо-сибирской культурно-исторической общности. Мы не можем также забывать о том, что эпоха раннего железа совпадает со временем существования государств на территориях Египта, Греции, Леванта, Передней Азии, Индии, Китая, где функционировали научные центры и аккумулировались медицинские знания, откуда они могли распространяться путем политических контактов, военной экспансии, экономических миграций.

Важную роль в выполнении хирургической операции играет инструментарий. В археологических исследованиях орудия любого рода деятельности людей лежат в основе идентификации культур. Специальных инструментов для выполнения трепанаций на памятниках, с которых происходят черепа, как и среди сопроводительного инвентаря из всех известных погребений скифского времени на территории Горного Алтая не найдено. Однако практически во всех захоронениях пазырыкской культуры независимо от их социального статуса обнаруживаются бронзовые ножи. Нож – крайне необходимый и универсальный инструмент в повседневной жизни скотовода. Пригоден он и для выполнения манипуляций хирургического характера.

Однако операция могла быть выполнена не только бронзовым ножом. Для этой цели вполне пригодны орудия из кремня либо из железа. При внедрении режущих или выскабливающих инструментов в костную ткань, являющуюся весьма твердой субстанцией, частицы материалов, из которых они изготовлены, должны оставаться на оперированной поверхности. Даже современные хирургические инструменты из высокопрочной стали стачиваются при разрезании, распиливании или сверлении костей при операциях или анатомических исследованиях. Мы предположили, что облитерация поверхности раны у пациентов, выживших после операции, законсервирует в их костной ткани частицы или отдельные молекулы веществ, использованных в процессе лечения, и предохранит их от физических и химических факторов почвы после погребения. Поэтому мы применили рентгенофлуоресцентный и масс-спектральный анализ костной

ткани черепов удачно прооперированных индивидов (Бике III, Кызыл-Джар IV) с целью определения материала, из которого были изготовлены хирургические инструменты. В костной ткани под регенерировавшим слоем оказались частицы меди и олова и отсутствовали частицы мышьяка. Это свидетельствует о том, что использованные для трепанирования инструменты были изготовлены из оловянистой бронзы. Данный факт может указать нам на происхождение инструментов, которыми выполнены трепанации.

С.В. Хаврин в цикле работ по спектральному анализу бронзовых изделий с памятников скифского времени Алтае-Саянского региона выявил хронологическую динамику изменений рецептуры металла и ее локально-территориальные закономерности. Исследователь показал, что на территории Горного Алтая в раннескифское время (VII–VI вв. до н.э.) преобладала бронза с содержанием олова более 10% (оловянистая бронза) [Хаврин, 2008]. В V в. до н.э. (с началом развития пазырыкских культурных традиций) ее сменил

Рис. 7. «Хирургические инструменты» из коллекции Минусинского музея.

а – ножи; б – ланцеты; в – пилы; г – пинцет; д – зонды.

металл, в котором олово отсутствовало или имелось в очень незначительном количестве (1–2 %), – мышьяковистая медь [Хаврин, 2007а, 2008; Степанова, Хаврин, 2005]. Аналогичная ситуация наблюдается в Туве, где на памятниках алды-бельской культуры (VII–VI вв. до н.э.) подавляющее большинство металлических предметов изготовлено из оловянистой бронзы (содержание олова в сплаве достигает 20–25 %), а в материалах сменившей ее уюско-саглынской (VI–V вв. до н.э.) – из мышьяковистой меди [Хаврин, 2002а]. В Минусинской котловине в раннескифское время металл представлял собой в основном мышьяковистую медь, а на этапе развития биджинской (VI в. до н.э.) и сарагашенской (V–III вв. до н.э.) культур – бронзу, в составе которой концентрация олова доходит до 14–16 % [Хаврин, 2002б, 2007б].

Сопоставляя два факта: синхронность погребений, из которых происходят трепанированные черепа времени существования в Минусинской котловине сарагашенской культуры, и выполнение операции инструментом из оловянистой бронзы, можно предположить, что этот инструмент был изготовлен сарагашенскими литейщиками. О такой возможности свидетельствуют бронзовые инструменты, хранящиеся в Минусинском музее им. Н.М. Мартыанова (рис. 7). Их предназначение археологи Н.В. Леонтьев (ссылка на его устное сообщение приведена в монографии М.Б. Медниковой [2001]) и А. Наглер [2012] определили как медицинское. О датировке инструментов говорить сложно, поскольку археологический контекст неизвестен, т.к. они были куплены сотрудниками музея в конце XIX – начале XX в., когда на Енисее происходило массовое разграбление курганов. Тем не менее А. Наглер, принимая во внимание металл (бронзу), из которого изготовлены предметы, качество литья и покрытую полудой поверхность большинства из них, датировал эти вещи эпохой раннего железа [Там же]. Н.В. Леонтьев, ориентируясь на формы навершен, отнес инструменты к сарагашенскому этапу тагарской культуры, т.е. IV–III вв. до н.э.*

А. Наглер нашел аналогии формам рассматриваемых предметов в хранящихся в музеях Германии коллекциях инструментов из медицинских наборов римских врачей. Как известно, на становление культуры Древнего Рима, в т.ч. и на медицину, огромное влияние оказал греческий мир. Первыми хирургами в Риме были греческие врачи [Мирский, 2000], и хирургические инструменты собственно римских врачей фактически копируют греческие, разработанные врачами эллинистической эпохи, а возможно, и «шко-

лы» Гиппократов. Из этой параллели намечается, хоть и зыбкая, связь носителей сарагашенской культуры с медицинскими центрами Греции. Попавшие в силу обстоятельств на территорию Минусинской котловины хирурги из государств эллинистического мира могли практиковать свое мастерство как здесь, так и в соседних племенах. Горный Алтай и Минусинская котловина не изолированы друг от друга, и их не разделяет большое расстояние.

Основным принципом подготовки врача в соответствии с рекомендациями Гиппократов была практическая деятельность, а в качестве лучшей школы для врачей – сопровождение войск в военных походах. Греческие военные хирурги могли попасть в Южную Сибирь (Азиатскую Скифию). В частности, такую возможность предполагает одна из моделей пазырыкского культуругенеза, предложенная Л.С. Марсадоловым. Она основана на внедрении на территорию Горного Алтая групп населения из Переднеазиатского региона под влиянием событий, связанных с разгромом Ассирии мидийцами и лидийцами, их борьбой со скифами и киммерийцами в VI в. до н.э. [Марсадолов, 1999]. Не исключено, что исход на восток переднеазиатских групп продолжился затем в ходе военной экспансии Александра Македонского (334–325 гг. до н.э.). Военные хирурги, участвовавшие в этих походах, могли найти применение своим умениям в любом селении, любом обществе и передавать свои знания местным целителям, тем более что кочевникам нельзя отказать в осведомленности относительно анатомии человека. Инструменты из наборов хирургов могли копироваться местными мастерами-литейщиками.

Заключение

По совокупности данных, полученных нами при изучении случаев трепанации, зафиксированных на черепах ранних кочевников Горного Алтая, можно заключить, что они практиковали такую операцию скорее в медицинских, чем ритуальных целях. Уровень развития диагностики и выполнения хирургических манипуляций у врачей, осуществивших трепанации, был достаточно высок. Они имели серьезные знания в области анатомии черепа и интракраниальных венозных коллекторов.

Операции были выполнены по единой технологии, но не все закончились успешно для пациентов. Вероятно, во все времена человеческий фактор, фактор выбора врача имел решающее значение. Это позволяет предполагать существование разных школ у целителей скифского времени и их индивидуальную подготовку. Хирургия всегда была искусством, а не ремеслом. Такое отношение к ней остается актуальным и в XXI в.

*На данное заключение, переданное в личной беседе, ссылается М.Б. Медникова [2001]. П.В. Волков также осматривал эту коллекцию инструментов, консультировался с Н.В. Леонтьевым и согласился с его датировкой.

Мы не можем быть твердо уверены в том, что хирурги, выполнившие проанализированные операции, происходили из среды носителей пазырыкской культуры, поэтому делаем заключение о высоком уровне развития медицинских знаний у ранних кочевников Южной Сибири в целом. Нельзя исключить и возможность их происхождения с территории Восточного Казахстана, влияние населения которой просматривается в материальном комплексе могильников Бике III, Кызыл-Джар IV и V. Однако одним из авторов статьи были рассмотрены краниологические коллекции ранних кочевников из могильников Усть-Нарын, Пчела, Малая Красноярка, Кызыл-Ту, Усть-Бухтарма в Казахстане (фонды отдела антропологии МАЭ РАН), и ни одного случая трепанации там не зафиксировано.

Кроме того, результат масс-спектрального анализа костной ткани из прооперированных участков указывает на то, что инструменты хирургов были изготовлены из оловянистой бронзы, которая в IV–III вв. до н.э. в Южной Сибири выплавлялась только на территории Минусинской котловины носителями сарагашенской культуры. Данный факт, а также обнаружение в материалах этой культуры предметов из бронзы, удивительным образом напоминающих инструменты врачей, позволяют предположить, что по меньшей мере две удачные трепанации в Горном Алтае выполнены целителями из Минусинской котловины.

Список литературы

- Васильев С.К., Гребнев И.Е.** Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – Прил. 3. – С. 167–180.
- Геродот.** История / пер. и примеч. А.Г. Стратановского. – М.: ЛАДОМИР, АСТ, 1999. – 740 с.
- Гиппократ.** Избранные книги. – М.: Биомедгиз, 1936. – 736 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И.** Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 1994. – Ч. 1. – 262 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 301 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 189 с.
- Кубарев В.Д.** Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 141 с.
- Кубарев В.Д.** Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи средней Катунь // Древности Алтая: Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск, 2001. – № 7. – С. 120–145.
- Марсаолов Л.С.** Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. – С. 104–107.
- Медникова М.Б.** Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Науч. мир, 2001. – 314 с.
- Медникова М.Б.** Ритуальное посвящение у древних народов Евразии по данным антропологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 1. – С. 147–156.
- Медникова М.Б.** Трепанации в древнем мире и культ головы. – М.: Алетей, 2004. – 205 с.
- Мирский М.Б.** Хирургия от древности до современности. – М.: Наука, 2000. – 799 с.
- Могильников В.А.** Курганы Кара-Коба II // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983а. – С. 52–89.
- Могильников В.А.** Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тысячелетия до н.э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983б. – С. 40–71.
- Молодин В.И.** Пазырыкская культура: проблемы этногенеза, этнической истории и исторических судеб // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 4. – С. 131–142.
- Молодин В.И.** Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 128 с.
- Наглер А.** О наличии медицинских инструментов у населения Евразии в эпоху раннего железа (к постановке проблемы) // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: К 70-летию академика А.П. Деревянко. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. – С. 337–351.
- Население Горного Алтая в эпоху раннего железа как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики).** – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.
- Полосьмак Н.В.** «Стережущие золото грифы». – Новосибирск: Наука, 1994. – 124 с.
- Полосьмак Н.В.** Всадники Укока. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2001. – 336 с.
- Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А., Балужева Т.С.** Неолитические могильники Северной Барабы. – Новосибирск: Наука, 1989. – 103 с.
- Практическая нейрохирургия:** руководство для врачей / под ред. акад. РАМН Б.В. Гайдара. – СПб.: Гиппократ, 2002. – 648 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 403 с.
- Руденко С.И.** Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 360 с.
- Сорокина Т.С.** История медицины. – М.: Академия, 2009. – 560 с.
- Степанова Н.Ф., Хаврин С.В.** О хронологических особенностях инвентаря из погребальных комплексов скифского времени средней Катунь // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Новосибир. гос. пед. ун-т, 2005. – Т. 2. – С. 155–163.
- Суразаков А.С.** Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I: К вопросу о выделении караобинской культуры // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: ГАНИИИЯЛ, 1983. – С. 42–52.
- Феномен алтайских мумий.** – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 320 с.

Хаврин С.В. Металл скифских памятников Тувы и кургана Аржан // Степи Евразии в древности и средневековье: мат-лы Междунар. науч. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М.П. Грязнова. – СПб., 2002а. – Кн. 2. – С. 171–173.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура: сб. ст. к 60-летию М.Л. Подольского. – СПб.: [б.и.], 2002б. – С. 183–193.

Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула // Кубарев В.Д., Шульга П.И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007а. – С. 278–281.

Хаврин С.В. Тагарские бронзы Ширинского района Хакасии // А.В.: сб. науч. тр. в честь 60-летия А.В. Виноградова. – СПб.: Культ-Информ-Пресс, 2007б. – С. 115–122.

Хаврин С.В. Анализ состава раннескифских бронз Алтая // Шульга П.И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса из Алтая. – Барнаул: Азбука, 2008. – Ч. 1: Раннескифское время. – С. 173–178.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

An english translation of the Sushruta Samhita based on original Sanskrit text, with a full and comprehensive introduction, translation of different readings, notes, comparative views, index, glossary and plates: in 3 vol. / edited and published by Kaviraj Kunja Lal Bhishagranta. – Calcutta: Koviraj Kunja

Lal Bhishagranta, 1907. – Vol. 2: Nidana-sthana, S'arira-sthana, Chikitsita-sthana and Kalapa-sthana. – 762 p.

Brothwell D.R. Ancient Trephining: Multi-focal Evolution or Trans-World Diffusion? // J. of Paleopathology. – 1994. – Vol. 6, N 3. – P. 129–138.

Han Kangxin, Chhen Xingcan. The archaeological evidence of trepanation in early China // Indo-Pacific Prehistory Association Bull. – 2007. – Vol. 27. – P. 22–27.

Krivoshapkin A.L., Zelman V.L. Neurosurgery in Siberia // World Neurosurgery. – 2012. – Vol. 77, N 2. – P. 252–256.

Nerlich A.G., Zink A., Szeimies U., Hagedorn H.G., Rosing F.M. Skull Trauma in Ancient Egypt and Evidence for Early Neurosurgical Therapy // Trepanation: History, Discovery, Theory / eds. R. Arnott, S. Finger, C.U.M. Smith. – Leiden: Swets & Zeitlinger, 2003. – P. 191–208.

Sankhyan A.R., Weber G.H.D. Evidence of Surgery in Ancient India: Trepanation at Burzahom (Kashmir) over 4000 Years Ago // Int. J. Osteoarchaeol. – 2001. – Vol. 11. – P. 375–380. – Doi: 10.1002/oa.579

The papyrus Ebers / translated from the German Version by C.P. Bryan. – L.: Geoffrey Bles, 1930. – 167 p.

Wilkins R.H. Neurosurgical Classic – XVII Edwin Smith Surgical Papyrus // J. of Neurosurgery. – 1964. – March. – P. 240–244.

*Материал поступил в редколлегию 03.10.13 г.,
в окончательном варианте – 18.11.13 г.*

A b s t r a c t

Three trepanned crania from 4th–3rd century BC low-ranking burials in Gorny Altai are described. The probable motives behind such operations are discussed, their efficiency is assessed, and their techniques are reconstructed using optical macroscopic examination, computerized multi-layered tomography, X-ray fluorescence, and mass spectrometry of bone tissue. Trepanations were apparently medical rather than ritual. Our data support the idea that the 4th–3rd century BC inhabitants of the Altai-Sayan highland had enough knowledge and skills to perform complex cranial surgery. Because the instruments used were made of tin bronze, and the Minusinsk Basin was the only place in southern Siberia where such bronze was smelted (by the Saragash people), at least two successful trepanations were probably performed by immigrants from that region.

Keywords: *trepanation, cranial surgery, Pazyryk culture, Saragash culture, early nomads, Scythian period, X-ray fluorescence, mass spectrometry, traceological analysis.*

А.А. КазарницкийМузей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
E-mail: kazarnitski@mail.ru

О КРАНИОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ НОСИТЕЛЕЙ ЯМНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРИКАСПИЯ

В статье обсуждаются причины своеобразия морфологии черепов с памятников ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия. По результатам многомерного анализа краниометрических данных о населении эпохи бронзы, энеолита, неолита и мезолита предложена модель процесса формирования человеческих популяций Восточной Европы в неолите и раннем бронзовом веке. Утверждается, что представители большинства региональных вариантов ямной культуры, а также предшествовавших им хвалынской и среднестоговской являются потомками восточно-европейских человеческих популяций эпохи мезолита. Происхождение носителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия связывается с иным популяционным пластом, появившимся в Восточной Европе в неолитическую эпоху.

Ключевые слова: физическая антропология, краниология, краниометрия, ямная археологическая культура, эпоха бронзы, энеолит, неолит, мезолит, Восточная Европа.

Изучение антропологического состава носителей ямной археологической культуры Северо-Западного Прикаспия стало возможным в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. с появлением репрезентативных краниологических коллекций [Шевченко, 1973, 1974а, б, 1980], хотя единичные черепа описывались и ранее [Дебец, 1936, 1948; Гинзбург, 1959; Глазкова, Чтецов, 1960; Фирштейн, 1967]. Во второй половине 1980-х гг. вышла в свет первая обобщающая работа А.В. Шевченко по антропологии южно-русских степей в эпоху бронзы, где обсуждался и вопрос о происхождении популяций ямной культуры Калмыкии и Астраханской обл. [Шевченко, 1986]. Чуть позднее стала известна краниологическая характеристика населения эпохи ранней бронзы Ставропольского края [Романова, 1991]. В первом десятилетии XXI в. появились сведения о подготовке к печати измерений новых черепов из курганных могильников бронзового века Ставрополья [Герасимова, 2002, 2011] и стали доступны свежие данные о краниологических особенностях носителей ямной культуры Калмыкии [Хохлов, 2006]. Таким

образом, количество опубликованных материалов представляется достаточным для того, чтобы вновь предпринять попытку их обобщения с целью поиска истоков формирования человеческих популяций Северо-Западного Прикаспия, оставивших здесь памятники ямной археологической культуры.

В наиболее старых работах морфологические особенности черепов из погребений ямной культуры было принято соотносить с характерным для древнего восточно-европейского населения протоевропеоидным краниологическим типом. Главными его отличительными чертами считались значительная массивность черепа и большие поперечные размеры лицевого отдела, достаточно клиногнатного для европеоидов, а происхождение обладателей этих черт связывалось с позднелеолитическими кроманьонцами – первыми сапиенсами Европы [Дебец, 1936, 1948]. Целесообразность использования столь общих таксономических категорий, как «протоевропеоидный тип», в дальнейшем была поставлена под сомнение [Вуич, 1958; Гохман, 1966]. Со време-

нем стала очевидной и ошибочность представлений о единстве морфологии краниологических серий различных локальных вариантов ямной культурно-исторической общности, в действительности оказавшейся довольно разнообразной [Зиневиц, 1967; Фирштейн, 1967; Круц, 1972; Кондукторова, 1973; Шевченко, 1974а, б].

По вопросу происхождения представителей именно прикаспийской территориальной группы опубликовано несколько точек зрения. В первую очередь, это мнение А.В. Шевченко о многокомпонентности антропологического состава носителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. Используя преимущественно коллекции черепов из могильников Калмыкии, он выделил три соответствующих компонента: во-первых, это потомки человеческих коллективов, оставивших неолитические могильники в Днепровском Надпорожье; во-вторых, население неких восточных регионов распространения ямной культурно-исторической общности; в-третьих, носители среднестоговских культурных традиций [Шевченко, 1980, 1986]. Однако известны публикации с аргументированной критикой методов выделения такого количества составляющих [Романова, 1991; Яблонский, Хохлов, 1994]. Тем не менее идея о возможном участии степного неолитического населения с берегов Днепра в формировании антропологического состава носителей ямной культуры среднего Дона была высказана также В.П. Алексеевым [1983].

Т.И. Алексеева и С.И. Круц, анализируя значительные по численности и территориальному охвату материалы мезолита, неолита и эпохи бронзы, выразили сомнение в том, что в пределах Восточной Европы могут быть найдены аналогии морфологическому комплексу краниологических серий ямной культуры Калмыкии [1999]. Единственной группой палеопопуляций, имеющей некоторое сходство с прикаспийской ямной, была названа андроновская, распространенная в более поздний период развитой бронзы и значительно восточнее – в Южной Сибири [Там же, с. 278].

В то же время все исследователи единодушно признавали крайнее своеобразие морфологии черепов из Калмыкии на фоне краниологических серий из других ареалов ямной культуры. В поисках объяснений такой специфичности М.М. Герасимова указала на известный микроэволюционный тренд брахикефализации человеческих популяций, в период ранней бронзы наиболее ярко проявившийся, по ее мнению, в Северо-Западном Прикаспии [2002]. Эта точка зрения встретила закономерное возражение со стороны А.А. Хохлова, который заметил, что черепной указатель, несмотря на эпохальную тенденцию к его увеличению, в других ямных палеопопуляциях, синхронных прикаспийской, варьировал в пределах

долихо- и мезокрании и потому апеллирование ко всеобщей брахикефализации для объяснения своеобразия только популяций Прикаспия нецелесообразно [Хохлов, 2006]. Им же было высказано предположение об обусловленности особенностей носителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия формированием в этом регионе самостоятельного очага расообразования (предположительно при участии популяций, известных по неолитическому могильнику Хлопков Бугор в Саратовской обл.), а также возможным смешением с представителями неизвестного пока популяционного пласта азово-каспийских степей [Там же].

Предпринимаемая в настоящей работе попытка поиска предковых для носителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия популяций опирается на методы многомерной статистики, адаптированные для анализа краниологических серий. Это поэтапный дискриминантный канонический анализ на основе стандартизированной матрицы внутригрупповых корреляций краниометрических признаков и вычисление обобщенных расстояний Махаланобиса (в рамках пакета статистических программ Б.А. Козинцева). В качестве сравнительных данных использовались опубликованные измерения* более 1 300 мужских черепов из 68 палеопопуляций Восточной Европы, Закавказья, Зауралья и степной полосы Южной Сибири от мезолита до эпохи поздней бронзы.

На первом этапе канонического анализа были использованы измерительные данные 47 краниологических выборок разной культурной и территориальной принадлежности общей численностью ок. 900 черепов с целью оценить степень отличий прикаспийских носителей ямной культуры от всех известных популяций эпохи бронзы Восточной Европы (рис. 1).

В первом каноническом векторе (КВ I), охватывающем 41 % общей изменчивости, максимальные нагрузки легли на продольный, поперечный, скуловой диаметры и назомаллярный угол; во втором (КВ II) – на угол выступания носа и продольный диаметр (табл. 1, этап 1). График (рис. 2) наглядно демонстрирует отсутствие среди восточно-европейских серий эпохи бронзы аналогов краниологического комплекса носителей ямной культуры Северо-Западного Прикаспия. По координатам в наиболее информативном первом векторе краниологические серии ямной культуры Калмыкии, Астраханской обл.

*Для каждой серии учитывались 14 параметров: продольный, поперечный, высотный, скуловой диаметры, наименьшая ширина лба, верхняя высота лица, ширина и высота грушевидного отверстия и глазниц, назомаллярный и зигмаксиллярный углы, симотический указатель и угол выступания носа относительно вертикального лицевого профиля.

Рис. 1. Географическое расположение краниологических серий, используемых на первом и втором этапах канонического анализа.

a – ямная культура Северо-Западного Прикаспия (Калмыкия, Ставрополье, Астраханская обл.); *б* – серии эпохи бронзы Восточной Европы; *в* – неолит (Васильевка II, Вовниги, Вольное, Деревка, Никольское, Звейниски, Сахтыш); *г* – серии среднего и позднего периодов эпохи бронзы Южной Сибири.

Таблица 1. Элементы первых двух канонических векторов для трех этапов анализа

Признак	1		2		3	
	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II	КВ I	КВ II
Продольный диаметр	-0,638	0,663	-0,747	0,122	0,456	-0,367
Поперечный диаметр	0,934	-0,099	0,812	0,604	-0,802	0,421
Высотный диаметр	-0,099	0,314	-0,235	0,468	0,659	0,406
Наименьшая ширина лба	0,544	0,022	0,315	0,600	-0,326	0,549
Скуловой диаметр	0,862	0,052	0,624	0,697	-0,101	0,877
Верхняя высота лица	-0,273	0,181	-0,172	0,110	0,126	0,028
Высота носа	-0,505	0,169	-0,294	0,078	0,378	0,192
Ширина носа	0,324	0,214	0,383	0,412	0,000	0,595
Ширина орбиты	0,058	0,320	0,240	0,334	0,065	0,362
Высота орбиты	-0,595	-0,261	-0,252	-0,613	0,528	-0,290
Назомаллярный угол	0,613	-0,370	0,668	0,337	-0,057	0,657
Зигмаксиллярный угол	0,416	-0,404	0,684	-0,078	-0,143	0,387
Симотический указатель	0,185	-0,060	-0,162	0,000	-0,393	-0,383
Угол выступания носа	0,276	0,864	-0,436	0,595	-0,475	-0,624
Процент изменчивости	40,837	17,173	44,221	17,565	33,572	21,846

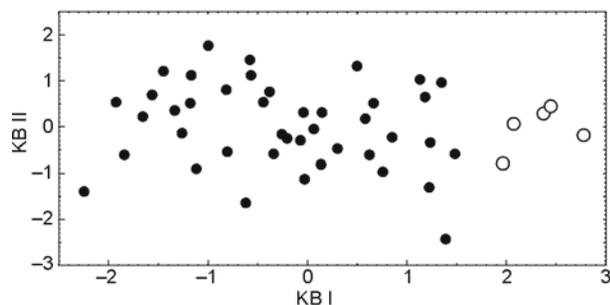

Рис. 2. Положение восточно-европейских мужских краниологических серий эпохи бронзы в пространстве первых двух канонических векторов (усл. обозн. см. на рис. 1).

и Ставропольского края обособились от остального населения Восточной Европы эпохи бронзы из-за максимальной ширины мозгового и лицевого отделов черепа в сочетании с недостаточно резкой (по сравнению с остальными европеоидными группами) горизонтальной профилированностью лица на верхнем уровне.

На втором этапе в межгрупповой анализ были включены краниологические серии, которые прежде упоминались в публикациях как сходные (возможно, родственные) с ямной Северо-Западного Прикаспия [Шевченко, 1980, 1986; Алексеев, 1983; Алексеева, Круц, 1999]: неолитические выборки Днепровского Надпорожья (могильники Вольненский [Сурнина,

1961], Вовниги, Васильевка II [Гохман, 1966], Деревинский, Никольский [Зиневиц, 1967]) и серии эпохи бронзы Южной Сибири (андроновские (федоровские) [Дрёмов, 1997] и более поздние карасукская [Рыкушина, 2007], ирменская [Дрёмов, 1997; Молодин, Чикишева, 1988; Бобров, Чикишева, Михайлов, 1993]). В общей сложности были использованы данные о более 1100 мужских черепах из 57 групп (см. рис. 1). Первый канонический вектор отразил вариативность преимущественно продольного, поперечного, скулового диаметров и лицевых углов горизонтального профиля; второй позволил оценить размах изменчивости по высоте орбиты и поперечным размерам лба, мозговой коробки и лицевого отдела (табл. 1, этап 2). По координатам в КВ I наиболее своеобразными оказались южно-сибирские серии – столь же брахиморфные, как и прикаспийские ямные, но уже с очевидно уплощенным лицом, гораздо меньше выступающим носом и чуть менее низкими орбитами. В то же время прикаспийские группы эпохи ранней бронзы на этом фоне расположились ближе к населению Восточной Европы, проявив наибольшее сходство с выборками из днепровских неолитических могильников (рис. 3).

Результаты второго этапа анализа подтверждают, таким образом, предположение А.В. Шевченко и В.П. Алексеева об участии потомков неолитического населения днепровских степей в формировании некоторых групп носителей ямной культуры. Третий этап межгруппового сопоставления был проведен с целью определения степени этого участия: в качестве одного из слагающих компонентов или ключевой субстратной основы. Из сравнительных материалов были исключены серии среднего и позднего периодов эпохи бронзы, использованы все более или менее репрезентативные выборки черепов мезолита, неолита и энеолита* Восточной Европы (рис. 4), численность которых составила 413 мужских черепов различной сохранности из 26 групп. Первые два вектора охватили в совокупности 55 % дисперсии, из них 33 % пришлось на КВ I с максимальными нагрузками на поперечный и высотный диаметры мозговой коробки и высоту орбит. В КВ II наиболее важными стали наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, назомаллярный угол и угол выступания носа (табл. 1, этап 3).

*Вместо отсутствующих в публикации данных об относительной высоте переносья у черепов из Хвалынска I [Мкртчян, 1988] использовалось значение симотического указателя в серии из Хвалынска II [Хохлов, 2010].

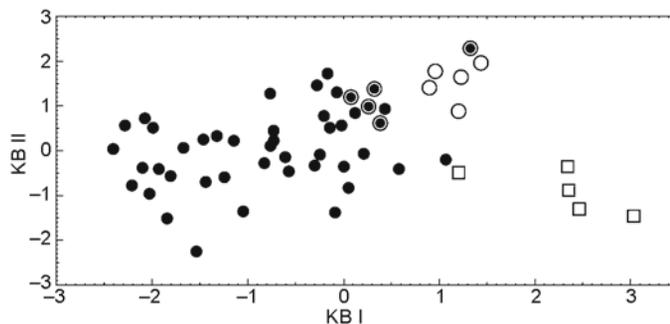

Рис. 3. Положение восточно-европейских и южно-сибирских мужских краниологических серий неолита и эпохи бронзы в пространстве первых двух канонических векторов (усл. обозн. см. на рис. 1).

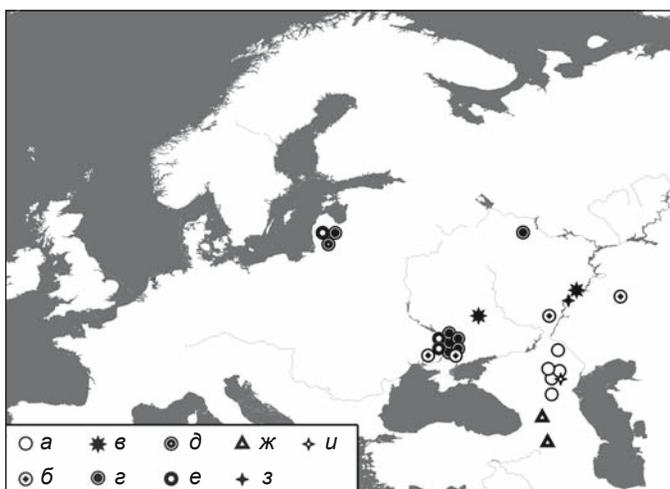

Рис. 4. Географическое расположение краниологических серий, используемых на третьем этапе канонического анализа и при вычислении расстояний Махаланобиса.

а – ямная культура Северо-Западного Прикаспия (Северная и Центральная Калмыкия, Южная Калмыкия, Южные Ерегени (Калмыкия), Ставрополье, Астраханская обл.); *б* – ямная культура Северного Причерноморья (две серии), серия из Волгоградской и Саратовской обл., серия из Самарской и Оренбургской обл.; *в* – энеолит (среднепестовская выборка, Хвалынский I и II); *г* – неолит (Васильевка II, Вовниги, Вольное, Деревинка, Никольское, Звейниики, Сахтыш); *д* – ранний неолит (Звейниики); *е* – мезолит (Васильевка I и III, Звейниики); *ж* – серии энеолита и эпохи ранней бронзы Северного Кавказа и Закавказья (майкопская культура, могильник Шенгавит); *з* – могильник Хлопков Бугор (Саратовская обл.); *и* – могильник Джангар (Калмыкия).

Минимальные значения координат во втором каноническом векторе получили серии майкопской культуры (Северный Кавказ и Предкавказье) и могильника Шенгавит (Армения) (рис. 5). Их лептоморфный краниологический комплекс, сочетающий абсолютно и относительно длинную черепную коробку, узкое или среднеширокое клиногнатное лицо с очень сильно выступающим носом, принято называть средиземноморским или южно-европеоидным [Дебец, 1948; Герасимов, 1955; Шевченко, 1986; Алексеева, 2004;

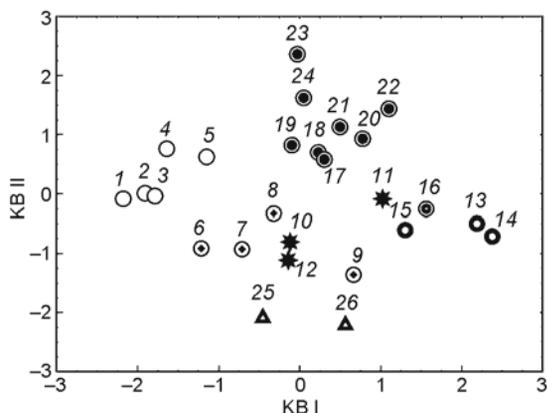

Рис. 5. Положение восточно-европейских мужских краниологических серий мезолита, неолита, энеолита и эпохи ранней бронзы в пространстве первых двух канонических векторов.

1–9 – ямная культура: 1 – Астраханской обл., 2 – Северной и Центральной Калмыкии, 3 – Южной Калмыкии (могильники Восточного Мангыча), 4 – Южных Ерегеней (Калмыкия) [Хохлов, 2006], 5 – Ставропольского края [Романова, 1991], 6 – Оренбургской и Самарской областей [Яблонский, Хохлов, 1994], 7 – Волгоградской и Саратовской областей [Фирштейн, 1967] (неопубликованные материалы А.В. Шевченко), 8 – Украины (запорожско-ингульская) [Круц, 1984], 9 – Украины (херсонская) [Там же]; 10–12 – энеолит: 10 – могильник Хвалынский I [Мкртчян, 1988], 11 – Хвалынский II [Хохлов, 2010], 12 – среднестоговская культура [Сурнина, 1963; Зиневиц, 1967; Потехина, 1983]; 13–15 – мезолит: 13 – Васильевка III [Гохман, 1966], 14 – Васильевка I [Кондукторова, 1957], 15 – Звейниекы [Денисова, 1975]; 16 – ранний неолит, Звейниекы [Там же]; 17–24 – неолит: 17 – Звейниекы, средний и поздний неолит [Там же], 18 – Вовниги, правобережный [Кондукторова, 1960], 19 – Никольский [Зиневиц, 1967], 20 – Вольнский [Сурнина, 1961], 21 – Деревийский [Зиневиц, 1967], 22 – Вовниги [Гохман, 1966], 23 – Васильевка II [Там же], 24 – Сахтыш [Неолит..., 1997]; 25, 26 – энеолит и эпоха ранней бронзы: 25 – Шенгавит [Алексеев, 1974], 26 – майкопская культура [Шевченко, 1986; Хохлов, 2002; Герасимова, Пежемский, Яблонский, 2007; Казарницкий, 2010].

Герасимова, Пежемский, Яблонский, 2007; и др.]. Остальные использованные в анализе серии объединились в несколько групп, демонстрируя морфологическое разнообразие «протоевропеоидного краниологического типа».

Выборки черепов из погребений ямной культуры Северо-Западного Прикаспия (Астраханская обл., Ставропольский край и Калмыкия) получили минимальные значения координат по KV I из-за наибольшей в данном масштабе ширины нейрокраниума. При этом в KV II, где одним из ключевых признаков является поперечный размер лицевого отдела, они уступают в ширине лица лишь неолитическим сериям. Остальные ямные выборки с территории Украины, Волгоградской и Саратовской, Самарской и Оренбургской областей имеют средние значения координат по первому вектору и минимальные для «протоевропеоидов» – по второму, формируя группу с менее широ-

кими и более профилированными лицами, чем у прикаспийских носителей ямной культуры, при средней ширине мозговых отделов. Среди них расположились одна из хвалынских и среднестоговская энеолитические серии. Правый верхний квадрант заняли неолитические выборки из Днепровского Надпорожья (Васильевка II, Вовниги, Вольное, Деревийка, Никольское), Прибалтики (Звейниекы) и с верхней Волги (Сахтыш), которых объединяет очень большая ширина лицевых отделов в сочетании с ослабленной горизонтальной профилировкой и небольшим углом выступания носа. Вторая хвалынская энеолитическая группа оказалась в непосредственной близости от совокупности серий, сформированной мезолитическими и раннеолитической выборками Прибалтики (Звейниекы) и Северного Причерноморья (Васильевка I, Васильевка III), для которых характерны наименее широкие черепа в сочетании с параметрами лицевого отдела, близкими таковым ямных (кроме прикаспийских) и энеолитических серий.

Итак, по итогам межгруппового анализа удалось выделить четыре морфологических комплекса: два ямных (один из них объединяет только прикаспийские серии, второй – все остальные от Северного Причерноморья до Южного Урала), один неолитический и один преимущественно мезолитический (или, если точнее, объединение наиболее древних выборок мезолита и раннего неолита). Серии эпохи энеолита – среднестоговская и две хвалынские – в совокупности продемонстрировали промежуточный между мезолитическими и ямными (кроме прикаспийских) сериями комплекс морфологических признаков.

Между популяциями, представленными в мезолитических и неолитических могильниках Восточной Европы, наблюдаются статистически значимые различия по таким признакам, как поперечный и скуловой диаметры, назомаларный угол: их размеры в неолите значительно больше, чем в предшествующее время. Данный факт, давно отмеченный И.И. Гохманом [1966] и вновь проявившийся в проведенном многомерном анализе, свидетельствует скорее о притоке в Восточную Европу нового населения и вряд ли объясним с точки зрения автохтонного популяционного процесса, в пользу которого высказывались Т.И. Алексеева и С.И. Круц [Неолит..., 1997; Алексеева, Круц, 1999]. При этом мезолитический субстрат, по всей видимости, не исчез полностью. Хотя он неизвестен по памятникам неолитического времени, но позднее вновь проявляется в облике носителей хвалынской и среднестоговской энеолитических культур, а в дальнейшем и в ряде коллективов, вошедших в состав ямной культурно-исторической общности [Гохман, 1966]. Палеопопуляции эпохи ранней бронзы Северо-Западного Прикаспия, с учетом своеобразия их краниологической характеристики, находились

вне этой предположительной генеалогической линии. Их ближайшим аналогом, действительно, может быть неолитическое население Днепровского Надпорожья. Тем не менее говорить о полной идентичности нельзя, поскольку неолитические черепа, будучи тотально крупнее прикаспийских ямных, имеют меньшую как абсолютно, так и относительно ширину мозговой коробки, менее высокое переносье и не столь сильно выступающий нос.

Несомненно, краниологическая характеристика меняется со временем, и подтвердить преемственность морфологии неолитических и прикаспийских ямных черепов могли бы краниологические материалы памятников энеолита Северо-Западного Прикаспия или сопредельных регионов, но их, к сожалению,

на сегодняшний день почти нет. Благодаря архиву отдела антропологии МАЭ РАН известны индивидуальные измерения лишь одного мужского черепа из энеолитического погребения могильника Джангар в Калмыкии (табл. 2). Кроме него, опубликованы два мужских черепа из могильника Хлопков Бугор (Саратовская обл.), также относящегося к эпохе энеолита [Хохлов, 2010]. А.А. Хохлов особо отмечал индивидуально-типологическое сходство между ними и прикаспийскими ямными [2006]. На этом список доступных энеолитических материалов интересующего нас региона пока исчерпывается.

Измерения черепов из могильников Джангар и Хлопков Бугор были использованы наряду с краниометрическими параметрами серий мезолита,

Таблица 2. Индивидуальные измерения мужского черепа из погр. 3 кург. 1 могильника Джангар (измерения проведены А.В. Шевченко)

Признак	Значение	Признак	Значение
1. Продольный диаметр от gl	187,0	54. Ширина носа	25,5
1в. Продольный диаметр от орh	184,0	51. Ширина орбиты от mf	45,0
8. Поперечный диаметр	144,0	51а. Ширина орбиты от d	40,0
17. Высотный диаметр	144,0	52. Высота орбиты	28,0
20. Ушная высота	121,0	77. Назомаллярный угол	141,8
5. Длина основания черепа	97,0	zm. Зигомаксиллярный угол	128,7
9. Наименьшая ширина лба	100,0	SC. Симотическая ширина	7,2
10. Наибольшая ширина лба	120,0	SS. Симотическая высота	4,0
11. Ширина основания черепа	131,0	MC. Максилло-фронтальная ширина	21,0
12. Ширина затылка	116,0	MS. Максилло-фронтальная высота	5,7
29. Лобная хорда	116,0	DC. Дакриальная ширина	24,2
30. Теменная хорда	116,0	DS. Дакриальная высота	14,6
31. Затылочная хорда	103,0	FC. Глубина клыковой ямки	7,5
25. Сагиттальная дуга	386,0	32. Угол наклона лба от назиона	88,0
26. Лобная дуга	136,0	GM/FN Угол наклона лба от глабеллы	80,0
27. Теменная дуга	127,0	72. Общий лицевой угол	84,0
28. Затылочная дуга	123,0	73. Средний лицевой угол	85,0
h9. Угол горизонтального профиля лба	21,3	74. Угол альвеолярной части	80,0
45. Скуловой диаметр	143,0	75(1). Угол выступания носа	41,0
40. Длина основания лица	92,0	66. Угловая ширина нижней челюсти	101,0
48. Верхняя высота лица	71,0	8 : 1. Черепной указатель	77,0
47. Полная высота лица	123,0	17 : 1. Высотно-продольный указатель	77,0
43. Верхняя ширина лица	115,0	48 : 45. Верхний лицевой указатель	49,7
46. Средняя ширина лица	102,0	40 : 5. Указатель выступания лица	94,8
60. Длина альвеолярной дуги	52,0	63 : 62. Небный указатель	86,4
61. Ширина альвеолярной дуги	65,0	54 : 55. Носовой указатель	49,0
62. Длина неба	44,0	52 : 51. Орбитный указатель от mf	62,2
63. Ширина неба	38,0	52 : 51а. Орбитный указатель от d	70,0
55. Высота носа	52,0	SS : SC. Симотический указатель	55,6

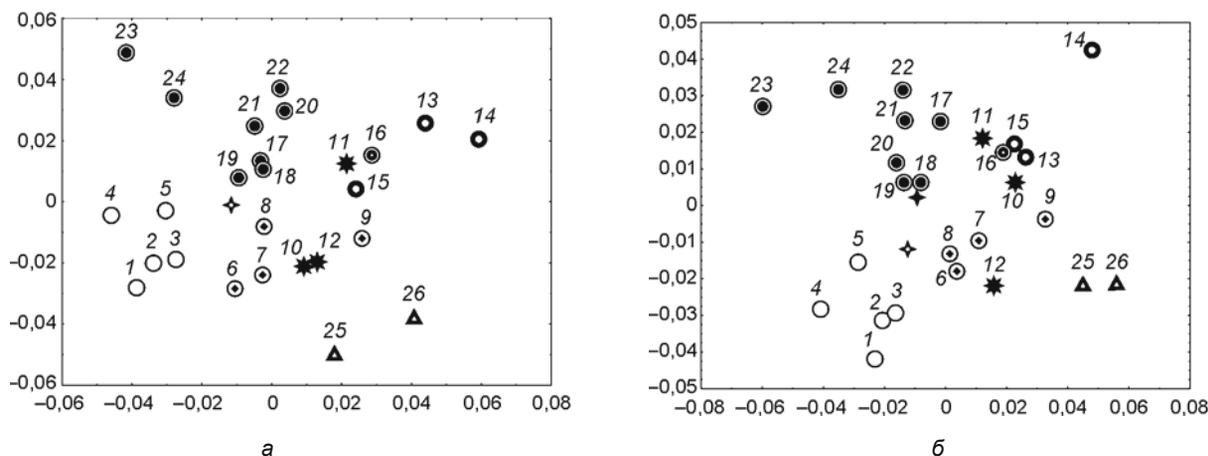

Рис. 6. Положение краниологических серий согласно шкалированным расстояниям Махаланобиса (усл. обозн. см. на рис. 5).

неолита, энеолита и эпохи ранней бронзы Восточной Европы для подсчета обобщенных расстояний Махаланобиса* между ними. Недостатком данной статистической процедуры является невозможность трактовки морфологического содержания результатов и обсуждения признаков, дифференцирующих задействованные в сопоставлении серии. Однако эта проблема решена благодаря проведенному ранее каноническому анализу.

Сопоставление проводилось в два этапа: сначала по 14 упомянутым выше краниометрическим признакам с использованием индивидуальных данных только черепа из Джангара (рис. 6, а), затем по 12 параметрам, включая измерения черепов и из Джангара, и из Хлопкова Бугра (рис. 6, б). Сокращение числа признаков во втором случае связано с отсутствием данных о высоте свода и ширине носа у черепов из последнего могильника. По результатам обоих анализов положение серий мезолита, неолита, энеолита и эпохи ранней бронзы, установленное ранее по координатам в первых двух канонических векторах, осталось в основных чертах прежним. Вновь прослеживаются четыре скопления протоевропеоидных групп: два ямных, мезораннеолитическое и неолитическое. Выборки хвалынской и среднестоговской культур эпохи энеолита снова расположились между мезораннеолитическим и ямным (без прикаспийских выборок) скоплениями серий.

Индивидуальные характеристики энеолитических черепов из Хлопкова Бугра и Джангара очень близки морфологии серий ямной культуры Калмыкии, Астраханской обл. и Ставропольского края, однако поперечные размеры лица и орбит, а также угол верхнего

горизонтального профиля у них больше, что и определило их смещение в сторону неолитических популяций Восточной Европы. Таким образом, эти черепа демонстрируют черты как неолитических, так и прикаспийских ямных групп и находятся на графиках между соответствующими скоплениями.

Обобщая полученные результаты многомерных сопоставлений краниологических данных, можно сформулировать следующее предположение (разумеется, с учетом того, что оно является лишь одним из возможных вариантов объяснения фактов, существенным недостатком которых является их неустраняемая неполнота). По всей видимости, на территории Восточной Европы в период от мезолита до эпохи ранней бронзы существовали две популяционные генеалогические линии, объединявшие древние человеческие коллективы различного происхождения. Первая отражает преемственность между мезолитическим населением, носителями хвалынской и среднестоговской культур энеолита и популяциями эпохи ранней бронзы, оставившими памятники ямной культуры от Северного Причерноморья до Приуралья. Происхождение восточно-европейского населения эпохи неолита, по всей видимости, не было связано с мезолитическим субстратом и составило вместе с ним второй популяционный пласт. Его распространение охватило среди прочих и территории Саратовской обл. и Калмыкии, т.к. дальнейшую преемственность обеспечили коллективы энеолита, к которым принадлежали погребенные в могильниках Хлопков Бугор и Джангар, а позднее – носители ямной культуры, известные по памятникам Калмыкии, Астраханской обл. и Ставрополя. Степи Северо-Западного Прикаспия оказались местом относительной изоляции вплоть до середины III тыс. до н.э. потомков населения, проживавшего в неолитическую эпоху на значительно более обширной территории от Северного Причерноморья до Прибалтики и Верхнего Поволжья.

*Обобщенные расстояния Махаланобиса были подвергнуты многомерному неметрическому шкалированию по алгоритму Л. Гуттмана [1966] в рамках пакета программ Б.А. Козинцева.

Список литературы

- Алексеев В.П.** Происхождение народов Кавказа. – М.: Наука, 1974. – 317 с.
- Алексеев В.П.** Население эпохи бронзы на Среднем Дону (краниология) // Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1983. – С. 183–191.
- Алексеева Т.И.** К антропологии племен майкопско-новосвободненской общности на Центральном Предкавказье // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: ИА РАН, 2004. – С. 168–179.
- Алексеева Т.И., Круц С.И.** Древнейшее население Восточной Европы // Восточные славяне: Антропология и этническая история. – М.: Науч. мир, 1999. – С. 254–278.
- Бобров В.В., Чикишева Т.А., Михайлов Ю.И.** Могильник эпохи поздней бронзы Журавлево-4. – Новосибирск: Наука, 1993. – 157 с.
- Вуич Л.Г.** Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // Тр. Волго-Дон. археол. экспедиции. – 1958. – Т. 1. – С. 417–425. – (МИА; № 62).
- Герасимов М.М.** Восстановление лица по черепу. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 585 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; т. 28).
- Герасимова М.М.** Краниологическое разнообразие населения южнорусских степей в эпоху ранней и средней бронзы // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. – С. 125–127.
- Герасимова М.М.** К вопросу о происхождении ямной культуры // Вестн. антропологии. – 2011. – № 19. – С. 104–111.
- Герасимова М.М., Пежемский Д.В., Яблонский Л.Т.** Палеоантропологические материалы майкопской эпохи из Центрального Предкавказья // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. – М.: Памятники исторической мысли, 2007. – Вып. VII. – С. 91–121.
- Гинзбург В.В.** Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья (по антропологическим материалам Калиновского могильника) // МИА. – 1959. – № 60. – С. 524–594.
- Глазкова Н.М., Чтецов В.П.** Палеоантропологические материалы Нижневолжского отряда Сталинградской экспедиции // МИА. – 1960. – № 78. – С. 285–292.
- Гохман И.И.** Население Украины в эпоху мезолита и неолита. – М.: Наука, 1966. – 224 с.
- Гуттман Л.** Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии. – М.: Прогресс, 1966. – С. 288–343.
- Дебец Г.Ф.** Материалы по палеоантропологии СССР: Нижнее Поволжье // Антропол. журн. – 1936. – № 1. – С. 65–80.
- Дебец Г.Ф.** Палеоантропология СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с. – (ТИЭ; т. 4).
- Денисова Р.Я.** Антропология древних балтов. – Рига: Зинатне, 1975. – 404 с.
- Дрёмов В.А.** Население Верхнего Приобья в эпоху бронзы (антропологический очерк). – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1997. – 264 с.
- Зиневич Г.П.** Очерки палеоантропологии Украины. – Киев: Наук. думка, 1967. – 240 с.
- Казарницкий А.А.** Краниология населения майкопской культуры: «новые» старые материалы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 1. – С. 148–155.
- Кондукторова Т.С.** Палеоантропологические материалы из мезолитического могильника Васильевка I // СА. – 1957. – № 2. – С. 189–210.
- Кондукторова Т.С.** Палеоантропологические материалы восточных позднелевосточных могильников // Материалы з антропологии України. – 1960. – Вип. 1. – С. 66–97.
- Кондукторова Т.С.** Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 127 с.
- Круц С.И.** Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). – Киев: Наук. думка, 1972. – 192 с.
- Круц С.И.** Палеоантропологические исследования Степного Поднепровья (эпоха бронзы). – Киев: Наук. думка, 1984. – 208 с.
- Мкртчян Р.А.** Палеоантропология неолитического и энеолитического населения юга европейской части СССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988. – 19 с.
- Молодин В.И., Чикишева Т.А.** Курганый могильник Преображенка-3 – памятник культур эпохи бронзы Барабинской лесостепи // Палеоантропология и археология Западной и Южной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 125–206.
- Неолит лесной полосы Восточной Европы (антропология Сахтышских стоянок) / Т.И. Алексеева, Р.Я. Денисова, М.В. Козловская, Е.Л. Костылева, Д.А. Крайнов, Г.В. Лебединская, А.В. Уткин, В.Н. Федосова. – М.: Науч. мир, 1997. – 191 с.**
- Потехина И.Д.** О носителях культуры Средний Стог II по антропологическим данным // СА. – 1983. – № 1. – С. 144–154.
- Романова Г.П.** Палеоантропологические материалы из степных районов Ставрополя эпохи ранней и средней бронзы // СА. – 1991. – № 2. – С. 160–170.
- Рыкушина Г.В.** Палеоантропология карасукской культуры. – М.: Старый сад, 2007. – 198 с.
- Сурнина Т.С.** Палеоантропологические материалы из Вольненского неолитического могильника // ТИЭ. Нов. сер. – 1961. – Т. 71. – С. 3–25.
- Сурнина Т.С.** Палеоантропологические материалы из Александрийского могильника // ТИЭ. Нов. сер. – 1963. – Т. 82. – С. 144–153.
- Фирштейн Б.В.** Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы: (По материалам раскопок в Волгоградской и Саратовской областях и в Калмыцкой АССР) // Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. – Киев: Наук. думка, 1967. – С. 100–140.
- Хохлов А.А.** Краниологический тип человека, погребенного по традиции майкопской культуры эпохи ранней бронзы // Нижневолжский археологический сборник. – Волгоград, 2002. – Вып. 5. – С. 174–179.
- Хохлов А.А.** О краниологических особенностях населения ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Вестн. антропологии. – 2006. – № 14. – С. 136–146.
- Хохлов А.А.** Население хвалынской энеолитической культуры: По антропологическим материалам грунтовых могильников Хвалынский I, Хвалынский II, Хлопков Бугор //

Хвалынские энеолитические могильники и хвалынская энеолитическая культура: Исследования материалов. – Самара: СРОО ИЭКА «Поволжье», 2010. – С. 407–517.

Шевченко А.В. К антропологической характеристике населения Нижнего Поволжья эпохи бронзы (по материалам Старицкого могильника) // СЭ. – 1973. – № 6. – С. 100–108.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения Калмыкии в эпоху бронзы // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. – 1974а. – Вып. VII. – С. 199–203.

Шевченко А.В. Новые материалы по палеоантропологии Нижнего Поволжья (эпоха бронзы) // Проблемы этнической антропологии и морфологии человека. – Л.: Наука, 1974б. – С. 123–135.

Шевченко А.В. Палеоантропология бронзового века Северо-Западного Прикаспия: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1980. – 25 с.

Шевченко А.В. Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. – Л.: Наука, 1986. – С. 121–215.

Яблонский Л.Т., Хохлов А.А. Краниология населения ямной культуры Оренбургской области // Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнейшей культуры на Илеке. – Екатеринбург: Урал. изд. фирма «Наука», 1994. – С. 116–152.

Материал поступил в редколлегию 21.02.13 г.

A b s t r a c t

The cranial series from the Pit-Grave (Yamnaya) burials of the northwestern Caspian is very different from other series associated with this culture. Based on the multivariate analysis of Mesolithic, Chalcolithic, and Bronze Age groups, the population history of Eastern Europe in the Neolithic and Early Bronze Age is reconstructed. Most local Pit-Grave populations and those of the Khvalynsk and Sredni Stog cultures are shown to have descended from the Mesolithic groups of Eastern Europe. The Pit-Grave people of the northwestern Caspian clearly descended from a different population that appeared in Eastern Europe in the Neolithic.

Keywords: *physical anthropology, craniology, craniometry, Pit-Grave culture, Bronze Age, Chalcolithic, Neolithic, Mesolithic, Eastern Europe.*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ДРЕВНЕЙ КЕРАМИКИ В АРХЕОЛОГИИ» 29–31 октября 2013 г.

29–31 октября в Москве в Институте археологии РАН прошел Международный симпозиум «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии». Он был организован и проведен при финансовой поддержке Института археологии РАН и РГНФ (проект № 13-01-14006Г).

На протяжении всей истории археологической науки керамика с древних памятников неизменно привлекала пристальное внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей. Связано это с тем, что глиняная посуда, первые опыты по изготовлению которой относятся еще к верхнему палеолиту, начиная с эпохи неолита становится одним из самых массовых продуктов человеческого труда. Поэтому она оказалась наиболее тесно связана со всеми сторонами жизни древних коллективов – от хранения продуктов и приготовления пищи до обрядовой сферы. Соответственно, изменения, происходившие в жизни человека, вели к закономерным изменениям в глиняной посуде, затрагивая и технологию ее изготовления, и форму, и орнаментацию.

В ходе изучения древней керамики внимание исследователей направлено прежде всего на решение двух вопросов: какая конкретно информация о прошлом содержится в многочисленных обломках глиняных сосудов и как, с помощью каких методов, можно сделать ее доступной. Многолетняя практика археологических исследований показывает, что изучение древней керамики нацелено преимущественно, во-первых, на выяснение относительной (а в последние десятилетия и абсолютной) хронологии исторических явлений, во-вторых, на анализ историко-культурных связей между разными группами населения, в-третьих, на реконструкцию различных этнокультурных процессов, приведших в конечном счете к сложению современной этнической картины мира. Решение этих и многих других проблем осуществляется в археологической науке с позиций трех основных исследовательских подходов: эмоционально-описательного, формально-классификационного и историко-культурного. В рамках каждого из них используется обширный арсенал конкретных методических средств, включающий приемы изучения

гончарной технологии, форм и орнаментации сосудов. Исключительно важную роль играют при этом различные естественно-научные и экспериментальные методы анализа, а также этнографические данные о гончарстве разных народов.

Основное внимание участники симпозиума сосредоточили на обсуждении традиционных и новых методов исследования древней керамики и выяснении ее роли в изучении истории и культуры человеческого общества. В соответствии с этими фундаментальными научными проблемами была сформирована и программа форума, включавшая две секции: подходов и методов изучения древней керамики (секция 1) и приложения их к решению конкретных историко-культурных проблем (секция 2). В рамках первой были представлены 22 доклада, второй – 17.

В работе симпозиума приняли участие российские исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Самары, Иркутска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Владивостока, Петрозаводска, Оренбурга, Азова, Уфы, Барнаула, Омска, Тюмени, а также зарубежные специалисты из Украины, Казахстана, Великобритании, Франции, Германии, Швеции, Нидерландов и Южно-Африканской Республики. К сожалению, в силу объективных причин целый ряд исследователей, представивших заявки и тезисы докладов, не смогли принять непосредственное участие в работе симпозиума: О. Стилборг (Швеция) «Изучение позднемезолитической и раннеолитической керамики балтийского региона», М.Г. Косменко (Петрозаводск) «Теоретические основания и практическая методика изучения лепной керамики бронзового и железного веков Карелии», Е.В. Долбунова, М.А. Кулькова, А.Н. Мазуркевич (Санкт-Петербург) «Керамические традиции и роль глиняной посуды в культуре раннего неолита Восточной Европы», О.Д. Мочалов (Самара) «Местные компоненты в керамических традициях населения эпохи бронзы северной части Волго-Уральского междуречья», В.Г. Ломан (Казахстан) «О составе населения саргаринско-алексеевской культуры (по данным технико-технологического анализа керамики)», Н.В. Войцешук (Украина) «Технология изготовления керамической

На открытии Международного симпозиума «Современные подходы к изучению древней керамики в археологии». В президиуме (слева направо): заместитель директора ИА РАН чл.-кор. РАН П.Г. Гайдуков, заместитель директора ИАЭТ СО РАН акад. В.И. Молодин, директор ИА РАН акад. Н.А. Макаров.

посуды VIII–XII вв. на территории Западного Поволжья», А.Л. и Е.В. Щербань (Украина) «О функциях украинских глиняных сосудов», А.И. Михеева (Йошкар-Ола) «Гончарство населения Марийского Поволжья в XIII–XV вв.».

Форум открылся приветственным словом председателя оргкомитета чл.-кор. РАН П.Г. Гайдукова, затем директор Института археологии РАН акад. Н.А. Макаров и заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН акад. В.И. Молодин поздравили участников симпозиума и пожелали им успешной работы. Рабочие заседания начались с краткого доклада В.И. Молодина «Неизвестная Сибирь – новейшие археологические открытия», в котором были представлены последние достижения сибирских археологов.

Секция 1. Методы изучения керамики. В докладе Г.Н. Поплевко (Санкт-Петербург) «Методический подход к комплексному изучению древней керамики» проводится мысль, что современные исследования керамики должны базироваться на применении типологического, морфологического, трасологического, технологического, петрографического, геохимического, экспериментального и статистического анализов. Автор привел некоторые результаты изучения ракушечной и майкопских керамических комплексов. И.Н. Васильева (Самара), выступившая с докладом «О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареа-

лах в эпоху неолита (по материалам Поволжья и сопредельных регионов)», охарактеризовала три ареала раннеолитических гончарных традиций Поволжья: нижневолжской культуры, где применялось илистое сырье; елшанской, где керамика изготавливалась из илистых глин с примесью шамота, и камской, носители которой использовали дробленую глину с большой примесью шамота и органического раствора. Выступление И.В. Калининой (Санкт-Петербург) «Антропология движения и технологическая традиция» было посвящено обоснованию мнения, что по сравнению с археологическими культурами технологические традиции надэтничны. Это проявляется в существовании различных традиций в рамках одной культуры и сходных – в разных (даже удаленных на значительное расстояние). Большой интерес вызвал доклад В.И. Молодина (Новосибирск) «Керамика как этнокультурный индикатор в западно-сибирских общностях позднего средневековья – Нового времени». На примере керамических комплексов барабинских, чатских и тарских татар, а также южных хантов и селькупов показана несомненная специфика формы и орнаментации посуды, а в ряде случаев удалось проследить эволюцию орнаментальных традиций на несколько столетий вглубь, что делает возможным доказательную реконструкцию по керамике этногенеза аборигенного населения.

Доклад Дж. Медоуса и Х. Пицонки (Германия) «Хронология керамики и радиоуглеродная датиров-

ка по нагару – как определить, какие даты надежны, а какие удревнены?» был посвящен важной проблеме выяснения степени влияния «резервуарного» эффекта на даты, полученные по пищевому нагару на керамике, при использовании древним человеком диет, основанных на пресноводных, морских или наземных ресурсах. Доклад А.А. Выборнова и М.А. Кульковой (Самара, Санкт-Петербург) «Радиоуглеродное датирование керамики неолита Восточной Европы» подвел итоги большой работы по определению возраста керамики методом конвенционного датирования (ок. 250 дат), разработанного в радиоуглеродной лаборатории Института геохимии окружающей среды НАН Украины. Достаточно высокая надежность большинства дат подтверждена анализом одних и тех же образцов в различных лабораториях Западной Европы. В докладе Е.Н. Дубовцевой (Екатеринбург) «"Чистые" и "синкретические" традиции керамического производства в неолите Урала и Западной Сибири» был проведен сравнительный анализ несмешанных и смешанных гончарных традиций в рамках конкретных жилищных комплексов, показаны причины их сложения, а также приведены данные о распространении ранней керамики в таежной зоне Западной Сибири.

Выступление Н.П. Салугиной (Самара) «Социально-культурная интерпретация гончарной технологии населения срубной культуры позднего бронзового века Волго-Уралья» убедительно показало, что в социальном составе мужского населения позднего бронзового века существовала профессиональная группа – рудокопов-горняков. Об этом свидетельствует наличие на поселенческих и погребальных памятниках срубной культуры, расположенных вблизи древних медных рудников, особой керамики с искусственной примесью дробленого шлака и обожженной кости. Е.В. Волкова (Москва) в докладе «Что может рассказать керамика о социальной структуре и социальной иерархии древних обществ?» на основе всестороннего анализа керамики и погребального обряда носителей фатьяновской культуры обосновала дуально-родовую структуру их общества, наличие в нем семей как с патрилинейными, так и с матрилинейными родственными связями, а также выделение разных по полу социально значимых и рядовых членов общества. Эти выступления наглядно продемонстрировали практическую неисчерпаемость древней керамики как важнейшего источника исторической информации.

Доклад А. Гибсона (Великобритания) «Связь между типологией и хронологией: керамика Британии 3000–2000 гг. до н.э.» был посвящен сложной проблеме объяснения сходства между средне-неолитической керамикой Петербору (или штампованной) и погребальной керамикой раннего бронзового века, сложив-

шейся под влиянием культуры колоколовидных кубков. Автор предлагает свое решение этого спорного вопроса, заполняя имеющуюся хронологическую лауну путем прослеживания опосредованных связей между рассматриваемыми культурами через другие керамические комплексы.

Большой интерес вызвало выступление А. Линдаля (Швеция) «Древняя керамика железного века Южной Африки и историческая современность: некоторые спорные вопросы». На основе имеющихся этнографических и археологических данных из Зимбабве и Южной Африки автор обосновал вывод о том, что керамика дает ценную информацию по широкому кругу социальных и технологических вопросов, важнейшими из которых являются развитие гончарной технологии во времени и анализ нефункциональных (социальных) аспектов глиняной посуды.

Доклад А.Н. Мазуркевича и Е.В. Долбуновой (Санкт-Петербург) «Мастера и технология изготовления глиняной посуды жижицкой культуры строителей озерных свайных поселений» основан на анализе технологии, морфологии и орнамента керамики с поселения Сергея II (Велижский р-н Смоленской обл.), позволившем выявить особенности разных построек, обусловленные, по мнению авторов, как появлением новых мастеров, так и копированием старыми гончарами новых приемов изготовления и орнамента сосудов. Оживленную дискуссию вызвало очень интересное выступление И.В. Шевниной (Казахстан) «Эксперименты с добавлением шерсти в формовочные массы в контексте изучения неолитической керамики Торгая», в котором были представлены результаты экспериментального выяв-

Профессор А. Линдаль, руководитель лаборатории керамики Лундского университета (Швеция).

ления признаков использования шерсти разных животных в составе формовочной массы и анализа влияния этой примеси на свойства керамики при сушке, формовке и обжиге.

Положительные отклики получил доклад О.А. Лопатиной (Москва) «“Текстильные” отпечатки на дяковской керамике (экспериментальное изучение)», посвященный отпечаткам, возникающим на поверхности глиняных сосудов при выбивании или прокатывании рельефными колотушками либо широкими штампами. Автору удалось обнаружить признаки, указывающие на разное положение сосуда по отношению к мастеру во время такой обработки поверхности. Выступление Л.Н. Мыльниковой (Новосибирск) «Методы естественных наук в изучении керамического комплекса поселения переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку Линево-1» было посвящено применению для изучения керамики бинокулярной микроскопии, петрографического, рентгенофазового, термического, микронзондового и дериватограмметрического анализов и характеристике полученных результатов. В коллективном докладе Г. Моммзена, У. Шлотцхауэра (Германия) и Д.В. Журавлева (Москва) «Античная керамика Азиатского Боспора: новые результаты исследований методом нейтронной активации (НАА)» изложен метод статистического анализа данных об элементном составе керамики, позволившей выделить на побережье Малой Азии несколько локальных производственных центров и проследить пути распространения керамической посуды в бассейне Азовского моря.

Ряд выступлений был посвящен отдельным методическим вопросам изучения средневековой керамики. Например, А.Н. Масловский (Азов) в докладе «Опыт обработки массового керамического материала из раскопок золотоордынского Азака» изложил свою методику визуального описания морфологии и технологии керамики (ок. 50 тыс. обломков) из т.н. закрытых комплексов, что, по его мнению, позволило «детально проследить эволюцию керамического производства и импорта». Выступление Н.В. Лопатина (Москва) «Керамическая шкала Изборска и проблемы его периодизации» было посвящено авторской гипотезе о том, что отсутствие на городище керамики с раструбообразным горлом связано с временным затуханием городской жизни и переселением горожан в близлежащие деревни. Она используется для объяснения статуса и характера развития Изборска в XI–XII вв. В коллективном докладе С.Г. Бочарова (Украина), В.Ю. Коваля (Москва), А.Н. Масловского (Азов) и Я.В. Френкеля (Санкт-Петербург) «Методика археометрического исследования поливной керамики Юго-Восточного Крыма XIII–XV вв.» представлены результаты петрографического и рентгенофлюоресцентного анализа формовочных масс и

глазурей более 500 сосудов из Юго-Восточного Крыма, золотоордынского Поволжья, Волжской Булгарии, Турции, Ирана, Армении и соседних регионов. Таким образом, получен уникальный банк данных, который может быть использован для решения широкого круга вопросов. Л.В. Татаурова (Омск) в докладе «О типологии русской посуды XVII–XVIII вв.» изложила свой взгляд на типологию посуды в соответствии с культурными нормами изучаемого периода. Для эпохи позднего средневековья – Нового времени чисто археологической систематизации материала с выделением типов недостаточно. Типология должна быть построена с учетом принятой в культуре терминологии, назначения и применения посуды, выявленных по архивным, этнографическим и иным источникам. Исключительный интерес вызвал доклад Н.Н. Грибова (Нижний Новгород) «Технология формовки как основа систематизации венчиков русской средневековой керамики». В его основу были положены длительные экспериментальные исследования автора. Н.Н. Грибов подчеркнул недостаточность чисто формальной классификации венчиков и необходимость реконструкции технологических традиций их оформления с целью создания «естественной» классификации. По характерным технологическим приемам выделены семь типологических групп венчиков, каждая из которых, по мнению автора, представляет собой определенный этап в реализации общих тенденций эволюционного усложнения верхних частей сосудов. Важному методическому вопросу был посвящен доклад К.И. Панченко (Москва) «Статистическая обработка керамики и достоверность полученных данных: некоторые проблемы». Оценивая соотношение количества фрагментов и числа сосудов, автор приходит к выводу, что оно колеблется примерно от 5:1 до 4:1. Поэтому абсолютное большинство закрытых комплексов содержит заведомо недостаточные для статистического анализа выборки и предоставляет только простую информацию о наличии или отсутствии, частично о доминировании определенного типа глиняной посуды. Только обобщение нескольких совокупностей керамического материала повышает достоверность выводов. В докладе Е.В. Майоровой (Москва) «Поливная керамика XVII–XIX вв. Методы обработки и возможности материала» были проанализированы информативные возможности поливной керамики Центральной России, представлена ее подробная классификация (43 условных типа), на основе которой, по мнению автора, можно сузить датировку археологических объектов до 50 лет. Выявлены как региональные, так и общие черты развития этой посуды в регионе.

Таким образом, на симпозиуме остро дискутировались различные методические вопросы изучения ке-

рамики практически всех исторических эпох от раннего неолита до позднего средневековья. Наглядно были продемонстрированы возможности и перспективы историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским в 70-х гг. прошлого столетия.

Секция 2. Керамика и история. Ряд докладов касались происхождения и древнейшей истории гончарства Юго-Восточной Азии. В частности, выступление И.С. Жушиховской (Владивосток) «Традиции гончарства культуры дземон: координаты пространства и времени» было посвящено исследованию керамики стилей нижний и верхний энто культуры дземон Японского архипелага. Сравнительный анализ этих стилей позволил установить, что наиболее статичным компонентом гончарства являлся комплекс технологических приемов. В морфологии посуды наблюдается постепенное расширение разнообразия форм и некоторых черт. В совместном докладе Ю.Б. Цетлина (Москва) и М.Е. Медведева (Новосибирск) «Гончарство осиповской культуры Приамурья (13–10 тыс. л.н.)» приведены результаты технологического и морфологического изучения древнейшей керамики Дальнего Востока России с позиций историко-культурного подхода. Установлено, что уровень развития местного гончарства соответствовал протогончарному производству, для которого характерно использование равнинного или горного ила в качестве основного сырья в сочетании с низкотемпературной или короткой высокотемпературной обработкой сосудов. О.В. Яншина (Санкт-Петербург) в докладе «К проблеме происхождения гончарства (по материалам Восточной Азии)» представила итоги сравнительного изучения древнейших керамических комплексов Восточной Азии. По мнению автора, гончарство разных районов в пределах этой территории имело устойчивую этнокультурную специфику. В коллективном докладе П. Хоммеля, П. Дзя (Великобритания), П. Джордана (Нидерланды) и В.М. Ветрова (Иркутск) «За пределами датировок. Керамика, технология и ее развитие в эпоху неолита в бассейне верхнего Витима» изложены некоторые результаты исследования роли специального анализа керамики в понимании условий жизни общин охотников и собирателей и значения глиняной посуды в этих обществах. Полученные данные рассматриваются в контексте современных археологических и геологических данных, а также существующих социоэкономических моделей.

Доклад М. Ле Миер (Франция) «Начало керамики на Ближнем Востоке: вклад археометрических исследований» касался другого региона формирования древнейшего гончарства. Археометрические исследования древней керамики Ближнего Востока дали важную информацию о применявшейся здесь гончарной технологии, типах глин и использовав-

шихся примесей, режимах и температурах обжига посуды. Они также способствуют выяснению особенностей распространения этой керамики и решению ключевого вопроса о происхождении гончарного производства в регионе. В докладе М. Спатаро (Великобритания) «Культурные и технологические изменения керамики при переходе от раннего к среднему неолиту в Юго-Восточной Европе» обобщены обширные данные о стилистике и технологии керамики Восточной Адриатики и Центральных Балкан. Проведенные автором минералого-петрографические и геохимические анализы подтвердили, что вид использовавшихся примесей не зависел от функционального назначения сосудов, а определялся длительно бытовавшей технологической традицией, которая отражала культурные особенности и границы существовавших здесь групп населения. Доклад Т.Н. Хорошун (Петрозаводск) «Об изготовлении глиняной посуды в позднем неолите – раннем энеолите на территории Карелии» был посвящен определению химического и минерального состава сырья, из которого изготовлена гребенчато- и ромбо-ямочная керамика. Автор использовал полный силикатный и спектральный, петрографический и рентгенофазовый анализы, электронно-зондовую микроскопию. Общие морфо-, технико-орнаментальные признаки позволили сделать вывод о происхождении обоих типов от неолитической ямочно-гребенчатой керамики.

Доклад Н.Ф. Степановой (Барнаул) «Роль керамики в изучении афанасьевской культуры» был посвящен дискуссионной проблеме происхождения этой культуры и ее последующего развития. Результаты анализа сырья и формовочных масс керамики говорят о сложении некоторых навыков изготовления глиняной посуды не в горной местности и могут свидетельствовать о пришлом характере этого населения. Сравнительное изучение орнаментальных традиций по материалам афанасьевских памятников Горного Алтая и Енисея позволяет предположить, что эти объекты функционировали в один хронологический период, измеряемый несколькими столетиями. В докладе В.В. Илюшиной (Тюмень) «Особенности гончарного производства у населения коптяковской культуры Нижнего Притоболья» с позиций историко-культурного подхода дана всесторонняя характеристика технологических и орнаментальных керамических традиций, свидетельствующая о том, что гончарное производство коптяковской культуры Нижнего Притоболья формировалось без непосредственного участия уральских групп населения. Выступление В.И. Мухаметдинова (Уфа) «Гончарные традиции населения Южного Урала в эпоху поздней бронзы (к вопросу о срубно-алакульских контактах)» было посвящено детальному анализу приспособительных технологических и орнаментальных традиций в изготовлении гли-

няной посуды. Автором показано, что если на раннем этапе еще сложно судить о контактах рассматриваемых групп населения, то на позднем они фиксируются по смешанным рецептам «шамот + раковина» в Предуралье и «шамот + тальк» в Зауралье, а также по близким орнаментальным традициям.

В.Е. Маслова (Москва) в докладе «Керамика Центрального Предкавказья в раннескифское время» попыталась выяснить причины формирования нового керамического комплекса чернолощеной столовой и тарной посуды с подчеркнутой геометризацией формы. Унификация форм сосудов на значительной территории основного ареала памятников скифского типа показывает, что новые образцы посуды стали знакомыми атрибутами, которые встречены и в погребениях скифской военной знати. Автор предполагает взаимосвязь между появлением аморфного раннегосударственного образования и быстрым формированием нового набора вещей, отразивших распространение скифской «аристократической» моды. Л.А. Краева (Оренбург) в обобщающем докладе «Сарматская керамика как исторический источник» раскрыла роль керамики в реконструкции историко-культурных процессов, происходивших в Южном Приуралье в VI–I вв. до н.э. Она отметила разнообразие керамических традиций ранних кочевников, обосновала преемственность гончарного производства «савроматов» (VI–V вв. до н.э.) и ранних сарматов (IV–I вв. до н.э.). Автор пришла к выводу о том, что в культуругенезе ранних кочевников Южного Приуралья принимало участие несколько групп населения из разных регионов, в т.ч. из Зауралья и Средней Азии.

Большой интерес вызвал доклад С.А. Беляевой (Украина) «Роль керамики в изучении взаимодействия украинской и турецкой культур XV–XVIII вв.». Было показано, что турецкое и украинское гончарство имели разные генетические основы, и каждое прошло свой путь эволюции типологических и декоративных признаков. Вместе с тем отмечаются общие черты: использование развитого ножного круга, особое внимание к качеству сырья, значительная доля столовой посуды и ее ассортимент, широкое производство поливной керамики и т.п. Выявлены несколько путей распространения престижной османской керамики на территории Украины, формы и особенности межкультурных контактов, взаимосвязь восточных и западно-европейских художественных традиций в развитии украинской культуры в XV–XVIII вв. Доклад О.Л. Шаргановой (Москва) «Гончарный круг в Смоленском Поднепровье в эпоху раннего средневековья» был посвящен, с одной стороны, выявлению (по методике А.А. Бобринского) конструкций гончарных кругов по следам на днищах глиняных сосудов, а с другой – выяснению связи между конструкцией круга и формой сосудов,

которые на нем изготавливались. В результате установлено, что местные гончары использовали различные гончарные круги (грибовидный, с подвижной и неподвижной осью, ножной со спицами), при этом устойчивая связь между конструкцией круга и формой сосудов не зафиксирована. В докладе М.А. Ключникова (Москва) «Редкий случай гончарной технологии» описан очень интересный факт изготовления четырех глиняных сосудов, обнаруженных при раскопках Гнездовского поселения, из разных по степени ожелезненности и составу формовочной массы конструктивных элементов (жгутов), которые последовательно чередовались друг с другом при наращивании стенок. Такие случаи встречаются крайне редко и пока трудно дать им обоснованное объяснение. Выступление И.М. Поташевой (Петрозаводск) «Гончарство древних карел в эпоху средневековья: лепная и круговая посуда населения северо-западного Приладожья» было посвящено типологии лепной и круговой керамики и ее синхронизации с типохронологическими колонками центров Древней Руси (Новгород, Псков и Старая Ладога). Анализ форм сосудов способствовал выявлению традиций и инноваций в местном гончарстве, а также определению внутренних и внешних факторов, повлиявших на динамику инновационных процессов. В докладе Л.В. Чмиль (Украина) «Опыт применения статистических методов в изучении керамики Среднего Поднепровья XVI–XVIII вв.» были представлены результаты статистического анализа керамики, позволившие выявить признаки, которые расценены автором как хронологически наиболее информативные. На основе корреляции этих данных с нумизматическим материалом и другими датирующими источниками получена абсолютная хронология комплексов керамики, типов горшков и тарелок, а также других разновидностей керамической посуды.

Таким образом, на заседаниях симпозиума наглядно проявилась тесная связь теоретико-методических и прикладных исследований древней керамики как одного из важнейших исторических источников, позволяющих получить информацию по широкому кругу вопросов как древней, так и недавней истории человеческого общества.

В ходе симпозиума его участникам был показан документальный фильм о работе двух гончаров: Виталия Ивановича Середы (хут. Середа, Минская обл., Белорусская ССР) и Адольфа Габриэловича Койры (д. Лоси, Швенчёнский р-н, Литовская ССР), снятый в 1969 г. сотрудниками комплексного отряда по изучению гончарства под руководством А.А. Бобринского.

На заключительном заседании выступили акад. В.И. Молодин, д-ра ист. наук В.Е. Медведев (Россия) и С.А. Беляева (Украина), заместитель председателя оргкомитета д-р ист. наук Ю.Б. Цетлин. Все

выступавшие отмечали исключительно высокий научный уровень представленных докладов, четкую и слаженную работу организационного комитета и симпозиума в целом, плодотворное и доброжелательное обсуждение докладов. По общему мнению, проведенный Международный симпозиум вызвал большой интерес специалистов и окажет значительное влияние на углубление, пропаганду и дальнейшее развитие исследований древней керамики как важнейшего источника исторической информации о прошлом человеческого общества, а также будет способствовать расширению творческих контактов между российскими и зарубежными учеными.

1 ноября 2013 г. для участников симпозиума была проведена экскурсия в музей-усадьбу Коломенское, после которой они посетили лабораторию «История керамики» Института археологии РАН, где познакоми-

лись с основными направлениями ее работы, а также с обширными экспериментальными, этнографическими и эталонными археологическими коллекциями.

Представленные на симпозиум материалы были опубликованы к началу заседаний в специальном сборнике: *Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: тез. докл. Междунар. симп. (29–31 октября 2013 г.) / отв. ред. Ю.Б. Цетлин. – М.: ИА РАН, 2013. – 84 с.*

Ю.Б. Цетлин

Институт археологии РАН

ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия

E-mail: yu.tsetlin@mail.ru

Материал поступил в редколлегию 20.11.13 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БНЦ СО РАН – Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВДИ – Вестник древней истории
ГАИО – Государственный архив Иркутской области
ГАНИИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ГИМ – Государственный Исторический музей
ИА РАН – Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИИиА УрО РАН – Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАРБ – Научный архив Республики Бурятии
НГУ – Новосибирский государственный университет
НТМЗ – Нижнетагильский музей-заповедник
РА – Российская археология
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства
СОКМ – Свердловский областной краеведческий музей
СРОО ИЭКА – Самарская региональная общественная организация «Историко-эко-культурная ассоциация»
ТИЭ – Труды Института этнографии АН СССР
ТСА РАНИОН – Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЯНАО – Ямало-Ненецкий автономный округ
BAR – British archaeological reports
CDERAD – Centre de documentation et de recherches archéologiques départemental
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège

- Баранова С.И.** – кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник Московского государственного объединенного музея-заповедника, пр. Андропова, 39, Москва, 115487, Россия. E-mail: svetlanbaranova@yandex.ru
- Болонев Ф.Ф.** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: Bolonev@rambler.ru
- Бьяджи П.** – профессор отдела по изучению Азии и Северной Африки Университета Ка' Фоскари, Венеция, Италия. Department of Asian and North African Studies, Ca' Foscari University, Ca' Cappello, San Polo 2035, I-30125 Venezia, Italy. E-mail: pavelius@unive.it
- Волков П.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: volkov100@yandex.ru
- Выборнов А.А.** – доктор исторических наук, профессор Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, ул. Максима Горького, 65/67, Самара, 443099, Россия. E-mail: vibornov_kin@mail.ru
- Епимахов А.В.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: eav@susu.ac.ru
- Зоткина Л.В.** – младший научный сотрудник Новосибирского государственного университета, ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: lidiazotkina@gmail.com
- Зубова А.В.** – кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: zubova_al@mail.ru
- Казарницкий А.А.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия. E-mail: kazarnitski@mail.ru
- Кореневский С.Н.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: skogenevskiy@yandex.ru
- Кривошапкин А.Л.** – доктор медицинских наук, член-корреспондент РАМН, руководитель Центра ангионеврологии и нейрохирургии Научно-исследовательского института патологии кровообращения им. акад. Е.Н. Мешалкина МЗ РФ, ул. Речкуновская, 15, Новосибирск, 630055, Россия. E-mail: alkr@yandex.ru
- Курбагов В.П.** – кандидат медицинских наук, заведующий отделением томографии Научно-исследовательского института патологии кровообращения им. акад. Е.Н. Мешалкина МЗ РФ, ул. Речкуновская, 15, Новосибирск, 630055, Россия. E-mail: vk73@mail.ru
- Молодин В.И.** – академик, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru
- Мосин В.С.** – доктор исторических наук, директор Южно-Уральского филиала Института истории и археологии УрО РАН, пр. Ленина, 76, Челябинск, 454080, Россия. E-mail: mvs54@mail.ru
- Плиссон Х.** – доктор наук, исследователь Национального центра первобытной истории, Франция. Centre National de la Préhistoire, rue du 26e Régiment d'Infanterie, 38, Périgueux 24000, France. E-mail: hugues.plisson@u-bordeaux1.fr
- Роллан Н.** – профессор, Канадское общество по изучению доисторической антропологии. Prehistoric Anthropology Research Canada, 192 Bushby St., Victoria, B.C., Canada V8S 1B. E-mail: prehistory@shaw.ca
- Старнини Э.** – директор Национального музея предистории «Бальци Росси», Италия. National Prehistoric Museum of Balzi Rossi, Archaeological Superintendency of Liguria, Via Balbi 10, I-16126 Genova, Italy. E-mail: elisabetta.starnini@beniculturali.it
- Техтерекв А.С.** – аспирант Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, ул. Лебедевой, 89, Красноярск, 660049, Россия. E-mail: djungar@inbox.ru

- Титов А.Г.** – кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник Института геологии и минералогии СО РАН, пр. Академика Коптюга, 3, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: titov@igm.nsc.ru
- Трынкина Д.А.** – аспирант кафедры этнологии исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Ломоносовский пр., 27, корп. 4, Москва, 119992, Россия. E-mail: uwwalo@mail.ru
- Федорова Н.В.** – кандидат исторических наук, заведующая сектором археологии Государственного казенного учреждения ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», ул. Республики, 73, Салехард, 629008, Россия. E-mail: mvk-fedorova@mail.ru
- Федотова Е.Д.** – консультант по исторической архитектуре Совместного предприятия межгосударственной корпорации «СпецТехСтрой», ул. Смолина, 81, Улан-Удэ, 670000, Россия. E-mail: evgenia-fedotova@yandex.ru
- Харевич В.М.** – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: kharevich@ngs.ru
- Худяков Ю.С.** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: khudjakov@mail.ru
- Цетлин Ю.Б.** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН, ул. Дмитрия Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия. E-mail: yu.tsetlin@mail.ru
- Чаиркина Н.М.** – кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и археологии УрО РАН, ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990, Россия. E-mail: chair_n@mail.ru
- Чикишева Т.А.** – доктор исторических наук, заведующая сектором антропологии Института археологии и этнографии СО РАН, пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. E-mail: chikisheva@ngs.ru